На обложке:

Профессор Е. Д. Поливанов
Рисунок художника А. Фомина, выполненный по любительской фотографии 1936 года (газета «Ленинский путь», Самарканд, 1964, 19 сентября. С. 3)

Здание Киргизского НИИ культурного строительства (1930-е гг.)
Фотография из фонда Кыргызского государственного исторического музея предоставлена известным бишкекским краеведом В. Г. Петровым

Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов (к 130-летию Е. Д. Поливанова)

Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов

10–11 июня 2021 г.

Материалы
Международной научной конференции,
посвящённой 130-летию
Евгения Дмитриевича Поливанова

**Кыргызский
национальный
университет
им. Жусупа Баласагына**

**Факультет русской
и славянской
филологии**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 130-летию Евгения Дмитриевича Поливанова

«Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов»
10 – 11июня 2021 г.

Бишкек 2021

УДК 80/81
ББК 81
С 25

Редакционная коллегия:
Сардарбек кызы Н., кандидат филологических наук, доцент;
ответственный за выпуск
Андронов А.В., кандидат филологических наук, доцент
Дюшебекова Б.Т., кандидат филологических наук, доцент
Коротенко Г.Н., кандидат филологических наук, доцент
Чепекова Г.С., кандидат педагогических наук, доцент

Ответственные за выпуск:
Оргкомитет конференции

С 25 «Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов». – Б.:, 2021. – 304 с.

ISBN 978-9967-32-423-7

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научногй конференции «***Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов***», посвященной 130-летию гениального русского-тюрколога Евгения Дмитриевича Поливанова. Исследователи в статьях отмечают актуальность и всеобщую значимость научной деятельности выдающегося лингвиста-полиглота. Сборник предназначен для широкого круга читетелей.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-9967-32-423-7

В.И. Шаповалов,
д-р филол. наук, профессор,
народный поэт КР

ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО И СОЗИДАНИЕ МОЛОДОЙ КУЛЬТУРЫ

Предполагая этот римейк моих давних изысканий для юбилейной поливановской конференции факультета русской и славянской филологии КНУ, я не мог не подумать о том, что именно Национальный университет имеет неоспоримое право первенствовать в воскрешении памяти о Евгении Дмитриевиче Поливанове и его младшем друге и alteregо – Касыме Тыныстанове.

Именно в КНУ были сосредоточены судьбы современников и последователей Поливанова на стезе изучения эпоса «Манас»; кажется, и сейчас эти люди в коридорах и аудиториях старого университетского здания смотрят сквозь нас – как мы сами уже начинаем смотреть вдаль сквозь приветливо-равнодушные судьбы наших потомков…

Юбилей значительной личности в отечественной истории – это юбилей самой этой истории. И наоборот: значительная историческая веха всегда должна осознавать себя как принадлежная жизненным вехам строителей этой самой истории. Таким образом, не только человек есть часть Времени, но и Время есть часть всякой человеческой жизни. Особенно бесспорным это выглядит, когда речь идет о судьбе Евгения Дмитриевича Поливанова – ученого и просветителя в мире, где просвещение было (и остаётся) важнейшим фактором выживания нации.

В истории кыргызской литературы, и гораздо шире – в истории культурного строительства в Киргизской ССР первой половины XX столетия, в процессе создания интеллектуального менталитета – таких фигур, мало представимых в иные эпохи, было несколько. С другой стороны, их наличие объяснимо не только энергией принимающей культуры, но и донорским потенциалом культуры транслирующей: толерантность русской культуры к Востоку, сделавшая историю Империи по крайней мере лишенной многих черных страниц, свойственных колониальной истории Европы, вызывают ощущение некоего феномена *непризнанного гуманизма*. Во всяком случае, «плодотворное взаимодействие русской ориентальной поэзии с современной литературой восточных... наций» (*Л. Черкасский*) – процесс совершенно

реальный и необыкновенно значительный. У истоков этого взаимодействия в послереволюционные годы и деятельность Е.Д. Поливанова.

Значение того, что во всех перипетиях становления *новописьменной* культуры киргизов принимал участие разносторонний и гениально одаренный филолог, не следует ни недооценивать, ни переоценивать. Весьма интересно, как на фоне идеологизированной действительности Поливанов демонстрировал сложившееся в прогрессивной интеллектуальной среде России отношение к молодым культурам; та часть его многообразного наследия, которая связана с исследованием и творческими интерпретациями эпоса «Манас», имеет особое значение, ибо выходит за рамки историко-культурной проблемы и смыкается с проблематикой уже нравственного порядка, неизбежно связываясь с судьбой этого выдающегося ученого, с жертвенным вкладом его личности и дарования в становление молодой науки и литературы Киргизии, где и оборвалась – точнее, была грубо оборвана – и без того непрочная нить его жизни.

Эпос «Манас» интересовал Поливанова как уникальный памятник кочевой цивилизации – реликтовая целостность, парадоксально неотделимая от становления в 20-30-е годы новой национальной культуры, вопреки распространяющейся тенденции ревизовать старые ценности. С другой стороны, тюркский стих стал материалом, на котором, с позиций выдвинутой им концепции повтора фонетических сущностей, Поливанов обосновал (наряду с исследованиями *Р.О. Якобсона*) аксиоматический подход к типологии национальных стиховых систем. И, наконец, как переводчик и «переводовед» он синтезирует свой опыт в русле нового культурообмена, важность которого прозревает еще в дореволюционные годы: эта сторона его деятельности, несомненно, составила новую ступень истории русской переводной художественной культуры и в наших заметках является основным объектом наблюдения.

Переводы Поливанова из «Манаса» датируются 1934-1936 годами (*В.Г. Ларцев*); первая, по-видимому, публикация состоялась в 1935 г. – в газете «Советская Киргизия» был опубликован отрывок из эпизода «Наказ Алмамбета Манасу», позже в расширенном виде появившийся во втором номере журнала «Литературный Узбекистан». Это позволяет предположить, что предшествующая работа по культурно-языковому строительству, связанная с проблематикой Средней Азии (с 1921 г. Наркомпросе Туркестанской АССР и Туркестанском восточном институте), а затем участие в многочисленных экспедициях этнолингвистического характера, сформировали устойчивый интерес у ученого к перспективам изучения и перевода киргизского эпоса. Это в известной степени подтверждается и датировкой архивных материалов, указываемых в книге Ларцева «*Е.Д. Поливанов. Страницы жизни и творчества*», по данным которой в распоряжении Архива НАН КР имелись несколько образцов переводов из «Манаса», выполненных Поливановым. Интересно, что объем фрагментов эпоса весьма представителен: отрывок «*Великий поход. Богатырь Манас идет на Пекин великий*» насчитывает 430 строк (частичные его публикации невелики); «*Заговор семи ханов против Манаса*»; фрагмент «*Манас». «Великий поход*», *Сагымбая Орозбакова*,

содержит 3105 строк, фрагмент «Проезд послов от шести ханов к Манасу» содержит 60 страниц. В принципе, Поливановым сделана большая работа, позволяющая квалифицировать его опыты как первую в истории поэтического перевода «Манаса» попытку, от которой дальнейшие его переводчики не могли не отталкиваться. Переводы *Л. Пеньковского, С. Липкина и М. Тарловского* представляют собой, бесспорно, такую (заметим: плодотворную) полемику с поливановским опытом.

Переводы Поливанова позволительно рассматривать в ретроспекции его интересов: если его статья «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» относится к 1930-му году (*А. Леонтьев*), а тезисы «О принципах русского перевода эпоса «Манас» – к 1936-му, уже как бы результируя переводческую работу, то можно высказать догадку об эмпирическом опыте практики, объединяющем теоретические выводы стиховедческой статьи и переводоведческие наблюдения. Здесь не существенно, насколько в Поливанове совпали (точнее – рознились) переводовед и переводчик. Его переводческая практика шире его же переводоведческих постулатов (во всяком случае, в сфере собственно художественного перевода), и это столь же характерно, сколь и нетипично. Характерно – потому, что естественной нормативности теории практика противопоставляет неизбежные «нарушения» канона. Нетипично – ибо теоретик здесь безусловно глубже и талантливее переводчика, и часто, если вспомнить о «брюсовском буквализме», именно теоретик в этих случаях побеждает.

Всякая попытка истолкования той или иной значительной концепции неизбежно страдает фрагментарностью пересказа и субъективностью «пересказчика». Пытаясь анализировать высказывания выдающегося ученого, заранее следует примириться с тем, что эта их интерпретация условна: таковы законы жанра, но дополнительно об этом заставляет вспомнить и то обстоятельство, что мысли Поливанова о переводе не нашли завершения в обобщающем труде. Однако «*Тезисы*» – выдающийся документ, демонстрирующий подлинную и поучительную свободу мысли и творческую логику их автора.

Одна из важнейших проблем, возникающая перед исследователем и прослеживаемая в «Тезисах» – проблема типологии перевода, связанная с осознанием «неизбежности конфликта между оригиналом и переводом в виде конфликта двух логик, амбивалентности означаемого и идентичности знака» (*П. Тороп),* конфликта, как представляется, ощущаемого переводчиком в качестве исходного в творческом акте. Прежде всего это отчетливое разделение задач «*подстрочного переводчика»* и *«поэтического обработчика»*. Небезынтересно, что не только функции подстрочникиста и «обработчика» разграничиваются Поливановым (он допускает случай, когда «*переводчик*» и «*обработчик»* – одно и то же лицо), но пальма первенства в смысле важности работы отдана подстрочному переводу.

Разница в отношении целеположений подстрочника и художественной его трансформации для Поливанова реализуется и в том, что рекомендации к переводу «Манаса» в адрес «художника» – *цепь уступок* (необязательность

передачи аллитерационного строя, равно как и «эквиритмичности» и «эквилинеарности» и т. д.), в то время как рекомендации в адрес «подстрочного переводчика» – *система неукоснительных условий.* Говоря о том, что «требования, которые должны быть предъявляемы к подстрочнику (предварительному) и художественно-стихотворному переводам, совершенно различны», Поливанов однозначно уточняет: «Считая, что в итоге поэтическому выбору обработчика могут быть представлены права на известные, сознательно делаемые отклонения и амплификации, *мы, составители подстрочных переводов, должны избавить обработчика от отступлений несознательных, – вина которых падает именно на дефективный подстрочный перевод*». Уже в этом исходном разделении функций двух типов переводческой деятельности, в особом тщании, с которым далее прорабатывается комплекс требований к подстрочно-комментирующему переводу, угадываются внутренние мотивировки этого «*мы*»: автор причисляет себя преимущественно к подстрочникистам, опыты же свои в сфере поэтического перевода приводит (в качестве примеров как комментирующих, так и самокритично отрицательных) как бы обезличенно. Нельзя не заметить, что императивность, требовательность, скрупулезность Поливанова в рекомендациях подстрочному переводу контрастируют с его сдержанностью, известной деликатностью, когда речь идет о последующем поэтическом переложении. Вероятно, это сдержанность, определяемая пониманием специфики поэтического перевода, в то время как в требованиях к подстрочно-комментирующей работе доминирует объективность исследователя, беспощадного к промахам практики (в том числе и собственной: «Перевод Поливанова трудно сравнить с другими ...» – говорит он о себе в третьем лице, и отстраненность эта не случайна) и, одновременно, представляющего себе всю сложность воплощения практикой теоретических рекомендаций и противопоказаний.

Можно предположить, что, дифференцируя специфику подстрочника и поэтического перевода, Поливанов выстраивает нечто вроде дихотомии эквивалентности и адекватности. Так, *А.Д. Швейцер* отмечает, что «если эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста оригинала, адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта». То есть «эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному», в то время как «адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям». Особенно эти параллели кажутся допустимыми, когда встречается формула Поливанова: «Встающая перед поэтическим переводчиком задача – дать адекватное оригиналу эстетическое воздействие на читателя – оказывается необычайно трудной». И требование Поливанова «дать исчерпывающе ясное представление о смысловом содержании подлинника»близко формуле «соответствия» по Швейцеру.

Стиховедческие взгляды Поливанова были предметом изучения, и глубокая оригинальность его концепции получила в русле сравнительного

стиховедения внимательную оценку; аспекты же переводческой поэтики остались как бы заслоненными другими сферами его деятельности (см. об этом у *А. Леонтьева, Н. Альтмана, Е. Озмителя, В. Шаповалова, М. Рудова*). Однако между ними есть отчетливая связь, обозначающая позицию, в которой исследователь не склонен видеть в своих теоретических положениях догму, когда речь идет о диалектике творческой практики перевода. «Необычайная трудность» задачи поэтического воплощения киргизского эпоса, подчеркиваемая Поливановым (и, как кажется, еще и потому, что его собственная переводческая практика убедила исследователя в колоссальной сложности решения этой задачи), состоит, по его мнению, в «весьма крупных различиях между поэтической техникой киргизского текста и привычными для русского читателя формальнопоэтическими приемами». Исследователь указывает на истоки этих различий: одно из них – силлабика и, одновременно, частое нарушение изосиллабизма («спорадически встречающиеся» короткие стихоряды).

По нашим наблюдениям в эпосе встречаются и стихи значительно большие – от 9 до 14 слогов. Но, во-первых, это никак не является «сменой мер повтора» (*А.Л. Жовтис*) и позволяет квалифицировать стих эпоса как *гомоморфный* (по его же терминологии); с другой стороны – это естественное следствие рецитационной природы стиха. Отпечаток его исполнения на формировании его структуры, изустность которой определила – не менее, чем язык – систему стиха. Кроме того, согласно Поливанову, это и «внешняя аллитерация», канонизированная не менее, чем рифма, и характер «*тавтоморфемной рифмы*» (по *В.М. Жирмунскому*, «*фономорфологической*»), отмечая которую Поливанов уже вплотную подошел к формулировке функциональной модели тюркского эпического стиха, которой ему, однако создать не привелось; она была обозначена В.М. Жирмунским и позже уточнена и развита *И.В. Стеблевой*.

Во всяком случае, Поливанов отчетливо дифференцирует систему стихотворной поэтики эпоса на элементы, которые следует сохранять в русской трансляции, и элементы, которые сохранить попросту невозможно.

Из этих последних он называет «внешнюю аллитерацию», предлагая «вывод о безусловной необязательности соблюдения аллитераций в русском тексте». Мотивирует он это убеждение «акцентуационными различиями», «непривычкой русского читателя к данному приему» и «колоссальными» трудностями, которые в этом случае встают перед переводчиком. Как лингвист Поливанов в данном случае безусловно прав, если считать «внешней аллитерацией» распространенное применение одного и того же звука в началах стихов эпоса и не обращать внимания на весь комплекс повторов; как переводчик же он мог бы поставить задачу проявить аллитерацию как факультативный повтор, связанный с синтаксической анафорой – это не составляет непреодолимой задачи, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из текстов эпоса. Один из них: «*На равнины ее посмотри! / На стремнины ее посмотри! / На деревья ее посмотри! / На кочевья ее посмотри! / На зимовья ее посмотри! / На становья ее посмотри!*» (пер. С.Липкина).

Конечно, здесь приведен случай «крайний» – таких мест немного; но тем более важно, что переводчик как бы включает резервы факультативного порядка, нагнетая ритмические характеристики стихового ряда там, где идет градация ряда образного – это одно из взволнованных, патетических мест главы из «Семетея». «Внешняя» аллитерированность выступает здесь как воплощение синтаксического параллелизма подлинника, как выражение той переводческой концепции, которую Поливанову, первооткрывателю, по вполне понятным причинам трудно было предугадать. Однако обращения переводчиков к начальной аллитерации, продиктованные, как представляется, пафосом вновь открывающихся возможностей и процессом познания иноязычных поэтических перспектив, нередки, хотя «колоссальный труд» переводчика преодолевает сопротивление языка и стиховой традиции: здесь Поливанов бесспорно убедителен. Пример из перевода *С. Сомовой* эпоса «Эр-Тоштюк» не единственный, но он цитируется чаще всего как пример следования переводчика звуковой инструментовке подлинника: «***Кр**ут **кр**емнистых гор перевал, / **К**амень **кр**асный на нем лежал,/ **Кр**асно-**к**аменный склон его / **Кр**епкий Эр Тоштюк миновал. / **К**ак спустился, у самых гор / **Кр**утоволный кипит поток. / **К**инулся в поток Эр Тоштюк, / **К**ипящий поток пересек*». Однако и данный отрывок со всей очевидностью показывает, что «внешняя аллитерация» в русском ритмомелодическом и звуковом восприятии как таковая не существует: немедленно возникает не требуемая оригиналом, но традиционная для русской поэтической стилистики цепь *извне – внутрь стиха*: *крут – кремнистых, камень – красный, красно-каменный, крутоволный кипит поток*и т.д. Налицо естественный для перевода эффект компенсации, *переинтерпретация иноязычной поэтики*.

Второй же момент, оговариваемый Поливановым, – то, что необязательно «соблюдение принципа «эквилинеарности» (тождества числа стихов по сравнению с оригиналом)», – не прошел проверки временем и практикой: сегодня это одно из настолько обязательных требований в нормативистике перевода, что о нем не принято и упоминать специально.

Третий аспект, касающийся «эквиритмичности», понимаемой Поливановым как «тождество размера и числа слогов», также вызывает некоторые расхождения мнений. Не говоря уже о том, что понятие *эквиритмичности* сегодня изменилось, отнюдь не уточнившись в господствующем значении, а имитация размера использует иные резервы (*эквиметрия*), нельзя не обратить внимание на целые области теории стихотворного перевода, посвященные проблемам функциональной эквивалентности. Комментируя свой перевод из «Великого похода», Поливанов в качестве «значительных отступлений от подлинника» отмечает «отсутствие эквиритмичности» и констатирует лишь «приближения к ней», когда «в соответствии 8-сложному киргизскому стиху переводчик дает 8-9-сложный ямб; когда же размер киргизского стиха резко сокращается (вплоть до 4 слогов), переводчик тоже переходит к краткому стиху (двустопному ямбу) из 4 слогов».В другом случае, в примечаниях к «Наказу Алмамбета Манасу», он указывает, что «там, где в киргизском тексте восьмисложный стих чередуется с

семисложным, ямб сменяется амфибрахием» и акцентирует внимание на важном с сегодняшней точки зрения прочтении проблемы киргизской рифмы: «Допускаемые мною суффиксальные (гомоморфемные) рифмы – вроде «моих – твоих» и т.д., поскольку они нуждаются в защите или в оговорке, могут быть отнесены за счет подражания киргизской рифме». Сказано это в 1935 году и может, видимо, считаться одним из первых конкретных стиховедческих подступов к тому, что позже развернуто в «Тезисах» (насколько вообще можно изложить концепцию в жанре «тезисов») как все же целостная программа.

Примеры, которые приводит Поливанов из своих переводов, фрагментарны и не всегда достаточно убедительны; чаще – наоборот. Есть основания думать, что примечаний к «Наказу», да и текстов других переводов у него, возможно, не было под рукой в момент написания «Тезисов» – на это наталкивает несовпадение в строке «Со всех сторон *людская масса*...» (в «Тезисах» – «*народа масса*»), отсутствие в «Тезисах» рассуждений о смене ямба амфибрахием, о «подражательности» рифмы у переводчика. Кстати, в переводе «начала главы» «Заговор семи ханов против Манаса» в общеямбическом (Я4) строе есть резкий метрический перебой, «переключение», но не только на амфибрахий, а и на трехиктный дольник, напоминающий (если говорить об ассоциациях «опоязовских») переводы *Ю.Н. Тынянова* из Гейне и перемежающийся (вариациями по анакрусе) с трехстопными дактилем и амфибрахием:

И сам седовласый герой	Амф3
Хан Катагана - Кошой,	Да3
Вместе с Манасом свершавший	Да3
Столько походов и битв,	Да3
Идет теперь к ханам восставшим	Амф3 (?)
И гордо им говорит:	Дольн.112
Слушайте вы, ребята,	Дольн.211
Мы связаны общим родством,	Амф3
Во мне вы видите брата:	Дольн.112
Был Тюрк нашим общим отцом…	Амф3

Оставляя в стороне то, что следует оставить в стороне, – вопросы поэтического стиля, художественности, профессионализма переводчика, необходимо отметить, что **в комплексе осознаваемых закономерностей поэтики Поливанов вплотную приблизился к функциональной разгадке воплощения поэтической формы киргизского эпоса:** дольниковые конструкции воплощения силлабо-логаэдического строя, внимание к стабильной мужской клаузуле, тавтологичность рифменных конструкций. Не хватает лишь нескольких черт и объединения их в творческой системе. В известной степени эту **незавершенность концепции переводчика объясняет завершенная концепция ученого.**

Не затрагивая аспектов выбора эквивалента, сошлемся на упоминаемые *Вяч.Вс. Ивановым* примеры «ритмической*переинтерпретации* подлинника»,

когда «поэт-переводчик улавливает в подлиннике ритмическую схему, свойственную *языку переводчика, но не языку подлинника*». В этом отношении намерение Поливанова, подкрепленное практикой, утвердить принцип приблизительности, исходя из возможностей корреспондирования двух просодических систем, достаточно противоречиво. Отрицая «эквиритмичность», он пытается ее ввести; вводя – хоть и с оговорками – некое ритмическое подобие, он противоречит многим установкам своей концепции повтора фонетических сущностей, ибо «при нахождении ритмического эквивалента размеру подлинника, – утверждает В.В. Иванов (сам глубокий знаток и интерпретатор поливановского наследия), – ... важно находить такие соответствия, которые основывались бы не на кажущемся звуковом подобии, а на сходстве устоявшихся употреблений того или иного размера в двух метрических системах». Добавим: и в литературных традициях.

Мысль эта высказана также не вчера – в середине 60-х годов; впоследствии проблемы связи художественной национальной традиции и стиховых аспектов перевода рассматриваются как принадлежащие культурно-историческому контексту.

В целом же, движимый идеей, что перевод «Манаса» «предпринимается не в качестве научной филологической работы для узкого круга специалистов-тюркологов, а как художественно-литературный поэтический перевод, предназначенный для широкого круга читателей СССР», исходя из того, что кыргызский литературный язык только лишь начал долгий путь своего формирования, что отсутствуют словари, что запись эпоса еще не прошла стадии ее научного осмысления и анализа, Поливанов сосредоточивает усилия на системном освещении задач, которые стоят перед переводом служебным, первоначальным подстрочником, и его функции представляет многообразно и целостно.

Значение всего переводческого наследия Поливанова, включая и теоретические разработки, и переводы, ощущается именно как взаимно обогатившие друг друга отношения масштабной творческой личности и молодой, только еще формировавшейся многонациональной культурной среды. Культуртрегерство, побуждение к духовному росту национальных молодых сил – лишь одна из сторон деятельности Поливанова, но в ее контексте – своеобразие целой эпохи восприятия национальных литератур Востока и их воссоздания на русском языке

УДК: 81(092)+930.25

Андронов А.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
Andronov A.V.
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
baltistica@gmail.com

Нерешённые проблемы поливановедения: архивы
Some unsolved problems of the Polivanov studies: archives

Аннотация. *В статье представлены сведения о современном состоянии изучения личных архивов известных поливановедов: В.Г. Ларцева, А.А. Леонтьева, Л.Р. Концевича, С.И. Зинина и др., характеризуются имеющиеся в них ценные материалы, обсуждаются проблемы архивного поиска.*

Abstract. *The article reviews the present-day situation in connection with the studies of personal archives of renowned Polivanov biographers, e.g. Alexej Leontiev, Lev Kontsevich, Vasilij Lartsev, Sergej Zinin, etc., as well as the description of valuable materials in the archives and problems of archival research generally.*

Ключевые слова: *Е.Д. Поливанов; научное наследие; архивные материалы; история языкознания.*

Keywords: *Evgenij Polivanov; legacy; archives; history of linguistics*

Мне кажется, в каждой букве —
Укор человечных глаз,
Я вижу дрожащие руки
И твёрдую логику фраз.
Я знаю, книги покупают,
В день рожденья дарят, выдают...
Бывает — человека убивают
И строками на рынке продают...
Владимир Мишкин[1]

Поливановедение, начало которому было положено известной статьёй Вяч.Вс. Иванова [1], занимается наследием выдающегося лингвиста первой

[1] Стихотворение студента I курса факультета русской филологии Самаркандского госуниверситета о поливановской конференции 1964 года — см. газету «Самарканд университети», 1964, 16 сентября. (В оригинальной публикации, по-видимому, по ошибке переставлены слова с разрушением рифмы: «убивают человека».)

половины XX века Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938). Естественно, что подготовительным этапом для анализа научных идей Поливанова является изучение его «жизни и деятельности», предполагающее сбор фактических данных — биографической информации, связанной с профессией (занимаемых должностях, планах работы, отчётах, экспедициях, командировках и т. п.), и сведений о научных трудах — опубликованных, доступных в рукописи, не сохранившихся. Координационным центром поливановедения несколько десятилетий была редколлегия «Избранных работ» Поливанова, включавшая замечательных учёных: к входившим в редакцию первого тома [2] Ф.Д. Ашнину, В.П. Григорьеву, Вяч.Вс. Иванову, А.А. Леонтьеву и А.А. Реформатскому при подготовке второго тома [3] присоединились И.Ф. Вардуль, Л.Р. Концевич, В.М. Алпатов. С редколлегией тесно сотрудничали многие лингвисты Москвы и Ленинграда, других городов России, филологи Узбекистана (Л.И. Ройзензон, А.Д. Хаютин, В.Г. Ларцев, С.И. Зинин и др.), несколько позже в поливановедение включились учёные Киргизии (М.А. Рудов, В.М. Плоских и др.). Имя Поливанова объединяло многих исследователей не только в СССР, но на всём евразийском пространстве, многообразие языков которого он изучал. Благодаря огромной кропотливой работе старшего поколения поливановедов были не только переизданы и по рукописям опубликованы многие тексты Поливанова, но и составлена имеющая лишь редкие лакуны библиография его печатных трудов [4][2] и подробный реестр выявленных архивных материалов [7], а также список упоминаемых, но ненайденных работ учёного [8]. Именно эти «инвентари» научного наследия Поливанова являются образцами качества — необходимой опорой и ориентиром в современном поливановедении, масштабы которого, к сожалению, не сопоставимы с 1960–1990-ми годами.

Актуальность двух условно выделенных аспектов поливановедения (сбор данных и интерпретация идей)[3] определяется разными факторами: поиск, проверка и аккуратный учёт сведений о Поливанове и его трудах является неотложной задачей ввиду угрозы их утраты с течением лет, а осмысление и продолжение его научных работ непосредственно связано с развитием современной лингвистики — как теоретической, так и частной (в первую очередь, японского и корейского, китайского и дунганского, тюркского языкознания — как раз тех областей, по которым до сих пор не изданы планировавшиеся тома «Избранных работ» учёного [9: 5, 591–594]). Как бы то ни было, лингвистика может подождать, а утрата первичных материалов будет невосполнимой.

Систематизации данных о научном наследии Поливанова посвящён раздел сайта кафедры общего языкознания имени Л.А. Вербицкой СПбГУ — страница проекта «Лингвистика утраченная и обретённая»[4]

[2] Дополнения см.: [5: 125–126; 6].

[3] На практике работа, разумеется, осуществляется как комплексная деятельность: поиск, издание, комментирование, развитие...

[4] В 2016–2018 гг. поддерживался грантом Российского научного фонда № 16-18-02042.

(http://genling.spbu.ru/llf/), с этой работой непосредственно связаны публикации [5; 10; 6; 11; 12]. Избегая неоправданных повторений, в настоящей статье остановимся на недостаточно освещённых ранее вопросах.

Наибольшую озабоченность вызывают частные архивы ушедших от нас поливановедов старшего поколения, из которых самыми богатыми были коллекции А.А. Леонтьева, составителя первого тома «Избранных работ» Поливанова [2], и В.Г. Ларцева, автора обширного жизнеописания Поливанова [13].

Профессор **Василий Григорьевич Ларцев** (1925–1989), заведовавший кафедрой русской и советской литературы и долгие годы бывший деканом факультета русской филологии Самаркандского государственного университета, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, член Союза писателей СССР, скончался в 1989 году, вскоре после выхода в свет его книги о Поливанове. Местонахождение собранных им поливановедческих материалов установить не удаётся. Во время командировки в Узбекистан в феврале 2018 г. я получил ответ из Самаркандского областного государственного архива и из Архива СамГУ, что бумаги Ларцева к ним на хранение не поступали, а также выяснил, что вдова исследователя, Вера Андреевна Ларцева, в 2012 году переехала из Самарканда в Подмосковье. Найти её адрес удалось лишь в 2021 году, когда Веры Андреевны (1944–2018) уже не было в живых. По рассказам её сестры Нины Андреевны Саблиной (телефонный разговор 5.05.2021), вся библиотека и рукописи Ларцева погибли при отъезде из Узбекистана.

За годы подготовки своей книги В.Г. Ларцев встретился со множеством знавших Поливанова людей, записал целый ряд воспоминаний о нём, аккумулировал сведения, предоставленные ему другими исследователями, некоторые биографические документы (см. реестр Концевича [7: 306–309]). Бóльшая часть собранных воспоминаний полностью или частично опубликована Ларцевым в книге и в сериях очерков «Незабываемые встречи» в самаркандской газете «Ленинский путь» [14].

Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ. Рис. худ. *А. Фомина*, сделанный по любительской фотографии 1936 года.

Из прижизненных материалов Поливанова у Ларцева хранился первый вариант дунганской легенды «Часовня копчёной селёдки» (машинопись с авторской правкой, 2 л.) — получен от Ю.Я. Яншансина (1909–1999) [13: 120]; текст публиковался неоднократно (см. [12]). Возможно, у Ларцева находился и оригинал фотографии Поливанова у стены дунганского дома в селе Александровка (30 км к западу от Фрунзе) летом 1936 года, сделанной Яншансином (воспроизведена в книге Ларцева на вклейке между с. 256 и 257). Именно с этой фотографии, по-видимому, художник А. Фомин сделал рисунок, опубликованный в статье А.А. Леонтьева, Л.И. Ройзензона и А.Д. Хаютина «Поливановские чтения» («Ленинский путь», 1964, № 185).

В начале 1980-х гг. к Ларцеву от А.Д. Хаютина (1934–2005) перешли «материалы „поливановской“ конференции в Самарканде 1964 г. и архивные материалы о Е.Д. Поливанове»[5] [7: 308; 13: 5]. По-видимому, вместе с архивом конференции Ларцев получил и присланные в её адрес справки о работе Поливанова в Дальневосточном государственном университете (Владивосток) в 1926 году. Неизвестно, были ли среди переданных Хаютиным материалов статьи из неопубликованного второго тома трудов конференции (был издан лишь первый том [16]). О нём Хаютин писал ташкентскому поливановеду С.И. Зинину: «Посмотрите в Ташкенте в издательстве „Фан“ (Гоголя 70) второй том „Материалов поливановской конференции“, который был сдан нами в печать. Копии этих материалов у меня, к сожалению, нет» (20.06.1967). Зинину удалось ознакомиться с этим томом: «Добрался до Вашего сборника в издательстве „Фан“. К сожалению, должен Вас огорчить. Здесь, т. е. в издательстве, все настроены очень скептически и не уверены в издании этих интересных материалов» (8.01.1968; письма хранятся в семье Зинина, см. ниже).

Деятельное участие в подготовке монографии Ларцева приняли московские коллеги — Л.Р. Концевич, В.М. Алпатов (ответственные редакторы) и А.А Леонтьев (рецензент). Многие материалы, относящиеся к периоду работы над книгой, хранятся Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН — в необработанном фонде Поливанова (№ 174), полученном в 2015 году от**Льва Рафаиловича Концевича**: это письма Ларцева, фрагменты текста с правкой, дополнениями, вопросами. В фонде богато представлены также разные варианты работ самого Концевича о Поливанове, кропотливо собранные им исследовательские материалы, в частности связанные с составлением им библиографических и архивографических приложений в книге Ларцева [7;8], с подготовкой второго тома «Избранных работ» Поливанова [3]: библиографические списки (например, «Дополнения к литературе о жизни и деятельности Е.Д. Поливанова»), перечень «Лица, которые причастны к ЕДП и у которых могли сохраниться материалы и рукописи ЕДП», конспекты архивных материалов, аналитические обзоры (например, «Научные открытия Е.Д. Поливанова (в суммарном виде)»), планировавшееся содержание последующих томов «Избранных работ», корректурные листы и пр. Всё это — ценнейшая «служебная информация», не полностью вошедшая в печатные издания и позволяющая в новых исследованиях более конкретно опираться на достижения предшествующих поколений поливановедов — исходя не только из установленных фактов, но и из поставленных вопросов[6].

[5] Можно думать, что это был объединённый архив главных организаторов конференции Л.И. Ройзензона и А.Д. Хаютина (о проблеме поливановского архива Ройзензона (1920–1977) см. статью А. Д.Дуличенко [15]).

[6] Иногда, правда, при рассмотрении черновиков и рабочих картотек бывает трудно установить, в них или в опубликованных версиях содержится более поздняя (проверенная) информация (об архивных единицах хранения, шифрах и т. п.) — такие случаи приходится проверять заново. Так, на поверку оказалось ошибочным указание в реестре Концевича [7:

Переданный Концевичем фонд Поливанова в Архиве востоковедов содержит также некоторые материалы академических мероприятий, проходивших в Москве в год 90-летия Е.Д. Поливанова: конференции в Институте востоковедения 27 февраля 1981 г. и семинара в Институте языкознания 29 апреля 1981 г. (организованного В.К. Журавлёвым), — в частности, конспекты прозвучавших докладов (стенографические записи Концевича). Здесь же папка материалов сборника «Лингвистическая теория Поливанова и восточное языкознание», планировавшегося к изданию в 1981–1982 гг., в ней описание состава сборника и машинопись нескольких статей: Ф.Д. Ашнина, Д.Д. Беляева, В.А. Виноградова, Вяч.Вс. Иванова, А.А. Леонтьева (некоторые позже опубликованы в отдельных изданиях).

В фонде Поливанова обнаружился также ряд материалов из собрания **Алексея Алексеевича Леонтьева** (1936–2004), также описанного Концевичем [7: 309–311]; фактически, это архив редколлегии «Избранных работ»:

— Фрагмент рукописи статьи «Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса» (до раздела «Конвергенции» — «1-я тетрадь», 21 л., почерк Б. Нирк-Поливановой, незначительная правка рукой Поливанова) — первоначальный вариант текста, несколько более короткий, чем опубликованный (Учёные записки Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]. Т. III. Москва, 1928. С. 20–42).

— Фрагмент (возможно, последняя часть) рукописи статьи по исторической фонетике узбекского языка — о судьбе тюркского **a* в иранизованных говорах («3-я тетрадь», 11 л., передана редакции А.А. Холодовичем (1906–1977) в начале 60-х годов [17: 97]), не публиковалась.

— Машинописная копия фрагмента поэмы «Ленин» (или «1917»), сделанная Леонтьевым[7] (текст опубликован Концевичем в книге Ларцева [13: 223–232]).

— Полный комплект материалов, переданных в своё время в распоряжение редколлегии заслуженным ташкентским педагогом Николаем Порфирьевичем Архангельским (1891–1977) [7: 309, 310, 311] (не обнаружен лишь отзыв К.К. Юдахина на «Узбекскую грамматику»[8] Поливанова): здесь ряд рукописных текстов Поливанова (статья «Невозможно молчать» (опубликована в газете «Правда Востока». Ташкент, 1928, № 244); первая редакция «Русского букваря для школ коренного населения Туркестана» (публикация: Л.И. Пальмин, Е.Д. Поливанов. Мак: Русский букварь для нерусских детей Туркестана.

297] о наличии документов, связанных с Поливановым, в деле № 45 (Архив РАН, ф. 677, оп. 1),— и в рукописных данных об этом фонде данный номер дела действительно не встречается (зато есть № 48, 49, 51, 54, которые нами ещё не просмотрены).

[7] Оригинал машинописи с авторскими пометами в Государственном музее В.В. Маяковского в Москве [13: 223] обнаружить не удаётся(переписка с хранителем отдела музейных фондов Д.В. Карповым, декабрь 2018 г.).

[8] Видимо, так названа «Краткая грамматика узбекского языка» (ч. I–II.Ташкент; Москва, 1926).

Ташкент, 1925) и связанные с ним материалы; папка с заявлениями и служебными записками Поливанова за 1923–1925 гг. (23 л.); рукописная копия сборника стихов Поливанова «Метаглоссы», сделанная в 1935 году супругой Архангельского [13: 154] (8 л.), и отдельно машинописные копии двух стихотворений из него (с сопроводительным письмом Архангельского в редакцию журнала «Новый мир», 29.07.1961, 3 л.) — стихи опубликованы Ларцевым [13: 205–222][9]; машинописная копия письма Поливанова Архангельскому в марте 1936 г.[10]; письма Архангельского Леонтьеву; запись беседы А.А. Леонтьева с ним 2.07.1963 (2 с.); конспект беседы Архангельского с известным археологом М.Е. Массоном (Ташкент, сентябрь 1964 г.; 1 с.); здесь же сделанная Концевичем в октябре 1987 г. машинописная копия воспоминаний Архангельского о Поливанове («К биографии Е.Д. Поливанова (Из личных воспоминаний)», август — сентябрь 1964 г.; 14 л.)[11]; материалы использованы и в сокращении опубликованы Ларцевым в книге и в серии газетных очерков «Незабываемые встречи» (воспоминания Архангельского — см. [14: 1984, № 114–115]).

— Воспоминания И.И. Умнякова (публикация: [14: 1984, № 108), М.С. Кардашева (с сопроводительным письмом В. А. Бочина; публикация: Вестник Каракалпакского ФАН УзССР. Нукус, 1966, № 1. С. 57–63.)[12], письма Л.Г. Симановича Кардашеву с альтернативной версией гибели Поливанова (публикация: [14: 1988, № 48]).
— Паспортная книжка отца Е.Д. Поливанова — Дмитрия Михайловича Поливанова (25 января 1840 г. — 24/11 мая 1918 г.; погребён на Смоленском кладбище Петербурга), содержит адреса проживания с 1896 г. (Рига) по 1913 г. (Санкт-Петербург).
— Письмо С.И. Зинина Леонтьеву (13.03.1967) с приложением машинописной копии редкой статьи Поливанова «Латинский шрифт в турецких письменностях» из Ташкентского студенческого журнала «Восток» (1923, № 6 (2), с 5–9; статья не включена в [4], впервые описана в [18: 29]).
— Записка Реформатского (2.05.1964) о материалах Поливанова, которые хранят некогда учившиеся у него в Среднеазиатском государственном

[9] Стихотворение «Окружила нас белая свора...» по копии Архангельского впервые напечатано в книге Г.С. Новогрудского и А.М. Дунаевского «По следам Пау» (Москва, 1962. – С. 233–234).

[10] В сопроводительной записке 29 июня 1970 г. Архангельский пишет Леонтьеву: «Подлинник с конвертом 1936 года вышлю по Вашему указанию». По-видимому, подлинник так и остался у Архангельского, о судьбе его архива пока у меня нет сведений.

[11] В реестре Концевича эта копия отнесена к другому блоку материалов Архангельского, хранившемуся у Ларцева [7: 307], нынешнее местонахождение его (в том числе первой части воспоминаний о Поливанове – 1962 г., 5 л. машинописи) неизвестно.

[12] Другая часть воспоминаний в виде двух писем Кардашева Леонтьеву хранились у Ларцева [7: 307] – их машинописная копия, сделанная А.Д. Хаютиным, обнаружилась в архиве Зинина. Фрагменты воспоминаний Кардашева использованы Ларцевым в книге [13] и газетных очерках [14: 1984, № 107, 169, 171, 173, 175]).

университете поэт Самуил Борисович Болотин (1901–1970) и Елена / Евгения (так у Реформатского) Илларионовна Нечаева (о ней нет информации): «УБолотинаде есть рукопись Е.Д. Поливанова о блатном языке[13], а у Нечаевой какие-то книги Е.Д. Поливанова».

— Копии двух рукописей Поливанова из СПбФАРАН (ф. 770, оп. 3, д. 25): «К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского (= т. н. бухарско-еврейского, или таджикско-еврейского) языка» (опубликована Л. Р. Концевичем [19]), «Ещё о критериях единого слова» (тетради 7 и 8, начало не найдено; не публиковалась).

Вместе с тем местонахождение целого ряда других материалов архива Леонтьева неизвестно. Это записи бесед о Поливанове с некоторыми известными лингвистами; письма о Поливанове, адресованные Леонтьеву в 1960-е годы, в том числе от А.А. Кокляновой о рукописи Е.Д. Поливанова 1926 г. по вопросам латинизации письменностей народов СССР[14], от С.И. Зинина о редких изданиях и рукописных работах Е.Д. Поливанова в Центральном государственном архиве УзССР; письма из разных архивов в адрес Института языкознания; письма Вяч.Вс. Иванову из Института чешской литературы Чехословацкой АН о материалах Поливанова в Праге; тексты докладов Леонтьева о Поливанове и материалы к ним [7: 309–311][15].

Неясно положение с работой Поливанова «Отличительные особенности туземно-еврейского языка (по сравнению с таджикскими говорами) как результат специфической экономической ситуации в прошлой истории туземно-еврейского коллектива» (машинопись, 36 л.): в 1968 г. она называется в числе рукописей, имеющихся у редколлегии (передана В.А. Лившицем из Ленинграда) [4: 43], в 1988 г. Концевич называет её среди материалов архива Леонтьева [7: 309], а в 1989 г. пишет, что она «имелась» в распоряжении редколлегии [19: 37]. Предположение (повторяемое во всех трёх упомянутых источниках), что статья является русским оригиналом изданной на бухарско-еврейском языке брошюры Поливанова «Вопросы туземно-еврейского литературного языка» (J.D. Polivanův. Masəalahoji zavoni adabiji jahudihoji

[13] В списке ненайденных работ Поливанова Концевич пишет об этойрукописи, как о «хранившейся у С.Б. Болотина в 20-х гг.» [8: 318].

[14] В 1963 году Редколлегия «Избранных работ» пишет, что «А.А. Коклянова познакомила нас с хранящимися у неё заметками Поливанова» [17: 97], а в 1988 году Концевич описывает эту рукопись среди ненайденных трудов Поливанова [8: 322].. Анна Александровна Коклянова (Ковшова) сообщила мне (письмо её дочери М. Л. Ковшовой 10.05.2021), что эти заметки хранились не у неё, а у Н.П. Архангельского, которого она познакомила с А.А. Леонтьевым.

[15] Родственники А.А. Леонтьева, занимающиеся описанием его бумаг, нашли лишь машинописную копию доклада Поливанова 4 февраля 1929 г. «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» (копия с оригинала, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: ф. 800, оп. 6, д. Е-394; письмо Аиды Суреновны Маркосян, вдовы А.А. Леонтьева, 13.11.2018). Копия с незначительной рукописной правкой Леонтьева относится, вероятно, к периоду подготовки второго тома «Избранных работ» Поливанова, где текст доклада опубликован [3: 508–543], правда, по другому источнику (в «Археографической справке» и в реестре Концевича экземпляр СПбФАРАН не упоминается [3: 562; 7: 298–299]).

maḫali. Toşkand, 1934), вряд ли верно: брошюра объединяет две (недавно выявленных) публикации Поливанова в газете «BajroqiMiḫnat» (Знамя Труда) скорее публицистического, чем лингвистического содержания:«Закрепить революционные достижения, достигнутые нами на молодёжном фронте» (Muvafaqijathojiinqilobijidarfrůntizuvon вadastdarovardagimoromustaḫkamkunem // BajroqiMiḫnat.Toşkand, 1933, № 196–198) и «Что можно сделать для улучшения и облегчения функционирования письменности и литературного языка евреев Средней Азии?» (Korhoji insunaji xat va zuvoni adaвiji jahud hoji Azijoji Mijonaro вehtar va osontar kardan az ci əivorat şuda metavonand? // Там же. – № 207–209, 211, 212.).

В 1985 году А. А. Леонтьев передал доценту Смоленского государственного педагогического института А.А. Новикову (1935–1985) папку собранных смоленским краеведом С.М. Яковлевым (1900–1981) рукописных материалов о жизни и деятельности Поливанова „Примечание. Справки. Вопросы“ [20: 21–22]. В настоящее время материалы хранятся у супруги А.А. Новикова Н.Н. Новиковой, использованы в её публикациях о Поливанове.

До сих пор мало было известно об архиве ташкентского поливановеда **Сергея Ивановича Зинина** (1935–2013), лишь четырьмя позициями описанном в реестре Концевича [7: 306]. Незадолго до смерти Зинин переехал в Подмосковье, в 2019 году удалось найти его супругу Людмилу Валерьевну Вахрушеву, сохранившую архив мужа и любезно позволившую мне с ним ознакомиться. С.И. Зинин планомерно и тщательно собирал сведения о Поливанове, в его бумагах имеются ценнейшие подробные конспекты архивных материалов, в частности документов из Центрального государственного архива Узбекистана[16]. На основании многолетних исследований Зининым был подготовлен ряд докладов и статей о Поливанове (машинописные оригиналы большинства сохранились), а также монография «Е.Д. Поливанов: биографическая хроника» (практически завершённый компьютерный набор подробного описания фактов жизни учёного; есть также краткая предварительная версия – 43 л. машинописи с рукописными дополнениями и правкой). Важную часть архива Зинина составляет переписка с Леонтьевым, Хаютиным, Ларцевым. Интересным документом является коллективное письмо Президенту Узбекской ССР И. Каримову от профессоров Узбекского республиканского педагогического института русского языка и литературы с просьбой о присвоении институту имени Е. Д. Поливанова (1991 г.). В настоящее время ведутся переговоры о передаче поливановедческих материалов Зинина в Архив востоковедов ИВР РАН.

[16] По сведениям, предоставленным Зининым Леонтьеву ещё в 1968 году, поливановедческие материалы этого архива охарактеризованы в реестре Концевича [7: 300–301]. Из-за длительной процедуры оформления допуска иностранных граждан в архивы Узбекистана в 2018 году мне не удалось ознакомиться с их фондами. Часть документов, связанных с Поливановым, по моей просьбе позже была просмотрена и скопирована В.Ф. Каюмовой, необходимо продолжение этой работы, – и материалы С.И. Зинина играют в ней роль незаменимого путеводителя.

Архив **Фёдора Дмитриевича Ашнина** (1922–2000) перешёл к В.М. Алпатову (письмо Алпатова 12.12.2017) и хранится в Институте языкознания. Судя по реестру Концевича [7: 305], в нём должна быть рукопись Поливанова — проект туркменской латиницы 5 декабря 1926 г. (1 л.). У **Вячеслава Всеволодовича Иванова** (1929–2017) были записи бесед о Поливанове с В.А. Кавериным, П.С. Кузнецовым, М.Н. Петерсоном, В.Б. Шкловским, переписка с Р.О. Якобсоном [7: 306], в настоящее время архив Иванова описывается его родственниками и коллегами.

Существенный вклад в поливановедение внесли киргизские учёные М.А. Рудов и В.М. Плоских (библиографию публикаций см. [5]). Бумаги **Михаила Александровича Рудова** (1929–2014) хранятся в Ресурсном центре русской литературы и манасоведения его имени в Кыргызско-российском славянском университете[17]: здесь черновые записи, конспекты и копии архивных материалов, рукописи статей и докладов. **Владимир Михайлович Плоских** сам инициировал перевод в электронную форму своих поливановедческих материалов, эта работа осуществляется в Отделе источниковедения и рукописного наследия Института истории, археологии и этнологии НАН КР, благодаря ей стали доступными копии некоторых публикаций[18], выписок из фондов Центрального государственного архива и Центрального государственного архива общественно-политической документации Киргизии, которыми особенно много занимался исследователь[19]. Систематизация обеих коллекций является насущной задачей. Большим затруднением, однако, является то, что в ЦГА ОПД в конце 1980-х – 1990-е гг. происходила реорганизация фондов и шифры, указанные в материалах М.А. Рудова и В.М. Плоских, очень часто оказываются устаревшими. Для части документов найти актуальные шифры смогла старейший сотрудник ЦГА ОПД Алла Фаридовна Берникова, компетентная и бескорыстная помощь которой заслуживает глубокой благодарности[20]. При этом выяснилось (письмо Берниковой 7.07.2019), что в ходе реорганизации фондов некоторые цитируемые поливановедами документы могли списываться: так, в ЦГА ОПД нет больше полученного ЦК КП(б) Киргизии 5 января 1937 г. запроса от Издательского товарищества иностранных рабочих (впоследствии «Издательство литературы на иностранных языках») о целесообразности публикации ряда работ Поливанова, в частности «Введения в фонетику»[21]

[17] За возможность доступа к материалам благодарю Марину Михайловну Рудову и Веру Семёновну Мальневу.

[18] В частности, компьютерный набор книги В. М. Плоских «Е.Д. Поливанов и „Манас“». (Бишкек: Илим, 1995), опубликованную версию которой не удаётся найти ни в одной библиотеке.

[19] За помощь в ознакомлении с материалами спасибо Владимиру Михайловичу Плоских и Гульмире Абдыкадыровне Чиймановой.

[20] В своё время А.Ф. Берникова также публиковала архивные документы, связанные с Поливановым [21],

[21] Книга не учтена в списке ненайденных работ Поливанова [8].

(текст цитируется В.М. Плоских [22: 12], старый архивный шифр: ф. 10[22], оп. 9, д. 73, л. 19).

В большей или меньшей степени наследием Поливанова занимались и другие учёные, авторы статей о нём, участники поливановских конференций. К сожалению, часто мы не знаем деталей проделанной ими работы, их нереализованных замыслов, состава личных архивов, судьбы собранных ими материалов (а иногда даже с трудом идентифицируем их самих). Характерный пример – поливановская конференция, проходившая в Бишкеке 30 лет назад (9–11 сентября 1991 г.): её труды были подготовлены, но не вышли в свет [23: 6]), и неизвестно, сохранились ли они (обзор конференции опубликован А.О. Орусбаевым и Г.З. Джамашевой [24], программа обнаружилась в архиве М.А. Рудова).Для изучения жизни и деятельности Поливанова ещё более интересными могли бы быть материалы посвящённого его 90-летию заседания Учёного совета Киргизского НИИ педагогики, которое должно было состояться во Фрунзе 20–21 февраля 1981 г.: в программе мемориальной части заседания значатся имена А.Т. Токомбаева, Я.Дж. Шивазы, Х.К. Карасаева, А.С. Карасаевой, Ю.Я. Яншансина и др., аналитические доклады готовы были представить В.М. Плоских, С.М. Мусаев, А.О. Орусбаев, М.Х. Имазов, А.А. Брудный, Е.К. Озмитель, Э.Ш. Абдулина и др.; заседание было неожиданно отменено [23: 3–7].

В поливановедении остро ощущается отсутствие координирующего центра, каким была редколлегия «Избранных работ» Поливанова, и удивительно меткими оказываются слова А.А. Леонтьева: «Вообще-то следовало бы постоянно и интенсивно работать, но некому и некогда – у всех, кто занимается Поливановым, есть и другие, более непосредственные и более субъективно важные и срочные дела» (А.А. Леонтьев. Из письма С.И. Зинину в марте-апреле 1967 г., архив Зинина).

Литература

1. Иванов Вяч.Вс. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. –С. 55–76.
2. Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – Москва: Наука, 1968. – 376 с.
3. Поливанов Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию. – М.: Наука, 1991. – 622 с.
4. Леонтьев А.А. Список работ Е.Д. Поливанова / подготовлен А.А. Леонтьевым при участии З.И. Фединой и А.С. Штерн // Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – С. 31–45.
5. Андронов А.В. Научное наследие Е.Д. Поливанова в Средней Азии // Письменные памятники Востока / Институт восточных рукописей РАН. – Санкт-Петербург, 2018, т. 15. – № 4 (вып. 35). – С. 111–136.

[22] В статье Плоских опечатка: «19».

6. Андронов А.В. Старые и новые книжные уникумы национальной литературы (из трудностей поливановедения) // «Информация безлика – книга индивидуальна: Уникумы национальной книжности и их загадки». 4-я международная научно-практическая конференция Отдела национальной литературы РНБ. 27 ноября 2020 г. Тезисы докладов. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2020. – С. 5–7.
7. Концевич Л.Р. Рукописи Е.Д. Поливанова и некоторые материалы о нём, хранящиеся в архивах / обработаны Л.Р. Концевичем // Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М.: Наука, 1988b. – С. 296–311.
8. Концевич Л.Р. Ненайденные работы Е.Д. Поливанова / сост. Л.Р. Концевич // Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М.: Наука, 1988a. – С. 312–324.
9. Концевич Л.Р. От редакции; Послесловие (от составителя) // Поливанов Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию. – М.: Наука, 1991. – С. 5, 589–621.
10. Андронов А.В. Ускользающие следы Е.Д. Поливанова // XIII Поливановские чтения: материалы международной научной конференции (Смоленск, 29–30 октября 2019 г.). – Смоленск: СмолГУ, 2019. – С. 7–15.
11. Андронов А.В., Филатова Д.Д. О некоторых рукописях Е.Д. Поливанова в Праге // XIV Поливановские чтения: материалы международной научной конференции (Смоленск, 29–30 октября 2020 г.). – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. – С. 7–12.
12. Андронов А.В., Исаева А.К. Труды Е.Д. Поливанова в Рукописном фонде Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики (в печати)
13. Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М.: Наука, 1988. – 327 с.
14. Ларцев В.Г. Незабываемые встречи // Ленинский путь, Самарканд, 1984. – № 56–58, 60, 62; 107, 108, 110, 114, 115; 169, 171–173, 175, 176, 180; 1985. – № 13, 14, 16, 17, 22, 23; Возвращаясь к «Незабываемым встречам»... // Там же. – 1988. – № 27, 29, 30, 33, 39, 40, 42, 44, 45, 48; Завершая «Незабываемые встречи»... // Там же. – 1989. – № 73, 75, 77, 83, 86, 87, 89, 90, 92, 93)
15. Дуличенко А.Д. Самарканд конца 60-х – 70-х гг. XX в.: отголоски памяти о Евгении Дмитриевиче Поливанове (из личных наблюдений и размышлений) (1) // Седьмые Поливановские чтения: сборник статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 11–12 октября 2005 г.). – Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 2005. – С. 26–35
16. Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова». Т. 1. Тезисы докладов и сообщений межвузовской лингвистической конференции 9–15 сентября 1964 г. / Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои; ред. колл.: Л.И. Ройзензон, А.Д. Хаютин, К.А. Курицина. – Самарканд, 1964. – 286 с.

17.Редколлегия «Избранных работ по общему языкознанию [Е. Д. Поливанова]». Из неопубликованного наследства Е.Д. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 96–98.
18.Ларцев В.Г., Зинин С.И., Балясников А. В. Е.Д. Поливанов: Библиографический указатель / сост. В.Г. Ларцев, С.И. Зинин, А.В. Балясников. – Самарканд: СамГУ, 1985. – 40 с.
19.Поливанов Е.Д. К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка: Тексты лекций. – Самарканд: СамГУ, 1989. – 41 с.
20.Новикова Н.Н. Известный лингвист (к 115-летию с дня рождения Е. Д. Поливанова) // Край Смоленский. – 2006. – № 11 (ноябрь). – С. 24–29. (Цит. по: И. А. Королёва. Возрождённое имя (Смоляне о Е. Д. Поливанове). – Смоленск, 2011. – С. 21–26.)
21.Берникова, А.Ф. 110 лет со дня рождения Е.Д. Поливанова // Информациялык бюллетень / Кыргыз Республикасынын билим жана маданият Министрлигинин алдындагы архив иши боюнча Башкармасы. Бишкек, 2001. – № 1–2 (33–34). – С. 49–56.
22.Плоских В.М. Е.Д. Поливанов в Кыргызстане // Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы. – Бишкек: Фонд «Сорос – Кыргызстан», 1999. – С. 4–13.
23.Задорожный М.И. Принцип экономии трудовых усилий в концепции Е. Д. Поливанова и членение непрерывного потока речи на слова. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 87 с.
24.Орусбаев А.О., Жамашева Г.З. В честь выдающегося лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. – Бишкек, 1992. – № 1. – С. 60–62.

УДК: 391/395

Джон А.А.
Центр дунгановедения
и китаистики
НАНКР, г.Бишкек
JohnA.A.
Center for Dungan
and Chinese Studies
National Academy of Sciences
of the Kyrgyz Republic, Bishkek
djon.ali.a@gmail.com

Е.Д. Поливанов о происхождении этнонима «хуэйхуэй».
E. D. Polivanov about the origin of the ethnonym "Huihui".

Аннотация: *По мнению Е.Д. Поливанова эндоэтноним дунган – «хуэйхуэй» произошёл от слов «хуэйху» или «хуэйхэ» обозначавших уйгур.*

Автор статьи считает, слово «хуэйхуэй» - это калька понятий «ал-Ислам», «ал-Ма'ад», «Му'мин».

Abstract: *According to E.D. Polivanova endoethnonym Dungan - "Huihui" comes from the words "Huihu" or "Huihe" meaning Uighur. The author of the article believes that the word "Huihui" is a tracing of the concepts "al-Islam", "al-Ma'ad", "Mu'min".*

Ключевые слова: *Поливанов; эндоэтноним хуэйхуэй; возникновение; уйгуры; значение ислам, мумин, вернуться.*

Keywords: *Polivanov; endoethnonym huihui; origin;uighurs; meaning islam, mumin, return.*

Наряду с экзоэтнонимом дунгане имеют и эндоэтноним – «лаохуэйхуэй» (в других вариациях «хуэйхуэй», «хуэй», «хуэйцзу»). Среди дунганского населения бытует несколько вариантов легенды о происхождении своего народа и его самоназвания, которые повествуют об арабских воинах, проживавших при дворе китайского императора и желавших вернуться на родину и поэтому часто повторявших китайское слово «хуэй», означавшее «вернуться», «возвратиться домой», от которого впоследствии якобы и произошло название народа. Один из вариантов, записанный Х. Юсуровым в своей работе «Дунгане» привёл М.Я. Сушанло [1, с. 43-46]. Подобная трактовка возникновения этнонима, на наш взгляд, не корректна уже потому, что упрощённо возводит происхождение дунган лишь к арабам, не учитывая наличия других этнических компонентов, участвовавших в формировании этого этноса. Помимо этого, существует версия, записанная автором настоящих строк в 1998 году от жителя города Токмок Машанло Керима, согласно которой этноним «хуэй» закрепился в качестве самоназвания вследствие трактовки китайского иероглифа – 回, обозначавшего это слово. Его ключевым знаком является графема обозначающая «рот» – кит.口*коу,* заключённая в ещё один квадрат 口 wei (заменяющий иероглиф围 – wei, имеющий смысл «окружать») – 回. По словам информатора, этот иероглиф является символом религиозной сущности дунган. Знак «коу», помещённый в центре иероглифа, обозначает сердце или внутреннее убеждение, веру, а знак «wei» – внешний – символизирует декларацию этих убеждений, их внешнее проявление.

Таким образом, по мнению информатора, иероглиф «хуэй» обозначает искреннюю приверженность этого народа исламу, заключающуюся в единстве убеждения, веры и словесного провозглашения своей принадлежности к этой религии и соответствующему образу жизни. В этой трактовке этнонима четко прослеживается исламское философское понятие, связанное со значением «калб» (араб. *сердце*). Слово «калб» встречается в Коране 133 раза, «это орган постижения и осмысления религиозных истин, вместилище веры (иман) и благочестия [2, с. 131]. Не случайно, дунгане, говоря о своей религиозной принадлежности, нередко называют себя словом «момин», происходящем от арабского «Му'мин». Традиционалисты называли «Му'мин» того, кто «уверовал сердцем» (акд би-л-калб), публично провозглашает свою веру

(икрар) и совершает добрые дела (амал), обусловленные искренним намерением (нийа)» [2, с. 71]. Из этого следует, что слово «хуэй» может обозначать понятие «Му'мин». Возможно, эта версия с логической опорой на китайскую графему – 回– «хуэй» покажется несколько «притянутой» к разрешению вопроса о происхождении этнонима, однако позже мы попытаемся привести и другие доводы.

Наиболее серьёзным в научном плане исследованием этнонима «хуэй», на наш взгляд, является статья известного лингвиста Е.Д. Поливанова «Отражение имени Уйгур в китайском и дунганском словаре» [3, с. 1]. В этой работе Е.Д. Поливанов, используя параллельные древнетюркские и древнекитайские тексты на памятнике Кюльтегина, попытался путём фонетической реконструкции восстановить первоначальное звучание этнонима «хуэйхуэй», поскольку именно в такой форме он применяется в качестве самоназвания дунганами и проследить процесс его трансформации. В качестве исходной точки Е.Д. Поливанов взял версию о тюркском или точнее уйгурском этногенетическом корне «хуэйцзу». Выдающегося учёного, привёл к такому мнению тот факт, что в китайской литературе уйгуры в древности обозначались этнонимами *хуэйху, хуэйхэ.* Однако, в настоящее время общепризнано, что в формировании хуэй, как этноса, принимали участие самые различные народы.

Е.Д. Поливанов писал: «Прямым продолжением турецкогоujgur я считаю современное китайское название мусульман (и дунган в частности) xuixui, употребляемое в дунганской речи…». Развивая свою мысль, учёный совершенно справедливо утверждает, что «…слово ujgur получило слоговую и иероглифическую передачу в виде комплекса xuixur» [3, с.1]. По мнению Е.Д. Поливанова, современное слово «хуэйхуэй» возникло в результате фонетической ассимиляции второго слога в этнониме «хуэйху». Подобное превращение теоретически вполне согласуется с фонетическими законами, однако возникает вопрос о том, произошло ли это в исторической реальности. Думаем, любой лингвист согласится с тем, что вторая часть в слове «хуэйхуэй» могла возникнуть не обязательно по причине описанной Е.Д. Поливановым, а, возможно, в результате редупликации слова «хуэй», чтобы избежать омонимичности. С этой точки зрения, этноним «хуэйхуэй» может восприниматься иначе, чем «хуэйху». Так Палладий Кафаров в своей работе по этому поводу писал: «При династиях *Сун* и *Юань* с запада явилось в Китай много мусульман, которые сначала считали бессмыслицей данное им название *Хуй хэ го* и переделали его в *Хуй хуй*. Хотя **слово однозвучно, но смысл не один и тот же**. (выделено нами – Д.А.) … » [4, с. 322]. При этом следует отметить, что в слове «хуэйху» 回鶻по традиции первая часть записывалась иероглифом, передававшем значение «возвращаться», в то время как вторая часть «ху»(鶻) – графемой «сокол, горлица». По этой же схеме записывался этноним «хуэйхэ» (回紇), первая часть, соответственно – иероглифом «возвращаться», а часть «хэ» (紇) – иероглифом «шёлк». Это была фонетическая передача некитайского слова китайской письменностью (т.е.

китайской иероглифической транскрипцией), иными словами иероглифы не имели никакой смысловой нагрузки.

В этом случае возникает вопрос, каким образом не имеющее смысловой нагрузки слово стало обозначать название религии? Слово «хуэй», как известно, использовалось первоначально для обозначения мусульман вообще, а схожесть его звучания с этнонимами «хуэйху» и «хуэйхэ» позволила бы привести к следующему логическому выводу: ислам как религиозная система стал известен в Китае посредством уйгуров и поэтому этноним, обозначавший к тому времени этот народ, был экстраполирован на всех мусульман. Однако факты не подтверждают это допущение, поскольку «хуэйху» и «хуэйхэ» были известны китайцам даже в тот период, когда в середине VIII века уйгуры официально придерживались манихейства и задолго до принятия части из них в конце X – начале XI вв. ислама. К тому же после принятия ислама другая часть этого народа осталась верна буддизму и в настоящее время обозначается в Китае этнонимом «юйгу» (тюрк. *сары уйгур*). В то же время в Поднебесной, согласно литературе, с мусульманством познакомились задолго до принятия уйгурами ислама. Первое посольство из Аравии в Китай было направлено ещё в 651 году. Кроме этого в Срединном государстве селились мусульманские купцы и присоединившиеся к ним миссионеры, а в начале восьмого века - сотни семей последователей Али ибн Абу Талиба, четвертого «праведного» халифа, бежавшие от гонений Омеядов.

В этой связи трудно себе представить, что символом религиозного направления мог стать этноним народа-неофита, чья часть не приняла новой религии. Думается, что если словом «хуэй» в Китае первоначально обозначались все мусульмане вообще, то и этимологию этого слова следует искать в религиозных исламских понятиях. Подтверждение тому – аналогии возникновения некоторых эндоэтнонимов у других народов мира, например боснийцев (*муслимане)* или российских крещеных татар (*керәшеннәр*).

Другим доводом сомнения, что этноним древних уйгуров – «хуэйхэ» или «хуэйху» стал основой современного эндоэтнонима дунган, является тот факт, что в КНР существует группа населения, в настоящее время отнесённая к «хуэйцзу» Китая. Эта группа несколько обособлена в культурном и языковом отношении, хотя официально включена в состав национальности «хуэйцзу» КНР - это группа «хуэйхуэй». Она проживает на острове Хайнань, близ города Санья, и обозначается иероглифами – 回辉族 (huíhuī zú). Здесь первый иероглиф – 回 может обозначать понятие «возвращаться», а второй иероглиф – 辉 «блестящий, яркий», что несколько отличается графически от принятого иероглифического обозначения остальных «хуэйхуэй» – 回回 или «хуэйцзу» – 回族. Они говорят на языке, который называют «хуэйхуэйским» (回輝话-huíhuīhuà)[5], относящемся к цатским языкам чамской группы, что свидетельствует об их малайско-тямском происхождении. В то же время они считают, что всегда были мусульманами. Это означает, что их этничность образовалась с принятием ислама. Считается, что данная группа приняла ислам будучи в составе государства Чампа, или Тямпа, существовавшего на

территории центрального, южного Вьетнама, что далеко от места проживания древних уйгуров, не имевших возможности стать передатчиками этнонима и религиозной принадлежности. Отсюда можно сделать вывод, что значение их этнонима нужно также искать в религиозных понятиях. Следовательно, мнение о происхождении эндоэтнонима «хуэй» от этнонимов «хуэйхэ» и «хуэйху» (древнего названия уйгуров), по нашему мнению, сомнительно, так как возможность того, что, живя в составе государства Чампа на территории Вьетнама, эта группа приняла ислам под влиянием уйгуров, мало вероятна.

При анализе этнонима «хуэй» автором настоящей работы было обращено внимание прежде всего на его самое распространённое и прямое значение, а также обозначающий его иероглиф – «возвращаться; поворачивать обратно (назад); обратный» [6, с. 196], на предмет наличия подобного понятия в религиозном исламском учении. При этом обнаружилось, что понятие «возвращение» повторяется в Коране огромное количество раз. Оно используется главным образом в значении «возвращение к Аллаху» после смерти и обозначается термином «ал-Ма'ад (араб. *возвращение*). Об этом говорится и в работе архимандрита Палладия Кафарова: «… *Цин чжень* (магометане) – хорошие люди, потому что держатся чистоты и сберегают себя. Чистое же тело возвращается к *Тай цзи* (верховному существу). Поэтому-то прежние мудрецы к слову *хуй* прибавили еще слово *хуй* для обозначения хорошего понятия» [4, с. 322]. Согласно мусульманскому учению представление об «ал-Ма'ад» – один из главных догматов ислама о конце света, воскресении умерших, суде Аллаха над людьми и о поселении людей в аду и раю. Среди дунган (хуэй) это понятие также широко распространено, нередко выражением «*хуэйли ло җяли*» (букв.: *вернуться в старый (прежний) дом)* иносказательно обозначается смерть человека, поскольку умерший, по мнению верующих, возвращается к своему создателю. В данном случае мы имеем дело с калькированием как собственно арабского слова «ал-Ма'ад», так и его философского понятия.

Безусловно, столь важный элемент религиозного учения не мог быть обойдён вниманием представителями исламской религии в своей миссионерской деятельности, тем более если схожее понятие имелось в традиционных для Китая конфессиях. Этот нюанс делал исламскую религию более понятной и близкой и тем самым более привлекательной для новых адептов, так как не требовал отречения от прежних духовных ценностей. Наличие идентичных элементов в вероучениях традиционных для Срединного государства и ислама импонировало также и мусульманам, служа подтверждением тому, что слово Аллаха давалось человечеству не однажды. Понятие, отражающее один из главных догматов религии, могло превратиться в вербальный символ этого вероучения, а затем стать его названием – «хуэйцзяо» – 回教 (дунг. *хуэйҗё*) – букв. мусульманское учение. Этим же словом стали обозначаться приверженцы мусульманской религии, а затем оно стало этнонимом народа, признаком которого являлось.

Подобное допущение, основанное на представленной выше цепи логических рассуждений, становится ещё более очевидным, когда мы узнаём,

что слово «хуэй», а также обозначающий его иероглиф, помимо значения «возвращаться, поворачивать обратно (назад)», используется ещё и в значении «покоряться, раскаиваться». Вряд ли найдётся человек не знающий, что слово «ислам» в переводе с арабского обозначает «покорность, предание себя Богу».

Последнее выражение в свою очередь имеет аналогию в китайском языке в виде устойчивого фразеологизма – *хуэй тоу шы ань* (回头是岸), что дословно обозначает: «Повернуть голову – есть берег». В буддизме это выражение имеет значение: человек, погрязший в грехах, оглядывается и видит берег спасения в Боге, то есть, раскаявшись, покорившись, предаёт себя Богу. Трудно себе представить, чтобы вокруг одного слова и обозначающего его иероглифа случайно сосредоточилось столько понятий, отражающих основополагающие принципы исламской религии. Поэтому, на наш взгляд, слово «хуэй» и соответствующий иероглиф как нельзя точно передают значение слова «ал-Ислам», являясь его калькой. Соответственно, этноним «хуэй» имеет в различных вариациях значение – «ал-Ислам», «ал-Ма'ад», а иероглиф символизирует понятие «Му'мин».

Интересно, что китайский историк Линь Гань также высказывается об этнониме «хуэйхуэй» следующим образом: «Очевидно, что название дунган «хуэйхуэй» вовсе не есть искажённое название «хуэйхэ» или «хуэйху, [предки дунган – Д.А.]… являются пришедшим извне народом – народом даши» [7, с. 46]. Хотя, здесь следует отметить, что последнее утверждение китайского историка, автор настоящих строк считает соответствующим действительности лишь частично, так как сам Линь Гань в этой же работе говорит, что предками дунган были «сэму», о чём будет сказано ниже.

Если взять за основу указанное выше значение этнонима «хуэй», то может возникнуть вопрос, отчего из довольно значительного количества народов Китая, исповедующих ислам, несмотря на то, что все они некогда обозначались этим словом, лишь дунгане закрепили его за собой в качестве самоназвания? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, следует искать в том, что остальные мусульманские народы Китая в этот период обладали этнической монолитностью и проживали массивами, достаточными для сохранения своей культуры, языка и других этнических признаков. В то время как предки дунган (хуэйхуэй) представляли собой немногочисленные группы различных народов, а поэтому обозначались китайцами словом «сэмужэнь» (色目人 – sèmurén) (дунг.: «*сыйму жын*»), что переводится как «разные люди», или дословно – «люди с разноцветными глазами», то есть люди разных народов [7, с.46].

Вначале этнически не связанные между собой, не имеющие единого языка и культуры, объединённые лишь религиозной принадлежностью, они все вместе могли обозначаться только словом, отражавшим их общность, то есть название религии (ал-Ислам), её сущность (ал-Ма'ад) и принадлежность к ней (Му'мин). Название «хуэйхуэй» в этот период имело лишь конфессиональный характер и не обозначало какой-то конкретный народ, а поэтому им именовались и тюрки, и арабы, и персы, и другие. Однако в последствии, когда в силу этнической аморфности «сэмужэнь» сравнительно быстро восприняли

китайский язык и культуру и тем самым стали отличаться от других народов, исповедовавших ислам, имевших самоназвание, свой язык, и культуру, слово, обозначавшее название религии, стало приобретать этнический характер.

Так, синкретизм исламской религии (и связанный с ней образ жизни), с одной стороны, а также китайский язык и культура – с другой, создали специфическую общность, отличавшуюся как от китайцев – не мусульман, так и от мусульман, не говоривших на китайском языке. Эта общность людей сохранила за собой название «хуэйхуэй», которое стало обозначать не всех мусульман Китая, а конкретный народ со специфичной культурой, осознающей себя в качестве самостоятельного этноса.

Литература

1. Сушанло М.Я. Дунгане. – Фрунзе: Илим, 1971. – 303 с.
2. Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – 310 с.
3. Поливанов Е.Д. Отражение имени Уйгур в китайском и дунганском словаре // Рукописный фонд НАН КР. Инв. № 123.
4. Архимандрит Палладий (Кафаров). Китайская литература магометан. – URL:https://azbyka.ru/otechnik/books/download/21924-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BD.pdf
5. Ху Чжэнхуа. Хуэйцзу и китайский язык // Рукопись перевода Корякина В.Е. Архив Центра дунгановедения и китаистики НАН КР. Без выходных данных.
6. Ошанин Н.М. Китайско-русский словарь. – М. 1959. – 1100 с.
7. Линь Гань. Об этногенезе дунган // Советская этнография. – 1954. – № 1. – С. 42–56.

УДК: 811.581(575.2) (04).

Джумаза М.В.
Центр дунгановедения и китаистики
НАНКР, г.Бишкек
Dzhumaza M.V.
Center for Dungan and Chinese Studies
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Bishkek
mr.dzhumaza@mail.ru

Труды (рукописи) Е.Д.Поливанова как основа научного изучения и описания дунганского языка

Works (manuscripts) of E.D. Polivanov as the basis for the scientific study and description of the Dungan language

Аннотация: *В статье рассмотрен вопрос о вкладе Е.Д. Поливанова в дунганское языкознание. Подчеркивается, что его взгляды по ключевым проблемам дунганского языка перекликаются с его общетеоретическими и общенаучными идеями и интересами, и нашли свое отражение в трудах /рукописях/ по дунганскому языку. В частности, это концепция движущих сил языковой эволюции, теория орфографии, вопросы диалектологического описания языков и др. Особенно значительными являются его заслуги в деле описания типологических особенностей фонетико-фонологической и грамматической систем дунганского языка*.

Abstract: *The article considers the issue of the contribution of E.D. Polivanov to Dungan linguistics. It is emphasized that his views on the key problems of the Dungan language resonate with his general theoretical and general scientific ideas and interests, and are reflected in the works and manuscripts on the Dungan language. In particular, this is the concept of the driving forces of linguistic evolution, the theory of spelling, issues of dialectological description of languages, etc. His achievements in describing the typological features of the phonetic-phonological and grammatical systems of the Dungan language are especially significant.*

Ключевые слова: *дунганский язык, типология, эволюция, диалект, фонология, системные отношения в языке, моносиллабизм, полисиллабизм, инкорпорация.*

Keywords: *Dungan language, typology, evolution, dialect, phonology, systemic relations in the language, monosyllabism, polysyllabism, incorporation.*

Всем поливановедам и лингвистам, знакомыми с творческой биографией ученого, должно быть известно, что последние годы жизни выдающийся лингвист современности провел в Кыргызстане, в стенах Киргизского научно-исследовательского Института культурного строительства (КирНИИКС), позднее переименованного в научно-исследовательский Институт кыргызского языка и письменности (НИИКЯП), будучи научным сотрудником Сектора дунганской культуры при названном Институте [I:3, с. 28]. Сюда в 1934 году он приехал по личному приглашению тогда уже опального наркома просвещения Киргизии К. Тыныстанова. И вполне естественно, что ему как лингвисту-синологу предложили место в Секторе дунганской культуры, потому что Е.Д. Поливанов был специалистом в области китаеведения, а дунгановедение по определению является отраслью китаеведения.

Это было время, когда после известных событий, связанных с дискуссией по поводу «Нового учения о языке», позднее названной «поливановской», выдающийся ученый-лингвист уже подвергался действию репрессивной машины, организованной сторонниками Н.Я. Марра, был снят со всех занимаемых должностей и вынужден покинуть столицу. Проработав некоторое время в Узбекистане он в конце концов оказался здесь, на кыргызской земле, и

основной областью его занятий были дунганский и кыргызский языки (последний в основном в аспекте перевода эпоса «Манас»).

Конечно, было бы безнадежным занятием, объять все то, что вышло из-под пера ученого даже в этот, казалось бы, короткий период времени (до ареста 1 августа 1937 г). Все его работы, посвященные дунганскому языку, это по большому счету – огромная часть той же проблематики, которая разрабатывалась теоретическим языкознанием того времени. Общеизвестно, что ученый имел обыкновение в каждой частной теме, исследуя тот или иной язык, затрагивать целый ряд теоретических проблем. Вполне допустимо думать, что дунганский язык как единственный язык изолирующего типа на территории бывшего СССР, послужил Е.Д. Поливанову благодатным материалом для иллюстрации и теоретических выводов о типологических особенностях языков вообще и в частности по так называемым слоговым языкам. В его работах по дунганскому языку этого периода нашли отражение многие концептуальные положения ученого, разрабатывавшиеся им на протяжении всего творческого пути. Это вопросы диалектологии, в том числе и социальной, движущие силы и механизм языковой эволюции, и вопросы типологии языков, прикладной и социальной лингвистики, орфографические проблемы и др. Но самым главным для Е.Д. Поливанова, были вопросы теоретического обоснования особенностей фонетико-фонологического строя слоговых языков. Им он посвятил огромное количество работ, большая часть которых осталась в рукописи и не опубликована до сих пор[23].

Здесь нужно отметить следующее очень важное обстоятельство, имеющее отношение, в частности, к дунгановедению. Учитывая то время, когда только начала формироваться национальная интеллигенция из числа представителей местных народов, до Е.Д. Поливанова вопросами научного описания дунганского языка, никто, по всей видимости, не мог заниматься. Только что образованный Сектор дунганской культуры (1932 г.) в то время составили молодые представители дунганской интеллигенции, которые были, в первую очередь, замечательными дунгановедами-практиками, обладавшими, вне всякого сомнения, хорошим знанием языка и культурных особенностей этноса, но не имевшими в то время должной теоретической подготовки и базовых исследовательских навыков. Отсюда можно сделать вывод, что первые опыты теоретического осмысления всего спектра вопросов, касающихся особенностей дунганского языка и их научного описания, были сделаны Е.Д. Поливановым (а затем продолжены А.А. Драгуновым). Поэтому без всякого преувеличения и натяжки можно сказать, что основоположником научного дунгановедения в плане языка нужно считать Е.Д.Поливанова – признанного знатока восточных языков и, в частности, китайского языка.

[23] Так, в рукописном фонде Ин-та языка и литературы НАН КР хранится почти два десятка работ Е.Д. Поливанова по дунганскому языку, среди которых – фундаментальное исследование «Главнейшие особенности дунганского языка – главный труд последних лет жизни ученого.

На новом месте первым делом Е.Д. Поливанов занялся **проблемами диалектологического описания** дунганского языка [II:3]. Я сознательно не буду говорить о том, в каких условиях ему приходилось это делать (в отношении чего имеются некоторые, довольно-таки любопытные, так скажем, подробности), остановлюсь на содержании и результатах этой экспедиции. Киргизским научно-исследовательским Институтом культурного строительства – КирНИИКС (позднее, НИИКЯП) было организовано несколько диалектологических экспедиций в дунганские селения, расположенные в Чуйской долине и на Иссык-куле. Неизменным спутником Е.Д. Поливанова в этих поездках был в то время еще молодой и только начинающий дунгановед Ю.Я. Яншансин. Вместе они объездили все окрестные дунганские села, побывали в самом отдаленном селении – Ирдыке (близ Каракола, тогда г. Пржевальск), в с. Александровка (недалеко от Бишкека), а также в с. Масанчи (Казахстан). Итогом их работы было полное и обстоятельное описание всех дунганских диалектов, имеющихся на территории Кыргызстана и частью – Казахстана, со всеми их фонетическими и грамматическими особенностями, и с указанием некоторых характерных этнографических черт их носителей.

Так, Е.Д. Поливанов, говоря о количественном составе диалектов, выделил две их наиболее распространенные разновидности, в соответствии с тем, выходцами из каких провинций являлись нынешние их носители – Ганьсуйское (от названия провинции Ганьсу, Китай) и шэньсийское (от провинции Шэньси, Китай). Значение их заключается в том, что они дают «представление о двух крупнейших разновидностях дунганской речи на территории Китая, а также …значительную часть того диалектологического разнообразия, которое имеет место в зарубежной дунганской речи» [II:3, с. 2]. Во-вторых, кроме названных основных диалектов, которые по определению Е.Д.Поливанова имеют характер **коллективных языковых систем** и которые составили основу данных наречий на местной почве, Е.Д. Поливанов выделил еще и так называемые **«семейные говоры»** [II:3, с. 3]. Последние не являются столь многочисленными и на фоне двух основных диалектов, скорее, выглядят исключениями, указывающими на то, что их носители являются выходцами из различных «особых» районов Китая, к примеру из Ланчжоу /хуэйцзу/, Линся /хэчжу/, из Синина /салары/ и пр. Уже в то время эти говоры почти полностью нивелировались и растворились в общей массе двух наиболее распространенных диалектов. Еще одним из важных замечаний, сделанных в ходе диалектологических экспедиций Е.Д. Поливановым, является вывод о том, что между названными двумя диалектами нет принципиальных различий, непреодолимой пропасти. Это важно потому, что часто и сегодня можно слышать утверждения, что эти диалекты имеют характер языковых различий, т. е., что между носителями этих диалектов не было, и нет должного взаимопонимания. Носители этих диалектов являются выходцами из двух прилегающих друг к другу географических районов по месту исторического проживания и, вполне естественно, имеют общую языковую и диалектную основу.

Много внимания уделил Е.Д. Поливанов в работах по дунганскому языку, наряду с описанием присущих ему черт, и вопросам эволюции языка, разрабатывавшейся им на протяжении всего творческого пути. Ему принадлежит оригинальная концепция, касающаяся причин и содержания эволюционных процессов, в которой, кроме причин внутриязыковых, названы и социальные факторы, обусловливающие направление эволюционных изменений. Главную внутриязыковую причину, движущую силу этих процессов, как известно, ученый видел «в стремлении к экономии трудовой энергии» [I:3, с. 81], подразумевая под языком один из видов трудовой деятельности. В области языка это проявляется «в экономии физиологической …и психической деятельности». Также причины появления эволюционных новшеств ученый видел в стремлении носителей языка к унификации правил образования категорий языка и созданию этих правил по общему шаблону, избегая исключений [I:3, с. 84]. В фонетике это выглядит следующим образом: звуки, более сложные и трудные по артикуляции, заменяются более простыми и менее специфическими [I:3, с. 84]. Правда, ученый говорит об определенных пределах этой экономии, до тех пор, пока она способствует достижению результата, т. е. акта коммуникации. В работе **«Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции»** [I:3, с. 114] – он показал действие этого закона на примере дунганского языка. О том, что данная статья написана им именно в период работы в Киргизии, свидетельствует то, что она всецело посвящена дунганскому языку. Ученый не мог заниматься этим раньше, до того, как дунганский язык стал центральным предметом его научных разысканий. В статье Е.Д. Поливанов подробно останавливается на тех новшествах, которые появились в языке в период его изолированного от основного массива населения функционирования, в новой социо- и этнолингвистической ситуации.

Это, во-первых, появление нового «консонантического дуализма», в виде противопоставления парных твердых и мягких согласных в дунганском языке, отсутствующего в северно-китайском [I:3, с. 116]. При этом Поливанов указывает, что «в северно-китайском имеются случаи мягких согласных в виде четырех палатальных согласных - цзь, - ць, - сь, - нь», но они не обладают качеством корреляций, т. е. не противопоставлены друг другу по этому признаку. Базой их появления послужили двухфонемные комплексы (всего их 6) из которых в процессе стяжения и возникли новые мягкие фонемы, отсутствовавшие в предыдущем состоянии консонантизма [I:3, с. 117]. Еще одним новообразованием является появление в дунганских слогах на месте переднеязычных согласных в позиции перед закрытым **u** факультативных вариантов-губных одноударно-дрожащих согласных (аналог которых можно найти в абхазском), например, «яд» /**dw/**, «земля» /**tw/** – комбинаторно-факультативных вариантов переднеязычных согласных фонем **d** и **t** перед гласным **u**, а также «**тфуканье**» и **«двуканье**» в аффрикатах **дж** и **тш**, передаваемых буквами **«ч»** и «**ж»** в современной дунганской орфографии [I:3, с. 123].

Из области вокализма примерами таких стяжений являются дифтонги **au** и **ai** [I:3, с. 127]. В северно-китайском названные дифтонги в фонологическом отношении являются именно дифтонгами, тогда как в дунганском это сочетание представляет собой одну фонологическую единицу, одну гласную фонему. Этот процесс монофтонгизации дифтонгов и дифтонгизации трифтонгов является характерным признаком современного дунганского литературного языка.

Говоря о причинах этих изменений в сравнении с северо-западными диалектами китайского языка и определяя их как более прогрессивные (в смысле подвергнувшиеся более значительным изменениям, чем остальные), Поливанов ставил их «в связь со специфическими моментами экономической и культурно-исторической ситуации дунганского национального коллектива, которому (в отличие от северно-китайского в целом) пришлось в большей степени вступать в экономический симбиоз и в культурную зависимость от иноязычных народностей» [I:1, с. 31–32]. В качестве последних он имел в виду те нации и народности, рядом с которыми дунганам приходилось жить и тем самым вступать в экономическое и культурное взаимодействие. Это по терминологии Е.Д. Поливанова «турецкие народы» (т. е. тюркские) – кыргызы – в пределах Кыргызстана, казахи – в Казахстане. А в более поздние периоды, уже в составе Советского Союза, огромное воздействие на функционирование дунганского языка оказал русский язык. Кроме того, ввиду конфессиональной принадлежности дунган к исламу большое влияние на их язык и культуру оказала именно эта религия.

Очень много внимания уделял Е.Д. Поливанов, как говорилось выше, разработке теоретических вопросов общего языкознания, в частности вопросам описания типологических особенносте

+-й языков. Все особенности частных языков он имел обыкновение рассматривать сквозь призму присущих им определенных типологических черт и свойств. Долгое время ученые-типологи не могли прийти к единому мнению относительно того, что же должно быть в основе типологических сопоставлений языков. В качестве последней использовались обычно единицы одного из уровней языка, рассматривавшиеся в их взаимной связи и взаимообусловленности. Наиболее распространенной, как известно, явилась морфологическая классификация языков, в основу которой было положено различие морфологической структуры слова в разных по типологии языках. Были попытки привлечь для описания единицы других уровней языка. Однако они не получили широкого распространения. О неудовлетворительности такого рода описаний писалось долгое время. С течением времени пришло понимание, что язык представляет собой систему, и начались поиски системных отношений в языке. Но еще не было единого понимания того, **какие системные характеристики должны быть положены в основу типологического описания языков** [I:5, с. 14]. Были попытки показать взаимосвязь отдельных сторон языка, но дальше теоретических деклараций дело не шло. Е.Д. Поливанов уже в то время на примере типологических особенностей строя китайского и дунганского языков предвосхитил эти взгляды и наглядно показал

взаимосвязь основных уровней языка и то, как проявляются системные свойства языка на примере единиц этих уровней.

Системность единиц явилась одной из главных, или центральных, тем в исследованиях Е.Д. Поливанова. Этой проблеме им посвящен ряд статей, а также капитальный труд ученого последних лет жизни – «Главнейшие особенности дунганского языка» (общим объемом 260 страниц машинописного текста) [II:2]. Как следует из названия работы, в ней ученым была сделана попытка описать все важнейшие особенности дунганского языка – задача, может быть, достойная целого коллектива исследователей.

Начинает Е.Д. Поливанов в указанной работе с критики недостатков существующей на то время генеалогической классификации языков и обзора языковых семейств на территории современной Средней Азии [II:2, с. 7]. Всего он выделяет шесть таких семейств, в том числе и китайско-тибетскую семью языков, куда относит дунганский язык, единственный на обозначенной территории языка изолирующего типа, специфические особенности которого, в отличие от других средне-азиатских языков, сводятся к типовым особенностям китайских языковых систем. В частности, это такие особенности, как, во-первых, «а) **наличие музыкального слогоударения** (т. н. «тонов»), б) **силлабема,** т. е. представление слога, как определенной последовательности определенных согласных, «полугласных» – неслоговых сонантов и гласных звуков, в) **акцентема**, т. е. представления силовой ударенности – неударенности слога» [II:2, с. 8]. Во-вторых, «**моносиллабизм морфемы,** т. е. принципиальная норма, согласно которой морфема состоит из одного слога, и морфологические границы … в подавляющем большинстве случаев, проходят по фонетическим слогоразделам [II:2, с. 9–10].

С последним Е.Д. Поливанов связывал все типологические особенности китайского (и, соответственно, дунганского) языка. Е.Д. Поливанов неизменно подчеркивал, что моносиллабизм строя китайского языка не есть особенность только фонетико-фонологического строя этих языков, а является системным свойством, пронизывающим все уровни, весь строй языков. Можно в этой связи сослаться на одно из утверждений ученого, сделанное им в одной из неопубликованных работ, посвященных дунганскому языку, а именно: что «тот или другой **принципиальный характер морфологии уже предусматривает, или обусловливает определенную структуру фонологической системы, и обратно»** [II:1, с. 1]. В свою очередь, специфика его минимальных фонологических единиц также обусловливает определенный характер морфологии и синтаксиса. Между ними констатируется не только простое сосуществование, но и взаимная увязка и согласованность. Это выразилось в так называемой **теории инкорпораций** – оригинальной концепции Е.Д. Поливанова, объясняющей строй китайского языка.

Он пишет: «Понятие моносиллабической нормы – т. е. «моносиллабизма», соотв. – моносиллабических языков – применимо к современным китайским языковым системам … в смысле односложности морфемы, но отнюдь не в значении обязательной односложности слова» [II:1,с. 9–10]. С этим связано, во-первых, положение о минимальных строевых

единицах языка, служащих строительным материалом для морфеморазличения (здесь и далее, в кавычках, приведены определения, данные Е.Д. Поливановым. – М.Д.), так называемых «субстратов морфем», необходимых для целей коммуникации. В языках индоевропейских, флективных, минимальными смыслоразличительными единицами являлись звуки сами по себе (точнее, если придерживаться однопорядковых терминов, звукофонемы), из комбинаций которых может появиться бесконечное множество экспонентов морфем и слов, необходимых для целей коммуникации. При моносиллабическом же характере строя языков, учитывая особую, «руководящую» роль слога в фонологической системе, слог сам приобретает статус «элементарной фонологической единицы», из которых строятся значимые единицы языка. А поскольку количество последних, т. е. морфем-слогов в языках данной типологии, всегда было ограничено, то они уже не удовлетворяли назначению словаря, возможностям морфеморазличения - служить базой для образования единиц высшего, чем фонологический, уровня языка – уровня слов и предложений. Сохранение принципа моносиллабизма слова, т.е. определенного тождества слога, морфемы и односложного слова, было бы непосильной обузой для языка. Отсюда – переход к полисиллабизму слова, правда, с оговоркой у Е.Д.Поливанова – «отчетливо выраженной тенденции» к доминирующему типу морфологической структуры слова, а именно – к инкорпорациям. Под инкорпорациями он понимал «двусложные сочетания слов из двух лексических односложных морфем без какой-либо связующей их формальной морфемы» [I:1, с. 30].

В настоящее время, данное явление, т.е. наличие инкорпоративных комплексов, можно принять без всяких оговорок, не как тенденцию, а как норму, как «доминирующий» тип слова в китайском языке. Именно отсутствием необходимого и достаточного количества смыслоразличительных единиц языка, в данном случае слогоморфем как субстратов морфем и объясняется полисиллабизм слова китайского языка. Полисиллабизм структуры китайского слова возник как своего рода реакция языка на неоднозначность его основной единицы и служит своего рода разрядкой явлению омонимии слов, возникающему в связи с моносиллабизмом морфемы, широко распространенным в этих языках. В этой связи Е.Д. Поливанов пишет: «когда фонетическая эволюция изнашивает (т. е. сокращает) состав морфологической единицы до неудобного с точки зрения символических (различительных. – М.Д.) целей минимума, тогда на выручку языку, как средству общения, выступает эволюция морфологическая, – восполняющая тот урон, который был нанесен эволюцией фонетической, и именно, слагающая новые морфологические единицы из нескольких прежних морфологических единиц»[II:1, с. 3]. И это несмотря на наличие наряду с ним еще тональной системы ударения, которая в языках данной типологии служит важнейшим суперсегментным различительным средством, помогающим (так же, как и полисиллабизм слова) преодолеть эту омонимию.

Говоря о том, почему же эти двухморфемные и многоморфемные слова получили большее распространение в дунганском языке по сравнению с северо-

западными диалектами китайского языка, ученый связывает это обстоятельство с двумя следующими моментами: «с относительно меньшим количеством силлабем (в нормальном дунганском силлабаре) по сравнению с силлабаром северно-китайских диалектов; и с другой – исторической точки зрения - с фактором гибридизации, т. е. иноязычным, в частности, – турецким (тюркским) языковым влиянием» [II:1, с. 4].

Моносиллабизмом структуры морфемы обусловлен и основной принцип образования слов в этих языках, если проецировать это системное свойство в область словообразования слоговых языков. Как известно, основным принципом словообразования в китайском и дунганском языках является способ словосложения путем простого примыкания односложных морфем без соединительной гласной (в отличие от русского языка, к примеру). И это тоже вполне объяснимый факт. В условиях, когда слова по большей части лишены формальных показателей и представляют собой значимый слог, он становится основанием всей структуры словообразования, его основной единицей. А основным способом словообразования – способ словосложения.

Много внимания уделил Е.Д. Поливанов в своих работах и понятию основной фонологической единицы в названных языках. Как известно, ученый является основоположником слогофонемной (силлабемной) трактовки характера этой единицы. Если в языках европейских, в том числе, в русском, тюркских и др. основной фонологической единицей («элементарной фонологической величиной» по Е.Д. Поливанову) служит фонема – звук, или «представление одного звука языка – гласного или согласного» [II:2, с. 12], то в китайском, соответственно, и в дунганском, им является значимый слог, силлабема. В качестве элементарных фонологических величин их можно рассматривать по двум причинам: во-первых, потому что «фонетический состав слова или морфемы фактически мыслится сложенным» из них, и, во-вторых, количество их «легко поддается учету» [II:2, с. 145]. А поскольку оно поддается учету, то их количество неизмеримо меньше количества единиц высшего порядка, т.е. морфем и слов, которые образуются или состоят из этих элементарных единиц. Действительно, слогов, образуемых гласными и согласными в европейских языках громадное, не поддающее точному учету количество, тогда как в слоговых языках без труда можно установить их потенциальное число, т. е. число силлабем. Отсюда и представление о слоге, как об элементарной фонологической единице, служащей базой или субстратом для построения значимых единиц языка в языках данного типа. Правда, Е.Д. Поливанов при этом подчеркнул, что в эту статистику слоговых представлений должен входить еще и вопрос о числе тонем, а также акцентем. И, только перемножив их, мы можем получить действительное число потенциально возможных дифференцируемых слогов-силлабем в составе словаря для того или иного диалекта китайского языка [II:2, с. 18].

Нельзя не сказать и о вкладе Е.Д. Поливанова в разработку вопросов орфографической теории, принципов построения рациональной орфографии, в частности для дунганского языка. Свое видение путей и способов создания графических и орфографических систем для бесписьменных народностей и

реформ на пути демократизации существующих систем письма он изложил в статье под названием «О трех принципах построения орфографии», опубликованной в сборнике «Вопросы орфографии дунганского языка» [I:1, с. 59–71]. Принципиально важным в этом отношении, на наш взгляд, является утверждение Е.Д. Поливанова о том, что в звуко-буквенных, алфавитных системах письма все написания основаны на «фонетическом» принципе[24]. А все остальные – принцип «традиционно-исторический» и «этимологический» – являются отступлениями в той или иной мере от принципа «фонетичности». И данный постулат является неоспоримым, поскольку главным принципом фонографического письма может быть только требование строгого учета соответствия между знаками письма (графемами) и единицами языка (фонемами).

[24]Данный принцип представителями двух отечественных фонологических школ называется по-разному: МФШ – «фонологическим», ЛФШ – «морфологическим». На наш взгляд, название «морфологический» вызвано соображениями «методико-педагогической выгоды», о чем писал Е.Д. Поливанов (1,), удобством в плане формулировок правил написания, исходя из его названия.

Литература

I. Печатные издания:

1. Вопросы орфографии дунганского языка. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1937. – 72 с.
2. Джумаза М.В. Теоретические проблемы орфографии дунганского языка. – Бишкек: Илим, 2010. – 126 с.
3. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
4. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. – М.: Изд.фирма «Восточная литература», 1995. – 352 с.
5. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М.: Наука, 1985. – 253 с.
6. Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество. – М.: Наука, 1979. – 312 с.

II. Архивные материалы Рукописного фонда Института языка и литературы НАН КР:

1.Поливанов Е.Д. Грамматика дунганского языка. Ч. 2. – Фонд «Специальный», ед. хр. 92. – 26 с.
2.Поливанов Е.Д. Главнейшие особенности дунганского языка. – Фонд «Специальный», ед. хр. 112 – 260 с.
3.Поливанов Е.Д. Очерк дунганской диалектологии. – Фонд «Специальный», ед. хр. 103. – 64 с.

УДК: 81/11

Джусупов Маханбет
Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент
Dzhusupov Mahanbet
Uzbek State World Languages University, Tashkent
mah.dzhusupov@mail.ru

Е.Д. Поливанов: знание 30 языков и планетарное научное наследие
E.D. Polivanov: knowledge of 30 languages and planetary scientific heritage

Аннотация: *Статья посвящена исследованию научного наследия и проблемы определения владения Е.Д. Поливановым большим количеством языков. В научном мире существуют разные точки зрения по вопросу владения языками Е. Д. Поливановым: от 18 до 28 и до 30. В книге «Репрессированная тюркология» отмечается, что Е. Д. Поливанов на соответствующий вопрос следователя ответил, что знает 18 языков. Академик АПН СССР В.В. Решетов утверждал, что Е.Д. Поливанов владел 28 языками. Исследованный Е.Д. Поливановым языковой материал охватывает более чем 30 языков. Использование материала определенного языка в научных целях еще не является гарантом свободного владения специалистом этим языком.*

Подавляющим большинством языков, на материале которых проводил свои научные изыскания Е. Д. Поливанов, он владел свободно, на высоком коммуникативном и научном уровнях. В статье на основе анализа историко-филологической литературы автор приходит к выводу о том, что Е. Д. Поливанов владел 30 языками, чему есть прямые и косвенные доказательства, как в его научных работах, так и в работах исследователей его творчества и лиц, бывших в непосредственном общении с ним. Научное наследие Е.Д. Поливанова, полиглота и выдающегося лингвиста, характеризуется полилингвиальностью, лингвистической инновационностью и фундаментальностью основ создания новых направлений в языкознании и в методике обучения языку.

Abstract*: The article focuses on the scientific heritage and the issue of determining the number of languages spoken by E.D. Polivanov. In the scientific community, there are different opinions on the question of how many languages E.D. Polivanov knew: from 18 to 28 and up to 30. In the book «Репрессированнаятюркология» ("Repressed Turkology"), it is noted that E. D. Polivanov, answering the investigator's question about his knowledge of languages, replied that he could speak 18 languages. Academician of the USSR Academy of Pedagogical Sciences V.V. Reshetov stated that E.D. Polivanov could speak 28 languages. Language materials researched by E.D. Polivanov cover more than 30 languages. The use of a particular language materials for scientific purposes is not yet a guarantee of a specialist's fluency in this language. The overwhelming majority of languages, on the material of which he conducted research, E.D. Polivanov was fluent. Based on the analysis of historical and philological literature, the author of the article concludes that E.D. Polivanov spoke 30 languages, for which there is direct and indirect evidence both in his works and in the works of researchers who studied his scientific heritage and people who were in direct communication with him. Scientific heritage of E.D. Polivanov, a polyglot and an outstanding linguist, is characterized by multilingualism, linguistic innovativeness and fundamentality for creating new trends and conceptions in linguistics and the methodology of teaching languages.*

Ключевые слова: *полиглот; основоположник; тюркские языки; славянские языки; германские языки; романские языки; арабский язык; китайский язык; японский язык; корейский язык; методика обучения языку.*

Key words: *polyglot; founder; Turkic languages; Slavic languages; Germanic languages; Romance languages; Arabic; Chinese; Japanese; Korean; methodology of teaching languages.*

О значимости трудов Е.Д. Поливанова написано много и по-разному. Объединяет все эти труды одно: Е.Д. Поливанов – выдающийся лингвист, полиглот, методист, человек энциклопедических знаний, оставивший неизгладимый след в истории языковедческой науки, занимавшийся русистикой, тюркологией, контактированием языков, сопоставительной лингвистикой, типологией, социолингвистикой, лингводидактикой и методикой и т. д. [1].

Книга В.Л. Ларцева «Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности» [2] начинается двумя цитатами.

Первая цитата из Виктора Шкловского (1984 г.): «Будущее прорастает через настоящее. Асфальт трещит под ногами. Сколько мы еще не знаем и сколько скрыто еще в темноте! Будем же внимательны к нашему прошлому» [2, с. 3]. Безусловно, знание прошлого вооружает нас знаниями создания настоящего и на основе этого – предвидением, планированием будущего. Поэтому необходимо знание того, чтó еще нам неизвестно из жизни и деятельности Е.Д. Поливанова, что было «закрыто» идеологией, ведь когда произошло «открытие», то было видно не всё, многое осталось за этим «закрытием», поскольку «процесс закрытия» приводил к уничтожению определенной части интеллектуальных ценностей, которые имели более чем национальное, более чем государственное значение: они (ценности) характеризовались общечеловеческой, планетарной значимостью. Именно такими общечеловеческими и по языку и по географии являются научные исследования Е.Д. Поливанова: выдающееся наследие выдающейся личности, чьи книги являются инструментарием распространения знаний, мудрости, придя из прошлого в реальное настоящее. Его работы займут свое достойное интеллектуально-высокое место и в будущей жизни языковедческого научного общества. Казахская пословица гласит: «Кітап – алтын қазына» («Книга – золотая сокровищница»), то есть дороже книги ничего нет, так как она равноценна золоту, а мир как материальный, так и интеллектуальный во все времена оценивался, измерялся золотом. Научное наследие Е.Д. Поливанова – золотая сокровищница в пространстве времени и территории.

Итак, с содержанием высказывания Виктора Шкловского мы полностью согласны. Да, асфальт трещит под ногами, но не поддается полному вскрытию, так как, когда «асфальт катали», то были использованы специальные методы и приемы, растворяющие, уничтожающие то, что под асфальтом. Такая судьба настигла многих выдающихся ученых того времени, в том числе знавших и работавших с Е.Д. Поливановым в области филологии, а также ученых из других научных сфер.

Рукописи не горят. Подтверждений этому в истории человечества много. Одной из последних работ, подтвердивших истинность содержания этого высказывания является работа (статья) А.В. Андронова [3], в которой представлены, ранее неизвестные научному миру некоторые рукописи Е.Д. Поливанова, хранящиеся в архиве Национального литературного музея в Праге.

Проблема поиска неизвестных общественности работ ученых, государственных деятелей, музыкантов, просветителей, репрессированных в знакомое всем время XX века, касается практически всех народов бывшего СССР: и российских, и белорусских, и украинских, и казахских, и киргизских, и узбекских и т.д. У всех народов СНГ «асфальт трещит под ногами», асфальт, который накрыл часть большого интеллектуального прошлого.

Книга В.Г. Ларцева завершается частью, озаглавленной «Ненайденные работы Е.Д. Поливанова», в которой сказано, что «На основании прямых свидетельств самого Е.Д. Поливанова, а также косвенных данных

современников ученого и исследователей его творчества нами собрано более 200 названий ненайденных работ. Среди них, естественно, имеются как завершенные, так и незавершенные или даже оставшиеся только в замыслах. Некоторые из них, вероятно, изданы полностью или частично, однако до сих пор не обнаружены. Возможно часть ненайденных работ навсегда утрачена, но часть хранится в архивах бывших издательств и ведомств, с которыми сотрудничал Е.Д. Поливанов, а также в частных архивах» [2, с. 312]. Конечно же, после 1988 г. некоторые работы Е.Д. Поливанова обнаружены. Однако из этих ненайденных работ наибольшее количество до сих пор остается ненайденным. Время покажет и поможет обнаружить пока еще гипотетически навсегда не утерянную часть научного наследия.

Вторая цитата из Вениамина Каверина (1984 г.): «И сам Е.Д. Поливанов, и то, что сделал, и его судьба – необыкновенны и должны войти в историю русской науки» [2, с. 3]. С содержанием данного высказывания мы согласны полностью: и сам Е.Д. Поливанов, и его труды, и его деяния необыкновенны. Но мы хотим больше остановиться на этой 2-й части цитаты: «…должны войти в историю русской науки». Е.Д. Поливанов, прежде всего, советский русский, российский ученый. Но, нет ли в этом умозаключении («…в историю русской науки») географической и национальной локализации? Безусловно есть. Обратимся к этому вопросу Е.Д. Поливанов – ученый, полиглот, владевший по В.В. Решетову 28 языками. Эта статистика (без названия языков) была нам представлена в частных беседах (1971–1977 годах) академиком АПН СССР, доктором филологических наук, профессором Виктором Васильевичем Решетовым, с 1934 года работавшим «младшим научным сотрудником лингвистического сектора Института языка и литературы, в котором работал в качестве старшего научного сотрудника крупнейший лингвист, профессор Е.Д. Поливанов» [4, с. 5]. Работая с Е.Д. Поливановым, В.В. Решетов «окончательно определяет свои научно-исследовательские интересы: область диалектологии узбекского языка и методики преподавания русского языка…» [4, с. 3], а также лексикография, сопоставительная лингвистика и т.д.

Из этих 28 языков, которыми Е.Д. Поливанов владел (по мнению не только В.В. Решетова), на допросе в НКВД он назвал 18 языков.

«Вопрос: Какие Вы знаете языки?

Ответ: Я знаю 18 языков: французский, немецкий, английский, латинский, греческий, испанский, сербский, польский, китайский, японский, татарский, узбекский, туркменский, казакский (казакский. – Авт.), киргизский, таджикский, эстонский, русский» [5, с. 28].

Мы предполагаем, что он владел еще и такими языками как: турецкий, башкирский, каракалпакский, украинский, белорусский, арабский, старославянский, чагатайский. Итого 26 языков, которыми Е.Д. Поливанов владел. По поводу владения турецким и арабским языками (языком Корана) есть сведения в книге В.Г. Ларцева: когда Е.Д. Поливанов посещал Казахнайманский кишлак под Самаркандом, он пользовался арабским языком. Житель кишлака Махмуд Ходжимуродов рассказывает на Поливановской конференции 1964 г. в Самарканде: «Профессор Поливанов хорошо знал

арабскую письменность, читал тексты на различных языках и говорах и даже читал книги, напечатанные арабским шрифтом на турецком языке. Часто приходил к мечети и беседовал с духовниками, особенно с суфи, которые криком приглашали людей к намазу. Он даже делал замечания духовникам, что у них в текстах на арабском имеется много ошибок» [2, с. 103–104]. Почему на допросе Е.Д. Поливанов назвал 18 языков? Думается, что в той ситуации – в ситуации допроса в НКВД точное количество языков, которыми он в действительности владел, не имело значения: главное, что много.

Владел ли Е. Д. Поливанов корейским языком? Ведь он был в Корее. В другой книге В.Г. Ларцева «Е.Д. Поливанов в Узбекистане, 1989» говорится, что он был в поездке в Корее: «Перед его глазами проходит учеба в Пражской гимназии, Петербургском университете, самостоятельная работа в нем, учителя и соратники, поездки в Японию, Китай и Корею…» [6, с. 40]. Если допустить, что он владел и корейским языком, то тогда по нашим гипотетическим подсчетам он владел 27 языками, о чем свидетельствуют его работы по корейскому языку [7; 8]. В пользу того, что Е.Д. Поливанов владел и корейским языком косвенно свидетельствует и тот факт, что он неоднократно общался с корейцем Николаем Ивановичем Кимом, который имел отношение к японскому посольству в Москве, но как написано в книге, он при первой встрече должен был говорить с ним на японском языке [5, с. 37]. Чагатайским языком (средневековый письменный литературный тюрки), по нашему мнению, он владел хорошо, так как многие произведения прошлого были написаны на этом языке. Е.Д. Поливанов, владея большим количеством тюркских языков, относящихся к трем тюркским наречиям (кыпчакскому, огузскому, карлукочигилитскому) не мог не обратить внимание на их диахронический аспект, который представлен в памятниках средневековья и на чагатайском языке.

Знание турецкого языка обеспечивало знание и крымско-татарского (татский диалект) и караимского, и азербайджанского языков, так как все они относятся к огузскому наречию тюркских языков. У них разница минимальная, как, например, между казахским и каракалпакским или между казахским и киргизским, или, например, как между русским и белорусским языками. Если эти языки, которыми, на наш взгляд, он владел, включить в список, то получается, что он владел 30 языками. Из них 2 языка (чагатайский, старославянский) – языки прошлых столетий. Мы говорим о русском языке и о старославянском языке раздельно, считая, что Е.Д. Поливанов владел старославянским языком, так как учился и окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в котором обучали не только современному русскому языку, но и старославянскому.

Итак, Е.Д. Поливанов владел 30 языками. Это больше, чем 28 языков, число которое называл академик АПН СССР, д.ф.н., проф. В. В. Решетов.

Из этих 30 языков, если отнимем 2 языка – старославянский и чагатайский, которые он не отмечал в своем ответе на допросе, а также крымско-татарский (татский диалект), азербайджанский, караимский (3 языка), то получается, что Е.Д. Поливанов владел 25 языками. Если отнять корейский язык, так как у нас нет сведений о живом общении им на этом языке, то получается, что он владел

24 языками. Если же к этим языкам добавить, как выше было отмечено, азербайджанский, караимский, крымско-татарский языки, то получается, что выявлено 27 языков, которыми Е.Д. Поливанов владел.

Мы считаем наиболее правильным, наиболее обоснованным результат осуществленного выше лингвотеоретического и лингвостатистического исследования о том, что Е.Д. Поливанов владел 30 языками: 26 живыми, 4 мертвыми (латинским, древнегреческим, старославянским, чагатайским).

Итак, представим список 30 языков, которыми владел Е.Д. Поливанов. Первые 18 языков даются в последовательности, представленной в книге «Репрессированная тюркология» (ответ Е.Д. Поливанова на соответствующий вопрос следователя). Другие 12 языков представлены в списке по родственности и неродственности (с 19-го по 30-й язык). Эти 12 языков включены нами в список языков, которыми владел Е.Д. Поливанов, поскольку это подтверждается прямыми, а также косвенными доказательствами.

1) Французский язык.
2) Немецкий язык.
3) Английский язык.
4) Латинский язык.
5) Греческий язык.
6) Испанский язык.
7) Сербский язык.
8) Польский язык.
9) Китайский язык.
10) Японский язык.
11) Татарский язык.
12) Узбекский язык.
13) Туркменский язык.
14) Казахский язык.
15) Киргизский язык.
16) Таджикский язык.
17) Эстонский язык.
18) Русский язык.
19) Башкирский язык.
20) Каракалпакский язык.
21) Азербайджанский язык.
22) Караимский язык.
23) Крымско-татарский язык.
24) Турецкий язык.
25) Чагатайский язык (средневековый письменный литературный тюркский язык: тюрки)
26) Белорусский язык.
27) Украинский язык.
28) Старославянский язык.
29) Арабский язык.
30) Корейский язык.

Таким образом, Е.Д. Поливанов владел 30 языками. Из которых 12 – тюркские, 6 –славянские, 2 – германские, 2 – романские и т. д.

В целом следует отметить, что Е.Д. Поливанов в своих работах использовал материал более чем 30 языков. Однако использование материала определенного языка в научных целях еще не является гарантом свободного владения специалистом этим языком.

Итак, следует говорить о принадлежности Е.Д. Поливанова как выдающегося ученого не только к русской науке, но и к тюркской, китайской, японской и т. д.

Он читал великий киргизский эпос «Манас» наизусть в стиле мастеров-манасчи и переводил его части на русский язык.

Он – основоположник сопоставительной лингвистики в Евразии [9].

Он первым познакомил Европейскую науку с особенностями японского языка [10; 11].

Он первым классифицировал диалекты узбекского языка на сингармонические и несингармонические (иранизованные) [12; 13], что легло в основу формирования современного узбекского литературного языка и его несингармонического алфавита и орфографии.

Он основоположник теории лингвистической диалектологии в узбекском языкознании, которая стала моделью для исследования диалектов многодиалектных тюркских языков [12].

Он первым разработал научно обоснованную системную методику обучения русскому языку тюркоязычного общества в новых образовательных условиях на материале узбекской аудитории [13].

Он заложил научно-методические основы общей, частной, и специальной методики обучения неродному языку [13].

Он один из родоначальников-основоположников науки социолингвистики в пространстве.

Он один из выдающихся учёных в области монолингвальной и сопоставительной грамматики и фонологии [9; 13]. Ввел в научный обиход понятие и термин «тюркское фонологическое сито» [14; 15] и т. д.

Таким образом, Е. Д. Поливанов – лингвист-полиглот, владевший 30 языками, оставивший феноменальный, широкомасштабный, высокий и глубокий реактивный след в истории науки о языке в пространстве Евразии и всего мира, поэтому его научное наследие следует маркировать выражением – **планетарное научное наследие Е.Д. Поливанова.**

Литература

1. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
2. Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М.: Главная редакция восточной литературы. Изд-во Наука, 1988. – 328 с.
3. Андронов А.В. О некоторых рукописях Е.Д. Поливанова в Праге // Четырнадцатые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам

исследований и сообщений международной научной конференции. – Смоленск: Изд-во Смол ГУ, 2020. – С. 7–12.
4. Решетов В.В. К 60-летию со дня рождения и к 40-летию научно-педагогической деятельности. – Ташкент: 1970. – 48 с.
5. Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов, Д.М. Насилов. Репрессированная тюркология. РАН. Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2002. – 296 с.
6. Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент: Фан, 1989. – 64 с.
7. Поливанов Е.Д. Гласные корейского языка // Восточный сборник. Кн. II. Пг.: 1916. – С. 344–348.
8. Поливанов Е.Д. Корейский язык // Лит. энциклопедия. – М.: 1931. – Т. 5. – С. 469–471.
9. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент, 1933. –182 с.
10. Поливанов Е.Д. Музыкальное ударение в говоре Токио // Изв. Имп. Акад. наук, Серия VI. – 1915. – Т. IX, № 15. – С. 1617–1638.
11. Поливанов Е.Д. Японский язык // БСЭ. – М., 1931. – Т. 65. – С. 730–736.
12. Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. – Ташкент: 1933. – 45 с.
13. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ч. 1. – 1-е изд. – 1935; 3-е изд. – 1968. – Ташкент: Укитувчи, 1968. – 128 с.
14. Джусупов М. Русская звучащая речь и тюркское фонологическое сито (социолингвистический аспект) // Материалы международной научно-практической конференции Русский язык в международном пространстве Центрально-Азиатского региона СНГ. Мон. РК. – Бишкек: 2007. – С. 26–28.
15. Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. – Ташкент: Фан, 1995. – 178 с.

УДК:94(575.2)

Маджун Д.С.
Центр дунгановедения и китаистики
НАНКР, г.Бишкек
Majun D.S.
Center for Dungan and Chinese Studies
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek
djamad1966@mail.ru

Роль Е.Д. Поливанова в разработке дунганской письменности
The role of E. D. Polivanov in the development of the Dungan script

Аннотация: *Искренне служа идеям культурной революции для народов Советского Востока, Е.Д. Поливанов, живя и находясь с ними в тесном*

контакте, стоял у истоков создания латинизированного письма для многих народов СССР, в том числе дунган.

Ключевые слова: *дунганский язык; письменность; латиница; марризм; репрессии.*

Abstract: *Sincerely serving the ideas of the Cultural Revolution for the peoples of the Soviet East, E. D. Polivanov, living and being in close contact with them, was at the origin of the creation of Romanized writing for many peoples of the USSR, including the Dungan.*

Keywords: *Dungan language; written language; Latin alphabet; Marrism; repression.*

Выполнение задач Советской власти по культурному просвещению масс было невозможно без создания для бесписьменных народов Советского Востока собственной письменности. Новая письменность должна была стать мощным средством идейно-политического воздействия на широкие народные массы, которое было направлено на изменение традиционного идейного багажа, мировоззрения, подъем общего культурного и образовательного уровня. В 20–30-е гг. проводится компания по переводу письменности мусульманских народов Кавказа и Средней Азии с арабской графики на латинскую. Огромную роль в разработке письменности для многих народов СССР сыграл видный советский лингвист-полиглот профессор Евгений Дмитриевич Поливанов, который стоял также у истоков создания первого фонетического письма для дунган – выходцев из Китая. Из всех народностей Средней Азии дунгане занимали одно из последних мест по уровню грамотности, поэтому создание письменности имело для них судьбоносное значение.

При составлении учебников на уйгурском и дунганском языках немаловажное значение придавалось и политической стороне вопроса, так как прилегающие к границе СССР окраины китайской империи при отсутствии крепких связей с центром тяготели в культурном отношении к русскому Туркестану. Врид. завнацмен Габидуллин даже выражал надежду, что «поскольку наши учебники будут сбываться в Китае, постольку проникнут туда и идеи Ленинизма» [1, Ф.81, оп.1, д.1115, л.14].

С китайским языком, как отмечает В. Ларцев, Поливанов работал еще в 1918 г. на посту заместителя наркома иностранных дел по Востоку, одновременно занимая ответственный пост в Союзе китайских рабочих, где редактировал газету «Китайский работник» и руководил жизнью китайской колонии в Петрограде. В 1921–1926 г. он был командирован для налаживания научных связей в Ташкент заместителем председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской ССР. Советское правительство считало делом большой государственной важности разработку учебной и методической литературы на родном языке для национальных школ. С 1921 г. при Туркестанском Наркомпросе в этом направлении работало несколько национальных научных комиссий, большинство из которых возглавлял Е.Д. Поливанов. Одновременно он работал в САГУ (Средне-Азиатский

госуниверситет), а в Туркестанском восточном институте вел, помимо множества других курсов, курсы китайского языка.

В это время в Ташкенте в различных учебных заведениях обучались дунганские студенты из Киргизии. Е. Поливанова часто видели в окружении дунган, через которых он осваивал дунганское наречие и помогал им в построении дунганского алфавита. Дунганские студенты, в том числе первый ученый-лингвист Юсуп Яншансин, слушали лекции и беседы Е.Д. Поливанова по китайскому языку и общему языкознанию на заседаниях лингвистического кружка [2, с. 48, 59, 64].

Как отмечает Б. Одоевский, «Поливанов считал дунганский язык диалектом или рядом говоров одного из западно-китайских наречий провинции Ганьсу. Несмотря на общие черты, позволяющие включить это наречие в состав т. н. "мандаринского языка", к которому относятся говоры 4/5 части всего Китая, различия между дунганским языком и, например, пекинским, все же значительны» [3, с. 80].

В 1924 г., еще до того, как вопрос о дунганской письменности был поднят в правительственных кругах, группа ташкентских студентов (Х. Ибрагимов, К. Маев, Дж. Абдулин и др.) под влиянием профессора Поливанова, разработала первый проект дунганского латинизированного письма из 39 знаков. Однако проект был не совсем удачен. С.А. Врубель отмечал, что главная ошибка при разработке дунганского алфавита состояла в том, что “восприятие фонетического состава дунганского языка шло через призму арабской письменности, поэтому, с технической стороны знаки были очень несовершенны” [4, с. 75].

В марте 1926 г. в Баку при участии ученых Академии наук Ленинграда и Москвы состоялся первый тюркологический съезд, который ознаменовал начало организованного и широкого движения за латинизацию письменности тюркских народов. Для этого создавался Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦКНТА), который, идя на встречу дунганской общественности, обратился во Всесоюзную Академию наук с просьбой оказать помощь дунганам в составлении ими своего алфавита. Как отмечает А. Калимов, на это обращение откликнулись ленинградские и московские ученые – проф. Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, В.М. Алексеев, а также А.А. Драгунов, – несмотря на то, что все они не были знакомы с дунганским языком [5, с. 122].

В 1927 г. ВЦКНТА организовал группу из дунганских студентов в г. Ташкенте для создания письменности на основе латинской графики по опыту татарских и узбекских комитетов. В эту группу вошли Я. Джон, К. Маев, Я. Шиваза и др. Как отмечает М.Я. Сушанло, в 1928 г. на тюркологической конференции в Баку Я. Джон доложил о проделанной работе, и, получив одобрение, составил первый дунганский букварь, а К. Маев и Я. Шиваза – слоговую орфографию. Одновременно ВЦКНТА поручил старшему научному сотруднику Института востоковедения АН СССР А. Драгунову составить орфографию и пунктуацию дунганского языка на основе латинской графики [6, с. 5–6].

Советское правительство уделяло этому вопросу самое серьезное внимание, привлекая к работе лучших в стране высококвалифицированных синологов-лингвистов, учитывая политическую важность создания новой письменности как средства влияния на мировоззрение китайцев, проживающих в СССР, а также сближения с народами приграничного Китая. Светлана Римская-Корсакова Дайер со слов дунганского поэта Я. Шивазы, отмечает, что в мае 1930 г. в Москве началось движение за латинизацию китайского языка, которое возглавил Ch'uCh'iu-pai. А. Драгунов также включился в эту работу. Автор отмечает, что тот факт, что политические сотрудники Академии наук в Москве присоединились к высококвалифицированным лингвистам и синологам из Ленинграда, ускорил весь процесс латинизации. Б.А. Васильев, который собирал материал о дунганском языке во время экспедиций в Киргизии и Казахстане, летом 1930 г. также присоединился к движению по латинизации, сделав возможным постановку дунганской проблемы как части общей проблемы китайцев в Советском союзе. В 1932 г. Я. Шиваза принимал участие в 10-дневной конференции во Владивостоке по обсуждению вопроса использования латинского алфавита китайцами Советского союза [7, p. 241–242].

Несмотря на то, что новый алфавит не был совершенен и требовал основательной научной доработки, сразу же начинают создаваться первые учебники на дунганском языке, выпускается художественная и переводная литература. Только за три года, между 1928–1932 гг., было издано 29 названий учебной и художественной литературы общим тиражом 62 тысячи экземпляров [8]. Работа по созданию и распространению дунганской письменности активизировала развитие дунганской художественной литературы, способствовала расцвету поэтического творчества и общему подъему духовной культуры народа.

В июле 1932 г. во Фрунзе была созвана специальная конференция Киргизского комитета нового латинизированного алфавита, посвященная вопросам дунганского языка и письменности. С докладом об изменениях дунганского алфавита, орфографии и проблемах дунганской терминологии и литературного языка выступили: от АН СССР – В.М. Васильев, от ВЦКНА – А.А. Драгунов, содоклад сделал Я. Шиваза. Конференция утвердила проект слоговой орфографической таблицы дунганского языка на основе латиницы, составленный А. Драгуновым и Я. Шивазой. В разработке и принятии алфавита помощь оказали правительство КирАО, известные советские синологи Москвы и Ленинграда – академик В. Васильев, профессор Е.Д. Поливанов, А.А. Драгунов, а также представители дунганской творческой интеллигенции – Ю. Яншансин, Дж. Абдулин, Я. Шиваза, К. Маев, Я. Джон, Р. Магиев и др. [9, с. 249].

20–30-е гг. XX в. характеризуются усиленным вниманием и чутким, уважительным отношением правительства и Наркомпроса СССР и союзных республик к проблемам нацменьшинств. Организованный в 1928 г. Киргизский Научно-исследовательский институт проводил большую работу в области научного оформления киргизского и дунганского языков, введения нового

латинского алфавита, впервые в мире было организовано издательство на дунганском языке. 27 сентября 1932 г. вышло постановление Киробкома ВКП(б) “О состоянии работы Киргизского научно-исследовательского института”, которым НИИ культуры был преобразован в НИИ культурного строительства (НИИКС). При нем было организовано несколько проблемных секторов, включая сектор дунганской культуры [10, Ф. 10, оп. 1, д. 377, лл. 39-40].

Развитие дунганского языкознания тесно связано с научной деятельностью выдающегося синолога Е.Д. Поливанова, которого в 1934 г. его ученик И.А. Батманов пригласил из Ташкента во Фрунзе в НИИКС. Здесь Поливанов работал старшим научным сотрудником, возглавив сектор дунганского языка, вместе с Ю. Яншансином, впервые в истории поставив на научную основу сбор и изучение лингвистического и фольклорного материала дунган. В 1935–1936 гг. ими были организованы диалектологические экспедиции в села Ирдык, Александровка, Милянфан Киргизской ССР и с. Масанчин Казахской ССР. По результатам этих экспедиций в 1936 г. Е.Д. Поливановым была разработана теоретическая концепция грамматики дунганского языка, а Ю. Яншансин занимался подбором материала для практических разделов, в результате ими был создан учебник для начальной школы на дунганском языке «Грамматика дунганского языка» [2, с. 119–121].

В 1936 г. в издательском плане Кир НИИКСа в «Сборник трудов института» были поставлены в печать следующие статьи Ю. Яншансина: «Проект дунганской орфографии», «Толковый словарь общественно-политических терминов» на 3000 слов, «Образцы дунганского фольклора». Е.Д. Поливанов осуществлял научное руководство, и готовил к печати свои труды: «Материалы по грамматике дунганского языка», «Ганьсуйский говор», «Грамматика дунганского языка в научном освещении (фонетика, морфология, основы синтаксиса)», «Дифференциальное описание ганьсуйского говора дунганского языка. Выявление путей развития дунганского литературного языка». Также готовились к печати совместные труды Е.Д. Поливанова и Ю. Яншансина: «Орфографический словарь дунганского языка» на 10 000 слов, «Материалы дунганской экспедиции 1936 года», «Пунктуация дунганского языка», «Сбор материалов по дунганскому фольклору и диалектологии (командировка в Каракольский и Токмакский районы). Выявление путей развития дунганского языка». Вместе с этим проводилась разработка методики преподавания родного языка и программ для начальной школы, велась работа по составлению терминологических словарей для школ по географии, естествознанию, математике, общественно-политических терминов в соавторстве Е.Д. Поливанова, Ю. Яншансина и Р. Магиева. Одновременно сотрудники сектора дунганской культуры проводили работу по сбору музыкального и литературного фольклора дунган [10, Ф.10, оп.2, д.928, лл.47-51, 91об, 92].

Осенью 1937 г. дунганская секция НИИКС подготовила и провела во Фрунзе совещание, целью которого было решение проблем разработки единой орфографии и терминологии для дунган, проживающих в Киргизии и

Казахстане. Как отмечал в статье “К совещанию по дунганскому языковому строительству” И. Батманов, дунганская секция НИИКС подготовку к этому совещанию вела еще с 1936 г., когда была организована диалектологическая экспедиция (в которой участвовали Е. Поливанов и Ю. Яншансин), подготовившая ценные материалы и позволившая наметить перспективы развития дунганского языка. К совещанию институт выпустил сборник “Вопросы орфографии дунганского языка” и подготовил следующие работы: “Принципы разработки дунганской терминологии”, “Научное описание дунганского языка” (проф. Е. Поливанов) и “Материалы дунганской экспедиции”. Также велась подготовка к изданию “Очерка грамматики дунганского языка”, пособия для учителей и терминологических словарей для начальных классов дунганских школ [11].

В конференции, открывшейся 3 октября 1937 г. принимали участие руководящие работники ЦК КП(б) Киргизии и Наркомпроса, ученые из Института востоковедения АН СССР, Центрального института языков и письменности народов СССР, научные сотрудники НИИКС, а также дунганский актив г. Фрунзе. Совещание открыл нарком просвещения Киргизской ССР Камбаров, а доклад о задачах языкового строительства среди дунган Советского Союза был сделан Шпринциным [12]. Сообразно духу времени, на этом совещании решались не лингвистические проблемы, а были проведены "разоблачения фашистских шпионов и врагов народа", по сути, грязная безосновательная ложь и клевета на людей, внесших огромный вклад в развитие советской науки, киргизской и дунганской национальной культуры и письменности. Нападкам подверглись профессор Б.А. Васильев (Ленинград), А.И. Иванов (Москва), редактор дунганской газеты "Дун Хуошир" Джума Абдулин, руководитель дунганской секции всемирно известный ученый, заложивший основу дунганского языкознания, выдающийся лингвист Е.Д. Поливанов, а также руководитель этого института ученый-самородок, поэт и лингвист Касым Тыныстанов. Все эти люди были репрессированы, а их труды изъяты и по большей части уничтожены.

Приведем небольшой отрывок из статьи, посвященной этому совещанию: «"Руководитель" дунганской секции … небезызвестный враг народа Поливанов составлял учебные грамматики дунганского языка, в которых вредительски извращал языковые факты и заставлял дунганских детей учить, что например, слова "хороший", "большой", "также" являются глаголами, "если" – существительным, слово "очень" – предлогом и т.п. Фашистский агент Поливанов в своих "научных" работах позволил себе прямые антисоветские выпады и контрреволюционную клевету на лучших представителей советской лингвистической науки. Так, в одной из своих, к счастью, не увидевших света, работ, посвященной дунганскому языку, Поливанов открыто делал контрреволюционные выпады против нового революционного учения о языке, созданного великим советским ученым, академиком-орденоносцем Н.Я. Марром» [13].

К слову, впервые Поливанов открыто выступил против марристов в феврале 1929 г., отказавшись признать культ личности в языковедении, и попав

под немилость властей. В 1950 г. в СССР марризм был официально заклеймен как антинаучное учение, а мировое научное сообщество расценило это событие как избавление советской лингвистики от гнета абсурдных идеологизированных теорий. Однако в 1937 г. выдающийся ученый интернационалист Евгений Дмитиевич Поливанов был арестован, а в январе 1938 г. расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

Только за три года работы в секторе дунганского языка Е.Д. Поливанов написал и запланировал работу почти над двумя десятками научных работ [14], заложив научную основу дунганского языкознания и обозначив приоритетные направления дунганского языкового строительства. Однако после ареста почти все труды Поливанова были изъяты из обращения и по большей части уничтожены, а научные исследования в области дунганской лингвистики прекратились. 4 сентября 1937 г. бюро ЦК КП(б) Киргизии рассмотрело вопрос «О работе НИИ киргизского языка и письменности», где отмечалось, что «благодаря отсутствию партийного руководства бюро Киробкома и вредительской работе бывшего руководства Наркомпроса (Джолдошев, Татыбеков, Алиев) в Институте языка и письменности в течение ряда лет орудовали враги народа – троцкисты и националисты (Поливанов, Тыныстанов, Сопиев) и их приспешники (Шабданов, Карасаев, Идрисов и др.), которые в течение своей работы в Институте проводили контрреволюционную националистическую работу, занимались вредительством, саботажем, проводили контрреволюционную фашистскую расовую теорию в области культурного строительства и привели Институт к развалу» [10, Ф. 56, оп. 4, д. 170, лл. 10-11]. Начавшиеся в республике репрессии видных представителей науки и просвещения практически парализовали работу НИИ КЯП.

Итак, первые два десятилетия (1917–1937 гг.) советской власти являются наиболее плодотворным этапом в истории культурных преобразований среднеазиатских дунган, когда силами и умом высококвалифицированных ученых, получивших образование в дореволюционной России, создавались необходимые предпосылки для подъема культурно-образовательного уровня широких трудящихся масс, оформилась письменность, готовились молодые кадры интеллигенции из числа бывших дехкан, совершались первые шаги в приобщении дунган к европейской культуре и образованию.

С другой стороны, именно в эти годы зародились негативные тенденции в политической и культурной областях жизни страны, которые приведут к свертыванию прогрессивных преобразований среди национальных меньшинств и, в конце концов, к установлению партийно-государственной системы управления, исключавшей всякое инакомыслие и стремившейся подавить все проявления национальной самобытности.

Неоценимую помощь в развитии интеллектуального и культурного потенциала дунганского народа оказал всемирно известный ученый-полиглот Евгений Дмитриевич Поливанов, до последних дней своей жизни искренне служивший делу просвещения и культурной революции для народов Советского Востока.

Литература

1. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).
2. Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
3. Одоевский Б. Дунгане Семиречья // Народное хозяйство Средней Азии. – Ташкент. –1928. – № 6.
4. Врубель С.А. О дунганском языке и литературе // Литературный Казахстан. – 1935. – № 5–6.
5. Калимов А. А.А. Драгунов – основоположник дунганского языкознания / Разыскания по общему и китайскому языкознанию. – М.: Наука, 1980.
6. Сушанло М.Я. У истоков дунганской фонетической письменности / Ориенталистика в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1987.
7. Svetlana Rimsky-Korsakoff Dyer. Yasyr Shivaza: the life and works of a Soviet Dungan poet. – Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris: Lang, 1991.
8. Лавров Н. Итоги первой дунганской конференции // Сов. Киргизия. – 1932. – 23 августа.
9. Юсуров Х. Материалы по истории советских дунган (1890–1937 гг.). – 1950 / Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной Академии наук Кыргызской республики (РФ ИЯЛ НАН КР). Инв. 1073.
10. ЦГА общественно-политической документации Кыргызской республики (ЦГА ОПД КР).
11.Советская Киргизия. – 1937. – 10 июля.
12. Совещание по вопросам дунганского языкового строительства // Сов. Киргизия. – 1937. – 5 октября.
13. Драгунов А., Шпринцин А. Языковое строительство среди дунган // Советская Киргизия. – 1937. – 3 октября.
14. Тематический план издания КирНИИ культурного строительства на 1936 г., 1937 г. / ЦГА ОПД КР, Ф.10, оп.2, д.928, лл. 40, 47–49, 51, 91.

УДК: 930.253=30

Сумароков Л.И.
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, г. Бишкек
Sumarokov L.I.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek
sumarokov_li@mail.ru
Сумарокова О.Л.
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, г. Бишкек
Sumarokova O.L.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek
verum-science@mail.ru

Роль Е.Д. Поливанова в становлении узбекского литературного языка
E.D. Polivanov's role in the formation of the Uzbek literary language

***Аннотация**: В статье исследуется система взглядов Е.Д. Поливанова на выбор опорного диалекта узбекского литературного языка в 20–30 годы XX столетия, происходивших в условиях острой политической борьбы сторонников сингармонистических и несингармонистических диалектов на фоне алфавитных реформ советских тюркских языков.*

Abstract: *The article examines the system of views of E.D. Polivanov on the choice of the reference dialect of the Uzbek literary language in the 20-30 years of the XX century. The struggle took place in the context of an acute political struggle between supporters of singarmonistic and non-singarmonistic dialects and against the background of alphabetic reforms of the Soviet Turkic languages.*

***Ключевые слова:** Поливанов Е.Д., Туркестанская АССР, узбекский язык, диалекты узбекского языка, сингармонизм, латинизация.*

***Keywords:** Polivanov E.D., Turkestan ASSR, Uzbek language, dialects of the Uzbek language, singarmonism, Romanization.*

На университетской кафедре в Ташкенте осенью 1921 года перед ошарашенной аудиторией появилась странная фигура среднего роста, худощавая, почти тщедушная. Большеголовый шатен, с огромными светло-голубыми глазами. На ногах дырявые калоши. На голове просаленная тюбетейка. На плечах грязный узбекский халат. Но через несколько минут аудитория покорена [1, с. 57]. Такое яркое впечатление, сравнимое с падением метеорита, произвел Евгений Дмитриевич Поливанов на ожидавших появления лектора студентов, едва ступив на порог учебной аудитории Среднеазиатского государственного университета (САГУ), – первого в Средней Азии высшего учебного заведения, начавшего подготовку высококвалифицированных специалистов для нужд всех отраслей народного хозяйства и подъема культуры и науки народов Советского Востока. В том же году ученый-лингвист читает курсы общего и сравнительного языкознания, китайского языка и другие спецкурсы, в том числе эпизодический курс о методах собирания лингвистических материалов в Туркестанском восточном институте, весной 1924 года «влитом в САГУ в качестве самостоятельного факультета» [2, с. 17] – восточного.

Едва прибыв в Ташкент, Поливанов активизирует работу по изучению диалектов узбекского языка. Увлеченный их фонетическими особенностями, спустя год в первом номере журнала «Наука и Просвещение» (1922 г.) он публикует работу «Звуковой состав ташкентского диалекта», названную его учеником К.К. Юдахиным «образцом краткого, но четкого определения звукового состава того или другого узбецкого говора и пофонемной записи текстов» [3, с. 403].

В 1923 году в качестве председателя этнографической комиссии Туркестанского Наркомпроса Поливанов становится организатором различных научных экспедиций по сбору местного материала, принимая в том же году

участие в лингвистической переписи населения Туркестанской АССР, предвосхитившей начало процесса национального размежевания Средней Азии [4, с. 294].

В 1924 году ученый возглавляет диалектологическую экспедицию в узбекские города и кишлаки, в которой принимают участие некоторые слушатели Востфака САГУ. Условно разделив узбекский язык на две основные группы говоров – иранизированные, заменившие турецкий вокализм иранским и утратившие сингармонизм, и неиранизированные, сохранившие сингармонизм и турецкий состав гласных, – Поливанов поручает своим студентам запись и предварительную обработку второй группы, а сам приступает к изучению первой [3, с. 403]. Итогом проведенной работы стала его статья «Образцы фонетических записей ташкентского диалекта», опубликованная в бюллетене Средне-Азиатского государственного университета [5].

Всестороннее изучение Поливановым фонологии диалектов узбекского языка оказалось тесно сопряженным с прикладными задачами реформы алфавита и орфографии узбекского языка, стартовавшей после Октябрьской революции. «Самое важное в моей работе – это ее прикладной характер для настоящего времени и ближайшего будущего» [6, с. 16], – писал он, подчеркивая, что одной из отличительных черт советского языкознания являлось активное участие в практической деятельности, вызываемой потребностями реальной жизни, и, настаивая на том, чтобы в программы общелингвистического курса наряду с лингвистической пропедевтикой, теорией эволюции языка, методами сравнительно-исторического языкознания, социологической лингвистики и пр. включалось изложение «прикладной лингвистики» [7, с. III].

К 1923 году рационализация узбекской письменности на основе арабской графики в советском Туркестане прошла все этапы теоретической разработки. Реформированный алфавит отныне включал в себя 6 букв, идеально подходивших к звуковому составу несингармонистических говоров узбекского языка: [ɔ], [ä], [e], [i], [o], [y]. Между тем подготовленный в 1926 году проект новых правил узбекской орфографии основывался на принципе «Пиши строго фонетически, соблюдая гармонию гласных», который должен был применяться, в том числе, в отношении тех диалектов узбекского языка, в которых сингармонизм отсутствовал, – ферганско-ташкентской группы говоров, длительное время испытывавших на себе арабо-персидское влияние и утративших сингармонизм.

Парадокс орфографической реформы, по мнению Поливанова, состоял в том, что отныне ни один узбек не мог писать строго фонетически на родном языке, так как для звуков сингармонистических говоров не хватало букв в новой графике (6 гласных букв для 9 гласных звуков), а для несингармонистических говоров приходилось соображаться с формами сингармонистическими [8, с. 66].

Последнее обстоятельство беспокоило Поливанова в наибольшей степени. Гигантская работа, проделанная им за пять лет жизни в Туркестанской АССР, –

ему удалось описать маргеланский, самаркандский, казак-найманский, кыят-кунградский, гурленский, хивинский, казли-найманский, туркестанский, кашгарский говоры, говор люли, говор ферганских каракалпаков и говор туземных евреев Ферганы, – блестящее их знание и глубокое понимание тенденций их развития к тому моменту позволили лингвисту прийти к убеждению в том, что в основу узбекского литературного языка должен быть положен иранизованный (несингармонистический) городской диалект Ташкента, Самарканда и Ферганы. И любые попытки посредством графики фонетически уподобить несингармонистические говоры говорам сингармонистическим противоречили, по его мнению, не только морально-этическим нормам и природе языка, но и закону целесообразности.

Сокрушаясь по поводу того, в каком печальном положении в результате новой орфографической реформы оказался центр узбекской цивилизации – Ташкент и Самарканд, Поливанов писал в работе «Краткая грамматика узбекского языка» следующее: «На первый взгляд кажется, что за требованием деятелей узбекской реформы, чтобы все писали с соблюдением сингармонизма, скрывается элемент воли, – залог выработки единого узбекского литературного языка. Но на самом деле, здесь незнание эволюции социально-языковой стихии, и в результате – попытка с негодными средствами» [8, с. 66].

Эти выводы, в дальнейшем оказавшиеся совершенно правильными, вступили в противоречие с точкой зрения некоторых узбекских лингвистов и деятелей просвещения, стремившихся опереться на «более тюркский» диалект и оправдывавших это стремление необходимостью якобы «повернуться лицом к кишлаку». Поливанов же в статье «Невозможно молчать», опубликованной 22 октября 1928 года в газете «Правда Востока», сравнивал это намерение с введением в узбекскую графику «трех ятей».

Отстаивая право носителей не-сингармонистических говоров узбекского языка писать сообразно своему произношению, в 1921 году Поливанов активно выступает в защиту латинизации советских тюркских языков, считая, что отказ от арабской письменности, пусть даже реформированной, неизбежен в силу неполного соответствия арабского алфавита строю тюркских языков, в частности узбекского.

«…С точки зрения школьно-педагогических выгод, – утверждал лингвист, – такие “индивидуально-национальные” реформы, как напр., рационализация мусульманского (арабского) письма в Казакистане (завершенная в 1924 году) или приближающаяся к ней аналогичная татарская реформа, могут иметь не меньшую значимость, чем латинизация, и они, разумеется, уже сыграли свою серьезную роль для дела ликвидации неграмотности. По сравнению с графическим консерватизмом, отстаивавшим традиционный состав арабского алфавита и старую орфографию, эти реформы носили подлинно революционный характер, и забывать об этом, объединяя под единой кличкой «арабистов» и таких революционеров графики, как Байтурсунов (в Казакистане), Арабаев (в Киргизии), а с другой стороны, их религиозно настроенных противников, было бы по меньшей мере необдуманно. Но, так или

иначе, поворот к идее латинизации оказывается крупным идеологическим поворотом» [9, с. 95].

В 1923 году, сразу после II съезда узбекских работников просвещения, Поливанов разрабатывает оригинальный проект создания письменности тюркских языков на основе латинского алфавита и выпускает брошюру «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях», где доказывает необходимость согласованных действий при реформе графики различных тюркских языков во избежание «вавилонского столпотворения» [6, с. 16].

В этой связи Поливанов выдвинул идею создания единого координационного органа, который в последующем занялся координацией разработки письменностей для народов СССР. Весной 1924 года при Всесоюзной научной ассоциации востоковедов (ВНАВ) в Москве была создана возглавляемая работниками Центрального Восточного издательства «Ассоциация латинского шрифта для туркписьменностей» (Аслат), которой было поручено к осени того же года подготовить общетюркский Съезд работников просвещения для решения вопроса о создании единой системы латинских графических обозначений для письменностей тюркских народов. Туркестанским работникам просвещения в свою очередь надлежало явиться на Съезд не с пустыми руками: необходимо было изучить существовавшие уже латинские алфавиты и их проекты и иметь готовое мнение по этому вопросу [10, с. 5].

Несмотря на то что грамотность на арабской графике была укоренена в Узбекистане гораздо дольше и глубже, чем, к примеру, на территории современного Кыргызстана, сильной антилатинской оппозиции, возникшей в период политики латинизации в большинстве тюркских республик, здесь не обозначилось: вся узбекская интеллигенция оставалась сконцентрированной не на выборе оптимальной для своего языка графической формы, а на яростной борьбе за возведение «своего» диалекта в ранг единого литературного языка.

По-прежнему придерживаясь мнения о том, что «управление языковой стихией (живой речью) не дается так легко в руки организованному начинанию, как управление письменностью» [8, с. 66], в 1926 году Поливанов публикует ко II тюркологическому съезду брошюру «Проекты латинизации турецких письменностей СССР», в которой предлагает своим узбекским коллегам «графический компромисс» – ввести в латинский алфавит 6 гласных [ɔ], [a], [e], [i], [o], [u], отображающих звуковой состав несингармонистических говоров, и добавить для сингармонистических говоров знак «ɐ», который ставился бы перед словом и указывал бы на передний характер гласных в нем ([ÿ], [ö] и т. д.) [10, с. 91].

Однако, несмотря на результаты научных исследований, научно обоснованные факты и широкую доказательную базу, в результате долгих дискуссий, разгоревшихся в это время на страницах узбекской печати, на различных заседаниях, собраниях и конференциях апологеты сингармонизма одерживают промежуточную победу, утвердив в мае 1929 года на Республиканской орфографической конференции в Самарканде алфавит,

состоявший из 34 знаков, в том числе 9 букв для отображения гласных: і, ь, у, и, ө, о, е, а, ә.

Поливанов парировал: «…пока вопрос о литературном диалекте научно не вырешен, а требование “сингармонистической орфографии” остается в силе, до тех пор пользование латинским алфавитом с девятью гласными представит еще в несколько раз больше затруднений (для большинства пишущих по-узбекски), чем пользование мусульманской графикой» [9, с. 109].

Не желая сдаваться и продолжая отстаивать не-сингармонизм на письме, в 1933 году Поливанов написал новую статью, посвященную реформе состава узбекского алфавита. Однако, несмотря на рекомендацию к печати Терминкома, ее не удается опубликовать ни в одной местной газете. Поливановские оппоненты – пантюркистски ориентированная джадидская интеллигенция, представлявшая в то время узбекскую советскую номенклатуру, – накладывает на нее цензуру.

«Неужели все, что я сделал конкретного в области латинизации – напр., то, что еще до революции я принимал активнейшее участие (вместе с С. Новгородовым) в выработке первой их турецких латиниц – в якутской латинице 1917 года (когда профессора-востоковеды, кроме Бодуэна, негодовали на нас за выбор латинского, а не русского алфавита); то, что я уже в 1922 году докладывал съезду готовый состав узбекской латиницы; то, что я в 1923 году опубликовал брошюру «Проблема латинизации тур. письменностей СССР»; то, что я в 1926 году, во второй моей брошюре, сигнализировал опасность “разнобоя” при децентрализованном проведении латинизации (опасность, которая стала очевидной для всех на следующий год – в 1927 году; наконец, то, что я в 1928 году указал на вышеназванную ошибку в составе узбекского лат. алфавита (не говорю уже об участии в пленумах, в Научном Совете ВЦКНТА и в “Культуре и Письменности Востока”), – неужели все это, говорю я, недостаточно для того, чтобы позволить мне выступить по вопросу, прямо относящемуся к моей специальности, перед узбекской общественностью?! Неужели нельзя мне простить, что я указал ошибку моих оппонентов – ошибку, которую они сами в настоящее время признают ошибкой?» [8, с. 43], – с недоумением вопрошал Поливанов, забыв отметить, что являлся также автором более двадцати работ, посвященных теории и практике латинизации.

Политический подтекст борьбы за опорный диалект узбекского языка Поливанов раскрыл в своей книге «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства)» [11]. Одним из исходных положений в языковых взглядах находившейся в то время у власти националистической и пантюркистской интеллигенции, он называл тот факт, что узбекский язык мыслился ими, «как один из письменных турецких языков – именно средне-азиатский письменный турецкий язык, продолжатель чагатайского языка, игравший и способный продолжать играть роль орудия объединения средне-азиатских турецких народностей; во-вторых, этот язык мыслился как чисто и насквозь турецкий (тюркский) язык; во всяком случае его надо было выдавать за таковой, для чего нужно было всячески замалчивать и игнорировать факты иранского

(таджикского) влияния – и на узб. лит. язык, и на всю вообще узбекскую нац. культуру, которой искусственно сообщался чисто турецкий облик» [11, с. 37].

Соответственно узбекский язык должен был оставаться сингармонистическим. Желая удержать позиции кишлачных диалектов, их сторонники пускали в ход запрещенные уловки, от попытки вычеркнуть из поливановской классификации диалектов узбекского языка упоминание о несингармонистических иранизированных говорах и запрета термина «иранизированный» до игнорирования самого факта существования таджикского языка.

Добиться торжества научной истины Поливанову удалось лишь спустя четыре года после выхода в свет «Узбекской диалектологии…», в 1937 году, когда иранизированный несингармонистический ташкентский говор был официально положен в основу произносительной нормы узбекского литературного языка. Сверхгениальность и научная принципиальность русского лингвиста сделали его своего рода Амфионом в истории узбекского языкознания, под звуки лиры которого в советской науке, сознании и политике произошли тектонические сдвиги, выведшие узбекский язык на качественно новую траекторию развития.

Литература

1. Кардашев М.С. Воспоминания о Е.Д. Поливанове (1890–1940). Материалы к «Поливановским чтениям в Самарканде» // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, 1966. – №1. – С. 57–64.
2. Присоединение Туркестанского Восточного Института к Средне-Азиатскому университету // Бюллетень Средне-Азиатского Государственного университета. – 1924. – Вып. 7. – С. 16–18.
3. Юдахин К.К. Некоторые особенности карабулакского говора // В.В. Бартольду: Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 401–425.
4. Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988.
5. Поливанов Е.Д. Образцы фонетических записей ташкентского диалекта // Бюллетень Средне-Азиатского Государственного университета. – 1924. – №4. – С. 87–90.
6. Поливанов Е.Д. Избранные работы / Сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968.
7. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. – Ленинград, 1928.
8. Поливанов Е.Д. Краткая грамматика узбекского языка. Часть вторая. Глагол. – Ташкент;Москва, 1926.
9. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931.
10. Поливанов Е.Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР: к Туркологическому съезду II 1926. – Ташкент, 1926.

11. Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства). – Ташкент, 1933.

УДК 82:808.03.

Бокешова М.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
BokeshovaM.T.
J. Balasagun KNU, Bishkek
beatriche-2003@mail.ru

Переводческое мастерство У.А бдукаимова (на материале перевода на кыргызский язык повести А.М. Горького «В людях»)
У. Абдукаимовдун котормочулук чеберчилиги (А.М. Горькийдин «Көрүнгөндүн колунда» повестинин кыргызча котормосунун материалында)
Translation skills of U. Abdukaimov (based on the translation into the Kyrgyz language of A.M. Gorky's story «In the World»)

Аннотация. *В статье анализируется перевод на кыргызский язык одной из повестей знаменитой автобиографической трилогии А.М. Горького «В людях». Сопоставительный анализ кыргызского перевода с оригиналом повести позволил автору сделать вывод о высоком художественном уровне перевода.*

Аннотация. *Макалада А.М. Горькийдин белгилүү автобиографиялык үч илтигин түзгөн повесттеринин бири «Көрүнгөндүн колунда»повестинин кыргыз тилиндеги котормосу таржымаланат. Кыргызча котормо менен чыгарманын оригиналын салыштырма талдоонун негизинде автор котормонун бийик көркөм деңгээли тууралуу корутунду чыгарат.*

Annotation. *The article analyzes the translation into the Kyrgyz language of one of the stories of the famous autobiographical trilogy of A.M. Gorky «In the World». Comparative analysis of the Kyrgyz translation with the original of the story allowed the author to conclude that the translation is high in art.*

Ключевые слова: *художественный перевод, трилогия, национальный характер, переводческое мастерство, эстетическая реальность.*

Ачкыч сөздөр: *көркөм котормо, үч илтик, улуттук мүнөз, котормочулук чеберчилик, эстетикалык чындык.*

Key words: *literary translation, trilogy, national character, translation skills, aesthetic reality.*

Совет доорунун улуу жазуучусу М. Горький өз артына баалуу көркөм мурастарды калтырган. Алардын көбү кыргыз тилине том-том китеп түрүндө ар башка таржымачылар тарабынан ишке ашырылып, азыр ал окурмандардын

сүйүктүү чыгармаларына айланган. Ошолордун бири анын автобиографиялык үчилтиги («Балачак», «Көрүнгөндүн колунда», «Менин университеттерим») болуп эсептелет.

У. Абдукаимов М. Горькийдин бир нече аңгемелери менен бирге, үчилтиктин экинчи китебин кыргыз тилине эң сонун таржымалаган. Бул – анын котормолорунун мыкты үлгүлөрүнүн бири.

Бул М. Горькийдин жазуучу катары толук калыптанып бүткөн кезде жаралган чыгармасы. 1914-жылы «Бала чак» («Детство») жана «Көрүнгөндүн колунда» («В людях») повесттери жазылат. Ал эми үчилтиктин үчүнчү бөлүмү болгон «Менин университеттерим» совет мезгилинде жаралган.

М. Горькийге чейин бала чактын жана өспүрүм кез куралтарынын «поэзиясы» тууралуу С. Аксенов менен Л. Толстойлор өздөрүнүн чыгармаларында чагылдырышкан. Бул жерде «поэзия» деген термин адам баласынын ошол мезгилинин кайталангыстыгы, анын рухий дүйнөсүнүн өзүнчө бир назик, баёлугу, сулуулугу маанисин туюнтат. Горький өзүнө чейин бул темага кайрылган сөз устаттарынан балалыктын психологиясын терең ачып берүү чеберчилигин өздөштүрүү менен катар ал өмүр баян темасында өз алдынча жаңы жол ачкан. Ал жаңычылдык биринчи иретте баш каармандын тагдырынан көрүнөт. Алексей Максимовичтен мурункулардын жаш каармандары оокаттуу үй-бүлөдөн чыгып, башка чөйрөдө чоңойсо, Алеша Пешков каардуу турмуштун тузагынан чыга албай, колдон-колго өтүп, көрбөгөн азабы калбайт. Тил угуп, таяк жегени ал үчүн көнүмүш иш, ал эми андан бөлөк башына түшкөн мүшкүлдөрдү айтып олтурса, жүрөк титирейт. Ачка калганы, жыртык кийим менен шүмүрөйүп жүргөнү бир эсе болсо, өтө айласыз абалга кез келип, өлүмгө башын байлаган учурлар да көп эле жолу кездешкен. Бирок, Алеша ошонун баарына чыдап, өзүн жоготуп жибербей, темирдей эрктүүлүгү менен кырсыктардын бардыгын жеңип келген.

Бала (кийинчерээк өспүрүм) абдан сезимтал, зирек, айлана–чөйрөдө өтүп жаткан окуяларга терең назар салып, аны өзүнчө кабылдайт, талдайт, жыйынтык чыгарат. Бул аракеттердин бардыгында мээримдүү, боорукер таенеси чоң таяныч болот. Турмуш сабактарын үйрөнүүдө, айрыкча китеп окууну адатка айландырууда кемедеги ашпозчу Смурый абдан чоң жардам берет. Алеша булардан башка да ар бири өзүнчө кызык дүйнө болгон ак ниет, боорукер адамдарга жолугуп, алардан да көп акыл-насаат сөздөрдү угат.

Алеша өз турмушу, жашоосу тууралуу өзү айтып берет. Анын баянында каармандын жаш курагына жараша өзгөчө бир баёолук, көп нерсенин сырын ача албаган тажрыйбасыздык, билимсиздик байкалат. Бул да табигый нерсе, эгерде ал чоң кишилер сыяктуу ой жүгүртсө, анда чыгарма жасалма болуп калмак. Биринчи жактан баяндоодо каармандын жаш жана мүнөз өзгөчөлүгү турмуштагыдай ишенимдүү болууга тийиш. Ошону менен бирге, мында автор жөнөкөй гана байкоочу катары турбайт. Ал каармандын өтүп жаткан окуяга карата мамилесин аныктоодо жардамга келет. Мисалы, Алеша турмушту кооздук мыйзамы менен философиялуу да кабылдайт. Ал болгону он беш жашта, ал эми ой жүгүртүүсү кадимкидей билимдүү адамдыкына окшош.

Пешков турмуштагы терс көрүнүштөрдү деталдаштырып, жай баракат баяндап отурат. Мунун себебин ал мындайча түшүндүрөт: «Подлой и грязной жизнью живем мы, вот в чем дело! Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальными и нельзя скрывать грозную правду в пестрых словечках красивенькой лжи» [1; 75]. 1) «Биз бардыгыбыз уятсыз, булганч турмуш менен жашап келе жатабыз – кеп мына ушунда. Мен кишилерди (адамдарды десе жакшы болмок – ***М.Б***.) эң жакшы көрөм жана аларды эч кандай кыйнагым да келбейт, бирок, ыгы жок сентиментальный болуунун да кереги жок. Айбаттуу чындыкты сөз менен калайлап кооздолгон калптын ичине жашырууга да болбойт» [2; 23]. 2) Дагы мындай дейт: «Хотя мне жилось горько, но я понимал: как это можно бежать от него. В жизни окружающей меня тою порой, было много интереснего, дорогого…»[1; 375].

Мына ушундай ишеним менен келген каарман повесттин финалында берилген төмөнкү символдук маанидеги сөздөр менен басып өткөн өмүр жолун жыйынтыктайт: «Токойдогу жалгыз аяк чубама жолдорду жоготуп, адашып калып, анан аларды издеп-издеп чарчагандан кийин тиштенип, чердин арасындагы чирип, каршы-терши жаткан жыгачтар менен, саздын дүмүрлөрү менен жүрүп отуруп, эң аягында кеңири жолго чыгасың» [2; 247].

Ошентип, Алеша өзү айткандай, токойдо адашып жүрүп, түз жолго эми гана чыгып, өз бактысын издеп Казань шаарын көздөй жол тартмакчы болуп жаткан аракети менен повесттин акыркы барагы жабылат. Анын андан аркы тагдыры жөнүндө үчилтиктин үчүнчү китеби «Менин университеттерим» повестинде сөз жүрөт.

У. Абдукаимов «Көрүнгөндүн колунда» повестинин таржымасын 1954-жылы жарыкка чыгарган. Ага чейин ал Пушкиндин жомокторун, Гоголдун «Текшерүүчүсүн» эң жакшы которуп, калайык-калкка таанылган эле. Бул эмгеги да анын чеберчилигин тастыктай турган таржымаларынын бири. Эң негизги жетишкендик – бул котормо өнөрү талап кылган оригиналдын образдуулугун сактоо, макал-лакап, салыштыруу, метафораларга өз тилинен адекват таап, тексттеги ойлорду туура кабылдап, аларды кыргызча түшүнүктүү бере билүү.

Оригиналды котормо менен салыштырып, талдап көргөн кезибизде кормонун жалпы деңгээли бийик экендигине көзүбүз жетти. Бул У. Абдукаимовдун ийгиликтүү чыккан чоң котормолорунун бири. Өз мезгилинде аны К. Рысалиев өзүнүн бир макаласында фразеологизмдердин которулушу боюнча абдан мактаган. Биз төмөндө айрым мисалдар менен котормочунун мыкты жактары менен бирге, кээ бир оош-кыйыштары тууралуу кыскача токтоло кетмекчибиз.

1. Все трое метались по магазину, **точно бесы** на стеклах шкафов скользили их отражения, казалось, что все кругом загорелось, тает и вот сейчас примет иной вид, иные формы [1; 95].

Үчөө тең магазиндин ичинде **жин ургандай**, бүлүк түшүп калды. Шкафтардын айнегинен бул үчөөнүн сөлөкөттөрү чуркап, тегеректин баары өрттөнүп, өзгөрүп азыр эле башка түр, башка сыпатка түшүп кетчүдөй болуп турду [2; 88].

Бул үзүндүдө орусча салыштырууга кыргызча абдан жакшы адекват тапкан. Экинчи «их отражение» деген мисалда да алардын «сөлөкөттөр» деп орундуу сөз тапкан.

2. Кашарин, **не вытаращивай** зенки, – советовал ему хозяин [1; 55].

Кашарин, **көзүңдү акшыңдатпа**! – дейт кожоюн Сашага [2; 125].

Мында көздүн көрүнүшү кыргызчада так, даана мүнөздөлгөн.

3. И если на дворе дрались петухи или голуби, она, бросив работу, наблюдала за дракою до конца ее, глядя в окно, **глухая, немая** [1; 87].

Кокустан короодо короз же кептерлер урушуп калчу болсо, ишин таштап коюп, тигилердин урушу бүтмөйүнчө терезеге келип, **кулагы укпас дүлөйчө, тили жок дудукча** аңырайып карап тура турган [2; 135].

Бул жерде бир так эместик кеткен. «Дүлөй» менен «дудукка» «кулагы укпас», «тили жок» деген эпиттер туура эмес алынган, себеби, «кулагы укпаган» адамды «дүлөй», «тили жокту» - «дудук» дейт. Аларга кошумча сөздүн кереги жок болчу.

4. Тут я **расхохотался** до того, что боясь свалиться с ног, повис на ручке двери, дверь отворилась, я угодил головой в стекло и вышиб его[1; 75].

Мен **боорум катып күлүп**, кулап кете жаздаганда эшиктин туткасын кармай калдым, эшик ачылып кетип, башым менен эшиктин терезесине тийдим да, терезе талкаланып жатып калдым [2; 123].

Мисалда орустун «расхохотался» деген жөнөкөй сөзү «боорум катып күлдүм» деп идиома менен туура которулган.

5. Может быть даже сейчас вот **ткнется лицом** в пол и умрет [1; 98].

Балким, **тумшугу менен жер сайып** өлүп кетеби[2; 195].

Мындагы асты сызылган сөздөр бири-бирине толук адекват келет.

6. Эх, ты, **таракан богова ошибка** [1; 69].

Эй, сен, **кудайдын жаздым жараткан үй коңузусуң** да [2; 143].

«Коңуз» менен «таракан» ар түрдүү жандыктар болсо да, жакындатылган реалийлер катары кабыл алууга болот. Ал эми «богова ошибка» кыргызчага абдан так которулган.

7. А ты молчи! [1; 101]

Тилиңди тартып жөн жүр [2; 156]**.**

Мында жөнөкөй орус сөз фразеологизм менен жакшы берилген.

8. **Не бычись**, покупатели подумают, что ты козел [1; 105].

Олурайба, алуучулар **сүзөнөөк теке** экен деп жүрбөсүн [2; 212].

Оригиналдагы «теке» деген сөзгө «сүзөөнөк» деп, туура эпитет тандап алган. Котормочу оригиналдагы подтекстти түшүнгөн, анткени жөн эле «теке» деп койсо, ал кайдыгер эле бир сөз болуп калмак, ал эми «сүзөөнөк» болгондо анын маанаси күчөтүлдү. Демек, сатуучу кегендерге «оңурая» караса, ал «сүзөөнөк текеге» окшоп калмак.

9. Кроме хозяина в магазине торговал мой брат, Саша Яковев и **старший** приказчик – **ловкий, липкий** и румяный человек [1; 167].

Магазинде кожоюнумдан башка менин агам Саша Яковев, анан дагы бир эптүү **колу колуна тийбей шыпылдаган**, **уйгактай жабышкак**, бети кыпкызыл старший приказчик соода жүргүзө турган [2; 218].

Сүрөттөөдөгү «ловкий», «липкий» деген сын атоочторго кыргызча угумдуу, таамай сөздөр тандалып алыган.

Эми прозалык чыгармаларды которуунун өзгөчөлүгү жөнүндөгү маселеге келсек, анда М. Ауэзов колдонгон бир алгылыктуу тажырыйба бар: «Я старался перевести роман по возможности дословно. Только такой перевод способен передать язык писателя, стиль, особенности конструкции предложения, т.е. дословный перевод в моем понятии означает перевод каждого предложения отдельным предложением. И каким бя длинным не было предложение оригинала, оно не должно разрывается на несколько самостоятелных предложений. В этом случае имеющиеся в русском тексте знаки препинания в большинстве своем переходят и в казахский текст, т.е. на казахском языке удалось точно сохранить объем предложения Тургенева» [3; 31].

У. Абдукаимов өз котормосунда М. Ауэзов сыяктуу узун сүйлөмдү жөнөкөй сүйлөмгө айландырбай, өз калыбында сактай алган эмес, бирок повесттин жыйырма параграфынын бир да абзацын, ал турсун бир да сүйлөмүн кыскартпай толук бойдон таржымалаган. Ошонун натыйжасында оригиналдын көлөмү дал өзүндөгүдөй сакталган.

Эпикалык чыгармаларда окуяны автор же анын ордунда башка бирөө баяндайт. «Көрүнгөндүн колунда» повестинде баяндоочу он беш жаштагы Алеша Пешков. Сюжет анын шаардын чоң көчөсүндөгү модалуу бут кийим магазининде малай (эшик кайтаргыч) болуп жүргөнүнөн башталып, андан соң ал колдон-колго өтүп, көрүнгөн жерде иштеп жүрөт. Ал сегиз жаштан он бешке чейинки аралыкта көп нерселерди көрөт, ар кандай мүнөздөгү адамдар менен мамилелешет. Мына ошолор тууралуу баёолук менен божурап сүйлөй берет. Бирок, ал айлана-чөйрөдө өтүп жаткандарга такыр эле кайдыгер эмес, анын өз түшүнүгү, баамы бар, алардын оң, терс экендигине көзү толук жете бербейт. Алешанын образын биз анын ошол узак жана жай баракат айтып берген аңгемелери аркылуу элестетип, баа беребиз.

Алешанын айланасында күйпөлөктөп таенеси жүрөт: «Бардыгын өз башыңдан өткөрүп, өзүң билип чыгышың керек, садагам» дейт ал балага [2; 43]. («Все надо самому испытать, голуба» [1; 228]. Бул жерде «садагам» деп жалынган сөз нагыз кыргызча угулат, бирок ар бир элде жалынуу сөздөрү бар эмеспи. Орусча «голуба», «голубканы» «көгүчкөнүм» дегенге караганда жогорку сөз ыктуу эле.

Алешанын сөзү жандуу, элестүү. Ал тирикарак бала, анын сөздөрүндө баа берүүчүлүк мотиви да байкалат: «Входим в лес по мокрой тропе, среди болотных кочек и жилого ельника. Мне кажется, что это очень хорошо – навсегда уйти в лес, как ушел Кирилл из Пуреха. В лесу нет болтливых людей, драк, пиянства, там забудешь о противной жадности деда, о песчаной могиле матери, обо всем, что, обижая, давит сердцетяжелой скукой» [1; 233] – «Саздын дүмүрөйгөн нымдуу чымдары менен сербейгенмайда карагайлардын арасындагы канжыга жол менен токойго кирдик. Пурехалык Кирилл сыяктуу токойго биротоло кирип кетүү мага жакшы көрүнөт. Токойдо былжырап сүйлөгөн кишилер, мушташ, пиянкечтик жок, ал жерде таятанын жанга тийген ач көздүгүн, апамдын кум мүрзөсүн ыза кылып, көкүрөктү оор кусалыкка

батыра баскан нерсенин бардыгын унутасың» [2; 149]. Таржыма жакшы, бардык сөз өз ордун да, түшүнүктүү да.

Алеша таенеси менен бирге жүрүп, анын жакшы сапаттарын улам чубап айтып отурат. Экөө токойго киргенде таенеси быйыл козу карындар аз боло турган көрүнөт, «кудай-таала жардыларга жакшы көз салбадың. Жардыга козу карын деле чүйгүн тамак эмеспи» деп кобурайт. – «Рано опята пошли – мало будет гриба! Плохо ты, господи, о бедных заботишься, бедному и гриб – лакомство» [1; 234].

Бул сөздөргө караганда таенеси – кудайга ишенген, боорукер, адамдарга токчулук тилеген абдан салабаттуу аял.

Таенеси экөө токойдо ар кандай дары чөптөрдү чогултуп жүргөн кезинде Алешанын оюна көп нерсе түшөт. Ал каракчыларды жаман көрбөйт, анткени алар байлардан алып, колунда жокторго каралашат. Анан туруп мага кудайым бардыгын өзгөртө турган күч жана акыл берсе деп тилейт. Таенесинин боорукердигине ал таятасынын каардуу, ач көздүгүн каршы коет. Ал тигил экөөнө эч кандай жардамы тийбесе деле «аяк бошоторлор» («дармоеддер») деп өзүнчө сөгүнө берет. «Уламдан-улам, – дейт бала, – таенем мени таңырката берди. Аны мен бардык адамдан жогору турган жер жүзүндөгү эң мээримдүү, эң даанышман жан деп саноого адат алдым, а таенем болсо, талыкпай бул ишенимди бекемдей берди» [2; 241] – «Я привык считать ее существом высшим всех людей, самым добрым и мудрым на земле, а она неустанно урепляла это убеждение» [1; 36]. Таржыма бир аз редакциялык түзөтүүлөрдү талап кылат. Мисалы «адат алдым» деген сөз орунсуз. Анын ордуна «таенемди жер үстүндөгү эң мээримдүү жан деп эсептейм» десе болмок. Акыркы сүйлөмдү «таенем ал оюмду күндөн күнгө бекемдей берди» десе, угумдуулугу («талыкпай бекемдей берди» дегенге караганда) дурус болмок.

Ошентип кара сөздө интонациянын мааниси да чоң. Котормодо алар дайыма эле туруктуу сакталганын байкай алабыз. Керек учурларда таржымачы жакшы идиомаларды таап, оригналдуу текст тең түшүнүктүү жана образдуулугу бөксөрбөй таржымаланган.

Көркөм чыгармачылыктын өзгөчөлүгү – сөздү таасын жана элестүү кылып айтуу менен окурманга эстетикалык жактан таасир этип, алардын көркөмдүк табитин калыптандыруу. Таржыма ишинде образдуулукту сактоо бирден-бир милдет экендигин белгилеп кеткибиз келет. Дал ушул талаптын бийиктигине жеткен таржымачылардын бири У. Абдукаимов болгон. Биз төмөндө ал тарабынан которулган «Көрүнгөндүн колунда» повестиндеги образдуулуктун сакталышы тууралуу айрым мисалдарга кайрылып көрмөкчүбүз.

Приказчик бир жолу магазинге келген аялдын бут кийимин ченеп көрмөкчү болуп, беш манжасынын үчөөнү анын бутуна тийгизгенден кийин колун өөп коет. Бул буюмду алса экен деген кошоматчылык болучу. Эшик кайтарып турган Алеша кожоюндун бул кылыгына чыны менен боору катып, күлүп жиберет:

– «Я расхохотался до того, что боясь свалится с ног, повис на ручке двери, дверь отворилась, я угодил головой в стекло и вышиб его» [1; 203] –

«Мен боорум катып күлүп, кулап кете жаздаганда эшиктин туткасын кармай калдым» [2; 156]. Мында «расхохотался» деген жөнөкөй сөздүн ордуна «боорум катып күлдүм» деген элестүү сөздү – идиоманы колдонгону туура болгон.

Алешанын апасы ага мындай мүнөздөмө берет:

– «Бесчувственный мальчишка, никого не любит» [1; 228] – «Бул бала кара мүртөз, эч кимге боорун бербейт» [2; 141]. Мында «бесчувственныйды» «сезимсиз» деп калька менен бербестен, ага башка адекват тапкан. «Кара мүртөз» деген сөз орусчадагы маанини бере алат. Экинчиден, «эч кимди жакшы көрбөйт» дегенден көрө «боорун бербейт» деп айтыш элестүүрөөк.

– «Людмила смотрела на меня с ласковым удивлением» [1; 229] – «Людмила мага мээримдүү таң калып, карап турду» [2; 143].

Бул таржыманы «мээримдүү жана таң калуу менен карап турду» деп бир аз редакциялап койсок ой тагыраак болмок.

Ошентип У. Абдукаимов орус тилиндеги сүйлөм курулушун сактоо менен бирге анын түшүнүктүү болушуна да көп аракеттенет. Жогоруда берилген мисалдардан улам чыгарманын кыргызча варианты толук жана адекваттуу деңгээлде которулуп берилген деген тыянак чыгарып кетмекчибиз.

Адабият

1. Горький М. В людях. – М.: Правда,1953.
2. Горький М. Корунгондун колунда. – Ф.:Кыргызмамбас, 1954.
3. Ауэзов М. Опереводе романа “Дворянское гнездо”// «Простор». – 1968. – № 11.

УДК: 821.512.154:82-3(575.2) (4)

Буржубаева Д.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Burzhubaeva D.T.
J. Balasagun KNU, Bishkek
burzhubaevad@mail.ru

Современный городской рассказ: темы и герои
Modern urban story: themes and characters

Аннотация: *Автор статьи рассуждает о цикле городских рассказов Константина Караханиди, их гуманистическом содержании, проблемах социального, нравственного и философского порядка. Бытовые эпизоды, картинки из детства, детали повседневности, диалоги героев, несущие особый смысл, их поступки – все это наполнено светлым началом. Герои рассказов – друзья детства, люди самых разных поколений, судьбы которых отражают судьбу страны. Произведения проникнуты безмерным жизнелюбием, легким*

юмором и иронией, добротой с определенной долей грусти о чем-то безвозвратно ушедшем.

Ключевые слова: *городская литература; рассказ;гуманизм; ирония, юмор; диалог; нравственность; эпизод.*

Abstract: *The author of the article argues about the cycle of urban stories by Konstantin Karakhanidi, their humanistic content, the problems of social, moral and philosophical order. Household episodes, pictures from childhood, details of everyday life, dialogues of the characters, carrying a special meaning, their actions - all filled with light beginning. The heroes of the stories are his childhood friends, people of different generations, whose destinies reflect the fate of the country. Works are imbued with an immeasurable love of life, light humor and irony, kindness with a certain amount of sadness about something irretrievably gone.*

Keywords: *urban literature; short story; humanism; irony; humor;dialogue; morality; episode.*

В настоящее время набирает темпы тот тип произведений, которые принято называть городской литературой, в которых персонажами становятся горожане, народ интересный и смышленый, ностальгирующий по прошлым временам и с надеждой смотрящий на будущее поколение. В этом плане будет интересным обратить внимание на рассказы Константина Карханиди, буквально окунающие в мир живых красок и знакомых запахов, которыми богат город, в котором нет выдуманных героев и головокружительных событий, автор просто всматривается в свою жизнь и находит такие вещи, которые за своей обыденностью таят в себе необыкновенно занимательные детали, непременно вызывающие у нас улыбку и ностальгию по ушедшим непростым советским временам.

Произведения К. Караханиди, написанные в малом жанре – рассказе, такие же, как его душа, в них есть что-то по-домашнему теплое и родное, они проникнуты безмерным жизнелюбием, легким юмором, светлым началом с определенной долей грусти о чем-то безвозвратно ушедшем, а это, конечно, в первую очередь, детство, люди, которые тогда его окружали. В них не найти выдуманных историй и головокружительных событий, зато можно обнаружить нечто более ценное и сокровенное, которое кроется за обычными эпизодами жизни. Мир, который построил Константин Караханиди в своих небольших рассказах, это мир его души, который он приоткрывает читателям с большим доверием в надежде на то, что они найут там что-то такое, что заставит немного погрустить, улыбнуться или глубоко задуматься.

Можно сказать, что в кыргызстанской русскоязычной литературе это, пожалуй, новое явление, это свой Нодар Думбадзе с его запоминающимся жизнелюбием, юмором, умением видеть в обыденности что-то особенное, достойное внимания. Караханиди так же автобиографичен, как названный выдающийся грузинский писатель, и у него есть собственный мир, друзья, родные, в окружении которых проходит его жизнь. Грек по происхождению, он имел близких людей, на чьих судьбах отразились важные моменты истории страны, большей частью драматические. Особым светом огромной любви

озарены те эпизоды, которые касаются его близких, и в этом заключается главная особенность рассказов. В то же время автор далек от идеализации своих персонажей, они даны такими, какие они есть, но с определенной долей мягкого юмора и иронии, однако парадокс заключается в том, что в итоге создается такое впечатление от этих образов, что хочется боготворить их и преклонить колени перед ними.

Ему подходит выражение: «Всему свое время». Есть множество примеров, когда человек начинает заниматься серьезным творчеством в позднем возрасте. Творческая активность К. Караханиди проявилась в виде коротких рассказов после пятидесяти лет, т. е. когда наблюдается устойчивость взглядов и набран серьезный жизненный опыт. Читателям журнала «Литературный Кыргызстан» творчество К. Караханиди знакомо по его рассказам «Возвращение», «Велосипед», «Дедушка Георгий», «Я всегда буду рядом с тобой», «Мой сын, кот Леон, я и …», «Шли по дороге старик со старухой», «День рождения», «Мальчик, хочешь сниматься в кино?», «Поговори со мной». Ожидают публикации еще десятки и более рассказов, способные составить содержание целого сборника.

Он с особой любовью и в тоже время с определенной долей иронии рассказывает о своих близких, особенно людях старшего поколения. Иногда отдельными штрихами, акцентируя внимание на их драматическом, а порой трагическом прошлом, он не замечает того, что на самом деле он рассказывает историю страны. В рассказах Константина Караханиди есть много особенного. Во-первых, все они наполнены светлым юмором, добротой, искренним интересом ко всему, что окружает жизнь его центрального героя, вначале обычного советского мальчишки со всеми его достоинствами и недостатками, а потом умудренного жизнью человека. Во-вторых, в них можно наблюдать полное отсутствие желания приукрасить, усложнить повествование вымышленными эпизодами, кажется, что для него главное, чтобы читатели смогли так же, как и он, прочувствовать яркие мгновения жизни во всей их первозданности.

Он не всегда пишет от своего лица, к примеру, в рассказе «Мой сын, кот Леон и я...» повествование ведет молодая женщина, мать-одиночка, и здесь следует отдать должное автору, он довольно тонко чувствует женскую природу, и это помогает созданию убедительного реалистического образа. В этом рассказе судьба героини драматична, но, вопреки ожиданиям читателя, здесь нет ожидаемой безысходности, она и ее сын находятся в окружении любящих людей, здесь беспросветная тоска уступает место пафосу всепрощения и милосердия. И как всегда в рассказе затронут вопрос непростых внутрисемейных отношений, требующий от автора верного разрешения художественного конфликта и навыков психологического анализа. Рассказ «Шли по дороге старик со старухой», пожалуй, один из лучших рассказов К. Караханиди, в котором внимание автора нацелено на взаимоотношения семейной пары, дожившей до дня рождения пятилетнего правнука, в связи с чем и состоялась эта поездка за подарком на рынок. Вроде бы это обычная бытовая ситуация, но за ней автор помещает целую пятидесятилетнюю

совместную жизнь, которая отражается в их репликах, перебранках, рассказанных ими по дороге в такси случаях из жизни. Вот что значит малый жанр, в котором умещается вся прожитая жизнь человека!

Караханиди обладает фантастическим умением передавать вкус всего того, что он сам ощущает, особенно когда дело касается еды, тем самым, сам того не зная, развивает кулинарное чутье читателя. Его описания деликатесов в виде колбас, мант или самсы восхитительны и неповторимы, от чего разыгрывается аппетит читающего и начинают течь слюни. Автор подходит к описанию очередного продукта со всей обстоятельностью, как бы заранее предвкушая особую реакцию читателя. Вот его описание витрины одесского магазина с колбасными изделиями в рассказе «Я всегда буду с тобой»: «Открывали парад кругляши краковской, полтавской и чесночной, лежавшие, свернувшись, толстыми и аппетитными пончиками. Потом шли стройные палочки украинской, киевской, особой, московской, сервелата, салями. Порезанные под углом, они, каждая по-своему, кто откровенно напоказ, кто эротично-сдержанно, кто скромно и целомудренно, предлагали себя покупателю. Докторская, столичная, любительская, ветчинно-рубленная были дородными и неповоротливыми в своем обилии и готовности выскочить из натуральной оболочки. … Воздух можно было резать ножом и есть ложками». Предметный мир здесь очеловечен, образы вызывают у читателя живые эмоции. А как вкусно в рассказе «Возвращение» описание приготовления бабушкой героя его любимого гоголь-моголя: «Бабушка доставала граненный двухсотграммовый стеклянный стакан, сверкающий идеальной чистотой. Это был не бокал или кружка, а именно стеклянный стакан. Постанывая от якобы перенесенных мучений, я внимательно следил за бабушкой одним глазом. Затем наставала очередь двух куриных яичек. Они были большие и коричневые. Над ними трудилась небольшая стая наших домашних курочек во главе с серым петухом. Скорлупу разбивали на две половинки и начинали отделять желток от белка. Яркие оранжевые шарики желтков, попадая в стакан, преумножались в объеме его многочисленных граней. Тонкая струйка сахара белоснежной горкой оседала горкой поверх желтков. Чайная ложка делала два пробных оборота и застывала. Я начинал постанывать. Бабушка не торопилась. Постепенно наращивая скорость, ложка билась о граненые стенки стакана, желтки смешивались с сахаром и приобретали светло-желтый оттенок. Завершающей стадией приготовления была проверка на плотность. Ложка должна была стоять вертикально. Получив стакан с «восхитительным лекарством и куском хлеба, я чувствовал себя здоровым во всех отношениях. Счастье бабушки было безграничным». Детализация предметов и явлений здесь играет свою роль: читатель может представить эту картину со всеми подробностями, включая внутреннее, психологическое состояние персонажей.

К. Караханиди – гурман по жизни, и это свойство он сумел выразительно и впечатляюще передать во многих эпизодах. Однако это не главная заслуга автора рассказов, благодаря остроте своего зрения, он способен мастерски передать не только состояние детской души, но и мудрость взрослого человека.

Складывается убеждение что открытость души Караханиди, его умение не

утомлять слушателей, завидная склонность к юмору, жизнерадостность и в то же время способность затрагивать тонкие струны души любого, кто пережил такие стадии жизни, как детство, школьные годы и студенчество, оказались соответствующими в деле выбора жанра для творческой деятельности.

Возможно, настанет время, когда рассказы К. Караханиди привлекут к себе внимание не только читателей, но и литературоведов, и тогда те, кто в будущем будет заниматься изучением творчества Константина Караханиди, вероятно, найдут какие-то другие критерии, позволяющие в системном виде изучать его, попытаются рассмотреть его, к примеру, в хронологическом плане: рассказы о детстве, отрочестве, юности, о студенческой и взрослой жизни. Детство, к примеру, которое часто становится предметом внимания автора, достойно того, чтобы вспоминать о нем, как о чем-то веселом, добром, легком и светлом, каким бы оно трудным ни было.

Следует отметить, что рассказчиком и главным героем здесь выступает сам автор, однако остальных персонажей тоже можно назвать главными, ибо именно на них сосредоточен интерес в силу того, что они оказываются в центре событий.

Из множества его рассказов можно выделить 9 рассказов, которые различаются по степени охвата событий и по глубине внутреннего содержания. Первый из названных выше рассказов – «Возращение», это рассказ в рассказе, здесь автор, оказавшись на улице, где он провел несколько лет своего детства, вспоминает ее в прошлом, когда она «никого не принимала и не провожала по национальной принадлежности, каждый оценивался и взвешивался по личным качествам» – на ней жили русские, немцы, дунгане, киргизы, чеченцы, украинцы, белорусы и они, греки. Это своеобразный кусочек истории, ожившая картинка из прошлого, где есть реально существующие персонажи, это дедушка Анастас с черной сумкой, сделанной из «так называемой плотной негнущейся рогожки с латанными брезентовыми ручками», в которой всегда можно было найти «дешевые фруктовые карамельки или ириски без оберток, ломаное печенье или цельный кусок мармелада», которыми он угощал детей. Он остался в памяти героя живым, так много понимающим и знающим о жизни, и веселым как на фотографии, вставленной в надгробном камне. У героя рассказа есть и любимая бабушка Феодора, которая часто потакала его прихотям, разрешала делать все, что он захочет. Рассказчик объясняет такое поведение тем, что «старики умеют ценить время, которое безвозвратно уходит, и сознают, что прелесть общения с детьми может уже никогда не повторится». Подобные авторские выводы рассыпаны по всем рассказам, обогащая тем самым смысл рассказов нравственно-философской сутью. Караханиди чрезвычайно чуток и ироничен к своему детскому прошлому, в котором было все, особенно проказы, шалости, проделки, маленькие предательства, обжорства, и вместе с тем безмерная любовь ко всему, что радовало детское сердце.

Другому взрослому персонажу посвящен его рассказ «Дедушка Георгий», в котором внимание автора сосредоточено на внутрисемейных отношениях: между отцом и матерью, между матерью и дедушкой Георгием, между отцом и

дедом, наконец, между дедушкой и соседскими бабками, а также неудачной женой. И здесь тоже частное перерастает во всеобщее, когда на передний план выступают вопросы гуманного или негуманного отношения между близкими людьми. Дипломатичными и даже идеальными можно назвать взаимоотношения невестки и свекра, о которых бабки думали, что это любящая дочь и отец, поскольку дед Георгий всегда был ухожен, побрит, имел «сытое выражение лица». Но кроме них есть и сын Георгия, у которого не все просто с отцом. Семья интересна тонкостью в отношениях друг к другу, что присуще для интеллигентных семей с развитым чувством верности и долга. Безусловно, рассказ интересен тем, что повествование о дедушке Георгии выливается в историю взаимоотношений целой семьи, где в рассказе о прошлом и настоящем персонажа чередуются легкий юмор и светлая грусть.

Есть еще одна особенность в этих рассказах – хотя повествователем является взрослый человек, создается ощущение, что рассказывает озорной, жизнерадостный мальчишка, самокритичный и дерзкий.

Образ матери является сквозным, он присутствует почти во всех рассказах писателя. Это и понятно, мать сопровождает человека до конца своей жизни и продолжает наполнять его жизнь и оставаться в его памяти, пока он жив. Автор видит ее в разных ситуациях, где она играет роль заботливой невестки, жены и матери, решает все проблемы не только двух мальчишек, но и те, которые обязан решать глава семейства, она – центр вселенной этой семьи, на ней держится абсолютно все.

Последний рассказ из названных называется «Поговори со мной», и если говорить об эволюционных моментах творчества К. Караханиди, то именно в нем наблюдается серьезный шаг в сторону глубокого обобщения. Если событийная канва предыдущих рассказов строилась из цепи забавных эпизодов из картин детства и привлекала к себе внимание живостью передаваемых образов и чувств, то данный рассказ, оставаясь занимательным повествованием, касается взрослых, серьезных проблем не только нравственного, но и философского порядка.

У Младшего долгое время зреет непонимание Старшего, и наступает тот момент истины, когда должны быть окончательно выяснены отношения. Братья выбирают время и место для важного для обоих разговора. Чтобы добраться до места, нужно было пересечь Коринфский канал, в котором соединялись два моря – Эгейское и Ионическое. Автор описывает природную картину – слияние вод зеленого и синего морей, и в дальнейшем она помогает ассоциировать эти стихии с их взаимоотношениями. Старший приводит это сравнение: «Мы с тобой как воды двух морей разного цвета, не похожие ни по характеру, ни по взглядам на жизнь. Каждый из нас выбрал тот путь, который ему удобен, и мы идем по нему как можем. Многие, кто нас видел, говорят, что мы очень похожи внешне, хотя я так не считаю, а уж о характерах говорить не приходится. Но в то же время, и это парадоксально, как и те два течения, одно голубое, а другое зеленое, приобретая силу и энергию друг друга, мы становимся единым целым. Мы семья и наследники всех наших предков». Думается, это как нельзя удачная находка в деле решения конфликта героев произведения.

В рассказе есть не менее важный момент, когда Старший задает матери мучавший его вопрос. Он считает несправедливым, что люди, которые «несутся, живут как в последний день, взваливают на себя проблемы не только свои, но и близких, а порой и незнакомых людей», затем страдают, имея ввиду ее, свою мать, которая всю жизнь стремилась делать добро», «лечила детей, тянула семью, обихаживала стариков, работала до посинения», а в результате страдает от мучительных болей. Поражает своей глубокой мудростью ответ матери: «Ты неправ. Я получила многое. Мои родители были святыми людьми, они пережили очень много горя, но остались людьми… Я всю жизнь занималась любимым делом, лечила детей, хотя мечтала стать артисткой. Но самое главное – Бог продлевает мне жизнь… Вера всегда помогала мне, и Бог оберегал меня».

Здесь затронут вопрос о смысле жизни любого человека, о том, как и на что тратить свой жизненный срок, наконец, о вере в наивысшую справедливость, т. е. в Бога, следовательно, речь идет о вечных проблемах, проблемах философского характера.

К. Караханиди – сомневающийся писатель, все, о чем он думает, он подвергает сомнению, в том числе и направленность своего творчества, зацикленность на семейных сюжетах. Действительно, его многие произведения посвящены его собственной жизни, к примеру, это «Возвращение», «Велосипед», «Дедушка Георгий», «Я всегда буду рядом с тобой», «День рождения», «Мальчик, хочешь сниматься в кино?», «Поговори со мной» и другие. И эта ограниченность пространства, в котором живут его герои, думается, снижают его писательский уровень. Даже когда он занят отвлеченными вопросами, он не может уйти от контекста собственного бытия. И дело вовсе не в расширении творческих горизонтов, а в необходимости проникновения в глубину. Эта задача посильна для него, о чем свидетельствуют те моменты, на которые уже обращалось внимание выше. На мой взгляд, перед Константином Караханиди – большой простор для дальнейшей творческой работы, успешность которой зависит от того, насколько он сумеет придать лирическим и драматическим сюжетам своих произведений общечеловеческое звучание.

Литература

1. Караханиди К. Возвращение. Дедушка Георгий. Велосипед. Я всегда буду с с тобой // Литературный Кыргызстан. – 2016. – № 2. – С. 33–59.
2. Караханиди К. Бабушка Феодора говорит-по-русски. Как ты скажешь! // Литературный Кыргызстан. – 2017. – № 2. – С. 96–101.
3. Караханиди К. Дом Большой и Маленький. Картофельный салат // Литературный Кыргызстан. – 2018. – № 2. – С. 39–52.
4. Караханиди К. Мой сын, кот Леон, я и… Шли по дороге старик со старухой // Литературный Кыргызстан. – 2019. – № 1. – С. 4–21.

УДК: 821:82-32(575.2)(04)

Дюшебекова Б.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
DiushebekovaB.T.
J. Balasagun KNU, Bishkek
diush-bt@yandex.ru

Мотивы любви и смерти в рассказе К. Акматтегина «Мунабия»
The motives of love and death in the story of K. Akmattegin «Munabia»

Аннотация:В данной статье анализируется рассказ К. Акматтегина «Мунабия». Особое внимание уделено рассмотрению романтических признаков в произведении: специфике конфликта, романтическому пафосу, антитезе в системе образов, своеобразию психологизма, романтической иронии.

Abstract:In this article is analyzed the story of K. Akmattegin “Munabia”. Special attention in the work is paid to review romantic characteristics: specifics of the conflict, romantic pathos, antithesis in the system of images, originality of psychologism, romantic irony.

Ключевые слова: К. Акматтегин, рассказ, тема любви, романтические тенденции, ирония.

Keywords:K. Akmattegin; story; theme of love; romantic tendency; irony.

К произведениям, в которых ведущие позиции занимают романтические тенденции, можно отнести и рассказ К.Акматтегина «Мунабия». Это рассказ о любви, о любви необычной, «тайну которой нельзя унести с собой». Есть на свете такое редкое чудо, прекрасный дар – великая любовь, так считает один из героев рассказа, от лица которого ведется повествование. Он понял, что несчастны те люди, которые не знают ее или не верят в ее существование. В этом рассказе автор утверждает романтический идеал высокой любви, право личности на свободу выбора, на свободную реализацию своих чувств.

Герои рассказа Мунабия и Жанузак пронесли свою любовь вопреки осуждению односельчан. Вопреки яростному сопротивлению и борьбе родственников, вопреки сложившимся понятиям и обычаям. Жанузак – глава семейства, отец пятерых детей любит другую женщину. Это вызывает негодование окружающих. Рассказчик, сын Жанузака, с детства помнит его как человека угрюмого, молчаливого, всегда погруженного в свои невеселые мысли. Его постоянное молчание и поныне оставалось тайной для сына. Жанузак молча сносил бесконечные упреки и нападки жены, иногда за весь день не произносил ни слова. Его поэтому и прозвали в селе «Жоош Узак» («Кроткий Узак»). Налицо романтическое отчуждение героя.

«Кроткий Узак» был ювелир, у него был редкий дар, которым не каждого награждает природа. И только в работе он преображался и погружался в свой непонятный, таинственный мир: «Жалгыз иштеп отурганда карасан өзүнчө эле толкуп-ташып, беттери жошолонуп албырып, көз нурлары жылт этип чачырай калып, көкүрөгү бүт жашырын сырга толгон адамча абдан ышкыбоздонуп

иштээр эле...» [1, 644] («Когда он работал в одиночестве, его лицо становилось каким-то по-особенному взволнованным, раскрасневшиеся щеки пылали, глаза излучали лучи света, и весь он был полон какой-то скрытой тайны…» (перевод мой – Д.Б.). Известно, что «любовь - универсальная энергия жизни, обладающая способностью превращать злые страсти в страсти творческие». [2]Свои тайные мечты, свои желания он мог реализовать в работе, поэтому, когда он наклонял лицо перед очередным изделием, внутренний свет озарял его лицо.

Часто писатели в произведениях романтического склада, стремясь к утверждению возвышенного, к утверждению своих идеалов, тут же высказывают неверие в то, что они могут реализоваться в действительности, воспевая личность свободную и независимую, протестующую против низменного окружения, в то же время убеждаются в ее бессилии и невозможности достижения свободы и независимости. И в рассказе К. Акматтегина «Мунабия» «Кроткий Узак» так и умер, не выдержав и не преодолев сопротивления толпы, которая не прощает неординарности, он умер, унеся с собой свою непонятную любовь. «...Мен азыр өзүмдүн эки адамдын ортосундагы «жыйырма жылдык» окуяга караганда алсыз экенимди сезип жатам». [1, 658] («Сейчас я чувствовал свое бессилие перед «двадцатилетними» отношениями двух людей»), – признается сын Жанузака, пораженный неумолимостью таинственной силы этих отношений.

Не раз злобным нападкам, даже публичному избиению, подвергалась и Мунабия. Но автор ставит ее выше толпы. Когда появляется она на похоронах Жанузака, чтобы проводить его в последний путь, хотя не было прав у нее оплакивать в черном чужого мужа («Эмне жолу бар экен бирөөнүн эринин кашына келип кара кийип отургандай?») [1, 664], враждебная толпа становится безликой массой, которая изумленно зашепталась и повернулась в сторону идущей Мунабии. Здесь уже нет людей, нет лиц. Этой массе-толпе противопоставлена Мунабия, которая шла по середине дороги одна. И хотя была Мунабия одета в черное траурное одеяние, она несла с собой свет любви. В тот момент, когда появилась Мунабия на дороге, вдруг пошел снег крупными белыми хлопьями, которые падали плавно и скорбно. И когда Мунабия, оплакав Жанузака, излив свое горе, уходила, уже вся земля была покрыта белым одеялом, а люди казались какими-то просветленными: «Ый бүткүчөктө баштарын жерге кулатып дым отурган элдин жону аппак болуп кетти. Жер аппак, боз үй аппак, тал-дарак аппак, асман аппак. Кошоктун күчүнө мен ошондо айран болдум. Кошоктун сыйкыры менен табигат өзгөрүп жаткансыды мага. Кара жолук салынып боз үйдүн ирегесинде турган аялдар да ак башыл бир башкача шоолаланып көрүндү көзүмө». [1, 667] («Пока длился плач, спины людей, сидящих с опущенными головами, побелели. Побелела земля, побелела юрта, побелели деревья, побелело небо. Я был поражен тогда силой поминального плача. Казалось, его волшебная сила преображала природу. Побелели черные платки женщин, стоящих у порога юрты, и сами они казались мне излучающими свет»). В душе каждого присутствующего на похоронах, считает автор, отразился свет любви Мунабии, каждый почувствовал ее

великую, всепобеждающую, возвышающую силу, необыкновенное предназначение женщины («Көрдүнөрбү, аял деген кандай асылзат болот?») [1, 667]. Рассказ назван именем главной героини, той, что вызвала к жизни такую любовь и которая с достоинством пронесла ее через всю жизнь.

Рассказчик, выросший в атмосфере ненависти к Мунабие, вдруг почувствовал благодарность ей, за то, что она так сильно любила его отца, за то, что она умела так любить. Он также понял, что такая любовь – это удел избранных, что не каждому она дается. Мунабия не стеснялась своей любви, сначала в ее плаче слышалось безысходное глубокое горе, но потом к нему присоединилась другая интонация, это зазвучала ее вера в любовь, надежда соединиться с Жанузаком в другом мире. Среди всеобщего плача, заунывного и монотонного многоголосья выделялось это необычное звучание плача Мунабии, как выделялась до этого ее одинокая фигура среди онемевшей и оцепеневшей толпы. Не было ненависти или презрения в ее глазах к непонимавшим, когда-то унижавшим ее людям. А выделяла ее из толпы ее искренняя любовь к Жанузаку, презревшая все условности, противостоящая лицемерию окружающих людей. «Почти каждая женщина способна в любви на самый высокий героизм… – писал А. Куприн, автор другой вдохновенной повести о любви, – Для нее, если она любит, любовь заключает весь смысл жизни – всю вселенную! Но вовсе не она виновата в том, что любовь у людей приняла такие пошлые формы и снизошла просто до какого-то житейского удобства…» [3, 399] Рассказчик вдруг понял и прочувствовал возвышающую силу любви, которая расцвечивает мир своими красками, наполняет ароматом, радостью, и что без нее жизнь потеряет свой смысл и свою *красоту*.

И если действия жены Жанузака, своей матери, рассказчик еще как-то пытается понять и оправдать, то злые нападки Ажике-жене – «блюстительницы нравственности», подобрав очень точное слово, называет «спектаклем». [1, 654] Драматичность положения жены Жанузака сменяется комическим поведением тетушки Ажике, при создании образа которой автор использовал иронию. В эпизодах, где появляется образ Ажике-жене, возникает в повествовании сниженная лексика. Комичен портрет тетушки Ажике, заправляющей за ухо сползающий платок и сохраняющей железное спокойствие при диких выходках Жанузака, делающей вид, что она не слышит крики и ругань этого тихого и уравновешенного человека, неузнаваемо изменившегося от ее напускных, мнимых хлопот по дому. Далее действия Ажике становятся уже не только комичны, но и отвратительны.

Здесь ирония отражает эмоционально-критическое отношение к лицемерию с позиций авторского идеала истинной любви. Ирония использована в основном в форме взаиморазоблачения персонажей. Автор смехом казнит несовершенство людей и мира, в котором они живут. Ирония подчеркивает противостояние прекрасной любви и безобразного ничтожного ханжества, истинности чувств и притязания на подлинную нравственность, тем самым ирония является здесь способом диалектически объемного отображения жизни.

Итак, создание исключительной личности, которая в самоизоляции от общества и в погруженности в мир субъективных переживаний видит единственный способ противостояния окружающей пошлости, признание любви как главной подлинной ценности в жизни, а главное – трактовка любви в сочетании со смертью и трагический финал рассказа, которые облагораживают даже супружескую неверность, а также возвышенный тон повествования свидетельствуют о романтичности рассказа К.Акматтегина «Мунабия».

Литература
1. Акматтегин К. Тандалмалар: Романдар, повесттер, ангемелер. – Бишкек: Адабият, 1992.
2. Бердяев Н.О. О назначении человека. – URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn011.htm
3. Куприн А. Гранатовый браслет // Соч.: в 2 т. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – Т. 1. – С. 369–414.

УДК: 82: 821.161.3

Епанешникова Л.В.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Epaneshnikova L.V.
J. Balasagun KNU, Bishkek

К проблеме интепретации евангельских образов в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей»

To the problem of interpretation of gospel images in the novels of M.A Bulgakov «Master and Margarita» and Y.O. Dombrovsky «Faculty of unnecessary things»

Аннотация: *В данной статье сделано сопоставление евангельских образов в романах М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей» в аспекте проблематики и сюжетно-композиционных особенностей двух романов. Выявлены основные направления в исследовании данных образов в аспекте современного литературоведения.*

Abstract: *This article compares Gospel images in the novels of M.A. Bulgakov's «The Master and Margarita» and Yu.O. Dombrovsky's «The Faculty of Unnecessary Things» in the of problematic issues and plot-compositional features of the two novels. The main focus in the study of these images in the aspect of modern literary criticism are revealed.*

Ключевые слова: *Евангелие, Иисус Христос, образ, роман, реминисценция, интерпретация, сюжет, проблематика.*

Keywords: *Gospel, Jesus Christ,literary figure, novel, reminiscence, interpretation, subject, problematic.*

В литературной критике XX века с момента выхода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» не утихает спор об интерпретации образов, в первую очередь евангельских образов (Понтия Пилата, Иешуа Га-Ноцри, Левия Матфия, Иуды), что дает право говорить об этом романе как о культурном явлении, «мегатексте». Роман «Мастер и Маргарита» нередко сопоставляется с

рядом известных романов XX века (Б. Пастернака «Доктор Живаго», Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей», Ч. Айтматова «Плаха», В.Ф. Тендрякова «Покушение на миражи»). Проблема интерпретации евангельских образов и библейских мотивов в указанных произведениях актуальна и требует дальнейшей разработки.

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» впервые опубликован в 1966–1967 годах (№ 11 и № 1) в журнале «Москва» с многочисленными цензурными и редакторскими купюрами, а полный текст появился в 1973 году, но в самом издании было нарушение предсмертной воли автора, согласно которой все авторские и редакторские права принадлежат его супруге Е.С. Булгаковой. Редактор этого издания А. Саакянц допустил множественные разночтения по сравнению с вариантом текста, который подготовила Е.С. Булгакова. М.А. Булгаков работал над своим «закатным» романом до конца своих дней. По этой причине и до наших дней роман «Мастер и Маргарита» не имеет канонического текста, что отражается в наличии текстологических проблем.

Для восстановления сведений и воссоздания истории Христа и других евангельских образов М.А. Булгаков обращался к Библии (Евангелиям), к произведениям Э. Ренана «Жизнь Иисуса», «Антихрист», Ф.В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа», А. Древса «Миф о Христе», Д.Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса», А. Барбюса «Иисус», «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона», Г. Гретцу «Истории евреев от древнейших времен до настоящего», книгам Иосифа Флавия и Тацита, биографии Понтии Пилата Г. Мюллера, «Римской религии от времен Августа до Антонинов» и многим другим. Образ бродячего философа-проповедника в романе является проекцией на евангельский образ Христа, но нигде не сказано, что это Богочеловек. Такое изображение подготовило почву для разных его литературоведческих интерпретаций. У булгаковедов нет единого общего мнения о понимании евангельских образов и интерпретации «романа в романе», романа о «Понтии Пилате».

Исследователь Альфред Николаевич Барков придерживается мнения, что М.А. Булгаков в образе Иешуа Га-Ноцри реализовал пародию на Л.Н. Толстого, его «Соединение и перевод четырех Евангелий». Иешуа Га-Ноцри «является пародией на тот образ Христа, который получился в результате работы великого романиста над евангельскими текстами» [1, с. 64]. Писатель Л.Н. Толстой является прообразом Левия Матфия в романе «Мастер и Маргарита», а сам Иешуа Га-Ноцри напрямую связан с основной идеей Льва Николаевича о непротивления злу насилием и тем, что все люди добрые. А.Н. Барков также отмечает, что образ Иешуа является и пародией на творческое наследие М. Горького.

Исследователь А. Зеркалов в книге «Евангелие Михаила Булгакова» проецирует «древние главы» романа М.А. Булгакова на Талмуд, из которого заимствовано имя Иешуа Га-Ноцри. Литературовед отмечает, что булгаковский Иешуа является «псевдо-Иисусом», он «нищий бродяга», 27 лет, сириец, не сын плотника, его мать отнюдь не Дева Мария, герой не помнит своих родителей. М.А. Булгаков взял из проповеди Христа только лишь нравственное положение

«все люди добрые». А. Зеркалов считает, что одним из источников «древних» глав «Мастера и Маргариты», является вероисповедная книга иудаизма Талмуд, причем он убежден, что Булгаков не только воспользовался Талмудом, создавая биографию Иешуа, но и заимствовал из этого источника прозвище для своего героя – Га-Ноцри [2, с. 47]. В главе 16 «Казнь» писатель допускает «неполноту изложения», тем самым допуская аллюзию на евангельский текст и образ Иисуса из Назарета. Исследователь отметил, что писатель не был согласен с традиционным пониманием образа Иешуа, с евангельской заданностью его смерти.

Югославский ученый Миливое Йованович в работе «“Евангелие от Матфея” как литературный источник “Мастера и Маргариты”» [3] выразил иную позицию, противоположную сказанному выше. Он отметил, что, например, имя Левия Матвия у М.А. Булгакова возникло из энциклопедической статьи Брокгауза и Ефрона. Он выделяет две точки зрения относительно интерпретации евангельских образов и сюжетов: источником романа «Мастер и Маргарита» являются канонические тексты Евангелия; основой для написания послужили апокрифические сказания. При этом М. Йованович считает, что М.А. Булгаков выбирает путь соединения канонических евангельских текстов и апокрифических сказаний.

Булгаковед Б.В. Соколов, автор «Булгаковской Энциклопедии», сказал: «Угаданный Мастером Ершалаим во многом оказывается реальнее, чем город, где он живет, – Москва» [4, с. 45]. Одним из источников романа «Мастер и Маргарита» он отмечает поэму Г. Петровского «Пилат» (1893–1894). М.В. Колтунова придерживается той позиции, что образ Иешуа Га-Ноцри в булгаковском романе – «очищенный» образ Христа, то есть проступающий, «как при реставрационном снятии позднейших изображений» [5, с. 60], и что булгаковский Христос – мессия, «несущий людям великую истину, которая каждому открывает путь к свободе» [5, с. 60].

Ю.О. Домбровский в романе «Факультет ненужных вещей» (1964–1975), признанном «вершиной творчества» (И. Штокман), вошел в классику мировой литературы XX века. В романе «Факультет ненужных вещей» автор показывает историю главного героя Зыбина, во многом отразившую путь самого автора. Романы «Хранитель древности» (1964) и «Факультет ненужных вещей» составляют художественную дилогию. Роман Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей» менее освещен в литературоведении, нежели роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В романе Ю.О. Домбровского отец Андрей Куторга пишет трактат о Христе, в III части трактата «Длинные гвозди Христа» переосмысливается евангельский сюжет о суде над Христом, предшествовавшее ему предательство Иуды. Другой герой Владимир Корнилов, не знавший всех тайных занятий отца Андрея, вступает с ним в диалоги. Поиск истины, вопросы, возникающие в их разговорах, напрямую перекликаются с вопросом Понтия Пилата «Что такое истина?» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В трактовке суда над Христом Ю.О. Домбровский отступает от традиционного понимания евангельского сюжета. Он обращает внимание на

нарушение принятых законов судопроизводства. Андрея Куторгу, автора трактата о Христе, интересует процесс над Иисусом, отношения Христа и Пилата, суд. Появляется версия, что у Иисуса было два предателя – Иуда (который раскаялся) и тайный предатель (которого никто не знал). То есть в таком понимании реализуется картина репрессий 1937 года, когда достаточно было двух показаний, чтобы обвинить человека и подвергнуть его аресту. Согласно пониманию героя романа суд над Христом был тайным, в процессе участвовали семьдесят два судьи, три секретаря. Далее акцент перемещается на тему мирской и церковной власти. Пилата, по мнению Куторги, иудеи не любили, и он сам их не уважал. Кроме того, Иисус, согласно III части книги, понравился Пилату, и тот не хотел его казнить. Когда толпа требует: «Распни его! Распни!» [6, с. 518], Пилат испытывает противоречия. К Понтию Пилату приходитодин из первосвященников, сообщая ему: «У нас нет царя, кроме кесаря, проконсул! Если ты отпустишь его, то ты не друг кесаря! Всякий, называющий себя царем, враг кесаря, проконсул» [6, с. 518]. Отец Андрей Куторга создает трактат, в котором пытается объяснить, почему Иисус, этот бродячий философ, вызвал симпатии у правителя-тирана. Проблематика романа Ю.О. Домбровского отсылает к мысли о неразделимости понятий «закон» и «свобода», при этом под законом понимается не нравственный закон, а, прежде всего форма контроля над отдельной личностью. «Мирская власть, – сказал отец Андрей, отфыркнулся и отодвинул пустой стакан, – она ведь вещь хитрая. Ее не поймешь, у нее тысяча одно соображенье. В этом смысле история с Пилатом очень показательна! Ведь и до сих пор не разберешься, как он относится к Христу. Мнения об этом разошлись, можно сказать диаметрально» [6, с. 510].

Писатель при создании романа «Факультет ненужных вещей» обращается к апокрифическим сказаниям, каноническим Евангелиям (прежде всего Евангелию от Марка), философии Сенеки, Светония, Овидия, Тацита, далее – Сафо, Горация, Плиния Младшего, Эсхила, Шекспира, Толстого, Достоевского и др. Исследователь И. Штокман заметил: «Архитектоника «Факультета ненужных вещей» изысканна, артистически сложна, многоструктурна, но удивительно продуманна и закончена – при всей своей многоплановости, разветвленности роман лежит в ладонях плотно, как сфера (наиболее совершенная из всех объемных форм, как некий заряд для пращи, ставший из простого камня уже оружием» [7, с. 5].

Вторая часть дилогии Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей», как и роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», является своеобразным духовным завещанием, итоговым произведением, сложным по композиции, философской и духовной проблематике. Исследователь Игорь Золотусский, рецензент романа, заметил: «Ю. Домбровский дает понять, что христианская идея немыслима без Христа, без его человеческого поведения в условиях жестокости и беззакония. Только через своего Сына, через такого же человека, как и другие люди, живущие на земле, Бог смог найти путь к сердцу смертных» [8, с. 9]. Вместе с тем роман отражает сложное время, историческое

зло, пережитое советскими людьми (Дж. Вудворд), которое поднимается на уровень вневременной и «космический» (Дж. Вудворд)».

Неоднозначность трактовки романа Ю.О. Домбровского подтверждается его конечной фразой: «А случилась эта невеселая история в лето от рождения вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина пятьдесят восьмое, а от рождества Христова в тысяча девятьсот тридцать седьмой недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год» [6, с. 734].

Таким образом, обращаясь к проблеме интерпретации евангельских образов и сюжета суда Понтия Пилата над Христом, отметим следующее. Русские писатели XX века – М. Булгаков и Ю. О. Домбровский – обращаются к воплощению трагических противоречий советской системы 1930-х годов. Образы Христа, Понтия Пилата, присутствующие в библейском пласте этих двух романов, дают возможность художественно отразить историческое время, в котором жили авторы, оба романа автобиографичны. Создавая евангельские образы, М. Булгаков и Ю.О. Домбровский обращаются к широкому кругу исторических сведений и источников, каноническим Евангелиям (Ю. Домбровский обращается более к Евангелию от Марка, Булгаков – к Евангелию от Матфея), апокрифическим сказаниям, но выбирают свой путь. Вспоминая слова проповедника, отца Александра Меня, о романе «Мастер и Маргарита», можно сказать, что каждый из авторов пишет «другой роман о другом». Тем не менее образ Христа является тем образом, который объединяет романы М.А. Булгакова и Ю.О. Домбровского, этот «бродячий философ» оказывается идеалом, проливающим свет на трагические судьбы героев и нравственным ориентиром писателей.

Литература

1. Барков А.Н. Религиозно-философские аспекты романа «Мастер и Маргарита» // Возвращенные имена рус. лит. Аспекты поэтики, эстетики, философии. – Самара, 1994. – С. 64–72.
2. Зеркалов А. Иисус из Назарета и Иешуа Га-Ноцри // Наука и религия. – М., 1986. – № 9. – С. 47–52.
3. Йованович М. Евангелие от Матфея как литературный источник «Мастера и Маргариты» // Зб. за славистику. – Нови Сад, 1980. – № 8. – С. 109–123.
4. Соколов Б.В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». – М., 1991. – 175 с.
5. Колтунова М.В. О концепции личности в романе «Мастер и Маргарита» // Возвращенные имена рус. лит. Аспекты поэтики, эстетики, философии. – Самара, 1994. – С. 55–64.
6. Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей // Домбровский Ю.О. Хранитель древности. Факультет ненужных вещей. – М.: Эксмо, 2005. – 736 с.
7. Штокман И. Стрела в полете: Уроки биографии Ю. Домбровского// Вопросы литературы. – 1989. – №3. – С. 5.
8. Золотусский И. П. Палачи и герои. // Литературная Россия, 1988. – № 46 (18 ноября). – С. 8–9.

9. James B. Woodward, A Russian stoic? A note on the religious faith of Jurij Dombrovskij // Scando-Slavica. – 38. – 1992. – № 1. – P. 33–45.

УДК: 398.21/22 (=951.1) (574/575)

Исмаева Р.М.
Центр дунгановедения и китаистики
Национальной академии наук КР,
г. Бишкек
Ismaeva R.M.
Senior Researcher of the Center of Dungan Studies
and Sinology of the National Academy
of Sciences of KR,
Bishkek
Rima_99@mail.ru

Вопросы классификации дунганских волшебных сказок
Questions of classification of Dungan fairy tales

Аннотация: *Мотивы в народных сказках считаются достаточно устойчивыми, стабильными и постоянными величинами. На самом деле они всегда сопровождают сказки на протяжении всей истории с глубинной мифологической эпохи. Отсюда они могут выступать важными элементами в процессе классификации зафиксированных сказочных сюжетов. Чем в большем количестве сказок повторен будет один и тот же мотив, тем мы ближе к цели критики: из сличения различных редакций одного и того же рассказа легко будет вывести заключение о его общих, неизменяемых чертах и, с другой стороны, о тех, которыми он видоизменялся там или здесь. В дунганских волшебных сказках, зафиксированных в Центральной Азии, однозначно существуют специфические фундаментальные сюжетные типы. Они сформированы своеобразными реалиями исторического развития народа.*

Abstract: *Motifs in folk tales are considered fairly stable and constant values. In fact, they always accompany fairy tales throughout history from the deep mythological era.Hence, they can act as important elements in the process of classifying recorded fairy-tale plots.The more the same motif is repeated in more fairy tales, the closer we are to the goal of criticism: from comparing different versions of the same story, it will be easy to draw a conclusion about its general, unchangeable features, and, on the other hand, about those by which it was modified here or there.*

In the Dungan fairy tales recorded in Central Asia, there are clearly specific fundamental plot types. They are formed by the peculiar realities of the historical development of the people.

Ключевые слова: *волшебные сказки, классификация, сюжет, фольклор, мотив, литература, жанр, информация.*

Keywords: *fairy tales, classification, plot, folklore, motive, literature, genre, information.*

Мотивы в народных сказках считаются достаточно устойчивыми, стабильными и постоянными величинами. На самом деле они всегда сопровождают сказки на протяжении всей истории с глубинной мифологической эпохи. Отсюда они могут выступать важными элементами в процессе классификации зафиксированных сказочных сюжетов. Эта мысль была конкретизирована еще А.Н. Веселовским в “Исторической поэтике”: “…надо предварительно изучить содержание народных сказок с точки зрения главных мотивов, которыми они пользуются. Чем в большем количестве сказок повторен будет один и тот же мотив, тем мы ближе к цели критики: из сличения различных редакций одного и того же рассказа легко будет вывести заключение о его общих, неизменяемых чертах и, с другой стороны, о тех, которыми он видоизменялся там или здесь. Первые должны быть признаны принадлежащими к основным сказочным типам, и я понимаю, что может явиться идея сблизить их с народными мифами и даже объяснить из них происхождение всей сказочной литературы. Что до вторых, то подобное объяснение касаться их не должно, они принадлежат собственной истории сказки, ее стилистике” [87, с. 51].

Соответственно традиционные мотивы в волшебных сказках, несмотря на существующие общие исторические корни, обладают некоторыми частными региональными, культурными и национальными особенностями. В каждой национальной волшебной сказке такие особенности в известной степени определяют характер образования фундаментальных сюжетных типов. В конечном итоге перед слушателями всегда оказываются совершенно новые по психологическому восприятию традиционные мотивы с выраженными индивидуальными чертами.

В дунганских волшебных сказках, зафиксированных в Центральной Азии, однозначно существуют специфические фундаментальные сюжетные типы. Они сформированы своеобразными реалиями исторического развития народа. Дунганские волшебные сказки сложены главным образом в процессе совмещения фольклорных наследий народов, сыгравших определенную роль в формировании этнического самосознания. Удивительный мир дунганской волшебной сказки создает его произведения уникальными, причудливыми и красочными. В своеобразных сюжетах мы отчетливо обнаружим эстетические особенности арабских, китайских, тюркских, персидских, монгольских, мотивов.

При определении фундаментальных сюжетных типов в дунганской волшебной сказке Центральной Азии мы использовали известные международные разработки Н.П. Андреева, Ст. Томпсона, В. Эберхарда, Х. Икеда, В.Я. Проппа, Э.В. Померанцевой, Е.М. Мелетинского, К. Леви-Строса, А. Греймаса, А. Дандиса, Н.И. Кравцова, С.Г. Лазутина, Л.Г. Барага, Г.-Й. Утера, Б. Кербелите и др [130, 131, 106, 113, 133, 117,132, 100, 95, 134, 135, 136]. Наша необходимость в обращении к указателям сказочных сюжетов,

построенных на разных методах классификации материалов, вызвана потребностью в ориентации в огромном количестве зафиксированных сказочных текстов. Соответственно они помогли нам в нашем желании более точно выделить сюжетные, а также мотивные типы классифицируемых фольклорных сказочных текстов.

В процессе определения фундаментальных сюжетных типов в дунганской волшебной сказке в значительной степени помогли в том числе разработки известных ученых Центральной Азии из Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Туркменистана. В последние десятилетия решительный шаг в изучении повествовательно-эстетического вида фольклора сделали исследователи. Известными учеными, С.А. Каскабасовым, Г.А. Джалаловым, К.М. Максетовым, Р.З. Кыдырбаевой, Е.Д. Турсуновым, К. Касымовым [97, 91, 122, 101, 102, 98] и др. написано большое количество трудов, в которых они со знанием дела выявляют структурные разряды, подразряды, звенья и самостоятельные сюжеты. В конечном результате ОНИ твердо заложили фундаментальную основу в изучении волшебных сказок народов Центральной Азии.

Неоднозначное значение для нашего исследования имеет опыт классификации материалов волшебной сказки хуэйзцу ученых КНР. До настоящего времени в китайской фольклористике классификация жанров поэтического народного творчества строится на традиционной культурной основе. По этой причине специалисты из различных центров по изучению фольклора народа хуэйцзу довольно-таки своеобразно классифицировали национальные волшебные сказки. Особое внимание, конечно, заслуживает изучение исследователя фольклора хуэйцзу-дунган Нинся-хуэйского автономного региона КНР Ли Шуцзяня. Книги ученого “Хуэйцзу миньцзянь вэньсюэ шыгон” (“Обзор народной литературы хуэйцзу”), “Хуэйцзу вэньсюэ цзун юй хэн” (“Наиболее полные описания литературы хуэйцзу”), “Хуэйцзу миньцзян гуши цзи” (“Собрание народных сказок хуэйцзу”) [78,79] и др. значительно пополнили наши знания о национальной волшебной сказке. Исследователь в сказочном эпосе хуэйцзу-дунган выделил в отдельные кластеры такие самостоятельные сказочные образования: о борьбе трудящихся с эксплуататорами; о любви; о бытовых, сатирических и юмористических ситуациях; о представителях животного мира; об остальной органической жизни и т.д. Соответственно наши отношения к сюжетно-структурным образованиям в дунганской волшебной сказке Центральной Азии значительно отличаются. Отсюда мы не намерены комментировать классификацию сказочного эпоса хуэйцзу КНР, осуществленную известным ученым из НХАР КНР, так как она описана исходя из китайской фольклорной школы.

В разграничении сюжетных, структурных, тематических разделов этого вида дунганского прозаического фольклора Центральной Азии мы главным образом исходили из природы, специфики и эстетики самих существующих многочисленных материалов в живой народной традиции. Все зафиксированные, собранные, записанные нашими замечательными фольклористами оригинальные тексты послужили основополагающими

аргументами в классификации жанров дунганской волшебной сказки Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана.

В результате в дунганском прозаическом фольклоре Центральной Азии мы обнаружили следующие сюжетные, тематические и структурные группы, которые по своей сущности отличаются друг от друга отношением к действительности. Тщательный анализ функций зафиксированных нами материалов позволил выделить такие фундаментальные сюжетные типы: героические сказки о “змееборчестве”; героические сказки о “поиске счастья”; архаические сказки “дети у людоеда”; новеллистические сказки о контактах с духами; романтические сказки о чудесных супругах; реальные сказки о семейно-гонимых; фантастические сказки о чудесных предметах.

Соответственно выявленным сюжетно-фундаментальным типам нам остается только создать своеобразный указатель сюжетов дунганской волшебной сказки. В нем все зафиксированные сюжеты будут строго размещены по кластерам фундаментально-сюжетных типов. Все выявленные сюжеты сопровождаются информацией относительно сказочника, записи, фиксатора, происхождения, дубликата и т. д. Такое бережное отношение ко всем зафиксированным произведениям имеет важное значение, так как способствует отчетливому представлению о материале, на который мы обязаны опираться в процессе анализа. В процессе обращения к конкретному сюжету читатель соответственно может сразу получить информацию о значении, количестве, состоянии и т. д. Наш абсолютно непритязательный рабочий указатель сюжетов наглядно показывает, к каким сюжетно-тематическим разделам относятся конкретные волшебные сказки. Соответственно это способствует более удобному подбору существующих сюжетов для необходимого анализа.

Героические сказки о “змееборчестве”:

1.О том, как бедняк Джончен искал свою возлюбленную [Юсуров Х.];

2.Понжыр [Хасанов М., Юсупов И.];

3.Чжон Чен ищет жену [Хасанов М., Юсупов И,];

4.Понвын [Хасанов М., Юсупов И.];

5.Бый чузы (Белый шелк) [Шисыр И.];

6.Давиди Хәли (Охотник Хэли) [Шисыр И.];

Героические сказки о “поиске счастья”:

1.Вучын зуә хуоншонли (Вучын стал императором) [Юсуров Х.];

2.О том, как простодушный Мин искал счастье [Хасанов М., Юсупов И.];

3.Золотая птица [Хасанов М., Юсупов И.];

4.Братья [Хасанов М., Юсупов И.];

5.Ответ солнца [Хасанов М., Юсупов И.];

6.Щинчон [Хасанов М., Юсупов И.];

7.Драконова табличка [Хасанов М., Юсупов И.];

8.Золотая рыбка [Хасанов М., Юсупов И.];

9.Семеро и один пес [Хасанов М., Юсупов И.];

10.Санбый дэ Нэҗер (Санбый и Нэжер) [Хиймамов Г.];

11.Бый бо дан (Желчь белого барса) [Корякин В.];

12.Сангэ вынти (Три вопроса) [Корякин В.];

13.Люйингэр (Зеленый попугай) [Корякин В.];

14.Щичё дун мый (Сорока на ветке сливы) ([Корякин В.];

Архаические сказки “дети у людоеда”:

1.Людоед [Хасанов М., Юсупов И.];

2.Семь дочерей старика и старухи [Хасанов М.];

3.Хур дэ гўнён (Обезьяна и девушка) [Машинхаева В..];

4.Ло нэнэ йү ёгуэ (Почтенная бабушка встречает оборотня) [Шисыр И.];

Сказки о контактах с духами:

1.Сангэ щё зымый (Три сестры) [Юсуров Х.];

2.Жынсын жин (Жэньшэнь-чжин) [Юсуров Х.];

3.Юян жин (Сороконожка-чжин) [Юсуров Х.];

4.Течў жин (Веник-чжин) [Юсуров Х.];

5.Храбрый Лисын и злобный ёгуэй, который принял облик его сестры [Юсуров Х.];

6.Девушка и куст тальника [Юсуров Х.];

7.Таракан-джин [Юсуров Х.];

8.Волк-джин [Юсуров Х.];

9.Невеста из могилы [Юсуров Х.];

10.Как Чунжен победил людоеда-великана [Юсуров Х.];

11.Белая лиса [Хасанов М., Юсупов И.];

12.Семнадцатилетняя мать – восемнадцатилетний сын [Хасанов М., Юсупов И.];

13.Девушка-змея [Хасанов М., Юсупов И.];

14.Старый охотник [Хасанов М., Юсупов И.];

15.Ма-юаньвэй [Хасанов М., Юсупов И.];

16.Исхар [Хасанов М., Юсупов И.];

17.Паук-чжин [Хасанов М., Юсупов И.];

18.Шалагур [Машинхаева Ф.];

19.Шәчунзы жин (Ящерица-чжин) [Лолиева С.];

20.Елон (Гиена-оборотень) [Белосан А.];

Сказки о чудесных мужьях:

1.Сын-лягушка [Юсуров Х.];

Сказки о чудесных женах:

1.Лёнгә Ливон (Два Ливона) [Юсуров Х.];

2.Чжон Дачже бьет фазанов [Хасанов М., Юсупов И.];

3.Паршивый [Хасанов М., Юсупов И.];

4.Чжон Юй кипятит море [Хасанов М., Юсупов И.];

5.Хуаршонди жин йүр (Волшебная рыбка с картины) [Корякин В.];

6.Эрйүә эр лун тэ ту (Во второй день второго месяца дракон поднимает голову) [Шисыр И.;

Сказки о семейно-гонимых:

1.Бый ню фәчў хуали (Белая корова заговорила) [Юсуров Х.];

2.Лёнгә давиди (Два охотника) [Юсуров Х.];

3.Щилагуэ гә (Брат Щилагуэ) [Юсуров Х.];

4.Лёнщин дэ Мищин (Ленщин и Мищин) [Юсуров Х.];

5.Шалагур (Шалагур) [Юсуров Х.];

6.Два брата [Хасанов М., Юсупов И.];

7.Чжинхуа – золотой цветок [Хасанов М., Юсупов И.];

8.Лосань [Хасанов М., Юсупов И.];

9.Птичка хуачер [Хасанов М., Юсупов И.];

10.Мачеха [Хасанов М., Юсупов И.];

11.Красная тыква-горлянка [Хасанов М., Юсупов И.];

12.Чжон Тянью [Хасанов М., Юсупов И.];

13.Ласточка [Хасанов М., Юсупов И.];

14.Чжен Нэ [Хасанов М., Юсупов И.];

15.Добрый и злой [Хасанов М., Юсупов И.];

16.Жин мажүр (Волшебный жеребенок) [Сушанло М.];

17.Щё чён бан (Младший перехватывает свитку смерти) [Хасанов М.].

18.Лижявон (Лижявон) [Хасанов М.];

19.Нюду йү Быйгу (Нюду встречает Быйгу) [Корякин В.];

20.Бый тур (Белый заяц) [Корякин В.];

21.Жин хўлўр (Волшебная тыква-горлянка) [Корякин В.];

22.Щанщин Хәкэ (Добродетельный Хэкэ) [Корякин В.];

23.Маняр Юсур (Слепой Юсур) [Корякин В.];

24.Фон-енвади лисы (История о бедном пастушке) [Корякин В.];

25.Чигә зымый (Семеро сестер) [Машинхаева Ф.].

26.Мыйхуар (Мыйхуар) [Хиймамов Г.].

Сказки о чудесных друзьях:

1.Тридцать восемь тысяч тигров [Юсуров Х.];

2.Бедняк Быйщин и черный лис [Юсуров Х.];

3.Цейлон-дровосек [Юсуров Х.];

Сказки о чудесных предметах:

1.Гиминбо [Юсуров Х.];

2.Волшебный ковер [Юсуров Х.];

3.Драгоценный камень [Хасанов М., Юсупов И.];

4.Вихўзы (Лодка) [Сушанло М.];

5.Жин жынхуар (Волшебная вышивка) [Корякин В.].

Однозначно в дунганской волшебной сказке Центральной Азии существуют также другие фундаментальные сюжетные типы. По этой простой причине мы не претендуем на абсолютную истину в дифференциации сюжетов в настоящей волшебной сказке. В нашем случае мы опираемся на зафиксированные сюжеты. Наши формулировки в какой-то степени могут послужить основой для выявления фундаментальных сюжетных типов дунганской волшебной сказки Центральной Азии. По своей сущности настоящие выводы все-таки сделаны на основании структурного метода изучения.

Таким образом, в следующем разделе диссертационного исследования мы рассмотрим известный вид дунганского прозаического фольклора Центральной Азии в соответствии с вышевыявленными структурными кластерами. В исследовании предварительно выявленных, зафиксированных и изученных материалов мы пойдем по принципу проникновения в каждый отдельный сюжет волшебной сказки. Соответственно будут выявлены все сюжетные ходы основных художественных текстов дунганской волшебной сказки.

Литература

1.Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая (Расовая морфология современного населения). – М.: Наука, 1982. – 302 с.
2.Решетов В.М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации // Этническая история народов Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 140.
3.Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М.: Наука, 1987. – 275 с.
4. Israeli R. Muslims in China: A study in Cultural Confrontation (Мусульмане в Китае: Исследование культуры в сопоставлении). – London–Malmo, 1980 (англ. яз.). – С. 47.
5.Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: ЛГУ, 1946. – 340 с.
6.Сушанло М.Я. Дунгане (историко-этнографический очерк). – Фрунзе: Илим,1971. – 305 с.
7.Марван Ибрагим аль-Кайси. Исламская мораль. – М.: Андалус, 2005. – 128 с.
8.Рифтин Б.Л., Хасанов М.А. Художественный мир дунганской сказки // Дунганские народные сказки и предания. – М.: Наука, 1977.– С. 5–31.
9.Шисыр И.С. Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии: дис. … д-ра филол. наук. – Алматы: Научная библиотека МОН РК, 2010. – 272 с.
10.Хуэйзў гужир (Дунганские сказки) / Сост. Х. Юсурова. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1960. – 259 с.
11. Аникин В.П. Русская народная сказка. – М.: Худ. лит., 1984. – 176 с.
12. Шисыр И.С. Волшебные сказки повествовательно-эстетического фольклора // Современность: философские и правовые проблемы: сб. науч. статей. – Бишкек, 2004. – С. 336–343.
13. Шисыр И.С. Сказки хуэйцзу о “чудесных женах” с точки зрения структурного изучения // Вестник КРСУ. – 2005. – № 2 (5) – С. 97–73.
14.Шисыр И.С. Героические сказки хуэйцзу “змееборческого” типа с точки зрения структурного анализа // Вестник БГУ. – 2006. – № 1 (5). – С. 90–95.
15. Шисыр И.С. Социально-обездоленные образы в волшебной сказке хуэйцзу (дунган) Центральной Азии // Вестник СДУ: Университет им. С. Демирел. – Алматы. 2010. – №3 (15) – 64–69.

УДК: 821.161.1 (575.2) (04)

Дүйшөгулова М.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек

DuishogulovaM.A.
J. Balasagun KNU, Bishkek
Mekiw1997@gmail.con
Крутиков Д.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
KrutikovD.A.
J. Balasagun KNU, Bishkek
krutikovd@mail.ru

Мотивы раскаяния и прозрения в повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон»
The motives of remorse and awakening in the story of L.N. Tolstoy «Fake Coupon»

Аннотация: *В статье освещаются нравственные искания Л.Н. Толстого на примере повести «Фальшивый купон», затрагиваются этико-эстетические воззрения писателя. Проводится детальный анализ реализации мотивов раскаяния и прозрения в идейно-художественной структуре повести. Автор статьи приходит к выводу о том, что данные мотивы являются значимыми в рамках темы преступления, которое понимается Л.Н. Толстым не только в юридическом смысле, но прежде всего как нарушение нравственных норм. И потому мотивы раскаяния и прозрения писатель связывает с возможностью осознания преступления, искупления и очищения души.*

Abstract: *The article highlights the moral searches of L.N. Tolstoy, on the example of the story "Fake Coupon", touches upon the ethical and aesthetic views of the writer. A detailed analysis of the implementation of the motives of repentance and insight in the ideological and artistic structure of the story is carried out. The author of the article comes to the conclusion that these motives are significant within the framework of the crime theme, which is understood by L.N. Tolstoy, not only in the legal sense, but above all as a violation of moral norms. And therefore, the writer connects the motives of repentance and insight with the possibility of his realization, redemption and purification of the soul.*

Ключевые слова: *мотив,нравственные искания, преступление, совесть, раскаяние, прозрение.*

Keywords: *motive, moral quest, crime, conscience, remorse, awakening.*

В нравственных исканиях Л.Н. Толстого [См. об этом, напр.: 1; 2; 3] художественное осмысление темы преступления и наказания занимает важное место. Особую значимость при этом имеют мотивы раскаяния и прозрения, которые, как правило, органично взаимосвязаны у писателя, внутри данной темы. Надо сказать, что в авторском идеале Л.Н. Толстого мотивы раскаяния и прозрения занимают, на наш взгляд важное место. Об этом, в частности, свидетельствуют нравственные искания писателя, которые неизменно приводили его героев к раскаянию и прозрению. Причем эти состояния у героев произведений Л.Н. Толстого часто взаимосвязаны: герой может не просто

раскаяться, но испытать после этого прозрение, осознав преступность, греховность своих мыслей, чувств, слов, поступков. Временной промежуток между этими состояниями может быть разным: от одного дня до нескольких лет или даже десятка с лишним лет. Примером могут служить рассказы «Люцерн», «Корней Васильев», «Хозяин и работник», повести «Отец Сергий», «Фальшивый купон», романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» и другие.

Тема преступления и наказания в романах, повестях, рассказах, пьесах Л.Н. Толстого, в том числе в повести «Фальшивый купон», рассматривалась многими исследователями [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако мотивы раскаяния и прозрения в повести «Фальшивый купон» остаются, на наш взгляд, пока малоизученной областью исследований творчества Л.Н. Толстого. Исследователи Е.Н. Купреянова и А.Б. Тарасов, затрагивая данные мотивы, большей частью мотив прозрения, или в терминологии Е.Н. Купреяновой – «пробуждения совести» [7, с. 286], связывают их с агиографической традицией. А.Б. Тарасов мотивирует раскаяние и прозрение тесной связью с агиографическими жанрами, влиянием на преступников героев-праведников [См. более подробно: 9]. Однако такие герои у Л.Н. Толстого отсутствуют, поскольку концепция личности у него связывается с «диалектикой души», текучестью человеческой личностью, постоянной ее переменчивостью. Герои, которых А.Б. Тарасов относит к житийным праведникам, у Л.Н. Толстого обычные люди, со своими достоинствами и недостатками. Только им присуще более менее осознанное понимание нравственного закона на основе христианских заповедей. Этот момент, как нам кажется, упускает из виду Е.Н. Купреянова, которая считает нравственное возрождение героев повести сверхъестественным, нелогичным. Между тем, как нам думается, общечеловеческая ценность добра, воплощенная в наиболее совершенном виде в евангельском учении и соприродная изначально душе человеческой как нравственный императив – голос совести, человечности – является в повести вполне логически мотивированной причиной, благодаря которой в душах героев повести происходит прозрение, нравственное преображение. Это вытекает из этико-этических воззрений Л.Н. Толстого. Между тем как житийная традиция, на наш взгляд, просто дополняет некоторыми особенностями поэтики авторскую концепцию, авторский идеал.

Надо отметить, что тема преступления и наказания в этико-эстетических воззрениях Л.Н. Толстого имеет, по нашим наблюдениям, и юридический, и прежде всего нравственный характер, то есть преступление писатель понимает как нарушение нравственных норм. Вообще «в русской традиции вопрос о преступлении неразрывно связан с вопросом о наказании, притом не юридическом, а нравственном. В романах Достоевского "Преступление и наказание" и Толстого "Анна Каренина", "Воскресение" преступника наказывает не общество, не юридическое лицо, а Верховная Воля, перед которой бледнеют любые институты власти. Подлинное наказание – это чувство вины, муки совести…» [10, с . 518].

Преступный характер по Л.Н. Толстому может иметь не только действие, но и слово: «Мы возмущаемся на телесные преступления: объелся, подрался, прелюбодействовал, убил, – а легко смотрим на преступления слова: осудил, оскорбил, передал, напечатал, написал вредные, развращающие слова, а между тем последствия преступлений слова гораздо более тяжелы и значительны, чем преступления тела. Разница только в том, что зло телесных преступлений тотчас же заметно. Зло же преступления слова мы не замечаем, потому что оно сказывается далеко от нас и по месту и по времени» [11, т. 45, с. 360–361].

Недобрые мысли для Л.Н. Толстого – это корень, причина недобрых слов и поступков, а значит, и преступлений, совершаемых такими мыслями. Приведем две цитаты. Одна приписывается Зороастру, ее использует Л.Н. Толстой в книге «Круг чтения»: «Грех не только делать, но и думать дурное» [11, т. 42, с. 62]. В книге «На каждый день. Учение о жизни, изложение в изречениях» звучит такая мысль Л.Н. Толстого: «Много хуже дурного поступка те мысли, от которых происходят все дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться в нем; дурные же мысли родят дурные поступки. Дурной поступок только накатывает дорогу к дурным поступкам; дурные же мысли везут по этой дурной дороге» [11, т. 44, с. 244]. К концу жизни Л.Н. Толстой провозгласит в одном из писем: «На свете только одно хорошо и нужно: становиться добрее в делах, в словах, в мыслях (начинать надо с мыслей)» [11, т. 77, с. 339]. Поэтому прозрение героя, следующее за раскаянием, в произведениях писателя является чрезвычайно важным процессом, свидетельствующим о его духовном развитии, о гуманизации его сознания.

Отсюда главная цель статьи – проследить художественную реализацию мотивов раскаяния и прозрения на примере сюжетно-композиционных особенностей повести «Фальшивый купон» в свете аксиологического подхода, актуализирующего нравственно-эстетический, или, иными словами, художественно-этический аспект повести Л.Н. Толстого.

Как верно, на наш взгляд, отмечает Н. Прокурова, «произведения Толстого позднего периода носят ярко выраженный дидактический характер, ориентированы на евангельские идеалы и отсюда – глубокий интерес писателя к нравственным проблемам, в частности, к проблеме преступления как следствия нарушения нравственных и Божеских заповедей» [12, с. 49].

В июне 1898 г. Л.Н. Толстой записывает в дневнике: «Непротивление злу не только потому важно, что человеку должно для себя, для достижения совершенства любви, поступать так, но еще и потому, что только одно непротивление прекращает зло, поглощая его в себе, нейтрализует его, не позволяет ему идти дальше, как оно неизбежно идет, как передача движения упругими шарами, если только нет той силы, которая поглощает его. Деятельное христианство не в том, чтобы делать, творить христианство, а в том, чтобы поглощать зло. Рассказ «Купон» очень хочется дописать» [11, т. 53, с. 197]. Именно идеал непротивления злу насилием в этот период для Л.Н. Толстого является крайне значимым в свете идеи нравственного совершенствования человека. Творческая мысль писателя развивается в том

направлении, что непротивление злу дает импульс к раскаянию для того, кто совершает зло. Если даже при этом жертва лишается жизни. В религиозном жизнепонимании Л.Н. Толстого выше ценности жизни становится идеал любви к человеку. Одним из проявлений этой любви является подвиг веры человека в жизнь вечную, в благо, которое не завершается смертью.

Одним из проявлений такого «поглощения» зла добром стала в «Фальшивом купоне» судьба Степана Пелагеюшкина. Толстой осуществил здесь замысел, о котором писал в Дневнике 29 мая 1889 г.: «Как хороша могла бы быть история об убийце, раскаявшемся на незащищавшейся женщине» [11, т. 50, с. 87].

Нравоучительный характер повести подчеркивался еще и тем, что в сюжет были введены черти, символизирующие постепенное нарастание зла. 22 января 1904 г. Толстой записал в дневнике: «Нынче занимался Купоном и колеблюсь, оставить или уничтожить чертей» [11, т. 55, с. 10]. Видимо, прием этот показался Толстому слишком искусственным, и он исключил его. Текст не отделан окончательно и обрывается на начале XX главы второй части.

С более подробным комментарием к повести и ее редакциями можно ознакомиться в 90-томном собрании сочинений Л.Н. Толстого [См.: 11, т. 36, с. 557–581].

Повесть «Фальшивый купон» наглядно показывает, как, казалось бы, незначительное мошенничество повлекло за собой цепь зла – разбиты судьбы, совершены грабежи и убийства, прежде чем герои произведения приходят к раскаянию и прозрению. Л.Н. Толстой талантливо показывает истоки цепи преступлений, которые коренятся в недобрых мыслях и чувствах.

Повесть состоит из двух частей и 45 глав. Завязка начинается с предыстории сложных взаимоотношений председателя казенной палаты Федора Михайловича Смоковникова со своим 15-летним сыном – гимназистом Митей. Отец дает сыну каждый месяц три рубля на развлечения. Однако полного взаимопонимания между ними нет. Более того, когда Митя просит у отца больше денег, чтобы вернуть долг однокласснику, отец называет его мошенником. А Митя признается, что не любит Федора Михайловича.

Однажды гимназист Евгений Махин подтолкнул Митю на настоящее мошенничество. Он подделывает денежную купюру, пририсовывая единицу «перед 2 р. 50», так что вышло «12 р. 50» [11, т. 36, с. 7].

Жертвой мошенничества стала продавщица фотографических принадлежностей Марья Васильевна. Происходит ее ссора с мужем Евгением Михайловичем, который обнаружил подделку. Мотив раскаяния мы встречаем в главе IV, когда Марья Васильевна «вспомнила про своего умершего ребенка, равнодушие мужа к этой потере и возненавидела мужа так, что подумала о том, как бы хорошо было, если бы он умер. Но, подумав это, она испугалась своих чувств» [11, т. 36, с. 9].

Евгений Михайлович идет на нечестность. Он отдает фальшивый купон крестьянину Ивану Миронову за доставку дров. Иван Миронов в свою очередь ловчил на продаже дров, умудряясь продавать их по выгодной для себя цене в ущерб покупателю. В трактире Иван Миронов попался с фальшивым купоном в

руки правосудия. На дознании Евгений Михайлович все отрицает, впутывая в обман красивого, сильного и веселого дворника Василия, подкупив его: хозяин у Миронова ничего не покупал, говорит он.

Оскорбленный Иван Миронов решает обратиться к адвокату. Евгений Михайлович продолжает лгать с помощью подкупленного вновь Василия. Парень испортился, увидел, что можно жить без закона. Он украл кошелек Евгения Михайловича, который его рассчитал и выпроводил. Василий по пути в свою деревню устроился охранником помещичьего сада. Получив расчет, он с подельниками ограбил лавку хозяина, который поймал его, побил и прогнал ни с чем.

Начинается история таможенного чиновника Петра Николаевича Свентицкого. Его лошадей украл его работник Иван Миронов, обозленный несправедливостью. Петр Николаевич в свою очередь обозлился на своих работников. Свентицкий подозревает безвинного Прошку Николаева, своего молодого кучера. За ничтожный повод Прошку посадили в тюрьму. После освобождения он утратил ко всему интерес, стал лениться, выпивать, совершил кражу и опять был посажен в тюрьму.

Марья Васильевна узнает на улице Митю Смоковникова, рассказывает историю с купоном о. Михаилу Введенскому (его в свое время унизил отец Мити). О. Введенский рассказал про историю с купоном классу, не называя имени Мити. Сгорая от стыда, Митя убегает из класса. Митина мать обращается к Марье Васильевне, платит ей, просит не упоминать имени Мити, а Митю – все скрыть от отца.

Происходит ссора Митиного отца с о. Введенским. В результате о. Введенский оставил гимназию, постригся в монахи и стал ректором семинарии, приняв имя Мисаил.

В XIV главе появляется один из главных персонажей Степан Пелагеюшкин, высокий, мрачный мужик. Степан был одинок и отбывал воинскую повинность. Его коней в числе других свел Иван Миронов. Устроили самосуд, и Степан убил Миронова. Степана судили. Пока он сидел, жена его с детьми пошла по миру и вскоре померла, дома он лишился. По пути домой Степан совершил новое убийство: его жертвами стали богатый мещанин и его сожительница.

В XVI главе возникает новая сюжетная линия. Появляется очень важный персонаж – кроткая и добрая вдова Мария Семеновна, которая живет в уездном городе и содержит на свою пенсию в двести пятьдесят рублей пьющего старика отца и тоже пьющую младшую сестру и ее мужа.

Тем временем Петр Николаевич Свентицкий ссорится со своими крестьянами, судит их, прибегает к насилию, ведет с ними тяжбы из-за луга и скотины. Одного мужика он нечаянно застрелил, и мужики расправились с хозяином. Их судили, двоих повесили.

Важное место занимает в повести бунт православных против сектантов, в результате которого крестьянина «Чуева судили и за совращение и за богохульство приговорили к ссылке. Отцу же Мисаилу дали награду и сделали архимандритом» [11, т. 36, с. 29].

В главах XXI–XXII имеет место новое сюжетное развитие. Появляются персонажи – красивая девушка Катя Турчанинова, революционерка, и студент Тюрин, сын «земского начальника Симбирской губернии» [11, т. 36, с. 30]. Катя верила в то, что ее цель – «разрушить существующий строй, сковывающий лучшие силы народа, и указать людям тот новый путь жизни, который ей указывался европейскими новейшими писателями» [11, т. 36, с. 30]. При этом она считала приемлемыми для борьбы все средства вплоть до самых радикальных. Вместе с тем Катя была очень добрым и самоотверженным человеком, чужие интересы ставила выше своих личных и радовалась любой возможности сделать что-то приятное кому угодно – детям, старикам, животным.

Студент Тюрин возмущен судом над мужиками, его поддерживает Катя Турчанинова. Оба оказываются за решеткой: Тюрин по подозрению в революционных намерениях, Турчанинова – за покушение на министра.

Степан Пелагеюшкин продолжает серию убийств. Он убивает дворника, жену с детьми своего земляка – ломового извозчика и, наконец, – Марию Семеновну. Здесь обращает на себя кульминация нравственного чувства. При первой случайной встрече взгляд Степана испугал и смутил ее. Но в сцене убийства, наоборот: Степан испуган и смущен взглядом женщины. Пик высочайшего гуманизма мы видим в словах Марии Семеновны: «Ох, великий грех. Что ты? Пожалей себя. Чужие души, а пуще свою губишь... О-ох! – вскрикнула она» [11, т. 36, с. 33]. Даже перед смертью эта праведная женщина попыталась вразумить убийцу. Отсюда начинается путь к раскаянию и прозрению Степана.

Итак, в первой части повести «Фальшивый купон» представлены события, повлекшие за собой цепь преступлений. Во второй части повести, которую можно назвать условно искупительной, мотивы раскаяния и прозрения становятся ведущими, или лейтмотивами.

Степан Пелагеюшкин арестован. Он подвержен страшным мукам совести, и все удивлены его перерождением в кроткого, смиренного, набожного человека.

Здесь Степан знакомится с сосланным за веру Чуевым, который оказал большое нравственно-религиозное влияние на Степана. С ними отбывает наказание Василий, дворник Евгения Михайловича.

Мария Семеновна когда-то вдохновила евангельским учением портного, который повлиял на Чуева, а Чуев – на Степана. Кульминация прозрения Степана, прочитавшего Евангелие от Луки (гл. XXIII, 32–43), отразилась в его размышлении: «Ему открылся общий смысл всего учения в том, что люди – братья и им надо любить и жалеть друг друга, и тогда всем хорошо будет… И с этого времени Степан стал другим человеком» [11, т. 36, с. 38], вся его душа «была полна новым, радостным содержанием» [11, т. 36, с. 39]. Он выучился читать и стал от души читать Евангелие. Чтение Степана произвело положительное действие в душах каторжника и палача Махоркина и Василия. В результате Махоркин, который должен был казнить осужденных за гибель Свентицкого мужиков, прозревает и отказывается от казни.

В VI главе события возвращают нас к Махину, подделавшему купон с Митей. Теперь он – судебный следователь. Махин был удивлен нравственным перерождением Степана Пелагеюшкина и тем, как под его влиянием прозрел каторжник Махоркин.

От Махина о Степане узнала 18-летняя девушка Лиза Еропкина, в которую влюблен Махин. Лиза пожелала стать такой же бескорыстной, как Мария Семеновна. Она решает раздать свое имение. Ее решение содействовало прозрению Махина, который стал больше понимать недоступный для него ранее «мир духовных стремлений, который он видел в Лизе» [11, т. 36, с. 42].

Василий бежит из тюрьмы. Он решает грабить по-крупному, чтобы раздавать награбленное добрым людям.

Суд совести вершится и в душе вдовы Свентицкого Натальи Ивановны. После разговора с полицейским начальником в ней просыпается сострадание, когда она узнает про нравственное возрождение палача Махоркина. Она решает обратиться с прошением на имя царя, чтобы осужденных помиловали.

Василий раздавал награбленное людям, но все-таки его поймали и приговорили к ссылке.

Царь, к сожалению, не внял просьбе Натальи Ивановны, и мужики были казнены. Царь и его приближенные пригласили святого старца Исидора, который произнес горячую обличительную речь против казней. Хотя его отправили в Суздальский монастырь, его слова повлияли на царя, который видел во сне казенных по его повелению людей, мучился совестью и впервые задумался об ответственности.

Прокофий, кучер Свентицкого, в каторжной больнице столкнулся со Степаном, который сильно повлиял на Прокофия и тот перед смертью просветлел душой, прозрел.

Евгений Михайлович прогорал со своим магазином. Его бывший дворник Василий посылает ему денег и прощает хозяина, что чрезвычайно тронуло Евгения Михайловича.

Сосланный в Суздальскую монастырскую темницу Исидор так повлиял на Михаила, что тот «подал бумаги об освобождении, как раскаявшихся, не только Исидора, но и семерых других и сам попросился в монастырь на покой» [11, т. 36, с. 52].

Спустя десять лет Митя Смоковников, ставший инженером «на золотых приисках в Сибири» [11, т. 36, с. 52], столкнулся со Степаном, бывшим проводником по участку. Рассказ Степана о своей жизни произвел на Митю большое впечатление: «И удивительное дело. Митя Смоковников, живший до тех пор только питьем, едой, картами, вином, женщинами, задумался в первый раз над жизнью. И думы эти не оставили его, а разворачивали его душу все дальше и дальше. Ему предлагали место, где была большая польза. Он отказался и решил на то, что у него было, купить именье, жениться и, как сумеет, служить народу» [11, т. 36, с. 53].

В заключительной главе, прежде чем исполнить свое намерение, Митя «прежде приехал к отцу, с которым у него были неприятные отношения за новую семью, которую завел отец. Теперь же он решил сблизиться с отцом. И

так и сделал. И отец удивлялся, смеялся над ним, а потом сам перестал нападать на него и вспомнил многие и многие случаи, где он был виноват перед ним» [11, т. 36, с. 53].

В развязке к героям приходят раскаяние и прозрение. Эти мотивы доминируют в финале повести. Одновременно с ними в повести важное значение имеют гуманистические ценности милосердия, сострадания, сочувствия. Благодаря им мотивы раскаяния и прозрения приобретают особенную художественно-этическую силу.

Таким образом, концепция преступления у Л.Н. Толстого всегда связывается с возможностью раскаяния и прозрения. Голос совести становится важнейшим ориентиром в поведении героев, торжествует победа доброго начала человеческой души.

Литература

1. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / Сост. Е. И. Покусаева, вступит. ст. Е. И. Покусаева и А. А. Жук. М.: Худож. лит., 1972. – 543 с.
2. Галаган Г.Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 176 с.
3. Берман Б.И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича. – Москва: МП «Гендальф», 1992. – 207 с.
4. Тюстин А. Неслыханный приговор... // Пензенская правда. – 1965. – 8 авг.
5. Альтман М. Читая Толстого. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1966. – 168 с.
6. Барышников Е.П. О стиле прозы Л. Толстого начала XX века // Язык и стиль художественного произведения: Тезисы докладов IX науч.-теоретич. и метод. конф., организованной кафедрой рус. литературы Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина (26–28 мая 1966 г.), 1966. – С. 64–67.
7. Купреянова Е.Н. Эстетика Л. Н. Толстого / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). – М; Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. – 324 с.
8. Андреева Е.П. Художественное мастерство Льва Толстого в повести «Фальшивый купон» // Толстовский сборник № 3. Доклады и сообщения V и VI Толстовских чтений. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1967. – С. 3–17.
9. Тарасов А.Б. Повесть Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» – «житийная литература нового времени» //Проблемы исторической поэтики. – 2005. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povest-l-n-tolstogo-falshivyy-kupon-zhitiynaya-literatura-novogo-vremeni (дата обращения: 15.03.2021).
10. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 960 с.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. / под общ. ред. В.Г. Черткова. – М.: ГИХЛ, 1935–1958.
12. Прокурова Н.С. Нравственно-психологические аспекты проблемы преступления и наказания в русской литературе 2-й половины XIX века:

автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Моск. пед. ун-т. – М., 2000. – 59 с. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01000336887.pdf (дата обращения: 14.03.2021).

УДК: 811.161.1

Петрова С.А.
РУДН, г. Москва
Petrova S.A.
RUDN, Moscow
petrova_sa@pfur.ru

Язык детской литературы как средство культурной идентификации
The language of children's literature as a means of cultural identification

Аннотация: *В статье рассматриваются богатые возможности языка детской художественной литературы для культурной самоидентификации и идентификации человека. Эти процессы, применительно к освоению ребенком текстов детской литературы носят линейный (возрастной) характер – от материнского фольклора к текстам, предназначенным подросткам, или вошедшим в круг их чтения современных писателей. Язык детской литературы широко используется также для коммуникации взрослых, являясь фактически не только национальным, но и поколенческим «культурным кодом».*

Abstract: *The article examines the rich possibilities of the language of children's fiction for cultural self-identification and identification of a person. These processes, in relation to the introduction of the child to the texts of the child's children's literature, are linear (age – related) in nature-from the mother's folklore to the texts intended for teenagers or included in the circle of their reading, modern writers. The language of children's literature is also widely used for adult communication, being in fact not only a national, but also a generational "cultural code".*

Ключевые слова: *детская литература; культурная идентичность; языковая игра; межкультурная коммуникация.*

Keywords: *children's literature; cultural identity; language game; intercultural communication.*

Культурная идентификация (от лат. – тождество) определяется как самоощущение человека внутри конкретной культуры. Так как подавляющее большинство социальных моделей поведения людей формируется в детском возрасте, поскольку именно в детстве человек наиболее восприимчив к процессам обучения [1, с. 200], то культурная идентификация – процесс осознанного приятия индивидом определенных культурных норм, системы ценностей, традиций, понимание собственного «я», самоотождествления себя с культурными образцами конкретного социума – напрямую связаны с овладением родным языком, в том числе с помощью детской литературы. Существует прямая связь между понятиями «культурная идентичность» и «культурная идентификация». В интерпретации М.В. Заковоротной первая рассматривается как результат второй, сочетающей в себе упорядочивание,

определение, схематизацию, моделирование процессов для понимания ситуаций с различением, то есть с выбором места для себя [2].

В ходе обретения культурной идентичности индивид отождествляет себя сначала с семьей и иными малыми группами, далее – с этносом, расой, и в конечном итоге – с человечеством. Применимо к детской литературе можно говорить о линейном (возрастном) движении от фольклора к текстам, предназначенным подросткам, современных писателей. Однако, по мнению многих исследователей, следует учитывать процессы глобализации, жертвой которой, как правило, становятся национальные культуры. З.А. Жаде считает, что «к началу третьего тысячелетия человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются» в связи с глобализацией культурного пространства» [3].

Освоение родного языка подразумевает несколько важных этапов для формирования личности. Пестование младенца предусматривает устное использование взрослым малых жанров фольклора, которые наполняют жизнь малыша задолго до его овладения речью, – потешек, прибауток, колыбельных, присказок, частушек и т. д. «Среди множества средств развития культурной идентичности у детей дошкольного возраста наиболее эффективным, – утверждает М.А. Забоева, – является устное народное творчество, поскольку его произведения за счет яркости, образности, динамичности, а иногда – и элементов волшебства, всегда вызывают живой отклик у детей» [4, с. 66]. Далее ребенок с помощью взрослых, а затем и самостоятельно знакомится с поэзией, в том числе игровой, народной и литературной сказкой. В детстве поэзия утилитарна – без колыбельной ребёнку трудно заснуть, стихи, делают скучное занятие весёлым, помогают одеваться, умываться, чистить зубы, даже «лечат» ребёнка. При всей своей кажущейся незамысловатости и простоте, стихи для детей – одна из самых сложных и ответственных форм поэтического искусства, так как детским поэтам приходится соперничать с фольклором, который усваивается с молоком матери. Поэт и переводчик Михаил Яснов считал, что «одно из предназначений поэзии для детей – создавать атмосферу сотворчества, вызывать ребенка на поэтическое соревнование и, самое главное, раскрепощать его в отношении с языком, то есть с миром» [5, с. 11]. Можно согласиться с Т.А. Гридиной, что «детская» поэзия Михаила Яснова удивительно гармонично сочетает в себе чувство узнаваемости (имитация особенностей детской речи) и креативную среду, исключая всякий элемент искусственности – от передачи самых разных нюансов ментальности ребенка до почти философской мудрости, иронии, юмора, открывающихся читателю в изящной словесной эквилибристике, которая превращает описание самой обыденной ситуации в занимательный (и не только для ребенка) сюжет. В этой игровой перспективе высвечиваются многомерность ассоциативного потенциала слова, пропущенного сквозь авторскую поэтическую «оптику» [6, с. 191]. В этой фразе автор неслучайно дважды обращает внимание читателя на то, что игровая поэзия предназначена не только ребёнку, но и взрослому. Рената Муха, автор детских стихов, была зачинателем двух новых литературных жанров, – «начало следует» и «недоговорок». Первый побуждает читателя к стихо-сотворчеству,

предлагая придумать «недописанное» начало, наполняющее неожиданным смыслом окончание. В жанре «недоговорок», наоборот, ничего «додумывать» не нужно. «Прелесть этих двустиший в том, – писал Вадим Левин, – что они не допускают продолжения и должны оставаться многозначными, содержащими не один намёк, а возможность бесконечного разнообразия продолжений. Потому в конце миниатюр стоит не многоточие, а точка. Изящество, новизна и необычность этого жанра, созданного Ренатой, исчезнет, если читатель усмотрит в них незаконченные произведения» [7]. Такая взрослая игра в «незаконченную законченность» очерчивает свой круг «посвященных», способствуя не только национальной, но поколенческой идентификации.

Фольклор и игровая поэзия часто вдохновляют ребенка на организацию дворовых игр, которые обычно начинаются с закличек, зазывалок и считалок. Дети дошкольного возраста сами с удовольствием сочиняют рифмы, стихи, чувствуют игру со словом, звуком, смыслом. Корней Чуковский, восхищавшийся детской речью, писал: «Даже те детские слова, которых нет в языке, кажутся почти существующими: они могли бы быть, и только случайно их нет. […] Легко можно представить себе какое-нибудь из славянских наречий, где в качестве полноправных слов существуют и сердитки, и никовойный, и всехний»[8, с. 15]. Таким образом, язык, усвоенный и освоенный в детстве, выступает не только средством речевого общения, но и влияет на способ мышления его носителя, способствует получению «культурного кода» определенной общности, становится механизмом включения в нее.

Представляя антологию «Современная детская литература народов России», поэт, переводчик А.К. Каримова и исполнительный директор Совета по детской книге России IBBY Л.В. Чижова, отмечали, что «процесс формирования детской литературы разных народов России хотя и не совпадал во времени, но обладал общими тенденциями её становления: от пересказа шедевров устного народного творчества, адаптированных к разным периодам детства, от сказок о животных и воспитательно-назидательных историй, наполненных бытовыми подробностями жизни того или иного этноса, к литературе о жизни ребенка в условиях современного ему времени» [9]. В какой-то мере этот процесс повторяет каждый индивид на пути к обретению культурной идентичности. Важным этапом культурной идентификации является волшебная сказка, так как она воспроизводит «вневременные» культурные ценности предшествующих поколений в эстетически привлекательной и доступной пониманию юного читателя форме, отражает изменения, обусловленные современными переменами и формирует устойчивое, осознанное стремление следовать заданным культурным нормам [10, с. 137]. Примечательно, что текст волшебной сказки, в том числе и литературной, создаётся на основании культурной традиции, то есть коллективной памяти этноса, инициативно отбирающей и закрепляющей в опыте поколений именно то, что позволило этносу или нации пройти сквозь историю и сохранить свою идентичность [11, с. 128].

Зарубежная детская литература, с которой ребенок знакомится в переводах, также играет немаловажную роль в его культурной идентификации. Сравнивая «своих» и «чужих», юный читатель находит различия, но чаще всего подмечает общее в национальных культурах. Такое узнавание «своего» в «чужом» связано, во-первых, с распространением «бродячих» сказочных сюжетов, когда, например, знакомясь со сказкой Шарля Перро «Красавица и Чудовище», ребенок проводит параллели со сказкой Сергея Аксакова «Аленький цветочек», которую читал ранее. Во-вторых, с существованием в каждой из литератур, обладающими общими чертами героев-трикстеров, по определению М.Н. Липовецкого, риторических фигур, рождающихся в точке контакта между двумя культурными языками. «Троп трикстера лежит в основании самых разных культурных персонажей – плута, вора, шута, клоуна, самозванца, озорника… В детской литературе его наиболее частые воплощения связаны с образами шалунов, проказников, хитрецов, клоунов и злодеев» [12, с. 9]. Трикстерами можно назвать как персонажей отечественной детской литературы: Незнайку («Приключения Незнайки и его друзей» Николая Носова), Кота Леопольда («Приключения кота Леопольда» Анатолия Резникова), старуху Шапокляк из цикла о Чебурашке и персонажей цикла «Трое из Простоквашино» Эдуарда Успенского, доктора Гаспара Арнери («Три толстяка» Юрия Олеши) и многих других, так и героев зарубежных произведений: Пеппи Длинный Чулок и Эмиля из Лённеберги Астрид Линдгрен, барона Мюнхгаузена Эриха Распе, Тиля Уленшпигеля Шарля де Костера, Чиполлино Джанни Родари и многих других. В-третьих, «узнавание» связано и с адаптациями зарубежных произведений, которые широко практиковались в советское время. «Переходя» из одной культуры в другую, герои теряли одни черты и приобретали иные, свойственные и привычные той культуре, которая их фактически присваивала. В частности, явной «трикстеризации» в процессе «освоения» зарубежных текстов подверглись Винни Пух Алана Милна (в прочтении Бориса Заходера), Пиноккио Карла Коллоди (Буратино Алексея Толстого), Зеленый джинн Факраш-эль-Аамаш из «Медного кувшина» Томаса Энсти Гатри, писавшего под псевдонимом Ф. Энсти, (Старик Хоттабыч Лазаря Лагина), Фокусник Оскар Зороастр Диггс из «Волшебника страны Оз» Л.Ф. Баума (Джеймс Гудвин из «Волшебника изумрудного города» Александра Волкова) и др.

Но не только отечественные и зарубежные классические произведения детской литературы способствуют культурной идентификации юного читателя, огромное значение для определения своего места «здесь» и «сейчас» имеют произведения современных писателей, вошедших в круг детского и подросткового чтения. Так, например, язык произведений Макса Фрая (цикл серии «Мир Ехо») и Сергея Лукьяненко (цикл «Дозоры») широко распространен в обиходно-разговорной лексике современного подростка.

Сегодня по-прежнему не умолкают споры по поводу ценности, соответственно и нужности массовой литературы, к которой многие специалисты относят и современную детскую литературу. Жесткость дуализма и беспощадность в её оценках в русском контексте вызвана, как полагают

М.А. Литовская и И.Ю. Савкина, *литературоцентризмом* русской культуры в целом и особым статусом, который приобрела в России интеллигенция [13, с. 14]. В 1960-е годы Евгений Евтушенко ёмко сформулировал эту отечественную особенность: «Поэт в России – больше, чем поэт». Особый статус литературы и литератора-властителя дум был вызван тем, что, примерно начиная с XVIII в., отечественной литературе для взрослого читателя придаётся чуть ли не сакральный смысл. В этом контексте современная той или иной эпохе детская литература рассматривается как нечто несерьезное, второстепенное, сиюминутное, что фактически выносит её на обочину, а часто и за рамки, литературного процесса. Парадоксальным образом массовая востребованность детской литературы всегда сочеталась с её маргинальным статусом, что, впрочем, давало ей существенное преимущество: «как все маргинальное, а значит, менее контролируемое, она становится в определённом смысле зоной свободы и эксперимента» [13, с. 15]. Так, современные писатели широко применяют не только языковые игровые стратегии (обыгрывают устойчивые выражения, используют фразеологизмы, которые приобретают буквальный смысл, ономастику), но и меняют «с точностью до наоборот» традиционные сюжеты и образы, пародируют аббревиатуры советской эпохи, язык рекламы и масс-медиа, совмещают различные жанры, скажем, волшебной сказки и авантюрного романа (Светлана Лаврова «Год кота»), детектива и сказки о животных (Анна Старобинец «Зверский детектив»), школьной повести и фэнтези (Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак «Время всегда хорошее»), закладывают в тексты двойные смыслы, которые может расшифровать лишь взрослый читатель. Светлана Лаврова, выстраивая ряды окказионализмов по определённой словообразовательной модели, которая присуща детской речи, описывает современную действительность, используя аллюзии, отсылки к другим культурным источникам: *«Поликлинный – это такой домовой с медицинским уклоном. Всякая нечисть на свете бывает: водяные, лешие, конные и пешие, гуменные, овинные и даже поликлинные»* [14, с. 54]. Таким образом, игровое начало в современной детской литературе присутствует на всех уровнях: речевом, стилистическом, повествовательном, сюжетно-композиционном, демонстрируя относительность точек зрения на мир при неизменном сохранении этических ценностей [15, с. 126]. Особое место в современной детской литературе отводится способам создания комического. Юмор (как один из его видов) является наиболее сложным социальным инструментом, в то же время наиболее действенным средством культурной идентификации.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что культурная идентификация предусматривает глубокое изучение и понимание родного языка, которые невозможны без процесса словотворчества и приобщения к детской литературе с младенчества. Намечая для ребёнка «дорожную карту» знакомства с культурным наследием (текстами народной, классической и современной литературы, вошедшими в круг детского чтения), следует помнить, что отсутствие или недостаточная проработанность одного из маршрутов приводит к провалам в процессе культурной идентификации, что

неизбежно порождает индифферентность к сохранению родного языка, ведёт к потере национально-культурной идентичности и своего неповторимого «Я».

Литература

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д, Садохин А.Л. Основы межкультурной коммуникации. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
2. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 198 с.
3. Жаде З.А. Российская идентичность как многоуровневая структура. – URL: http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm#_ftnref1 (дата обращения: 29.05.2021).
4. Забоева М.А. Развитие культурной идентичности у детей дошкольного возраста средствами устного народного творчества // Вестник шадринского государственного педагогического университете. – 2019. – №4 (44). – С. 65–67.
5. Яснов М.Д. Путешествие в чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. – СПб: Союз писателей СПб; Фонд «Дом детской книги», 2014. – 358 с.
6. Гридина Т.А. Ассоциативные проекции игрового слова в «детской поэзии» (на материале произведений Михаила Яснова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2018. – № 189. – С. 189–198.
7. Вадим Левин о Ренате Мухе // БиблиоГид. 31.01.2009. – URL: https://bibliogid.ru/archive/pisateli/pisateli-o-pisatelyakh/673-vadim-levin-o-renate-mukhe (дата обращения: 29.05.2021).
8. Чуковский К. От двух до пяти. М.: Советский писатель, 1955. – 235 с.
9. Каримова А.К., Чижова Л.В. Этнокультура и мультилингвальность. Детская литература на национальных языках. О современной детской литературе народов России. – URL: https://ibbycongress2020.org/ru/electives/ethnic-culture-and-multilingualism-children-s-literature-in-national-languages/194-o-sovremennoj-detskoj-literature-narodov-rossii (дата обращения: 29.05.2021).
10. Клейменова В.Ю. Волшебная литературная сказка как средство формирования этнокультурной идентичности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – №6. – С. 133–140.
11. Островская Е.П. Культура и общество // Культурология: учеб. / В. П. Большаков, Е. П. Борзова, С. Н. Иконникова (и др.) – М.: Проспект, 2010. – С. 92–139.
12. Липовецкий М. Шалуны, враги, другие… Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. – 2014. – № 2. – С. 7–22.
13. Литовская М., Савкина И. Читать нельзя изучать: Книга о массовой литературе для учителей и учеников. – М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 149 с.
14. Лаврова С. Год кота. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2011. – 197 с.
15. Скрипова О.А. Игровое начало в книге Светланы Лавровой «Год кота» // Уральский филологический вестник. Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2017. – № 3. – С. 124–129.

УДК: 821.512.154

Сардарбек кызы Н.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Sardarbek kyzy N.
J. Balasagun KNU, Bishkek
skn12@mail.ru

Особенности кыргызских переводов романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» Peculiarities of Kyrgyz translations of Ch.Aitmatov's novel «When the mountains fall (Eternal bride)»

Аннотация: *Статья посвящена сравнительному анализу переводов на кыргызский язык романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» в аспекте сохранения его жанрового своеобразия, образной системы, идейно-композиционных особенностей. Особое внимание уделяется в статье уровню воссоздания художественных особенностей романа на кыргызском языке.*

Abstract: *The article is devoted to a comparative analysis of translations into Kyrgyz language of Ch. Aitmatov's novel «When the Mountains Fall (Eternal Bride)» in the aspect of preserving its genre originality, imaginative system, ideological and compositional features. Particular attention is paid in the article to the level of recreation of the artistic features of the novel in the Kyrgyz language*

Ключевые слова: *жанр, философский роман, вставной сюжет, фольклор, национальный характер, национальная картина мира, эстетическая реальность.*

Keywords: *genre, philosophical novel, plug-in plot, folklore, national character, national picture of the world, aesthetic reality.*

Как известно, последний роман Ч. Айтматова «Когда падают горы…» был написан на русском языке. Роман включает в себя наблюдения автора за европейской цивилизацией в последние десятилетия своей жизни, охватывая проблемы, связанные с процессом глобализации, становлением сознания общества в начале XXI века, а также обращаясь к проблемам экологии. Писатель-гуманист своим романом учит любить, разбираться в том, что такое истинная любовь, соблюдать нормы здоровых, хороших отношений между людьми, оказывать уважение старшим, обеспечивать семьи своим трудом, любить народ и родину, охранять природу и животных своего региона и наконец, постоянно осознавать необходимость того, что нужно «каждый день оставаться человеком». Все эти факты, несомненно, вызывают к роману Ч. Айтматова большой интерес среди читателей и литературоведов.

В настоящее время на кыргызском языке существуют три варианта перевода романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)», которые были выполнены С. Станалиевым [1], А. Пазыловым [2] и Б. Сыдыковой и Ж. Жокушевой [3]. Одновременное появление трех переводов романа (т. е. в

течение одного десятилетия) для кыргызских читателей еще раз свидетельствует об актуальности темы.

Поскольку носители кыргызского языка читают переводы, выполненные разными переводчиками, переводы должны быть сделаны на достаточно адекватном уровне. Выдающийся теоретик и практик художественного перевода К. Чуковский сказал об этом в своей работе «Высокое искусство»: «В том-то и дело, что от художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвел перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль» [4, с. 58]. Поэтому вопрос адекватности переводов оригиналам является актуальным в современной литературе.

Попытаемся путем сравнительного анализа русскоязычного оригинала и переводов на кыргызский язык показать, какие переводческие трансформации произошли в процессе перевода романа на кыргызский язык.

Название романа «Когда падают горы» на кыргызский язык все перевели одинаково – «Тоолор кулаганда». Подзаголовок «Вечная невеста», однако, переводят по-разному. К примеру, С. Станалиев перевел как «Кызкайып», а Б. Сыдыкова и Ж. Жокушева перевели как «Кайып колукту». Слово «кайып» (или кайым) на кыргызком языке обозначает «скрытый», «незримый» и даже в некоторых случаях «вечный». В Кыргызско-русском словаре К. К. Юдахина это слово переводится как добрый дух: «Кара кийген жесирди кайыптар колдоп алыптыр – одетой в черное вдове добрые духи покровительствовали» [5, кн. 1, с. 324–325]. А слово «колукту» – это «невеста, молодая жена молодого мужа» [5, кн. 1, с. 399]. По нашему мнению, перевод названия романа в варианте Б. Сыдыковой и Ж. Жокушевой получился адекватным.

Переводчик Абибулла Пазылов первым обратил внимание на роман Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Он предложил название романа – «Жаабарс (Тоолор кулаганда)». После того как Ч. Айтматов одобрил перевод первых фрагментов романа, выполненный А. Пазыловым, переводчик начал заниматься переводом романа в полном объеме.

А. Пазылов адекватно использует кыргызские пословицы вместо простых выражений русского языка в оригинале текста, путем таких добавлений обогащая исходный текст. Например, в оригинале: «...и женат был. Свадьбу справляли. Все забылось. А родственники постоянно талдычат: не удалось по первому разу, – что тянуть со вторым? Действуй» [6, с. 53], в переводе: «... Үйлөнгөн. Той тойлонгон. Кылчайсаң кечирген турмушу итабар аңгеме. А карындаш-урук такып, такаатсыз талайт: Катын жолдо, бала белде. Маалкатпай төшөк жаңыртпайсыңбы?» [2, с. 36].

Переводчик использует пословицы: «Оозу кыйшык болсо да, байдын уулу сүйлөсүн» [2, с. 105]; «кулча иштегем, ханча жыргайм» [2, с. 102]; «акылман ой тегереткиче, тобокелчи кыр ашыптыр» [2, с. 47]; «чакырылбаган конок шыпырылбаган улагага олтурат» [2, с. 24]; «…оң колунун ачуусун сол колу менен басайтууга канчалык далбастабады…»[2, с. 45]; «ойлогон ойду кыстаган турмуш жеңип туру» [2, с. 168]; «Алты саны аман кул, алтын аяктан бал шимирет» [2, с. 166]; «Куп, таксыр, конок койдон жоош» [2, с. 127];

«Жалгызга Кудай жар, өгөйлүккө, чөгөлөп жашоого ынабайт» [2, с. 38]; «Ийилгенге ийилгин, атадан калган кул эмес, кекейгенге кекейгин, пайгамбардын уулу эмес» [2, с. 43]; «коркконго кош көрүндү менен беш көрүндү» [2, с. 129].

Этими пословицами переводчик художественно приукрасил текст, облегчая тем самым процесс восприятия кыргызским читателем художественного мира писателя.

В варианте А. Пазылова также часто встречаются кыргызские поговорки, которые были использованы при переводе простых описаний русскоязычного текста романа на кыргызский язык. Приведем примеры.

В оригинале: «И однако неземное явление Вечной невесты породило в душе Арсена Саманчина метафорическое восприятие ее образа» [6, с. 71].

В переводе: «Арийне, «Кайып кыздын» Кызыр аллейки саламдай учуроосу беркинин бейнесин Арсен Саманчиндин бөркүндөй кабылдоосун шарттады» [2, с. 55].

Словосочетание «неземное явление» перевелся при помощи традиционнорелигиозного выражения «кызыр алейкисалам» (есть еще синоним – Кожою кыдыр, например: «Жолуң шыдыр, жолдошуң Кожою кыдыр болсун, Оомиин!»), которое также напоминает духовное абстрактное существо, по каким-то признакам похожее на Вечную невесту.

В оригинале: «Нет, так не годится, Арсен. Ты человек молодой еще, умный, очень умный, отец покойный тобой очень гордился бы...» [6, с. 115].

В переводе: «Анткениң жарабайт, Арсен. Он чечегиңдин бир мандалагы бүрдөй элек, акылдуу десе акылдуусуң, ыракматы атаң өзүң менен сыймыктанмак...» [2, с. 97].

При переводе этих слов Бектура Саманчина, двоюродного брата Арсена, на кыргызский язык А. Пазылов находчиво использовал поговорку: «Он чечегиңдин бир мандалагы бүрдөй элек», которая часто встречается у кыргызского народа, и обычно говорится юношам, холостякам, молодым людям для того, чтобы поднять настроение, призвать к оптимистичному образу жизни. Есть еще другой вариант: «Он гүлүңөн бир гүлүң эми ачылган».

Переводчик адекватно использует кыргызские аналоги русских пословиц, поговорок и фразеологизмов. Примеры: «Взялся за гуж – не говори, что не дюж» [6, с. 55]. – «Дешпе, дешкенден кийин тезек жешпе» [2, с. 39]; «…яблоку негде будет упасть» [6, с. 31]. – «…бут коерго жер тарыйт» [2, с. 15]; «Столько воды утекло» [6, с. 33]. – «Жамгыр жууду, кар басты дегендей» [2, с. 17]; «...Сила силу гнет и в том пребывает силой» [6, с. 91]. – «...Күч атасын тааныбайт» [2, с. 14]; «Чепуху солят в бочке» [6, с. 122]. – «Оозуна урунганды оттошпосун» [2, с. 103].

В некоторых случаях переводчик при переводе простых описаний использует фразеологизмы кыргызского языка: «Вообще-то много что изменилось в жизни Жаабарса в последний период» [6, с. 23]. – «Айтса-айтпаса, акыркы жылда Жаабарстын абалына маймыл ыйлагыдай»[2, с. 7]. Повтор этого же фразеологизма мы увидим в другом фрагменте в виде «абалына ачкемер ыйлагыдай» [2, с. 86]. В народе очень часто встречается это выражение

«абалына маймыл ыйлагыдай», «абалына ачкемер ыйлагыдай» и во многих случаях «абалына мышык ыйлагыдай» обозначает плохое состояние души или не очень хорошее социальное положение человека.

Переводчик использует такие фразеологизмы, как «үч кыл комуз менен угузуп» [2, с. 180]; «жылан чакпай» [2, с. 48] – «вдруг, неожиданно», «куйрук шүйөт» [2, с. 48] – «покидать, убегать, уехать».

В переводе А. Пазылова встречаются арабизмы, иранизмы. Например: «напес» [2, с. 20] –«нафас» – «страсть»; «аския» [2, с. 21] – «ирония», «даркер» [2, с. 89] – «требовался», «бинаа» [2, с. 43] – «ниспослана», «перенде» [2, с. 6] – «крылатые», «таклип» [2, с. 164] – «таклиф» – «предложение»

А. Пазылов также использует прием народных эпических песенных форм в основном при пейзажных описаниях. Примеры: «Впереди завиделся берег, а они все мчались, и кони горячились в разбеге» [6, с. 80]. – «Жер тарып, жээк жакын, кош күлүктүн арааңдай оозу ачылып, ак көбүгү чачылып, төрт аягы тыбырайт» [2, с. 67]; «Я спою тебе, Айа, как умею. Послушай, как она кличет» [6, с. 83]. – «Айа, анча-мынча алынча, дараметим барынча, абанымды созоюнбу, кайып кыздын кошогун кошоюнбу» [2, с. 66]; «...иностранцы вскчив в седла, уже неслись прочь» [6, с. 227]. – «...чет өлкөлүктөр шапа-шупа ат минип, ат минсе да бат минип, алда-жолдо безгенин билбеди» [2, с. 198]; «Нет, это были не звезды, летящие по небу, а нечто иное, непривычное» [6, с. 68]. – «Буларың жылдыздай жыбырайт – жылдыз эмес, жымыңдашы шайтандыкы, тегин эмес» [2, с. 52].

В результате сравнительного анализа, можно сказать, что перевод А. Пазылова получился адекватным в аспекте сохранения единства формы и содержания романа, и в определенной степени доступным для кыргызких читателей.

Б. Сыдыкова и Ж. Жокушева перевели роман под заглавием «Тоолор кулаганда» (Кайып колукту). В переводе часто встречаются добавления, опущения, однако с сохранением смысла исходного текста.

Переводчикам удалось адекватно найти аналог поговоркам русского языка. Примеры из текста: «яблоку негде будет упасть» [6, с. 31] – «бут коерго жай калбайт» [3, с. 12]; «Нет худа без добра» [6, с. 189] – «Жаман айтпай жакшы жок» [3, с. 134]; «вокруг да около» [6, с. 177] – «курулай сөздөр» [3, с. 124]; «…научился языком чесать» [6, с. 153] – «тилиң менен буудай кууруганды үйрөнсөң…» [3, с. 106].

Встречается замена нейтральных выражений фразеологизмами или поговорками. К примеру: «…эчки-архары быстроноги» [6, с. 4] – «…бул кайберендер жел-жетпес күлүктөр» [3, с. 3]. Эпитет «жел жетпес» передает значение максимальной скорости в экспрессивно образной форме.

Используются замены в сравнительных конструкциях. Например, вместо «…как резина – и упруга, и податлива…» [6, с. 250] – «…тал чыбыктай солкулдап ийилчээк да, тилалчаак да эле» [3, с. 180]. В кыргызском переводе гибкость девушки более поэтично сравнивается с гибкостью ветвей дерева.

При воспроизведении на кыргызском языке выражений разговорно-бытового обихода переводчики часто используют калькирование, создающее

эффект буквализма, возникают не характерные для кыргызской речи выражения: «– ..Ты зачем мне эту лапшу на уши вешаешь?» [6, с. 152] – «– ..Менин кулагыма эмне бул кесмелерди илип жатасың?» [3, с. 106]. Встречаются и адекватные примеры, соответствующие кыргызскому слуховому восприятию, «…наполняли счастьем» [6, с. 79] – «…элдин жүрөгүн элжиретти» [3, с. 49].

Перевод некоторых простых предложений с оригинала на кыргызский язык выполнен с активным использованием поговорок кыргызского языка. Однако встречаются моменты, когда поговорки оригинала были переведены на кыргызский язык простым описанием: «И тогда кинулись барсы в обратный путь – едва успели ноги унести»: «Постой, постой, цыганка, ты что это, дорогая? Ты что-то не в ту степь поскакала. Что значит – бессмертный?» [6, с. 257] – «Токто, токто, сыганым, сен эмне, кымбатуум? ... Сен эмне деп тантып жатасың? Өлбөс дегениң кандай?» [3, с. 186].

Иноязычные слова переводчики сохраняют в тексте с толкованием: «депортировали» [6, с. 56] – «депортациялашты» [3, с. 30] или исключают из текста, подбирая близкий эквивалент: «примадонна» [6, с. 32] – «биринчи айым» [3, с. 13].

Иной раз переводческие интерпретации меняют образно-смысловой строй исходного текста. Так, в оригинале невеста обрела дар полета, а в переводе превратилась в птицу.

Б. Сыдыкова и Ж. Жокушева осуществляют в ряде случаев синтаксические трансформации, к примеру объединяя предложения русскоязычного текста в одно предложение на кыргызском языке.

Иногда переводчики удачно используют образные средства, например эпитеты, эстетически обогащая перевод: «Но горы мочали» [6, с. 47] – «Бирок тоолор үнсүз мелтирешет» [3, с. 24]. Слово «мелтирешет» переводится как «блестят», «сверкают».

Объем романа существенно не изменился. Только при переводе плача Вечной невесты произошло увеличение примерно наполовину – с 52 строк в оригинале до 103 строк в переводе. Однако таким образом переводчики смогли донести до сознания кыргызского читателя главную идею плача Вечной невесты с учетом их слухового восприятия.

А. Пазылов перевел плач Вечной невесты в традиции фольклорного жанра «арман», используя аллитерацию и сохранив объем, то есть эквилинеарность. При этом А. Пазылов привносит творческий элемент – он вводит в плач замечательную фразу Ч. Айтматова: «Как человеку человеком быть…» – «Канткенде адам уулу адам болот…», напоминая кыргызскому читателю нравственную позицию писателя-гуманиста.

С. Станалиев при переводе плача Вечной невесты пытается воспроизвести текст на кыргызском языке с сохранением содержания и формы оригинального текста.

Остановимся подробно на переводе романа Ч. Айтматова «Когда падают горы», выполненном Самсаком Станалиевым.

Прежде всего следует отметить, что переводчику удалось подобрать наиболее точные эквиваленты идиоматике романа. Это показатель не только большого словарного запаса переводчика, но и его мастерства в использовании фразеологизмов в нужной форме. Например: «Знали бы дикие звери в горах, что спутниковая связь им служит, только вот не во благо» [6, с. 143]. – «Тоолордогу жан-жаныбар аттуулар спутник байланышы алардын сары изине чөп салып, кызмат кылып жатканын болсочу» [1, с. 141]; «И все желали важным гостям большой удачи. И только сами барсы не подозревали, что ожидало их вскоре» [6, с. 211]. – «Айтор, тоолордо жырткычтын каны канчалык көп акса, Туюк-Жар акчага ошончолук тунат. А барстар бул апаатты билген жок да, чак түштө күн батарын дагы эле болсо туйган жок» [1, с. 205]. Здесь говорится о том, что автор жалеет, бережет природу и зверей.

Удачно использует переводчик фразеологизмы, подчеркивающие переживания героев романа. Например, передавая состояние Арсена, который «…допустил непозволительную ошибку, – глупость, смелочился, чем только усугубил скандал» [6, с. 39], переводчик использует фразеологизм «Сиркеси суу көтөрбөө» [1, с. 31], который передает психологическое состояние человека, едва сдерживавшегося от каких-то внешних действий.

Используются фразеологизмы: «Балык бол» [1, с. 47] – «молчать как рыба», «Көргөндүн көзүн күйгүзүү» [1, с. 57] – «удивить, восхитить, вызвать высший уровень удивления чем-нибудь, и вместе с тем вызвать невольную зависть»; «Кылычтын мизинде калуу» [1, с. 67] – «ходить по лезвию, по краю пропасти».

Путем использования отдельных фразеологизмов, например – «Темирге жан киргизген уста» [1, с. 117], «Пианиного тил киргизип жиберген» [1, с. 117] – С. Станалиев пытается дополнить некоторыми положительными чертами образы второстепенных героев романа Джоро и Айданы.

С. Станалиев вводит в перевод множество сравнений, разнообразя его аффиксами кыргызского языка: -дай (куштай), -гыс (көз жеткис, бара алгыс), -сып (жылан соруп жаткансып). Некоторые передают тонкие художественные оттенки, например, сравнение глаз ласточек с блестящими капельками – «көздөрү тамар-тамбас тамчыдай жалдырап тургандай көрүнгөн…» [1, с. 163]. Сокрушенный человеческий внутренний мир в переводе С. Станалиева сравнивается с разбитым зеркалом – «…таш тийген күзгүдөй талкаланып калышы да этимал экен» [1, с. 156]. Множество иномарок переводится сравнением «кумурскадай» [1, с. 115] – «как муравьи». Горные высоты передаются сравнением «куш жеткис» [1, с. 11] – «такие высокие, что и птицам не долететь до них». Встречается даже калькирование сравнений: «После того, что случилось с ним в этом проклятом шоу-ресторане «Евразия» душа Арсена полыхала лесным пожаром» [6, с. 51]. – «Каргыш тийген «Евразия» ресторанында болгон окуядан соң Арсендин жан дүйнөсү куу токой өрттөнгөндөй күйдү» [1, с. 11].

В переводе С. Станалиева наблюдается адекватное использование кыргызских аналогов русских фразеологизмов. Например: «Аж глаза на лоб лезли…» [6, с. 137]. – «…көзүбүз чанагынан чыгып кете жаздады» [1, с. 134];

«…ты всегда слишком закручиваешь гайки» [6, с. 122]. – «…сен дайыма ашачаап, аарынын уюгун козгоп сүйлөйсүң деп» [1, с. 112]; «…в чужом огороде, как говорится, хоть трава не расти» [6, с. 119]. – «…башкалардын короосунда коргоол… болбосун дегендей» [1, с. 117]; «…в заоблачных сферах витает!» [6, с. 63]. – «…кыялында кызыл күн менен сүйлөшкөн…» [1, с. 56]; «…пахарь от СМИ» [61, с. 55]. – «…болгону басма сөздүн соко тарткан өгүзү» [1, с. 48].

Значения некоторых русских фразеологизмов переводчик пытается сохранять на кыргызском языке простыми описаниями. Например: «Неужто невинные ласточки пытались предупредить именно об этом? Но откуда им было знать? Смешно. Глупо. Высосано из пальца. Так казалось» [6, с. 117]. – «Жараткандын жазыгы жок жаныбарлары жан сабаша ушуларды эскертели дештиби? Алар муну кайдан билиип алышты экен? Кызык. Күлкүбү? Аңкоолукпу? Жок нерсени бар кылып апыртуубу? Ишениш кыйын, а бирок азыр ушундай болуп жатат» [1, с. 114].

В романе «Когда падают горы» изображена традиционная скачка на конях – «кыз куумай» («догони невесту»). Именно С. Станалиеву удалось воспроизвести на кыргызском этот эпизод, сохранив смысл русскоязычного оригинала текста и музыкальность.

За счет использования разных деталей описания, перевод С. Станалиева является эмоциональным и ярким, в частности при изображении горного пейзажа.

Что касается портретных описаний, то в целом они совпадают у переводчиков. При описании внешнего облика Элес наблюдаются некоторые разночтения. При этом С. Станалиев привносит больше эмоциональности в характеристику персонажа за счет деталей описания: «эркек көзүн тарта алгыс» [1, с. 169] – «мужчина не может оторвать взгляда», «карагат көздөр» [1, с. 169] – «подобные черной смородине глаза.

А. Пазылов тоже очень ярко изобразил в переводе внешний облик Элес. Красивые глаза ее приобели эпитет «кой көз» [2, с. 149] – «карие глаза (большие и красивые)» [5, с. 393].

Таким образом, сравнительный анализ переводов романа Ч. Айтматова «Когда падают горы» с оригиналом показал, что перевод – искусство сложное и ответственное, требующее от переводчиков большого труда, постоянных поисков, переводческого опыта, таланта и творческих способностей.

Все переводчики романа Ч. Айтматова в целом стремились к адекватному воспроизведению текста на кыргызском языке. При этом в переводах каждого из них имеются свои характерные черты.

Так, А. Пазылов широко обращается к традиционным литературно-художественным формам кыргызского языка, опирается на образность и поэтику кыргызского фольклора, использует в изобилии диалекты южного региона.

В переводе Б. Сыдыковой и Ж. Жокушевой имеют место разнообразные лексические и синтаксические трансформации, которые в одних случаях

оправданны, в других отходят от оригинала, хотя в целом сохраняют смысл исходного текста.

Наиболее адекватным оригиналу, на наш взгляд, является перевод С. Станалиева, которому удалось максимально сохранить стиль автора, соблюсти единство формы и содержания, талантливо используя возможности кыргызского языка. Этим обуславливается адекватность его перевода оригинальному тексту как в плане художественности, так и в плане идейной нагрузки.

В заключение хочется добавить, что все переводчики романа Ч. Айтматова «Когда падают горы», каждый по своему, проявили большое мастерство, вложили в свои переводы большой труд, смогли передать замечательные гуманные мысли автора и обрести свою аудиторию читателей.

Литература

1. Айтматов Ч. Тоолор кулаганда (Кызкайып): роман / Которгон С. Станалиев. – Бишкек: Турар ; Бийиктик. – 2009. – 272 б.
2. Айтматов Ч. Жаабарс (Тоолор кулаганда): роман / Которгон А. Пазылов. – Бишкек: Турар, 2010. – 234 б.
3. Айтматов Ч. Тоолор кулаганда (Кайып колукту): роман / Которгон Б. Сыдыкова, Ж. Жокушева. – Бишкек: Зээн, 2011. – 213 б.
4. Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. / сост. и коммент. Е. Чуковская. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2001. – Т. 3: Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей. – 605 с.
5. Киргизско-русские словари: в 2-х кн. Ок. 40000 слов / сост. К.К. Юдахин. – Фрунзе: Кирг. Сов. Энцикл., 1985.
6. Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста): роман. – СПб.: Азбука классика, 2008. – 480 с.

УДК: 82-93 (575.2) (04)

Яковлева Л.Э.
КНУ им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек
IakovlevaL. E.
J. Balasagun KNU, Bishkek
lariakovleva@yandex.ru

Детские поэты Кыргызстана: Николай Омельченко
Children'spoetsofKyrgyzstan: NikolayOmelchenko

Аннотация: *В статье рассматривается цикл стихотворений для детей современного кыргызстанского поэта и барда Николая Михайловича Омельченко. Основные темы и герои, влияние устного народного творчества, сохранение традиций классиков советской детской литературы, анализ*

текстов согласно «заповедям для детских поэтов», – вот круг вопросов, освящаемых автором в данной статье.

Abstract: *The article examines a cycle of poems for children of the modern Kyrgyz poet and bard Nikolai Mikhailovich Omelchenko. The main themes and heroes, the influence of oral folk art, the preservation of the traditions of the classics of Soviet children's literature, the analysis of texts according to the "commandments for children's poets" - this is the range of issues that the author discusses in this article.*

Ключевые слова: *современная поэзия для детей; Николай Омельченко; заповеди для детских поэтов.*

Keywords: *contemporary poetry for children; Nikolay Omelchenko; commandments for children's poets.*

19 июля 2020 года в самый пик эпидемии коронавируса, охватившей Кыргызстан, в Кара-Балте от пневмонии скончался поэт Николай Омельченко – автор и исполнитель патриотических, лирических и духовных песен, дипломант международных фестивалей «Благовест», «В единстве наша сила» и др. Стихотворения Николая Омельченко были опубликованы в трех сборниках – «Постучи, тебе откроется», «Предрассветный монолог», «Без глаз». Особую остроту его творчеству придавало то, что последние 20 лет поэт смотрел на мир глазами слепого человека. В 2000 году он потерял зрение, после чего, казалось бы, жизнь должна была закончиться, но Николай Михайлович не отчаялся, наоборот, начал писать стихи, затем музыку, выступать с концертами, и зрителей всегда поражали его жизнелюбие, оптимизм и творческая самоотдача. Он никогда не отказывался выступать, его публика – это зрители огромных концертных залов, немощные и больные люди в домах престарелых, диаспоры наших сограждан, живущих в России, студенческие аудитории.

Первые стихотворения для детей Николай Омельченко писал для своей внучки Даши. Веселые и забавные тексты настолько понравились слушателям и особенно детям, что потом не раз звучали на концертах исполнителя. В цикл «Про Дашу и других» (2012 год) вошли стихотворения разных лет: «В день рожденья», «Про Машиного кота Лелика», «Вот так покатались», «Песенка про Новый год», «Один вечер из жизни Дашеньки», «А сон ли это?», «Волшебный кишмиш» и многие другие. Лирическими героями стали реальные лица – девочка Даша, ее родители, сестры и друзья, а также заботливый деда Коля. Он не просто наблюдает за детьми и описывает юмористические ситуации, в которые маленькие герои иногда попадают, он является участником этих событий. Любящий дедушка готов помочь всем, всегда и во всем. Он защищает своих внучек от любой опасности, какой бы нелепой или смешной она читателям не казалась. Для деда Коли нет ничего неважного и незначительного, поэтому в текстах нет равнодушия, они наполнены любовью ко всему живому. К примеру, даже схватка с комаром заканчивается тем, что доброму дедушке становится жаль бедное насекомое, поэтому он хватает его только за нос, после чего комар перестает кусаться и теперь каждое утро «к нам стучится в дверь, долго извиняется» («Как деда Коля комара победил»).

Главная тема цикла – тема счастливого детства. Маленькая девочка окружена любовью всей семьи. В стихотворении «Вокалистка» любящие папа с мамой заботятся о том, чтобы их дочка не заболела перед выступлением. Еще бы, ей предстоит с «хором петь песенку в детсаду», поэтому они пытаются напоить свое чадо молочком, главной же героине сильно хочется мороженого, белизна которого так и манит. Ситуация усугубляется еще и тем, что братишке разрешают попробовать крем-брюле, а ей нет, но что поделаешь, ведь она вокалистка.

Поэт говорит с детьми на доступном для них языке. Действие обычно происходит в уютном месте – это может быть комнатка, детская площадка или маленький дворик. В стихотворении «Мячик золотой» поэт трепетно рисует мир, в котором растет его внучка. Радостные мама и дочь проводят время вместе, гуляя по детской площадке. Картину полного счастья дополняют нарядное платьице, «щеки в шоколадке», карусели, на которых можно покататься, и теплое солнышко, которое за всем этим наблюдает – «а по небу катится мячик золотой». Интересно подобранная метафора, заканчивающая первую, третью и четвертую строфу в стихотворении, является не просто повтором и средством достижения связности художественного текста, но играет немалую роль для создания уютного детского мира полного гармонии, счастья и покоя. В стихотворениях Николая Омельченко всегда значима последняя строфа, именно в ней автор обычно выражает главную идею – «соль» своего текста.

Птицы заливаются озорною песней,
Шелестит акация зеленью густой,
Это моя родина, нет ее чудесней,
А по небу катится мячик золотой [3].

Счастье для ребенка – это когда рядом с ним находится его семья, но это счастье становится еще больше, когда появляются любимые игрушки. В стихотворении «Домик для Барби» рассказывается о долгожданном подарке. Героине Даше настолько понравилось, что в новом домике для куклы «дверь звоночек охраняет», «холодильник весь продуктами пестрит», «есть кроватка и будильник, в спальне лампочка горит», «есть и столик, чтоб поесть, есть и стульчик, чтоб присесть», что она решает поселиться в нем сама, да вот беда – дверь оказывается слишком маленькой, и Даша не может попасть внутрь. Проблемы и конфликты в детских стихотворениях Николая Омельченко всегда разрешаются быстро и, как правило, с долей шутки и юмора:

Покручинилась Дашутка,
Барби на руки взяла,
И, подумав, полминутки,
Кукле домик отдала.

Подобное решение мы видим и в стихотворении «Песенка про Неваляшку». Новая игрушка приносит в жизнь ребенка много вопросов и вместе с тем открытий. Малышка никак не может понять, почему «Неваляшке очень нравится стоять», и кукла никогда не хочет ложиться спать. Предложенные игрушке попкорн и кока-кола не спасают ситуацию.

Нет упрямей Неваляшки,
Куклу так не зря зовут,
В ней веселые барашки
Непослушные живут,
Воспитать такую тяжко,
В «Мир игрушек» позвоню
И, пожалуй, Неваляшку
На Валяшку заменю.

В тексте нет никаких сентенций и нравоучений, поэт на примере простой куклы незаметно поднимает проблему детского непослушания, но опять же решает ее при помощи игры слов, с чувством доброй иронии.

Следующей отличительной чертой стихотворений Н. Омельченко является использование жанров устного народного творчества. В «Песенке про кота Баюна» автор соединяет традиции двух фольклорных жанров – сказки и колыбельной песни. Кот Баюн – это не то опасное животное из русских сказок, которое может навредить путнику, а вполне «милый кот», который поет свою песенку засыпающему ребенку. Напомним, что в русских колыбельных песнях появление образа кота было вполне обычным. Это было связано с древними поверьями о том, что его мирное мурлыканье приносит сон и покой ребенку. «Существовал даже обычай класть в колыбель спящего кота, чтобы малыш лучше спал» [1, с. 14]. Но Н. Омельченко не ограничивается использованием знакомых образов, он идет гораздо дальше, применяя в тексте звукопись. Для создания более тонкого эмоционального настроения, единения матери и ребенка автор использует прием аллитерации.

Шалунишка малыш, Баюну напишу,
Почему ты не спишь? В гости к нам приглашу.

При помощи особой ритмики и звукового оформления (звука «ш») мать, словно покачивая колыбель, успокаивает тем самым своего ребенка, а далее на помощь к ней приходит кот Баюн, и теперь уже в тексте начинает доминировать звук «р», символизирующий мирное урчание кота.

Через горы-моря Прихвати пару нот.
Он спешит к нам не зря, Баю, баю, баю.
Приходи, милый кот,

Такой же поэтический прием Н. Омельченко использует и в другой колыбельной «Про Маринку». В этом случае звукопись помогает поэту не только показать шум дождя, но и при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов «к», «ик» выразить нежное, умилительное и покровительственное настроение взрослого человека, наблюдающего за спящим ребенком. Использование олицетворений – ярких образов «тучки» и «дождика» – придают тексту особую эмоциональность и повышенную выразительность.

Спит Марин**к**а в колыбель**к**е,
В своей крохотной постель**к**е,
Раскидала руч**к**и.
Говорю я туч**к**е:
«Ты дождем не шелести
И Марин**к**у не буди.
Пусть поспит немно**жк**о
Маленькая крошка».
Дожд**ик** тут же перестал,
Он и сам шуметь устал.

Малый жанр потешного фольклора – поддевка – становится основным в диалоге двух девочек в стихотворении «Чокалки-капчокалки». Еще Г.С. Виноградов говорил о близости подобных шуток-балагурок к словесным играм [4, с. 88], но для Н. Омельченко важно не игровое начало, а проблема, возникающая при использовании слов-паразитов. Таким образом автор обращает внимание читателей на тот вред, который наносят подобные слова человеку. Придумывая неологизмы «капчокать – прокапчокать – прокапчухаться», поэт говорит о том, насколько ребенок может «закоптить» себя, что потом придется отмывать его мочалкой. Я спросила Галку: «Чо?»
Мне в ответ она: «Капчо!»
Я умею чокать,
А она – капчокать.
Было чокать нам не лень,
Прокапчокали весь день.
А когда очухались,
Насквозь прокапчухались.
И теперь нас с Галкой
Нужно мыть мочалкой.

Бесспорным является тот факт, что свои произведения для детей Николай Омельченко создавал, на основе традиций классиков советской детской литературы – С. Михалкова, А. Барто, В. Маяковского, К. Чуковского и многих других. Вот, как говорил поэт о влиянии на свое творчество С.Я. Маршака:

Еще Маршак заметил,
Мы все почти, как дети,
Способны видеть сами
Мир детскими глазами.
Пусть взрослым из-за роста
Понять детей непросто,
А я нехитро, без затей
Пишу о детях для детей.

Краткость и лаконизм, тонкие наблюдения за поведением ребенка, шуточные сравнения, поучительный вывод в финале стихотворения – все эти характерные черты детской поэзии 20-х годов XX века мы находим в стихотворениях поэта XXI века Николая Омельченко:

Поля-девочка мала,
Рано ползать начала,
Помощь мамину не ждет,
А ложится на живот
И ползет, как вездеход.
Что увидит - сразу в рот!
На пути попалась книжка,

Устремилась к ней малышка.
По-пластунски подползла
И страничку порвала.
Это скверно, даже слишком,
Спрячем в шкаф подальше книжку.

Если вспомнить «Заповеди для детских поэтов» [2], которые К. Чуковский изложил в своей книге «От двух до пяти», то можно увидеть, насколько поэт Н. Омельченко поступательно следует им. Продемонстрируем это на примере некоторых текстов.

Стихи должны быть графичны, богаты зрительными образами, которые должны очень быстро сменяться – это первая и вторая заповеди. В стихотворении «Что вперед, а что назад» первую строфу можно проиллюстрировать четырьмя рисунками: 1) автобус, 2) окно и вид из окна, 3) картины зимы, 4) дома. Динамику тексту придает еще и то, что главный герой находится в автобусе и видит движущиеся картины за окном.

Я в автобусе сижу
И в окошечко гляжу
За окном стоит зима
Вдруг поехали дома.

Светофор для нас горит,
Мчат навстречу фонари,
И деревья все в снегу
Мимо нас назад бегут.

И опять шуточное разрешение темы в последней строфе: «И куда не кинешь взгляд, // Всё торопится назад, // Нет, как раз наоборот, // Это я качу вперед».

Четвертая заповедь гласит о подвижности и переменчивости ритма, а пятая о повышенной музыкальности поэтической речи. Очень хорошо это заметно в стихотворении «БИМ-БОМ».

Мама мне рояль купила,
С распродажи привезла
Я по клавишам долбила
Удержаться не могла.

Не скучала без работы,
Не играла только лбом
Изучала я две ноты:
Ноту БИМ и ноту БОМ.

Далее ритм меняется и начинается задорный припев. На этом же припеве можно продемонстрировать и одиннадцатую заповедь, гласящую о том, что стихи должны быть игровыми. В этот момент на концертах все зрители начинали дружно аплодировать и петь вместе с Николаем Михайловичем.

БИМ-БОМ, БИМ-БОМ,
Я по клавишам стучу.
БИМ-БОМ, БИМ-БОМ,
Ноты главные учу.
БИМ-БОМ, БИМ-БОМ,
Не стихает гром.
БИМ-БОМ, БИМ-БОМ,
Пыль стоит столбом.

Сразу же несколько заповедей можно продемонстрировать на примере стихотворения «Гелины боболюшки, или добрый доктор телефон», в котором рассказывается о маленькой девочке, заболевшей гриппом. Причиной

выздоровления стали не процедуры и лекарство, а разговор с подружкой по телефону, потому что «общение важнее пилюль и микстур». Обратим внимание на композиционное построение данного текста. Хотя К. Чуковский говорил о преобладающем ритме детских стихотворений – хорее, при этом приветствовал разнообразные вариации и сам нарушал десятую заповедь. В стихотворении Н. Омельченко мы наблюдаем чередование трехстопного ямба с трехстопным амфибрахием.

Про девочку Гелю
Мой грустный рассказ,
Не ходит неделю
Она в первый класс
За что ей такая поблажка?
Да вот приболела бедняжка.

Автор в данном стихотворении ставит рифмы на очень близком расстоянии, они являются основными носителями главного смысла фразы (шестая и седьмая заповеди).

«Но Геля, отбросив усталость, // На связи с подружкой осталась». Здесь рифма смежная. «Плотнее заглушки // На ушки надень. Трезвонят болтушки // Друг дружке весь день». К смежной рифме (заглушки – болтушки, надень – весь день) добавляется рифма внутренняя (заглушки – ушки, болтушки – друг дружке). Используется перекрестный способ рифмовки. При этом каждая строчка – это самостоятельный организм, законченное синтаксическое целое (восьмая заповедь): «А главное в жизни коварство, // Ей капают в носик лекарство», «И не эффективна микстурка, // Под мышкою температурка», «Он (врач – *прим. Л.Я.*) в школе, наверное, лекцию // Читает про гриппоинфекцию».

В качестве демонстрации двенадцатой заповеди «Детские стихи – и для взрослых поэзия» хотелось бы привести стихотворение «Розовый друг». Написанное от первого лица, оно проникнуто особенными лирическими настроениями, которые и взрослого человека не оставят равнодушным. Начинается стихотворение с того, что ребенок решает нарисовать рисунок. «Возьму я кисть и карандаш, // И разноцветную гуашь, // Пусть будет лес, а в нем мираж, // Домик для гнома».

С первых же строк поэт рисует образ трудолюбивого и доброго гнома, который любит украшать лес, единственное, кого он боится – это дядюшка Гром. «По небу тучка пробежит, // Гномик домой к себе спешит // И под подушечкой дрожит // Весь от испуга». Оказывается, гном одинок, он никак не может найти себе верного друга, поэтому праздничный пирог он ест всегда один. Если бы у него появился настоящий друг, «всё изменилось бы вокруг, легче вдвоем прогнать испуг на самом деле». Тогда бы жизнь стала беззаботной и легкой, но самое главное – спрятался бы за облака дядюшка Гром и больше не пугал его. В этом стихотворении Н. Омельченко глубоко проникает во внутренний мир ребёнка, говорит нам о его впечатлительности, страхах, преодолеть которые он может при помощи старшего, поэтому герой стихотворения решает показать свой рисунок маленькой сестренке, чтобы первоначальный мираж превратился в добрую сказку о дружбе. Используя

поэтический прием антитезы, поэт находит друга для маленького гномика – большого розового слона. Необычность данной ситуации усиливается еще и тем, что такое большое животное «споёт гимн на свирели» (очень интересная метафора по сходству) только для маленького гнома. «Знаю, что гному повезет, // Розовый слон к нему придет // И одному ему споет // Гимн на свирели».

Образ розового слона в западной культуре имеет негативную окраску. В нашем же представлении, благодаря фильму «Боба и слон», снятым режиссёром Аугустом Балтрушайтисом в 1972 году, и прозвучавшей в ней песне на стихи Глеба Горбовского «Розовый слон» (Где баобабы вышли на склон, жил на поляне розовый слон…), розовый слон – это добрый, трогательный и романтичный образ. У Николая Омельченко образ розового слона встречается еще в одном стихотворении «Лето посреди зимы».Обратимся к текстам.

Точки соприко-сновения	«Розовый слон» Г. Горбовский	«Розовый друг» Н. Омельченко	«Лето посреди зимы» Н. Омельченко
Тема	Человек и толпа	Одиночество героя, поиск друга	Человек и мнение других («Кто скажет мне, что так не бывает В этот сезон»).
Решение проблемы	2 часть стихотворения: Пасмурный день – Рассвет – Возвращение розового цвета	Пасмурная погода – Появление друга – Появление солнца («Спрячется гром за облака»)	Холодный зимний день – Солнце и розовый слон на рисунке – В дом возвращается лето
Мотивы	Сон	Мираж	Фантазия
Образ розового слона	Добрые уши, не носит скучной обуви, улыбается, всех прощает, добрый	«Розовый слон к нему придёт И одному ему споёт Гимн на свирели».	«А на лужайке в мячик играет Розовый слон»
Символика цвета	Друг видит только хорошее (в розовом цвете), не замечает ничего плохого	Нежность, любовь, забота («верный друг», «легче вдвоем»)	Многообразие мира, его красок («Радуги дивной коромысло <…> Радужным веером повисло»)

То есть, данное сопоставление позволяет говорить о том, что Николай Омельченко освоил и развил в своем творчестве для детей лучшие традиции советской детской литературы. Использование тем, мотивов, идей, образов, изобразительно-выразительных средствпривело не к внешнему подражанию, а новым творческим открытиям в области содержания и формы.

А завершить статью хотелось бы еще одной заповедью Корнея Чуковского, которую он сформулировал незадолго до своей смерти в статье «Признания старого сказочника», – «может быть самую главную: писатель для малых детей непременно должен быть счастлив. Счастлив, как и те, для кого он творит». Видимо, эта заповедь может считаться главной, поскольку «дети по природе своей счастливцы и оптимисты, и не может писать для них человек несчастливый, хмурый и злой» [1, с. 262]. Таким счастливым человеком и был поэт, автор и исполнитель собственных песен Николай Омельченко. В своих стихотворениях для детей он с предельной осторожностью относился к душе ребенка и всячески старался не повредить ее, а наполнить добротой, нежностью, радостью и любовью.

Литература

1. Детская литература: Учеб. пособие для учащихся пед. уч-щ / В.П. Аникин, В.В. Агеносов, Э.З. Ганкина и др.: Под ред. Е.Е. Зубаревой. – 3-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1989.
2. «Заповеди для детских поэтов» цитируются по кн.: Советская детская литература. Учеб. Пособие для библ. фак. ин-тов культуры и пед. вузов. Под. ред. В.Д. Разовой. – М., «Просвещение», 1978. – С. 130–132.
3. Здесь и далее стихотворения Н. Омельченко цитируются с сайта «Новая литература Кыргызстана». – URL: http://www.literatura.kg/articles/?aid=1476 (дата обращения: 30.04.2021).
4. Мельников М.Н. Русский детский фольклор: учебн. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз и лит.». – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

УДК: 82.09

Авдуева З. С.
КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек
AvduevaZ. S.
J. Balasagun KNU, Bishkek
zarifa.5959@mail.ru

Тюркский контент повести Ч. Айтматова «Белый пароход»
The Turkic content of Ch. Aitmatov'snovel «WhiteSteamship»

Аннотация: *статья посвящена исследованию тюркского контента повести Чингиза Айтматова «Белый пароход»: отражен контент тюркизмов разного типа, приведены их тематические группы, рассмотрены способы их семантизации и включения в русский текст, отмечены примеры производных тюркских слов, построенных по моделям русского словообразования.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the Turkic content of Chingiz Aitmatov's novel "The White Steamship". The Turkic languages is used for the study of thematic groups of Turkisms, the ways of their semanticization and inclusion in the Russian text, the examples of derived Turkic words constructed according to the models of Russian word formation are noted in this article.*

Ключевые слова: *Ч. Айтматов; писатель-билингв; тюркизмы; контент; феномен билингвизма; частотность; антропонимы; зоонимы; способы толкования.*

Keywords: *Ch. Aitmatov; bilingual writer; Turkisms; content;, the phenomenon of bilingualism; frequency; anthroponyms; zoonyms; ways of interpretation.*

Язык и стиль писателя-билингва, которым являлся всемирно известный писатель Чингиз Айтматов, остаётся до сих пор ещё недостаточно исследованным. Безусловно, нельзя сказать, что творчество Ч. Айтматова не исследовано, однако, как посмотреть. Его произведения по прошествии многих лет со времени их создания писателем, кажется, изучены с разных сторон, однако в основном как феномен литературы, литературных процессов, направлений, как феномен культуры, философии, даже политики, духовно-нравственных ценностей, да, но только не как феномен языка. С сожалением следует признать, что языковые особенности даже отдельных айтматовских текстов, не говоря уже о целостном и системном исследовании языкового феномена или, как сейчас всё чаще говорят, контента, создающего стилевое своеобразие и придающего неповторимость творчеству писателя, до сих пор не стали объектом полного и всестороннего научного освещения.

К чести современных исследователей словесной стороны творчества Ч. Айтматова, в последние годы появляются работы, заслуживающие внимания научной общественности. К примеру, можно назвать статьи научного сотрудника НАН КР Сагынбекова И. С., который исследует богатство языка Айтматова по текстам, написанным писателем на кыргызском языке [1], казахстанского автора Комаровой Л. Я., которая изучает феномен двуязычия в прозе писателя [2]. Вышла монография кыргызстанца М. Апышева, посвящённая билингвизму в творчестве Ч. Айтматова, только почему-то сама работа заявлена как научно-популярное издание, а в аннотации прямо указано, что это «литературоведческое исследование» [3]. Безусловно, есть и другие исследования [4, 5], и это нужно всячески приветствовать, поскольку язык писателя, а тем более, феномен языка писателя-билингва должен быть непременно исследован. В этом смысле – всё впереди, наука только в начале пути, однако уже хотелось бы видеть зрелые аналитические исследования, выполненные на высоком научном уровне, а не просто примеры языковых особенностей писателя, извлечённые фрагментарно из текстов и привлеченные для подтверждения той или иной мысли пишущего.

Наше исследование, не претендующее на всеохватность, но носящее всё же системный характер, посвящено анализу конкретного произведения мастера, повести «Белый пароход», и имеет своей целью определить контент тюркской лексики в составе словаря одного произведения Ч. Айтматова.

Следует упомянуть о том, что говоря о тюркском контенте, мы будем использовать в качестве равноправных такие, в целом, синонимические понятия, как тюркизм, регионализм, иноязычные заимствования, не забывая, безусловно, о том, что это могут быть слова из арабского, персидского, иранского и др. языков, заимствованные тюркскими и затем вошедшие в русский язык и воспринимаемые чаще всего как тюркизмы.

Нами было установлено, что в повести «Белый пароход» таких лексем – 121. Казалось бы, так немного, однако с учётом частотности использования тюркизмов эта цифра возрастает почти десятикратно – 1009 раз звучат в повести тюркские слова. А это уже немало: на одну страницу текста повести приходится примерно 8–9 словоупотреблений. Какие же слова звучат чаще других? Было установлено, что наибольшей частотностью наделены антропонимы, то есть имена собственные людей. Они составляют 43, 3 % от общего числа словоупотреблений, например: *Момун* – 123, *Орозкул* – 116, *Сейдахмат* – 50 и др. Названия животных, зоонимы, на втором месте: *марал* – 81, *собака* – 15, *лошадь* – 11 и др. Однако наибольшее число тюркизмов имеет индекс частотности в диапазоне от 1 до 3, например: *мектеп, байбиче, пиала, курпа, табун и др.* (всего 28 лексем-словоупотреблений) использованы автором единожды; такие слова, как *джайлоо, ишак, базар* и др. – дважды (16 лексем – 32 словоупотребления); *камча, казан, карман* и пр. имеют индекс 3 (таких лексем 17, а словоупотреблений, соответственно, 54).

В зависимости от степени лексического освоения и сферы распространения все тюркские заимствования традиционно подразделяются на три группы: общерусские слова тюркского происхождения – это слова,

использующиеся русскими до их переселения на территорию Кыргызстана; слова общевосточные, большей частью вошедшие в тюркские языки из арабского и связанные чаще всего с религиозной атрибутикой и собственно заимствования, то есть киргизизмы – слова, заимствованные из кыргызского языка. В повести Ч. Айтматова «Белый пароход» эти группы слов представлены следующим образом.

На первом месте по количеству лексем – слова третьей группы, то есть собственно кыргызские заимствования. Они составляют 64 лексемы или 61 % от общего количества заимствований. Это такие слова, как *аксакал, камча, шурпа, эже, энеке и др.* Отмечены нами в этой группе и производные лексемы, например: *аильный, байский, маралица, тугайный* и др. Таких слов немного, всего 15 и частотность их невелика, но их появление в тексте повести свидетельствует о влиянии русской системы словообразования, о степени лексического освоения.

Вторую позицию занимают общерусские слова тюркского происхождения (48 лексем или 31 %). Группа представлена такими примерами: *барс, буран, деньги, казан, очаг, сарай и др.* Есть и производные лексемы, например: *каблучок, караванный, приарканить, табунщик, ханский* и др. (всего 9 единиц).

Самая немногочисленная – третья группа (общевосточные слова), где всего 9 лексем (8 %): *ассалом-алейкум, астапралла, маньчжур, шайтан* и др.

Таким образом, тюркский контент повести Ч. Айтматова «Белый пароход» представлен в большей степени собственно кыргызскими лексемами, которые составляют 61 % от всех заимствований.

Тематически все тюркизмы повести распределены нами по одиннадцати группам: наименования жилищ и селений *(юрта, аил, мектеп, джайлоо и др);* виды одежды (*тебетей, халат, штаны*); кушанья и напитки (*кумыс, лапша*, *чай, шурпа*); наименования животных (*лошадь, собака, аргамак, барс* и др.); названия растений (*ширалджины, тугаи*); термины торговли (*базар, деньги,караван* и др.); религиозные термины (*аминь, ассалом-алейкум, шайтан* и др.); военные термины (*добулбас, карнай, камча, барабан*); бытовые слова (*очаг,стакан, кошма, вьюк* и др.); слова социальной иерархии (*байбиче, джигит, чабан, батыр).* Отдельную группу составили имена собственные, включающие три подгруппы: антропонимы (*Калыбек, Сейдахмат, Момун* – всего 18 единиц); топонимы (*Аксай, Караганды, Сан-Таш* – 14 ед.) и легендарные имена (*Бугу, Кульчо, Чапалак* – 6 ед.).

Таким образом, в общем рейтинге тематических групп лидируют имена собственные (18 ед.), далее – топонимы (15 ед.) и бытовые слова (14 ед.).

Анализ тюркизмов с точки зрения их грамматико-деривационного освоения показал, что тюркизмы русскоязычного текста могут подвергаться различным изменением: фонетическим (*айыл – аил, баатыр – батыр, кымыс – кумыс* и др.).

Производная лексика является показателем высокой степени освоения заимствований. Как уже отмечалось, 23,4 % слов из группы собственно кыргызских заимствований являются производными, а из группы общерусских

слов заимствования составляют 18,7 %. Приведём примеры производных дериватов из первой группы*: барабанщик, буранный, каблучок, караванный, табунщик, ханский, навьючивать, приарканить, киргизский*. Как видим, основная часть слов образована суффиксальным способом.

К производной лексике собственно кыргызской группы отнесли такие лексемы, как *аильный, аксакальский, байский, бугинец, бугинский, войлочный, маралица, тугайный, энесаец* и др. Всего таких слов 15. Большая часть их – имена прилагательные.

Ещё один вектор нашего исследовательского интереса был направлен на изучение приёмов и способов, к каким Ч. Айтматов прибегает, давая толкование тюркской лексике в повести. И всегда ли писатель использует приём толкования. Очевидно, что включение в ткань художественного произведения бытовых реалий и предметов, отсутствующих в заимствующем языке, в данном случае, в русском, снабжённых авторским комментарием формирует максимально целостное представление о том или ином бытовом предмете кыргызов или иной реалии, закрепляясь в сознании русскоязычного читателя. Наше исследование показало, что такие комментарии, прямые переводы и пояснения в тексте имеются. Как правило, писатель использует внутритекстовые комментарии, очень редко вынося их за пределы текста, в виде сносок. Таких комментариев в сносках всего три.

- Успокойтесь, *энеке*… (Энеке – матушка)

- *Астапралла*! Что с вами? (Астапралла – упаси, господи!)

«Ему казалось, что он переписывает в тетрадь слова, написанные на доске учительницей: *Ат, Ата, Така*» (Ат, Ата, Така – лошадь, отец, подкова)

Таким образом, вывод очевиден: для Ч. Айтматова более органичным представляется включение толкований и комментариев к тюркизмам в ткань текста повести.

Как правило, национальная лексика объясняется двумя основными способами – эквивалентным и безэквивалентным. Эквивалентный способ предусматривает подбор русского соответствия, эквивалента, синонима, слова или словосочетания. При отсутствии русского эквивалента толкование даётся описательно, то есть безэквивалентно. Так, в наших материалах эквивалентный способ толкования можно представить следующими примерами:

«И летом на Момуне была допотопная войлочная шляпа, бывший *ак-колпак – белый колпак».*

«На рогах, подцепив за дужку, принесла она детскую *колыбель – бешик».*

«Трубачи приготовились играть в *боевые трубы – карнаи».*

Приведённые примеры показывают, что слово-эквивалент стоит в препозиции по отношению к тюркизму.

Безэквивалентный (описательный) способ толкования представлен в тексте контекстуально реконструируемым толкованием. Все примеры толкований мы подразделили на две группы: 1) это узкий контекст, то есть в качестве комментария используется одно опорное слово и 2) широкий контекст, когда требуется более расширенный комментарий. Приведём примеры.

1) «Вырос Бугубай, взял невесту *из племени кыпчаков*…».

«Силачи на потеху народу, как *беркуты кружат*, кидают друг друга».

«Лес не *отара овец,* не разбредётся».

2) «Отцвели цветы на *джайлоо,пора собиратьсяв низовья».*

«Да и наружность Момуна была вовсе не *аксакальская. Ни степенности, ни важности, ни суровости».*

«Ширалджины высокие, цветов на них нет, а пахучие, растут они островками, собираются кучей, не подпуская близко другие травы».

По нашим наблюдениям, большая часть региональной лексики используется Айтматовым вообще без каких-либо комментариев. Это 71 единица, или 58,6 %. Из этого количества 42 лексемы входят в группу общерусской лексики и потому не нуждаются в комментарии. Это такие давно освоенные русским языком слова, как *лошадь, собака, чашка, деньги, барабан, лапша, туман* и др. Разумеется, не требуют комментария и перевода и имена собственные. Вывод очевиден и закономерен: Ч. Айтматов снабжает различного вида комментариями, в основном, слова, принадлежащие собственно кыргызским заимствованиям.

Работа над тюркским контентом произведений Ч. Айтматова, проведённая не обязательно таким образом, как мы это показали в нашей статье (возможны иные подходы и принципы), но проведённая обязательно системно и последовательно, когда будут описаны таким образом все произведения великого писателя, может стать базой для создания Словаря тюркизмов Ч. Айтматова. Благодаря такому словарю можно будет узнать, какие тюркские слова вообще использовал Ч. Айтматов и в каких произведениях; увидеть, какие толкования дает сам Айтматов в своих текстах и дать словарные дефиниции; определить самые частотные лексемы, встречающиеся не только часто в одном произведении, как мы это показали на примере повести «Белый пароход», но и тюркизмы, наиболее часто употребляемые писателем. Сейчас на этот вопрос не может ответить никто, потому что таких исследований, насколько нам известно, еще не проводилось.

Таким образом, включение тюркской лексики в ткань художественного произведения является органичным для писателя-билингва. Это создаёт неповторимый стиль, рождая единство кыргызской и русской изобразительности.

Выявление тюркского контента в творчестве Ч. Айтматова и изучение его может показать, как реализуется содержание билингвальной личности, как происходит погружение одного мира в другой и их органичное соединение на примере творчества Ч. Айтматова, благодаря которому весь мир узнал не только массу новых для себя собственно тюркских слов, но понял душу и открытое сердце целого народа.

Литература

1. Сагынбеков, И. С. О богатстве языка Ч. Айтматова [Электронный ресурс] / И. С. Сагынбеков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – Режим доступа: https://cyberleninka.ru

2. Комарова, Л. Я. Отражение двуязычия в художественной прозе Ч. Т. Айтматова [Электронный ресурс] / Л. Я. Комарова. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com
3. Апышев, М. Феномен двуязычия: Чингиз Айтматов и Мар Байджиев (билингвизм в художественном творчестве) / М. Апышев. – Бишкек, 2009.
4. Садыкова, Н. А. Стилевые особенности повестей Чингиза Айтматова (к проблеме художественного мастерства): автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.01.01 / Садыкова Назгуль Абдыкадыровна. – Бишкек, 2004. – 22 с.
5. Смирнова, А. И. Феномен Ч. Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя / А. И. Смирнова // Полилингвальность и транскультурная практика. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 52–62.

УДК: 811.161.1.37

Акназарова Г.А.
КНУ им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Aknazarova G.A.
J.Balasagyna KNU, Bishkek
gaknar@mail.ru

Фразеологические связанные значения слова «черный» (и некоторых его производных) в русском языке и художественном тексте
Phraseological associated meanings of the word «black» (and some of its derivatives) in Russian language and literary text

***Аннотация**: В статье рассматриваются фразеологически связанные значения слова «черный» в русском языке (на материале фразеологических единиц с колоративным компонентом) и художественном тексте (в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»). Фразеологическое значение слова «черный» почти полностью лежит в области отрицательной оценки, в том числе и индивидуально-авторские значения данного слова.*

***Abstract**: The article examines the phraseological related meanings of the word «black» in Russian (based on phraseological units with a colorative component) and literary text (in the novel by B. Pasternak «Doctor Zhivago»). The phraseological meaning of the word «black» almost entirely lies in the area of negative assessment, including the individual author's meanings of this word.*

***Ключевые слова**: фразеология; «черный»; семантика фразеологизмов; художественный текст; колоративный компонент.*

***Key words**:phraseology; «black»; semantics of phraseological units; literary text; color component.*

Происхождение слова «черный» едино для всех славянских языков, однако оно отличается от других общеславянских цветовых обозначений тем, что признак, положенный в его основу, не удается установить.

Происхождение слова «черный» описывается в словарях похожим образом. Например, статья из «Этимологического словаря русского языка» М.

Фасмера приводит ряд именований в славянских языках: укр. чóрний, блр. чóрны, др.-русск. чьрнъ, ст.-слав. чрънъ μέλας (Супр.), болг. чърн, чéрен, сербохорв. цр̑н, ж. цр́на, цр̑нӣ, словен. čŕn, чеш. černý, слвц. čierny, польск. czarny, в.-луж. čorny, н.-луж. carny, полаб. cárne. М. Фасмер говорит, что праславянское *čьrnъ из *čьrxnъ родственно лит. Kirsnà – название реки, др.-прусск. kirsnan «черный», др.-инд. kr̥ṣṇás «черный», далее сюда же лит. kéršas «черно-белый, пятнистый», kéršė «корова-пеструха», kéršis «вол пестрой масти», karšìs «лещ», kiršlỹs «хариус», шв., норв. harr – то же (прагерм. *harzu-). [4, 346]Почти такого же мнения П.Я. Черных, однако добавляет в этот семантический ряд др.-русск. (с XI в.) чернъ, чьрный «темнокожий», также «незнатный», «тяглый», чьрнота, чьрнь – «чернота» и «простой народ» [5, 383]. Н.М. Шанский отмечает, что слово «черный» «отличается от других общеславянских цветовых обозначений прежде всего тем, что (несмотря на его былую производность) признак, положенный в его основу, не удается установить даже с помощью глубокого этимологического анализа» [7, 84].

«Черный цвет во многих культурах связан с трауром, несчастьем, символизирует беду, смерть. Многие народы придерживаются обычая надевать на похороны черную одежду. Сначала в это вкладывался определенный смысл: живые не хотели вызывать у мертвых зависть яркостью своих одежд». [1, 104]

Интересно, что черный цвет из всех цветообозначений в русском языке обладает самой сложной семантической структурой. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова «черный» трактуется как «самый темный из существующих цветов, цвета сажи, угля». [3, т. 4] У данного цветообозначения выявлен широкий ряд значений в составе устойчивых сочетаний:

а) темный, черный, отличающийся относительной темнотой окраски: *черный хлеб, черная дорога, черные металлы*;

б) реакционный, враждебный: *черная сила*;

в) характеристика лиц, принадлежащих к низшим слоям общества: *черная кость, черные люди, чёрный народ;*

г) чародейский, колдовской, дьявольский, связанный с нечистой силой: *черная магия, чёрный глаз, чёрная сила*, *черные книги* (ср. *чернокнижник*). Подобное отношение к черным предметам отражено в пословицах, заговорах и приметах: *Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от грозы и от вора* (и наоборот, они опасны во время грозы, нижегор.). *Черный глаз, карий глаз – минуй нас! В черный день не мирись, не кумись – ссора будет* (*черным дням* особое расписание; особ. понедельник);

д) злостный, низкий, коварный: *черное дело, черная душа, черная совесть, черное сердце, черная зависть*;

е) физически тяжелый, грязный; не требующий особого умения, знаний: *черная работа, чернорабочий*;

ж) простонародный, грубый: *чёрная служанка*, *чёрная кухарка*, *держать в черном теле*;

з) мрачный, беспросветный, тяжелый: *черная скука/ тоска, черная судьба, черный день, черная жизнь*, *стать чернее ночи (тучи), ходить в черни*

(‘в печали’; *чернь* – печаль), *видеть всё в чёрном цвете (всё представляется в черном цвете),чёрные мысли/ думы, рисовать чёрными красками.* Также сюда можно отнести и фразеологизм *черная комедия*, недавно пришедший из англоязычного мира и обозначающий жанр фильмов, построенных на высмеивании священных или неприкосновенных тем;

и) неглавный, подсобный: *черный ход, черный двор, черное крыльцо*;

к) грязный, испачканный, замаранный: *черное белье*;

л) «бытовой, грязный, низкого качества»: *чёрная баня, топить по-чёрному, чёрная печь*;

м) нечестный, злонамеренный, преступный, нелегальный: *чёрное дело, чёрная душа, черная неблагодарность, черная касса, черный курс.* Значение «отрицательное отношение к человеку в обществе, неблагонадежность, плохая репутация» отражено во фразеологизмах *черный список, черное/ темное пятно*; также в пословицах: *Черный бык шкуру не сменит; Черный войлок от мыла не побелеет; Черный орех и за три года добела не ототрешь*;

н) символ подлости: *черное сердце, черная неблагодарность*;

о) символ траура: *чёрная повязка*, *чёрное знамя*, *чёрный тюльпан*, *ходить в чёрном*.

п) неудачный, невезучий: *чёрный год*, *беречь (хранить, иметь) что-нибудь на (про) чёрный день,чёрные страницы жизни/ истории*, *черная полоса в жизни*, *черные времена*, *черпая кошка дорогу перебежала*. Пословицы и поговорки подтверждают такую оценку: *Белая деньга про черный день; В черный день перемогусь, а в красный – сопьюсь; Хочешь мне добра – сделай его в мой черный день; Черный день придет – приятели откинутся.*

Е.А. Шабашева пишет: «В современном фразеологическом фонде русского языка нами не было зафиксировано ни одного фразеологизма с компонентом *чёрный*, имеющего положительную оценку. Тем не менее, по свидетельству Т.А. Павлюченковой, исследовавшей цветовую лексику в языке русских былин, цветообозначение *чёрный* реализует положительные значения «нарядный, праздничный» (*чёрная шапка (шляпа*) и «красивый» (*чёрные брови*). Однако данные значения являются архаичными и цветообозначение чёрный здесь употреблено в прямом дескриптивном смысле, указывая на цвет реалии, оцениваемой положительно с эстетической точки зрения». [6, 132-133]

Что касается заимствованного фразеологизма *черное золото* – нефть (в основе которого также лежит только наименование цвета), то он несет на сегодняшний день скорее нейтральную окраску. То же можно сказать и о фразеологизме *чёрным по белому* – совершенно ясно, который отсылает скорее к прямому значению слова «черный» (цвет чернил, карандаша и под.), чем к переносному отрицательному.

Итак, особенностью номинации «черный» в составе фразеологических единиц русского языка является то, что он концептуализирует преимущественно область отрицательной оценки.

Следующим этапом исследования стал анализ фразеологически связанных значений слова «черный» в художественном тексте, для чего был выбран роман Б. Пастернака «Доктор Живаго».

В романе нами было обнаружено 109 употреблений слова «черный» (и некоторых производных от него). Большинство употреблений этого слова (71 пример) – прямые, то есть обозначают собственно цвет (42 примера) или оттенок цвета (7 примеров). Переносное значение слова «черный» ‘крайне темный’ включает 16 употреблений в тексте романа.

«Черный» в прямом значении ‘цвет’ и ‘оттенок цвета’ употребляется в основном с конкретными существительными (*жеребеночек, струйки, точки, небо, земля, облака, верхушки берез, глаза, волосы, коровы, ручьи, кофта, платок, рамка, колечки, тень, стена, лента, пыль, копоть, слякоть* и т.д.). Оттенки и сочетания черного цвета употребляются с обозначениями природных явлений: *туча, жар* (черно-лиловый), *земля* (чернее), *луна* (исчерна-багровая), *облака* (черно-белые), а также с существительным *стена* (почти черная) и местоимением *что-то* (черняво-белое).

Переносное значение ‘крайне темный’ встречается не так часто и сочетается со словами *лес, бор, ледяная броня, иней, человечки, фигуры, клочья туч, снег, даль, провалы, буря, парк, завеса, ковры теней, стена*.

Употреблений слова «черный» (и некоторых производных) в составе фразеологических и устойчивых словосочетаний нами встречено 38. В романе реализуются следующие компоненты его значения.

1) темный, неприятный, нездоровый цвет лица и кожи (6 употреблений):– *Я вспомнила его имя. Помните, я вчера про лесника рассказывала? Его звали Вакх. Не правда ли, бесподобно? Черное лесное страшилище, до бровей заросшее бородой, и – Вакх!* [3, I, ч.3]

– Я очень хорошо знаю Палых. ... Такой черный, жестокий, с низким лбом. [3, II, ч.11]

Они обросли, почернели, были изможденны и страшны, как призраки. [3, II, ч.12]

У жены и троих детей Памфила, сынишки и двух дочерей, были светлые, выгоревшие на солнце, льняные волосы и белые, строгие брови на черных, обветренных, загорелых лицах. [3, II, ч.12]

К генералу меня лично водили. К генерал-майору Живаго. ... Ничего особенного, как все. Косоглазый, черный. [3, II, ч.16]

Откидывает крючок, а на пороге никакой не тятенька, а чужой мужик черный и страшный: покажи, говорит, где за корову деньги. [3, II, ч.16]

2) простонародный, грубый; тяжелый неквалифицированный труд и относящийся к такому труду (5 употреблений): *– А эти, – спрашивал Николай Николаевич Павла, чернорабочего и сторожа из книгоиздательства ... – а это как же, помещиковы или крестьянские?* [3, I, ч.1]

Никогда я не соглашусь, чтобы Марина для меня маралась, пачкалась. Какая она мне чернорабочая? Обойдусь и сам. [3, II, ч.15]

Он остерегался, как бы в невиннейшем его замечании не послышался ей какой-нибудь мнимо затаенный упрек, в том, например, что она белой, а он – черной кости, или в том, что до него она принадлежала другому. [3, I, ч.4]

Сколько мыслей проходит через сознание, сколько нового передумаешь, пока руки заняты мускульной, телесной, черной или плотничьей работой... [3, II, ч.9]

Хотя Свирид не крестьянствовал, его земляная, черносошная сущность проглядывала сквозь разрез темной суконной рубахи, которую он сгребал в комок вместе с крестиком у ворота и скреб и возил ею по телу, почесывая грудь. [3, II, ч.10]

3) служебный, подсобный, непарадный (8 употреблений*): Этот домик с примыкающим к нему палисадником находился в черной, запущенной части парка со старой полукруглою аллеей въезда.* [3, I, ч.1]

Глазам Юрия Андреевича открывались клинические задворки, стеклянные террасы особняков на Девичьем поле, ветка электрического трамвая, проложенная к черному ходу одного из больничных корпусов. [3, I, ч.4]

Вдруг они услышали прежний стук в другом месте, со стороны черного хода или, как им стало теперь казаться, в окно из сада. [3, I, ч.5]

– А я воду с черного хода внесу, немного приберу наверху, приоденусь. [3, II, ч.9]

Наконец он догадался поискать пути через двор дома, нашел его и, отыскав дверь в мастерскую, постучался в нее с черного хода. [3, II, ч.13]

Эту крайнюю долю квартиры составляли: старая бездействовавшая ванная Свентицких, однооконная комната рядом с ней и покосившаяся кухня с полуобвалившимся и давшим осадку черным ходом. [3, II, ч.15]

Сюда, сюда… В обход по черной лестнице. [3, I, ч.6]

Прощаться высыпали в сени и на крыльцо черной лестницы… и облепили его ступеньки амфитеатром, словно собираясь сниматься группой. [3, I, ч.7]

Это были черные сени нижнего этажа. [3, II, ч.9]

4) вид продукта/ материала; вид растения (5 употреблений): *Ото всего парка с его прудами, лужайками и барским домом садик управляющего был отгорожен густой живой изгородью из черной калины.* [3, I, ч.1]

Гардероб черного дерева был огромных размеров. [3, I, ч.3]

Публика попроще торговала вещами более насущными: колючими, быстро черствевшими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезанными пополам через всю обертку пакетиками махорки в пол-осьмушки. [3, I, ч.6]

В ожидании Комаровского Лариса Федоровна нарезала черного пайкового хлеба и поставила на стол тарелку с несколькими вареными картофелинами. [3, II, ч.14]

Городской затворник, крепким черным кофе или табаком подхлестывающий упавшие нервы и воображение, ты не знаешь самого могучего наркотика, заключающегося в непритворной нужде и крепком здоровье. [3, II, ч.9]

5) неоконченные произведения: *Подобно смутности первых черновых набросков, томящая праздность целого дня служила трудовой ночи необходимой подготовкой.* [3, II, ч.14]

Ночью эти черновые куски вызывали у него слезы и ошеломляли неожиданностью некоторых удач. [3, II, ч.14]

Он составлял начерно очерки статей, вроде беглых записей времен первой побывки в Варыкине, и записывал отдельные куски напрашивавшихся стихотворений, начала, концы и середки, вперемежку без разбора. [3, II, ч.15]

6) относящийся к нечистой силе, магии (2 употребления):*Противоречия ночного помешательства были необъяснимы, как чернокнижье. Тут все было шиворот-навыворот и противно логике, острая боль заявляла о себе раскатами серебряного смешка, борьба и отказ означали согласие, и руку мучителя покрывали поцелуями благодарности*. [3, I, ч.3]

Черной кошкой классовою она промеж нас пробежала, и вишь, что делает! [3, II, ч.8]

7) преступный, злонамеренный, нечестный, гадкий (4 употребления): *Говорят, ты, говорит, Маркел, весь черный изнутре, вот все равно как сажа в трубе.* [3, I, ч.6]

Чтобы не платить за одолжение черной неблагодарностью, она каждую минуту с извинениями отлучалась в соседнюю комнату, откуда тащила этой особе в подарок то какой-нибудь платок, то блузку, то кусок ситцу или полушифона. [3, I, ч.7]

– Какая черная неблагодарность! Подумай, как можно ошибаться в людях! [3, I, ч.2]

Потомство пригвоздит к позорному столбу бурбонов комиссародержавия и их черное дело. [3, II, ч.12]

Наверное, я придаю ему чрезмерный интерес и несвойственную значительность тем, что так черню его. [3, II, ч.13]

8) русское националистическое движение «Черная Сотня» 1905-1917 гг. [1 употребление):*Озорство и хулиганство в советской полосе оценивалось как признак черносотенства, в полосе белогвардейской буяны казались большевиками.* [3, II, ч.10]

9) русское анархическое движение, которое имело флаг черного цвета: *Она вспомнила теперешних верховодов в Ходатском… политических ссыльных из столиц, Тиверзина, Антипова, анархиста Вдовиченко Черное Знамя, здешнего слесаря Горшеню Бешеного.* [3, II, ч.10]

Не зная ни минуты покоя, вставал с полу и садился на пол, расхаживал и останавливался посреди сарая столп русского анархизма Вдовиченко Черное Знамя, толстяк и великан с крупной головой, крупным ртом и львиною гривой, из офицеров чуть ли не последней русско-турецкой войны и, во всяком случае, – русско-японской, вечно поглощенный своими бреднями мечтатель. [3, II, ч.10]

10) траур (2 употребления): *К могиле прошел человек в черном, со сборками на узких облегающих рукавах.* [3, I, ч.1]

И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица … [3, II, ч.17, 3. На Страстной]

Подводя итоги исследования, отметим, что 1) во фразеологии русского языка использование цветообозначения «чёрный» часто несёт экспрессивную

функцию, усиливая отрицательную оценку негативных эмоций, отражая мрачное, тоскливое состояние; 2) рассмотрение фразеологизмов с компонентом «чёрный» в художественном тексте – в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» – показало, что в нем употреблены почти все фразеологически связанные языковые значения слова «черный», кроме того мы обнаружили употребление слова в значениях ‘темный, неприятный, нездоровый цвет лица и кожи’ (*черное лесное страшилище; черный, жестокий; черные лица*), ‘сорт, вид продукта, материала’ (*черный кофе, черная калина, черной дерево*), а также в составе сочетаний, обозначающих знамя анархистов (*Черное Знамя*) и русское националистическое движение «Черная Сотня» (черносотенство).

Литература

1. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии [Текст] / Ю.А. Гвоздарев. – М., 1988
2. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. [Текст] / Роман. – М., 2000
3. Толковый словарь русского языка [Текст] / В 4 т. [под ред. Д.Н. Ушакова]. – М., 1935-1940
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М., 1987 – Т.4.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. в 2 т. [Текст] / П.Я. Черных. – М., 1999. – Т.2.
6. Шабашева Е.А. Особенности оценки цветообозначения *черный* в семантике фразеологических единиц русского и английского языков [Электронный ресурс] / Е.А. Шабашева // Lingua mobilis. – № 4 (37). – 2012. – С. 131-137. – URL: https://linguamobilis.ucoz.ru/2012/2012-4-37.pdf. – Загл. с экрана
7. Шанский Н.М. В мире слов. [Текст]: Пособие для учителей / Н.М. Шанский. – М., 1971

УДК: 410:378.0

Булатова В.А.
МУЦА, г. Токмок
Bulatova V.A.
IUCA, Tokmok
vika_bulatova@mail.ru
Бабич Е.П.
КНУ им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек
BabichE.P.
J. Balasagyn KNU, Bishkek
jane.dreams@mail,ru

Словообразование как средство выражения оценочного значения в русском и чешском языках
Word formation like a tool of expressing estimated meanings inRussianandCzechlanguages

Аннотация: *Статья посвящена сравнительному описанию суффиксального словообразования, как средству выражения семантической категории оценки в русском и чешском языках.*

Abstract: *The article is devoted to comparative description suffix word formation as a means of expressing the semantic category of assessment in Russian and Czech.*

Ключевые слова: *словообразование; категория оценки; оценочное значение; суффиксальное образование; деривационная цепочка*

Keywords: *word formation; category assessment; the estimated meaning of derivational marking Suffixa; derivative chain.*

При исследовании словообразования как средства выражения оценочного значения мы опираемся на функционально-семантический подход к аксиологической категории, который предполагает наличие функционально-семантического поля (ФСП) оценки в русском языке [о ФСП см. 5, с. 80 – 90].

Среди многочисленных классификаций оценочных значений наиболее удачной и приемлемой, на наш взгляд, является классификация, предложенная Н.Д. Арутюновой. [1, 75]. Исследователь отмечает, что в языке есть два типа аксиологических значений: *общеоценочные* и *частнооценочные.*

Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с различными стилистическими и экспрессивными оттенками.

Частнооценочные значения разделяются на следующие категории: ***I) сенсорные оценки:*** 1) сенсорно-вкусовые или гедонистические оценки *(приятный – неприятный);* 2) психологические оценки: а) интеллектуа*льные (интересный – неинтересный);* б) эмоциональные *(радостный – печальный);* ***II) сублимированные оценки:*** 1) эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок *(красивый – некрасивый);* 2) этические оценки *(моральный – аморальный);* ***III) рациональные оценки:*** 1) утилитарные оценки (*полезный – вредный*); 2) нормативные оценки (*правильный – неправильный*); 3) теологические оценки (*удачный – неудачный*).

Оценке в логическом представлении соответствует комплекс элементов – субъект, объект, характер и основание оценки, семантика которых формирует модальную рамку оценки – ценностное отношение говорящего; эта модальная рамка «накладывается на высказывание» [4,с.11] и выражает его прагматический аспект.

Следовательно, оценка в языке имеет еще более сложный характер, обусловленный как спецификой языковых средств выражения данной семантической категории, так и ее прагматическим значением.

Понятийная категория оценки отличается объединением эксплицирующих ее средств для выполнения единой семантической оценочной функции в процессе речевой деятельности языковой личности.

Круг этих средств достаточно широк, но они не подвергались комплексному рассмотрению в лингвистической литературе как единицы с функцией оценки: аффиксы субъективной оценки *-ушк-, -инк-, -онк-* и др. (В.В. Виноградов), специальные интонационные конструкции ИК-5, ИК-6, ИК-7 (Е.А. Брызгунова), лексико-грамматическая категория слов оценки (Г.А.

Золотова); оценочное значение качественных прилагательных (М.Ю. Сидорова, А.Н. Шрамм); аксиологические операторы «хорошо» и «плохо» (Н.Д. Арутюнова); эффективы и интенсификаторы (В.М. Вольф), пейоративная и мелиоративная лексика, эмоционально-оценочная природа междометий, оценочный компонент в устройстве фразеологических единиц, оценочное значение падежных форм (Е.В. Клобуков), оценочное значение семантической структуры синтаксических типов биноминативных, инфинитивно-подлежащных, номинативных и др. моделей (Монина, 1997; Русская грамматика, 1980).

Значение аспекта, свойственное оценочному представлению о мире, ставит в центре концептуальной картины мира субъективное отношение говорящего к действительности в ее самых разных проявлениях. Субъективное ценностное отношение говорящего выражается объективными языковыми средствами.

Основой этих средств является оценочная лексика (*хорошо – нормально – плохо*), которая создает «субъективное видение мира, формируя и обозначая в целом ценностную картину мира: оценку предметов по их утилитарности (*полезный, вредный*), по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива (*вежливый/грубый; красивый/безобразный*)» [8, с. 133]. Помимо этого, в сложной организации концептуального мира оценок обнаруживается конгломерат коммуникативных целей оценивания (*одобрение, похвала, восхищение, порицание, возмущение*), области оценивания (предметной, личностной, событийной и т.д.), форм оценивания.

Сложна и лингвистическая природа ценностных знаков, выраженная тремя сущностями: *объект*, которому приписывается ценностный признак, само *понятие ценности* – «идеал должного», *говорящий* – социум, субъект оценки [6, с. 67].

Многослойность оценочного знака делает неизбежным межуровневое взаимодействие языковых единиц, а также взаимодействие компонентов семантики оценки внутри единиц.

Активным участником этого процесса в языке является словообразование, в котором, как указывает Т.И. Вендина, ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка [2, с. 8-9].

Именно словообразование открывает возможности понимания словообразовательной маркировки элементов внеязыковой действительности. Причем словообразовательно маркируется не только ценностное отношение к объекту – человеку, но и к окружающим нас предметам, явлениям. Формирование же ценностного видения мира происходит в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. Для того чтобы оценить объективный мир, «человек должен «пропустить» его через себя» [1, с. 58].

Вслед за Т.И. Вендиной считаем целесообразным отметить этапы оценочного подхода к предмету или явлению внешнего мира [2, с. 17]:

1) восприятие предмета или явления внешнего мира органами чувств (происходит формирование первых эмоций, которые лежат в основании оценочных суждений);

2) оценочно-умственный акт (аффективное отношение человека к внешнему миру предстает в преобразованном виде, формируются производные эмоции и рациональное мнение о ценности предмета): *Вон, говорят, дом на набережной:* ***избенка****, понимаете, мужичья:* ***стеклушки*** *в окнах, полуторасаженные зеркала, мраморы, сударь мой, словом, ума помрачение!* (Н. Гоголь). В коммуникативно-прагматическом контексте функцию актуализатора оценочного значения выполняют суффиксы *-енк-, -ушк-*. Именно данные словообразовательные форматы реализуют ценностное отношение говорящего к предмету своей потребности: безоценочные по лексической семантике *изба, стекло* выражают аффективную оценку - преувеличенное восхищение, подчеркиваемое ироническим контекстом.

При этом Т.И. Вендина выделяет следующие виды оценок, реализуемых, в частности, суффиксальным образованием [2, с. 18-20]:

1) *оценки-аффективы*, отражающие первый (чувственный) этап восприятия предметов и явлений внешнего мира:

- зрение: *Все девицы взвизгнули и стайкой унеслись в горницы, а* ***толстуха*** *Аграфена заковыляла за ними.* (Д. Мамин-Сибиряк);
- слух: *Здоровая ты, а не родишь... Эх ты! Были бы у нас* ***пискуны*** *этакие, глядишь, не так скучно жилось бы нам.* (М. Горький);
- обоняние: *Пирожник Заяц выносил на лотке такую* ***тухлятину*** *– с души воротило*. (А.Н. Толстой);
- осязание: *Дожди иногда лились потоками, но нисколько не прохлаждали атмосферу, а только разводили* ***сырость и мокроту***. (И. Гончаров);
- вкус: *Ягоды разные бывают. Иная крупна, да* ***сладости*** *в ней нет; другая и поменьше, а сладка.* (М. Салтыков-Щедрин);
- температурные ощущения: ***Жарища*** *стояла страшная, и мне захотелось присесть.* (К. Чуковский);

2) *оценки-когнитивы*, отражающие второй этап восприятия предметов и явлений внешнего мира:

а) рациональные оценки: *Была в ней какая-то особенная* ***легкость, самоуверенность, рассеянность,*** *надменная грация.* (П. Дашкова);

б) психологические оценки – с помощью этих оценок передается чаще всего субъективно-ориентированная характеристика человека, особенностей его поведения, привычек или интеллектуального уровня, в связи с чем здесь выделяются оценки:

- эмоциональные: *Белокопытов был очень милым малым, балагур,* ***весельчак****, ... вообще – душа общества.* (Д.Мамин-Сибиряк);
- интеллектуальные: *– Я не буду шалить. – Ну, вот* ***умница****, – говорит Зина.* (Н. Гарин-Михайловский);

3) *оценки-сублиматы* (абсолютные оценки):

а) этические: *Пора, дитя мое, вставай: Да ты,* ***красавица****, готова!* (А. Пушкин);

б) эстетические: *Собрав **шептунов, врунов и вруних,** переговаривается орава: «Тс-с-с, господа, говорят, у них затруднения. Замечательно! Браво!»* (В. Маяковский).

Кроме того, оценочные номинации отражают «движение» по синтагматической оси функционально-семантического поля оценки, организуемой шкалой оценок. Е.М. Вольф отмечает, что «движение по оценочной шкале происходит по разным параметрам. В его основе лежит сочетание социальных и индивидуальных стереотипов представлений о ценностной картине мира и субъективного отношения индивидуума к соответствующему объекту, основанного на представлениях о приятном/неприятном, о том, что нравится/не нравится. Естественно, индивидуальная позиция субъекта очень подвижна, так как она определяется многими частными обстоятельствами. Субъективный фактор является основой аффиксальных оценок» [3, с. 100].

На протяжении XX в. было опубликовано немало научных работ, в которых рассматривались вопросы семантики субъективно-оценочных образований.

В целом мнения исследователей сходятся в том, что значения размерной оценки и эмоционально-оценочное тесно связаны между собой и генетически, и эмоционально. По мнению С.Г. Шейдовой, к настоящему времени проблема словообразовательного значения существительных субъективной оценки и его разновидностей в общих чертах решена и может быть сведена к следующим основным положениям: в историческом плане у субстантивных суффиксов значения эмоционально-оценочные развились на базе размерно-оценочных; с течением времени эмоционально-оценочная функция для некоторых суффиксов стала основной, в результате чего сформировались особые суффиксы эмоциональной оценки; в современном русском языке в рамках единой словообразовательной категории субъективной оценки сосуществуют следующие значения суффиксов имен существительных: размерно-оценочное (уменьшительное, увеличительное), эмоционально-оценочное (ласкательное, пренебрежительное и др.) и размерно-эмоциональное значение (уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное и др.) [10, с. 23-24].

В зависимости от степени эмоционального напряжения и коммуникативной задачи говорящий выбирает словообразовательную суффиксальную модель, выражающую смыслы: **хорошо – довольно хорошо – очень хорошо:***зверек – зверушка; книжка – книжица – книжечка; речушка – реченька* – при выражении одобрения; **плохо – довольно плохо – очень плохо:***зверина – зверюга; книжонка – книжица; речка – речонка* – при выражении неодобрения.

Такое движение по синтагматической оси, организованной шкалой оценок, отражает единство эмоциональной, субъективно-оценочной и коммуникативной информации в функционально-семантическом поле оценки. Однако оно имеет свои особенности и закономерности, состоящие в специфике

суффиксов, выражающих оценочную семантику; в особенностях образуемых с их помощью слов, в зависимости от контекстуального окружения, среды:

*Летом это была маленькая **речушка**, которую легко переходили вброд теперь же, после половодья, это была река саженей в шесть ширины, быстрая, мутная, холодная (А. Чехов);*

*В обыкновенное время Голтва представляет из себя **речонку** средней руки (А. Чехов);*

*В кустарниках прячутся ежи, зайцы и другие безобидные **зверушки** (А. Гайдар);*

*Несколько раз в лазу показывалась лобастая медвежья голова. – Матерый **зверина**! – определил Цыган (Н. Мамин-Сибиряк);*

*– Вы – охотник? – Пробовал, но не увлекся. Перебил волку позвоночник, жалко стало **зверюгу**, отчаянно мучился (М. Горький);*

Имеющий здесь место словообразовательный процесс носит название словообразовательной модификации, в которой участвуют суффиксы, выражающие оценочное состояние. Е.А. Земская модифицированными называет такие типы, «производные которых обозначают лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производящего слова» [8, с. 299]. Суффиксы, участвующие в модификационном словообразовательном процессе, репрезентируют субъективный фактор оценки, то есть субъективное отношение говорящего к объекту оценки, выражающего одобрение/неодобрение.

Эта специфика позволяет провести классификацию суффиксов, выражающих оценочное значение, и пронаблюдать в связи с этим процесс взаимодействия словообразовательного с синтаксическим и лексическим уровнями русского языка.

Лингвистические наблюдения показывают, что суффиксы в обследованном материале можно разделить на три группы с точки зрения выражения ими оценочной семантики, учитывая коммуникативно-прагматический контекст, речевую ситуацию, собственные функции словообразовательных единиц.

Первую группу представляют суффиксы субъективной оценки, специально предназначенные для выражения ценностного (положительного или отрицательного) отношения к объекту оценки, в данном случае, предмету номинации: *житьишко, житье, житуха, жистянка; человечек, человечишко, человечище: Я с молодежью вместе воевал на фронте, ходил с ней в разведку, а ты о ней от какого-нибудь задрипанного эмигрантишки на пересылке слышал (А. Солженицын); Его прозвали Сатаной за его характерец (Н. Помяловский).*

Вторую группу представляют суффиксы субъективной оценки, совмещающие значение размера и оценочной характеристики: *дождик – дождичек – дождина; мороз – морозец – морозик – морозище: Погода великолепная, метелица, морозик (А. Чехов); Его глазки вдруг сощурились, и на круглой розовой физиономии выразилось нескрываемое удовольствие (А. Бек).*

Третью группу представляют суффиксы, предназначенные не только для выражения оценки (неспециализированные), но актуализирующие ее в определенных лексемах и конкретных синтаксических позициях. Ср.: *купец,*

беглец, морозец, народец. Большое: *Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже? Я уже вас знаю! На словах вы прытки, а там и пошел блудить! (А. Островский).*

Форманты каждой группы находят свое место в словообразовательном механизме, на который опирается функционально-семантическое поле оценки в русском языке.

В чешском языке термины *«оценочные существительные», «оценочные суффиксы»* используются «для обозначения существительных субъективной оценки и присущих им словообразовательных средств» [7, с. 105]. По своей словообразовательной структуре оценочные существительные в чешском языке представляют собой суффиксальные образования от словообразовательной основы имен существительных. Помимо структурной трансформации производящей словообразовательной основы, оценочные суффиксы привносят лишь некоторые семантические изменения, позволяющие отразить либо новое качество лица, предмета, либо увидеть тот же самый объект в каком-то особом эмоциональном освещении.

Специфической особенностью оценочных существительных, как в русском, так и в чешском языке, является то, что их образование, как правило, не сопровождается изменением основного значения соответствующих производящих нейтральных основ.

Круг производящих основ, к которым присоединяются суффиксы субъективной оценки, широк и разнообразен как в структурном, так и в лексическом отношении.

В их числе находятся слова, принадлежащие ко всем трем грамматическим родам и представляющие собой как нейтральные, так и оценочные образования.

Ср.: **оценочные существительные мужского рода:** *hrad «замок» – hradek, stroj «машина» – strojek, sníh «снег» – snížek, pták «птица» – ptáček», talíř «тарелка» – talířek, řetěz «цепь» – řetízek, svetr «свитер» – svetýrek, trávník «газон» – trávníček, mládenec «младенец» – mládeneček «младенчик», zapalovač «зажигалка» – zapalováček,, ředitel «директор» – ředitýlek, čtverec «квадрат» – čtvrčík, , doktor «доктор» – doktoříček, , film «фильм» – filmeček, dort «торт» – dortík – dortíček, krb «камин» – krbec – krbeček, vřed «вред» – vředák, vlk «волк» – vlčan [11, 12, 13];*

Ср.: **оценочные существительные женского рода:** *hrst «горсть» – hrstka, lžíce «ложка» – lžícka «чайная ложка», tráva «трава» – travka, umělkyně «художница, деятель искусства» – umělkiňka, úřednice «служащая» – úřednička, ještěřice «ящерица» – ještěřička, žarlivost «ревность, зависть» – žarlivůstka, břehule «береговая ласточка» – břehulka, «лисенок», mrkev «морковь» – mrkvička, podobizna «портрет» – podobiznička, povídka «рассказ» – povídečka, stařena «старуха» – stařenečka, hvězda «звезда» – hvězdice – hvězdička, sekera «топор» – sekeřice – sekeřička, neteřka «племянница» – neteřinka, církev «церковь» – církvinka, labutě «лебедь» – labuťěnka [11, 12, 13];*

Ср.: оценочные существительные среднего рода: *auto «автомобиль» – autíčko, moře «море» – moříčko, ucho «ухо» – ušíčko, svítání «рассвет» –*

svítáníčko, hospodářství «хозяйство» – hospodářstvíčko, ministerstvo «министерство» – ministerstvíčko, dílo «дело» – dílko, víko «крышка» – víčko, slovo «слово» – slůvko, umyvadlo «умывальник» – umyvátko, zrcadlo «зеркало» – zrcátko, divadlo «театр» – divadélko, dítě «ребенок» – děťátko, ohniště «очаг» – ohnišťátko, hnízdo «гнездо» – hnízdečko, písmeno «буква» – písmenečko, hrdlo «горло» – hrdélce, zdaní «впечатление» – zdanínko, labuť «лебедь» – labutě [11, 12, 13];

Как видно из приведенных примеров в состав производящих словообразовательных основ оказываются вовлеченными существительные самого различного характера: одушевленные инеодушевленные, обозначения лиц и не лиц, образования нарицательные и собственные, абстрактные и конкретные. Наряду с чешскими широко представлены и заимствованные основы: *salon (салон) – salónek, traktor (трактор) – traktůrek, kompresor (компрессор) – kompresůrek, pullover (пуловер) – pullovřík, paragraf (параграф) – paragrafíček и т. д.*

Категория субъективной оценки с присоединением к слову оценочного суффикса приобретает лексическое значение *(значение уменьшительное, уменьшительно-эмоциональное, эмоциональное).* Имеется тесная связь между семантикой производящей словообразовательной основы и определяемым ею значением оценочного слова в целом.

При словообразовательной классификации оценочных существительных чешского языка исследователями принимается во внимание целый ряд моментов [см. 7, с. 117 – 118]:

1. В словообразовательном отношении оценочные существительные подразделяются на два слова, характеризующиеся однозначной и неоднозначной словообразовательной структурой. Словообразовательная структура последних раскрывается по-разному в зависимости от вида производящей словообразовательной основы.

2. В составе исследуемых существительных выделяются оценочные существительные первой и второй степени.

Под оценочными существительными **первой степени** понимаются имена существительные субъективной оценки, непосредственно соотносящиеся в структурно-семантическом отношении с соответствующими нейтральными образованьями *(pejsek (песик), tlamička (мордочка), domek (домик) при pes (пес), tlama (морда), dům (дом)).* Сюда же причисляются оценочные существительные с неоднозначно истолковываемой структурой, правда, только в том случае, если они соотносятся непосредственно с нейтральными существительными *(domeček c dům, pejsek c pes)*.

Под оценочными существительными **второй степени** подразумеваются существительные, соотносящиеся с нейтральным словом через посредство промежуточного оценочного существительного *(domeček c domek и т. д.).*

Образование оценочного существительного второй степени осуществляется путем наращивания вторичного словообразовательного оценочного суффикса, которое может производиться неоднократно *(kot'átko – kot'átečko, kot'átenečko; srdečko – srdečečko).* Подобное наращивание, как

правило, диктуется либо необходимостью усилить аффективный характер слова, либо стремлением восстановить утраченное значение оценки.

3. При проведении словообразовательной классификации последовательно учитывается вид производящей словообразовательной основы и словообразовательного суффикса (последние сгруппированы по родовому признаку), а также фонетические видоизменения производящей словообразовательной основы, сопровождающие присоединение словообразовательного суффикса.

Исследование закономерностей словообразования оценочных существительных позволяет убедиться в том, что возможности образования слов, принадлежащих к указанной словообразовательной категории, в современном чешском языке очень широки. В круг словопроизводства оказывается вовлеченным подавляющее большинство имен существительных, разнообразных в структурном и семантическом отношении.

В образовании оценочных существительных в чешском языке принимает участие довольно большое количество словообразовательных суффиксов – при этом инвентарь суффиксов субъективной оценки значительно более многообразен, чем инвентарь словообразовательных суффиксов других словообразовательных категорий.

Сопоставительное изучение оценочных существительных в чешском и русском языках позволяет констатировать сходство основных тенденций оценочности. В этом можно убедиться при анализе производящих лексем и словообразовательных суффиксов. Исследование показало, что в составе производящих лексем могут быть представлены имена существительные, производные и непроизводные, исконные и заимствованные, с самыми различными фонологическими, морфологическими, словообразовательными и семантическими характеристиками.

В ходе исследования было установлено, что в сопоставляемых языках словообразование оценочных существительных представляет собой четко организованную, иерархически упорядоченную систему, базирующуюся на совокупности определенных правил ее строения и функционирования.

Основу системы составляют однофазные и многофазные (чаще всего двухфазные) деривационные цепочки.

Однофазные цепочки организованы по такому принципу: исходная точка словообразовательного процесса представлена нейтральным производящим существительным, а следующая фаза – соответствующим дериватом, имеющим оценочное значение. Ср.: **чеш.** *vnuk – vnouček, tygr – tygřik; sestra – sestřička; opice – opička; divadlo – divadelko;* **рус.** *арбуз – арбузик, прут – прутик; ваза – вазочка, игрушка – игрушечка; лицо – личико* и др.

Двухфазные цепочки: **чеш.***dům – domek – domeček, kniha – knižka – knižtička, hnizdo – hnizdko – hnizdečko;***рус.***дуб – дубок – дубочек, рыба – рыбка – рыбешка, окно – окошко – окошечко* и др.

Таким образом, все вышеизложенное доказывает очевидность участия процесса словообразования, в частности суффиксального, в выражении оценок разного типа как в русском, так и в чешском языках.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – 341 с.
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998. – 240 с.
3. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. – 1986. – №5. – С.98-107.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки: (на материале португальского языка). – М., 1985. – 228 с.
5. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филол. науки. – 1996. – №1. – С.80-90.
6. Маркелова Т.В. Синтаксические средства номинации семантики оценки // Семантика лексических и прагматических единиц. – М., 1995. – С.95-107.
7. Нещименко Г. П. Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке.// Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики. / Сборник статей. Под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во Академия Наук СССР, 1963. – С. 105-158.
8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Пустовалова и др. – М., 1988. – 216 с.
9. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989. – 800 с.
10. Шейдова С.Т. Категория субъективной оценки в русском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 42 с.
11. Miloslava Šroufková, Marta Vencovská, Rostislav Pleský. Rusko – český Česko – ruský slovník. – Praha, 1999
12. Příruční slovník jazyka českého I-IX. Praha: Kancelář Slovníku jazyka českého, 1935–1957. Режим доступа: http://bara.ujc.cas.cz/psjc/
13. Slovník spisovného jazyka českého, seš. 1 – 18. – Praha, 1958 – 1961

УДК: 808.3 + 808.2 : 801

Глущенко В. А.
Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина
Glushchenko V. A.
Donbass State Pedagogical University, Slavyansk, Ukraine
sdpunauka@ukr.net
Каламаж М.
Компания EurasiaAdviser, г. Ополе, Польша
Kałamarz M.
Eurasia Adviser Company, Opole, Poland

maria.kalamarz@eurasia.com.pl
Руденко М. Ю.
Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина
Rudenko M. Yu.
Donbass State Pedagogical University, Slavyansk, Ukraine
marinarudenko@gmail.com

Из истории лингвистики: теория двух периодов языкового развития
The history of linguistics: theory of two periods of language development

Аннотация: *авторы статьи раскрывают сущность теории двух периодов языкового развития, которая оказала значительное влияние на становление и развитие сравнительно-исторического языкознания в Европе, но в дальнейшем была отброшена как недостаточно аргументированная*.

Abstract: *the authors of the article reveal the essence of a theory of two periods of language development, that has significantly influenced on the formation and developmentof comparatively-historical linguistics in Europe, but further was dismissed as insufficiently reasoned.*

Ключевые слова: *лингвистическая историография; теория двух периодов языкового развития; деградация; синтетические и аналитические грамматические формы.*

Keywords:*linguistic historiography; theory of two periods of language development; degradation; synthetic and analytical grammatical forms.*

Теория двух периодов языкового развития принадлежит к числу тех теорий (гипотез), которые, сыграв значительную роль в науке (в данном случае – оказав значительное влияние на становление сравнительно-исторического языкознания), в дальнейшем были отброшены как недостаточно аргументированные [1; 2; 3]. Такая оценка теории двух периодов представляется нам объективной и исторически оправданной, хотя в лингвистической историографии представлены исключительно отрицательные оценки [4, с. 47–48; 5, с. 21; 6, с. 231].

В чем же заключается сущность теории, которая на протяжении полувека определяла направление сравнительно-исторических исследований в европейском языкознании? В чем ее достоинства и недостатки? Каковыми были обстоятельства ее возникновения?

Начнем с последнего вопроса. Отвечая на него, мы, казалось бы, сталкиваемся с парадоксом: лингвистическую теорию, ставшую чрезвычайно популярной в 20-е – 60-е гг. XIX в., выдвинул не языковед! Автором теории двух периодов развития языка стал классик немецкой и мировой философии Георг Гегель. Однако при ближайшем рассмотрении этого вопроса нетрудно убедиться, что парадокс мнимый. Во-первых, философия и языкознание в первой четверти XIX в. развивались в тесной взаимосвязи, поддерживая и

подпитывая друг друга, и декларированные Гегелем и Фридрихом Шеллингом принципы развития, историзма и всеобщей связи явлений начинают утверждаться в лингвистике самым радикальным образом, вызывая к жизни сравнительно-историческое языкознание (компаративистику). Во-вторых, следует принять во внимание научный авторитет Гегеля, ученого, оказавшего мощное влияние на развитие не только философии, но и биологии, языкознания и других наук в Европе (а затем и во всем мире).

Сущность же теории двух периодов языкового развития заключается в выделении в истории индоевропейских языков (в принципе – и языков других семей, ибо теория претендовала на универсализм) двух периодов: 1) периода образования и совершенствования грамматических форм (и, шире, языковых элементов всех уровней, в частности фонологического); этот период был назван доисторическим, но точнее, возможно, было бы назвать его дописьменным, так как имелся в виду период до возникновения письменности; 2) периода деградации, упадка, разрушения тех совершенных форм, которые возникли в первый период; этот период был назван историческим, и при этом принималось во внимание то, что в данный период возникла и развивалась письменность, и часть древних письменных памятников сохранилась до нашего времени. Если говорить о морфологии, то, по сути дела, речь идет о росте аналитизма в современных языках, о замене синтетических форм аналитическими, но этой замене давалась отрицательная оценка.

В Германии теорию двух периодов развития языка взяли на вооружение такие известные лингвисты, как Франц Бопп, Якоб Гримм, Вильгельм фон Гумбольдт, Август Шлейхер, Георг Курциус.

Как показывает наш анализ, второй страной, где теория двух периодов обрела значительную популярность, стала Россия.

Кто же из русских языковедов придерживался данной теории? Н. С. Чемоданов и Ю. С. Сорокин называли в этой связи имена Федора Буслаева и Измаила Срезневского [5, с. 20–21; 6, с. 230–231]. Анализируя это положение, мы поставили перед собой два вопроса: 1) только ли Ф. И. Буслаев и И. И. Срезневский интерпретировали языковой материал в духе теории двух периодов, или же и другие русские языковеды отдавали ей дань; 2) насколько Срезневский и Буслаев были последовательны в трактовке языковых явлений в свете теории двух периодов, не были ли их интерпретации специфичны?

Обратимся к знаменитому «Рассуждению о славянском языке» Александра Востокова (первое издание – 1820). А. Х. Востоков прямо говорит о том, что «все древние языки превосходили правильностию и изобилием форм языки позднейшие, ведущие от них свое начало» [7, с. 5]. Какие же языки имел в виду один из основоположников компаративистики? Востоков ссылался на санскрит и современные исследователю индийские языки, сравнивал древнегреческий и новогреческий, прагерманский и современные германские, праславянский и современные славянские языки.

Представляют определенный интерес и взгляды Николая Греча. известного русского писателя, издателя, редактора, журналиста, публициста, филолога, переводчика. Н. И. Греч был и крупным языковедом своего времени.

Здесь мы хотели бы отметить его книгу «Чтения о русском языке» (1840), в которой, как нам удалось обнаружить, отразились некоторые идеи Гегеля и Шеллинга (прежде всего опора на принципы развития и историзма). Свои следы в этой книге оставила и интересующая нас теория двух периодов. Греч акцентировал внимание на «рождении, образовании и упадке языков» [8, с. 40], подчеркивал, что со временем языки «теряют свою творческую, органическую силу» [там же, с. 29].

То, что мы сказали о Гречe, справедливо и по отношению к Михаилу Каткову – известному русскому публицисту, издателю, литературному критику, языковеду, основоположнику русской политической журналистики. Лингвистическим проблемам М. Н. Катков посвятил магистерскую диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» (1845). В этой работе также говорится о двух периодах в развитии языка, причем примечательно, что Катков обращается к единицам фонологического уровня – фонемам и слогам. По его мнению, для «первобытного языка» были характерны «твердость, чистота и как бы сознательность звуков», в то время как «языки памятные представляют уже постепенную порчу и ослабление звука: из живого деятеля он становится механическим и как бы условным знаменателем ему чуждого понятия» [9, с. 4–5]. Так, изучение вокалических подсистем индоевропейских языков привело Каткова к выводу, что «эта порча или это ослабление вокализма должно быть признано за явление, общее всей индоевропейской фонетике» [там же, с. 5–6]. Согласно Каткову, в структуре слога также произошли разрушительные изменения. Сравнив слоги древних и современных индоевропейских языков, Катков констатировал, что в современных языках, в отличие от древних, нет «излишней любви к изяществу», и «мы далеко не так разборчивы в устроении слогов, как наши предки» [там же, с. 114].

Рассмотрим классические «Мысли об истории русского языка» Срезневского (первое издание – 1850). Ученый видел в первом периоде «время развития форм языка». Второй же период Срезневский характеризовал как «период превращений»; в это время «прежняя стройность форм языка расстраивается» [10, с. 19]. На наш взгляд, здесь нет резкого, антагонистического противопоставления второго периода первому, что открывало возможность критики теории двух периодов в дальнейшем и последующего отказа от этой теории.

Как нам представляется, еще более радикально трактовал теорию двух периодов Буслаев (имеется в виду широко известная книга «О преподавании отечественного языка»; первое издание – 1844). Как отметил И. Ф. Протченко, в интерпретации Буслаева первому периоду (в отличие от второго) свойственна большая конкретность в значении слов и форм [11, с. 18]. На многочисленных примерах из истории восточнославянских языков Буслаев показал, что одна из важнейших закономерностей развития языка заключается в движении от конкретного к абстрактному: «Со временем живое значение слова теряется, впечатление забывается и остается только одно отвлеченное понятие» [12, с. 273]. Следствием этого становится то, что «значительность отдельного слова

пропадает, и настает значительность целого предложения» [там же, с. 301]. Однако характерно, что о деградации грамматических форм Буслаев не говорит.

Поэтому вполне закономерно, что современник Буслаева Константин Аксаков, известный русский публицист, поэт, литературный критик, историк и языковед, в книге «Опыт русской грамматики» (первое издание – 1860) первым из исследователей указал на несостоятельность теории двух периодов языкового развития. К. С. Аксаков считал, что «ход человеческого слова не представляет в глазах наших постоянного падения» и что «при преемственном своем образовании, при отделении своем от первоначального своего корня, каждый самостоятельный язык представляет новое усилие и новую сторону творчества в слове» [13, с. VI–VII]. Чем объясняется такая позиция ученого? В трактовке исторических и языковых явлений Аксаков выступал как романтик; поскольку в развитии языка проявляется дух говорящего на нем народа, на каждом этапе истории того или иного языка слову присуща своя творческая сила.

Следующим шагом стала принципиальная критика рассматриваемой теории. И сделал этот шаг Александр Потебня, великий украинский языковед, основатель Харьковской лингвистической школы, что отметила А. В. Десницкая [4, с. 63]. В книге «Из записок по русской грамматике» (первое издание – 1874) А. А. Потебня писал: «Факт состоит в стиранье флексий, рассматриваемых как звуковые элементы, но не в уменьшении общего количества форм и не в потере формальности в языках, ее выработавших» [14, с. 61]. Таким образом, согласно Потебне, в истории языков (речь идет о языках индоевропейской семьи) не наблюдается деградации форм: хотя часть флексий (выражавших те или иные грамматические значения) исчезает, общее количество грамматических форм не уменьшается, и, таким образом, об исчезновении формообразования не может быть и речи. Потебня был убежден в сложности вопроса о развитии форм в языке (необходимо учитывать ряд факторов, принимая во внимание как синтетические, так и аналитические формы). Простой подсчет флексий является явным упрощением [там же, с. 63]. Важно подчеркнуть, что, согласно Потебне, аналитические формыследует рассматривать как показатель высокой степени совершенства средств формообразования; смену синтетических форм аналитическими нельзя трактовать как упадок, разрушение форм: «существование в языке описательных форм не только не есть признак падения формальности, но, напротив, свидетельствует о торжестве этого принципа»; следовательно, «в новых языках по отношению к древним можно видеть перерождение, а не вырождение и искажение» [там же, с. 66]. В частности, в романских языках личные местоимениязачастую употребляются вместе с глаголами (чего не было в вульгарной латыни);каждое из таких местоименийс генетической точки зрения представляет собой «лишь отдельное от глагола, иначе поставленное личное окончание» [там же, с. 67].

Изучение истории фонологических систем восточнославянских языков (в контексте южно- и западнославянских) привело Потебню к выводу, что

фонологические изменения, в чем бы они ни заключались, нельзя рассматривать как деградацию, «болезнь» [там же, с. 55].

Ключевым противоречием теории двух периодов Потебня считал противоречие между постоянным совершенствованием языка как «органа мысли» (что не подлежит сомнению с учетом непрерывного прогресса человечества в науке и искусстве) и якобы осуществившейся деградацией языковых форм: «Теория, относившая творчество в языке к доисторическим временам, страдала именно тем, что не могла объяснить, как язык может преуспевать как орган мысли, подлежа в исторические времена лишь действию разрушительных сил, обращенных даже не на одно тело языка – звуки, что со спиритуалистической точки зрения было бы еще понятно, но на его душу: грамматический строй» [15, с. 178].

Характерно, что эти аргументы были высоко оценены Ватрославом Ягичем в его рецензии на книгу «Из записок по русской грамматике» [16, с. 336].

Вслед за Потебней критические замечания в адрес теории двух периодов развития языка высказали представители Лейпцигской лингвистической школы (младограмматики) Герман Остгоф и Карл Бругман (предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков»; первое издание – 1878) [17, с. 189].

После этого критика теории двух периодов перестала быть актуальной, и, в частности, в трудах таких выдающихся языковедов 70-х гг. XIX в. – начала XX в., как Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ, каких-либо упоминаний об этой теории мы не встретим.

К теории двух периодов в 50-е – 80-е гг. XX в. обратились лингвоисториографы (А. В. Десницкая, Н. С. Чемоданов, Ю. С. Сорокин), давшие этой теории, как мы указали в начале настоящей статьи, исключительно отрицательную оценку [4, с. 47–48; 5, с. 21; 6, с. 231].

И здесь мы сталкиваемся со вторым парадоксом: если оценивать теорию двух периодов только отрицательно, необходимо сделать вывод о том, что она в течение ряда лет сковывала, тормозила развитие сравнительно-исторического языкознания. Факты же говорят об обратном: теория двух периодов сыграла значительную роль в развитии европейской компаративистики, так как благодаря ей был упорядочен и обобщен большой по объему и разнообразный по содержанию эмпирический материал истории индоевропейских языков. Постепенное накопление и осмысление этого материала и продемонстрировало механистический характер теории двух периодов, в рамках которой материал интерпретировался односторонне и упрощенно. В этом смысле можно сказать, что систематизация знаний в рамках теории двух периодов привела к отрицанию самой этой теории. Компаративисты XIX в. пришли к неизбежному выводу о том, что замена синтетических грамматических форм аналитическими отнюдь не означает деградации форм [1; 2; 3].

Таким образом, с преодолением биологизма в лингвистике стало очевидным, что язык не является явлением природы и что в «жизни» языка нет периодов расцвета и упадка; языки, утрачивая определенные грамматические

категории, значения, формы, вырабатывают новые, которые нельзя оценивать как «лучшие» или «худшие». Положение о том, что синтетические грамматические формы «лучше» («богаче») аналитических, лишено научных оснований.

Об этом убедительно свидетельствуют труды компаративистов конца XIX в. – начала XXI в. Их исследование в этом плане открывает широкие перспективы для историографов языкознания.

Литература

1. Глущенко, В.А. Теория двух периодов языкового развития в русском и украинском языкознании XIX в. / Глущенко В.А // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-методич. сб. / отв. за вып. В. А. Глущенко. – Славянск : СГПИ, 1999. – Вып. VI. – С. 3–5.
2. Глущенко, В.А., Овчаренко, В.Н., Каламаж, М. Сравнительно-исторический метод в русском и украинском языкознании 20-х – 60-х гг. XIX в. // Глущенко В.А., Овчаренко В.Н., Каламаж М. // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе : материалы международной научно-практической конф. – М. : МГУ, 2009. – С. 141–177.
3. Глущенко, В.А. Ідея мовного розвитку в студіях О. О. Потебні / Глущенко В.А. // Вісник Маріупольського державного університету : збірник наукових праць. Серія : Філологія / гол. ред. К. В. Балабанов ; відп. ред. серії С. В. Безчотнікова. – Маріуполь : МДУ, 2016. – Вип. 14. – С. 69–75.
4. Десницкая, А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков / Десницкая Агния Васильевна /отв. ред. П. С. Кузнецов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 332 с.
5. Чемоданов, Н.С. Сравнительное языкознание в России : очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании / Чемоданов Николай Сергеевич. – М. : Учпедгиз, 1956. – 95 с.
6. Сорокин, Ю.С. Эволюция понятия историзма в русском языкознании 1830 – 1840-х гг. / Сорокин Ю.С. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / отв. ред. А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1984. – С. 200–235.
7. Востоков, А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам / Востоков А.Х. // Востоков А. Х. Филологические наблюдения / Издал, по поручению 2-го отделения Академии наук, И. Срезневский. – СПб., 1865. – С. 1–27.
8. Греч, Н.И. Чтения о русском языке / Греч Н.И. – СПб., 1840. – Ч. 1. – VI, 336 с.
9. Катков, М.Н. Об элементах и формах славяно-русского языка / Катков М.Н. – М., 1845. – II, 253, II с.
10. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка / Срезневский Измаил Иванович. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 16–81.
11. Протченко, И.Ф. Ф. И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог / Протченко И.Ф. // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М. : Просвещение, 1992. – С. 7–24.
12. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка / Буслаев Федор Иванович // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М. : Просвещение, 1992. – С. 25–373.

13. Аксаков, К.С. Опыт русской грамматики / Аксаков К.С. // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. – М., 1880. – Т. III. Ч. II. – XXXVI, VIII, II, 470, 151 с.
14. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / Потебня Александр Афанасьевич. – 3-е изд. – М. : Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 536 с.
15. Потебня, А.А. К истории звуков русского языка / Потебня А.А. – Воронеж, 1876. – Ч. 1. – VI, 243 с.
16. Jagic, V. [Рец. :] A. Potebnja. Aus den Memoiren über die russische Grammatik / Jagic V. // Потебня А. А. Иззаписокпорусскойграмматике. – М. : Просвещение, 1977. – Т. 4. Вып. 2. – С. 335–340.
17. Остгоф, Г., Бругман, К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» / Остгоф Г., Бругман К. // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 187–198.

УДК: 811.581.11

Горбунова В. А.
СПбГУ, г. Санкт-Петербург
Gorbunova V. A.
SPBU, Saint-Petersburg
valery.13066@gmail.com

Аппликативные конструкции в современном китайском языке
Applicative constructions in the modern Chinese language

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию аппликативных конструкций в современном китайском языке. В работе рассматриваются основные подходы к трактовке сдвигов в актантной структуре глагола, описываются наиболее распространенные типы аппликативных конструкций, существующих в современном китайском языке.*

Abstract. *This article is devoted to a study of verbal valence-increasing constructions in the modern Chinese language. The author observes the main approaches to the interpretation of shifts in the argument structure of the verb, describes the most wide-spread types of applicative constructions in Mandarin.*

Ключевые слова: *актантная деривация; повышающая актантная деривация; аппликатив; бенефактив; локатив.*

Keywords: *valence-changing derivation; valence-increasing derivation; applicative; benefactive; locative.*

Данная статья посвящена исследованию основных средств выражения значений из области повышающей актантной деривации в современном китайском языке, влияющей на число глагольных актантов и интерпретацию называемой ситуации, подходы к трактовке сдвигов в актантной структуре глагола, анализируются базовые аппликативные конструкции, существующие в современном китайском языке.

Аппликатив – это один из видов повышающей актантной деривации. Аппликатив – тип, при котором в ситуации, описываемой исходным двухактантным глаголом, появляется новый участник, выраженный актантом, который был необязательным участником или сирконстантом в базовой конструкции. Вводимый аппликативом участник выполняет семантическую роль Адресата, Бенефактива, Малефактива, Инструмента, Места, Цели и т.д., [1, 185]. В типологии Л. Пюлккянен [2, 15-18] выделяется два типа аппликатива – «высокий» и «низкий».

Анализ материала показывает, что аппликатив в современном китайском языке может выражаться аналитически при помощи порядка слов характерного для конструкций, образованных глаголами с донативной семантикой. Это «низкий» аппликатив в типологии Л. Пюлккянен, при котором подчеркивается наличие посессивной связи между дополнениями (1), такой тип аппликатива можно образовать только с использованием переходного глагола, кроме того, такую конструкцию можно перевести в пассивный залог таким образом, чтобы вводимый аппликативом актант занял позицию подлежащего:

(1) 阿 Q修了赵家三扇门。

Ākiu xiū-le Zhào-jiā sān-shàn mén

3.Sg чинить-PFV Чжао-семья три-Cl дверь

‘А-кью починил семье Чжао три двери’.

Аппликатив в современном китайском языке также реализуется при помощи присоединения к глаголу соответствующих показателей отглагольной природы: 给*gěi* 'давать' (3), если новый участник реализуется как Бенефактив; 在*zài* ‘находиться’ (4) или 到 *dào* ‘направляться’, если актант представлен Местом [3, 98]. Обычно такие аппликативные конструкции строятся по следующей схеме:

(2) Субъект (Агенс) – Аккузативный показатель (把) – Прямое дополнение (Пациенс) – Глагол – Аппликативный показатель (给，到，在) – Косвенное дополнение (Бенефактив / Место) – Послелог (里，上，下 и другие, если актант выражен Местом)

Бенефактивный аппликатив:

(3) 他把短信发给我。

Tā bǎ duǎnxìn fā-gěi wǒ

3.Sg ACC CMC.сообщение отправлять-APPL 1.Sg

‘Он отправил мне смску’.

Основная особенность локативного аппликатива заключается в том, что он может использоваться не только в конструкциях, соответствующих схеме (2), но и использоваться с неэрагативными глаголами (непереходными глаголами, у которых есть только внешний актант – подлежащее, например, глаголы движения) [4, 735]:

(4) 老人住在森林里。

Lǎorén zhù-zài sēnlín-lǐ
Старик жить-APPL лес-LOC
‘Старик живет в лесу’.

Рассмотрим более подробно показатель 给 *gěi*. Существует группа глаголов, с которыми употребление 给*gěi* обязательно, например: 交 *jiāo* ‘передавать’, 卖 *mài* ‘продавать’, 输 *shū* ‘проигрывать’. С некоторыми глаголами показатель 给*gěi* употребляется факультативно: 教*jiāo* ‘учить’, 送 *sòng* ‘дарить’, 还 *huán* ‘возвращать’. Некоторые глаголы никогда не присоединяют к себе 给*gěi*: 问 *wèn* ‘спрашивать’, 收 *shōu* ‘собирать’, 吃 *chī* ‘есть’ – в таких случаях еще один участник может появляться только в притяжательной форме. Существует еще одна группа глаголов, которые также могут факультативно присоединять 给 *gěi*, например: 拿*ná* ‘брать’, 买*mǎi* ‘покупать’, 租*zú* ‘арендовать’, 借*jiè* ‘одалживать’, 分*fēn* ‘делить’. Особенность данной группы заключается в том, что в зависимости от наличия показателя 给 *gěi* меняется направление действия глагола и интерпретация высказывания [5, 317-319]. Например:

(5) 分我一点儿责任。
Fēn wǒ yī-diǎnr zérèn
Делить 1.Sg немного обязанность
‘Разделите мои обязанности’

(6) 分给我一点儿责任。
Fēn gěi wǒ yīdiǎnr zérèn
Делить APPL 1.Sg немного обязанность
‘Дайте мне обязанности’

Природа таких показателей как给*gěi* является дискуссионным для синологии вопросом, так, в [6, 126-130] доказывается невозможность однозначно считать给*gěi* самостоятельным глаголом или частью составного слова (compound verb), однако и трактовка给*gěi* как предлога вызывает сомнения. Однозначно определить статус данного показателя в современном китайском языке представляется затруднительным, он может трактоваться как аффикс, квазиаффикс или слово, однако его функция аппликативизации сомнений не вызывает.

Традиционно среди аппликативов встречаются «высокий» и «низкий», однако В. Т. Д. Цай в своем исследовании [7, 3] применительно к китайскому материалу делит аппликатив на три вида: «высокий», «низкий» и «средний», так как стандартное двучленное деление не учитывает некоторые особенности китайского языка. В рамках данной классификации впервые выделяется такое понятие, как «средний» аппликатив. Причина выделения в китайском языке

отдельной категории «среднего» аппликатива заключается в том, что, согласно определению Л. Пюлккянен, «высокий» аппликатив подчеркивает отношение между ситуацией и участником, а «низкий» – между прямым и косвенным дополнениями. Кроме того, только «высокие» аппликативы могут сочетаться с неэргативными и стативными глаголами, но только при употреблении «низкого» аппликатива происходит подъем Посессора (участника, которому принадлежит другой участник ситуации). «Низкий» аппликатив можно перевести в пассивную конструкцию так, чтобы Бенефактив занял позицию подлежащего. Так называемый «средний» аппликатив сочетает в себе особенности этих двух типов. Это явление можно проиллюстрировать следующим примером – дано два аппликативных предложения, с одинаковым набором участников ситуации «распитие вина»:

(7) a. 他居然[给我]喝了三瓶酒!

Tā jūrán [gěi-wǒ] hē-le sān-píng jǐu
3.Sg неожиданно [APP-1.Sg] пить-PFV три-CL вино
‘Неожиданно для меня он выпил три бутылки вина!’

b. 他居然喝了我三瓶酒。

Tā jūrán hē-le wǒ sān-píng jiǔ
3.Sg неожиданно пить-PFV 1.Sg три-CL вино
‘Неожиданно он выпил у меня три бутылки вина!’

Отличия между этими двумя предложениями, согласно точке зрения В. Т. Д. Цая, заключаются в следующем:

- В первом предложении используется маркер给*gěi*, строится аффективная конструкция. Во втором предложении используется «конструкция псевдо-двойного дополнения» (pseudo double object construction), которая предполагает отсутствие явных притяжательных отношений между дополнениями;
- В первом предложении Агенс поступает вопреки ожиданиям говорящего, во втором предложении говорящий является, скорее всего, источником «трех бутылок вина»;
- В первом предложении в качестве третьего актанта может выступать только местоимение первого лица, для второго предложения подобного ограничения не существует;
- В предложениях с такой же структурой, как в первом, допускается использование неэргативных глаголов;
- Первое предложение невозможно преобразовать в пассивную конструкцию.

Таким образом, третий актант в первом предложении (7a) находится вне ситуации, и она на него влияет, во втором же предложении партиципант находится внутри ситуации, но она так же влияет на него, притяжательная связь между объектами наоборот не подчеркивается. Первое предложения, по мысли В. Т. Д. Цая, будет относиться к «высокому» аппликативу. Второе предложение (7b), таким образом, не отвечает требованиям «высокого» и «низкого» аппликатива, следовательно, может принадлежать отдельной категории «средний аппликатив», выделяемой В. Т. Д. Цаем.

Однако, несмотря на существование такой точки зрения, необходимы дальнейшие исследования, доказывающие существование и необходимость выделения такой категории как «средний» аппликатив в типологической перспективе, как в частнолингвистическом ключе на материале китайского языка, так и на материале других языков.

Как показал проведенный нами анализ, значения из области повышающей актантной деривации, в частности аппликатива, в современном китайском языке выражаются преимущественно аналитическим способом, однако отмечается тенденция постепенного превращения соответствующих служебных слов в аффиксальные морфемы.

Литература

1. Храковский В. С. Каузативная деривация (особый случай). В кн.: Храковский В. С. (Ред.) Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 184-192.
2. Pylkkänen L. Introducing arguments. Boston: Massachusetts Institute of Technology, 2002. – 137 p.
3. Колпачкова Е. Н. Аппликативные конструкции в современном китайском языке // Китайская лингвистика и синология. Тезисы докладов международной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С.96-99.
4. Lu Bingfu, Zhang Guohua, Walter Bisang. Valency classes in Mandarin // Valency classes in the world's languages Volume 1, Introducing the framework, and case studies from Africa and Eurasia / Edited by A. Malchukov, B. Comrie. – Berlin, [Germany]; Boston, [Massachusetts] : De Gruyter Mouton, 2015. – P. 709-764.
5. Chao Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1968. – P. 310-709.
6. Paul W. Double Object Construction // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics / Edited by Sybesma R. Leiden: Brill, 2016. – pp. 125-130.
7.Tsai Wei-tien Dylan. High applicatives are not high enough: a cartographic solution. Lingua Sinica. – 2018. – 2. – 21 p. [Электронный ресурс]. URL: https://paperity.org/p/107471508/high-applicatives-are-not-highenough-a-cartographic-solution (дата обращения: 17.12.20)

УДК: 81-2:81-44(575.2) (04)

Гумбатова Р.Р.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Gumbatova R.R.
J. Balasagun KNU, Bishkek
grafiga@mail.ru

Этнокультурная нетривиальность зоонима «лиса» в русском и тюркских языках

Ethnocultural nontriviality of the zoonym «fox» in Russian and Turkic languages

Аннотация: *каждый язык владеет своим собственным способам восприятия и отражения мира и по-своему формирует его языковую картину. Понимание данного своеобразия становится наиболее четким в ходе сравнения с иной концепцией восприятия.*

Abstract:*each language has its own way of perceiving and reflecting the world and forms its linguistic picture in its own way. The understanding of this peculiarity becomes clearer in the course of comparison with a different concept of perception.*

Ключевые слова: *символ; наименование животных; зоонимы; сравнение, образная характеристика; пословицы и поговорки; национальный колорит.*

Keywords: *symbol; lexis; animal name; zoon; comparison; imaginative behavior; proverb end by-word; national coloration.*

Зооморфизмы, как и вся оценочная лексика любого языка, способствуют выражению чувств, реакций, эмоциональной жизни человека в целом, формируя и обозначая ценностную картину мира: оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива (хороший – плохой, красивый – некрасивый и т. п.). Предикативно-характеризующий семантический вариант включает в себя в качестве основы номинативный, к которому добавляется ещё значение (сема) характеристики, что усложняет структуру варианта и вносит в неё качественное изменение.

В то же время лингвистическая специфика этого значения проявляется в том, что содержание характеристики обусловлено не столько качествами реального внелингвистического объекта (в случае зоонима - животного), сколько качествами, которые приписываются этому объекту коллективным языковым сознанием. Язык регистрирует, закрепляет эти качества как свойственные денотату (объекту, как он отражён в языке), что позволяет регулярно использовать название объекта как эталон определённых качеств [6, 27 - 28].

Зоометафора является одним из способов кодирования национально-культурной информации.

В последнее время в науке появился целый ряд работ, авторы которых проявляют повышенный интерес к проблеме языкового кода.

С. И. Ожегов трактует код как систему «условных обозначений, сигналов, передающих информацию».

С. А. Кузнецов соглашается с тем, с что код — это «система условных обозначений или сигналов для передачи (по каналу связи), обработки и хранения различной информации».

По мнению В. В. Красных, код языка и культуры есть сетка, которая «набрасывается» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Рассматриваемые нами определения кода языка дополняют и уточняют друг друга, и такой подход к анализу национально-языковой и культурной коннотации ФЕ с семантикой базовых эмоций человека вполне

мотивирован. Следует отметить, что само существование кодов языка и культуры как феномена является универсальным по своей природе. Однако удельный вес каждого кода в определенной языковой культуре всегда национально детерминирован и обусловливается конкретным языком. Мы рассматриваем те коды языка и культуры, которые соотносятся с архетипическими представлениями, так как именно в них зафиксированы «наивные» представления о мироздании. К главным кодам языка и культуры будем относить соматический (относящийся к телу человека; телесный), биоморфный (связан с живыми существами, населяющими окружающий мир), предметный.

На основе анализа словарных статей толковых и фразеологических словарей русского, азербайджанского, турецкого, кыргызского, казахского языков проведем сопоставительный анализ зооморфа лиса.

Лиса олицетворяет женский образ в животном мире, поскольку в мифологии славян она является воплощением богини урожая – Макоши. В фольклоре лиса фигурирует как хитрая, изворотливая кума и сестрица. Благодаря рыжему окрасу, животное ассоциировалось с огнем. Однако с лисой также связывали болезни и немочи, вызываемые холодом.

Для славянской культуры образы лисы сопровождаются негативной коннотацией, связанной с ее принадлежности к хищникам и хтоническим происхождением.

Анализ материала толковых словарей русского языка с целью выявления лексико-семантических вариантов слова лиса позволил сделать следующие обобщения. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова представлены лексико-семантические варианты, имеющие следующие переносные значения: о лисе: «Традиционный персонаж русского фольклора – обычно хитрый, мстительный обманщик, ловко использующий простодушие и недалекость» [3, т. 1, с. 134], или «лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра; корыстный льстец» [3, т. 1, с. 89].

Лексема лиса, и в переносном значении, и в пословицах содержит одинаковую смысловую доминанту – хитрость.

Лиса все хвостом прикроет. Лиса хвостом замывает. Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком. Лиса и во сне кур считает. Лиса придет, и куры раскудахчутся. Всякая лиса свой хвост хвалит. У лисицы хвост долг, а на свой не сядет. Близ норы лиса на промыслы не ходит. Нанималась лиса на птичий двор, беречь от коршуна, от ястреба. Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела. У лисы Патрикеевны ушки на макушке. Лиса семерых волков проведет. Когда ищешь лису впереди, то она позади. Назначили лису воеводой в лесу: пера много, а птицы нет. [4].

Лиса / Tülkü – один из наиболее ярких и интересных сказочных персонажей, являющийся олицетворением хитрости и лукавства. Наблюдая за повадками этого животного, человек издавна выделил такие черты характера зверя, как хитрость, ловкость, наблюдательность, сообразительность, острый ум и прекрасное чутье. Впоследствии все эти свойства характера были

перенесены на человека. Этот процесс метафоризации значения слова фиксируется толковыми словарями. В различных художественных источниках (пословицах, фразеологизмах и пр.) образ лисы имеет значение хитрости, лести, изворотливости и осмотрительности.

В азербайджанском языке tülkü наряду с указанными смыслами присутствует значение «трус», например: «tülkü olma!» - досл. «не будь лисой!», т.е. трусом.

Лексема tilki в турецком (равно как и в русском) языке имеет переносное значение «очень хитрый», «хитрец» [7, с. 16].

Данный зооним представлен в пословицах следующим образом: Tilki tilkinliği anlatıncaya kadar post elden gider (Пока лис рассказывает о своей хитрости, шкура исчезает). Tilkin yüz masalı varmış doksan dokuzu tavuk ьstьne (Было у лисы сто сказок, девяносто девять из них о курице) [8, с. 23].

Приведенные примеры показывают, что в азербайджанских и турецких пословицах образ лисы символизирует такие качества как хитрость и коварство.

В казахском языке в пословице: Түлкі Құран оқығанда, тауығыңды тық - Когда лиса читает проповеди, береги своих гусей, говориться об осторожности.

В кыргызском языке: Түлкү - олицетворяет хитрость, обман. Түлкүдөй куу – хитрая, как лиса. Түлкү тиштемей (укус лисы). Любым путем обмануть, направить на неверный путь.

Но в кыргызском языке, наряду с традиционным взглядом на лису, есть и индивидуальный. Так, идиома түлкүсү түштө улуу (лисий вой в обед). Ее используют тогда, когда у человека дела идут в гору, и ему открыты все дороги. Такого восприятия лисы не отражено больше ни в одном тюркском языке.

В целом можно отметить, что данный зооним, имеет наименьшее расхождение между переносным значением и характеристиками в пословицах, как и в русской, так и в тюркской культурах.

Данный зооним в языках сопоставляемых народов воспринимается одинаково. Лиса - это хитрый, очень наглый зверь, который не столь страшен для человека, однако людям приходится испытывать от лисы немало проблем, особенно, если люди живут в селе и имеют домашнюю птицу. Именно поэтому зооним «лиса» языках имеет одинаковую семантику.

Таким образом, рассмотрев особенности интерпретации зоонима лиса – в азербайджанской, турецкой, казахской, кыргызской и русской фразеологии, мы установили соотношение переносных значений данной лексемы лиса, зафиксированных толковыми словарями всех языков, со значениями, проявляющимися в пословицах и поговорках. Сравнивая образ лисы в пословичном изречении и переносное значение данного зоонима, обозначающего это же животное, мы пришли к выводу, что переносное значение не всегда является источником коннотации. Коннотации образов животных в пословицах и поговорках шире и разнообразнее по сравнению с переносными значениями имен существительных, называющих данные образы, хотя во многом они совпадают (иногда даже на 100%).

Как показали результаты исследования, зооним лиса в русском и тюркских пословицах имеет и некоторые расхождения. Такие расхождения неизбежны, поскольку фразеологизмы и паремии с зоонимами являются отражением ментальных черт нации. По ним мы можем проследить дифференциацию языковых культур.

Главным фактором, определяющим схожесть зоонима в пословицах и поговорках столь разных языков, на наш взгляд, является идентичность морально-нравственных качеств личности.

Сопоставление лексемы лиса в пословицах и поговорках разных языков позволяет не только проследить определенную систему проявления переносных значений, но и выявить некоторые особенности культуры народа-носителя языка.

Литература

1. Liliya Ermakova, Sevinç Üçgül. Kısa Rusça-Türkçe Deyimler Sözlüğü. İstanbul, 1998.
2. Ömer Asım Aksoy. Türkçe Deyimler Sözlüğü. İstanbul,1998.
3. В. И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка:в4-х т.М.:Русский язык, 1999.Т. 2. 2726с.
4. В. И. Даль Пословицы русского народа. — М.: Художественная литература1989
5. Ж.Ш. Шүкүров Кыргыз тилиндеги фразеологиялык айкалыштар жөнүндө.
6. И. Н. Исабеков Фразеология и проблемы их перевода: Автореф. дис. … канд. филол. наук – Бишкек, 2004.
7. И.Е. Тимошенко Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев: Типография П. Барского, 1897. 200 с.
8. О. Ю. Мансурова Турецко-русский словарь пословиц: 1111изречений,используемых в повседневном общении.М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 94 с.
9. Ф А. Литвин Многозначность слова в языке и речи. – М., 1984. – 180 с
10.Ф. Э. Абдуллаева Сопоставительное исследование проявления вторичной номинации в бионимах (на материале русского и азербайджанского языков) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.;
11.Ф.К. Исенова Мотивация зоонимов в русском и казахском языках как способ представления национальной языковой картины мира. Казахстан, г. Караганда, 2005
12.Ю.Г. Юсифов Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов). Баку, 1985.

УДК:8111.161.1.06

Доолоталиева Г.С.
БГУ имени К. Карасаева, г. Бишкек
Doolotalieva G.S.
K. Karasaev BSU, Bishkek

doolotalieva1971@mail.ru

Кыргызские объявления-наклейки в городском транспорте
Features of label ads in Kyrgyz in urban transport

Аннотация: *в статье предпринята попытка проанализировать особенности содержания объявлений (реплик-наклеек) на кыргызском языке в маршрутных такси и личном транспорте как средства коммуникации в городском пространстве. Исследуются различные типы отношений водителя маршрутного такси/владельца автомобиля с пассажирами/другими участниками дорожного движения.*

Abstract: *in the article, an attempt was made to analyze the features of the content of ads (replica labels) in Kyrgyz in fixed-route taxis and personal transport as a means of communication in urban space. Various types of relations between the minibus driver/car owner and passengers/other road users are being investigated.*

Ключевые слова: *объявление-наклейка; коммуникационная ситуация; городской транспорт; общественный и личный транспорт; маршрутные такси; пословицы и поговорки*

Keywords: *advertising-sticker; communication situation; urban transport; public and personal transport;fixed-route taxis;proverbs and sayings*

Объектом лингвистического интереса статьи стали образцы фольклора на кыргызском языке в общественном и личном автотранспорте г.Бишкек.

Так, общественный транспорт в советском Фрунзе был представлен автобусами и троллейбусами, а также маршрутными такси, или маршрутками (более комфортной и быстрой альтернативой общественному пассажирскому транспорту). Коммуникация между водителями и пассажирами ограничивалась казенными фразами только на русском языке типа: «*Совесть пассажира – лучший контролер!», «При аварии выдавить стекло»* или *«Аптечка находится у водителя».*

В 90-е годы, после распада СССР и приватизации городского транспорта, маршрутки стали основным видом транспорта Бишкека. На маршрутные линии ежедневно выходит около 140 автобусов, 130 троллейбусов и около 2000 микроавтобусов, что составляет 80% от всей транспортной работы общественного транспорта Бишкека [1].

Массовое распространение маршруток создало между водителем и пассажиром новые отношения, которые не знал ранее традиционный общественный транспорт советских времен. Это привело к появлению нового жанра: печатных объявлений в салоне микроавтобусов. Это небольшие тексты, выполненные, как правило, на компьютере, в формате А4, или тиражируемая печатная продукция, иногда в виде наклеек-шаблонов (цитат, речевых клише, идиом, слоганов нерекламного характера) или обычных листов бумаги. Чаще

всего их устанавливают на входных дверях, люке, багажнике, капоте, заднем и боковых стеклах, крыльях и т.д.

Что же такое объявление-наклейка? Это разного рода нестандартные обращения водителя к пассажиру или другим участникам дорожного движения, не предполагающие ответных реплик. Исследователь Никишина Е.И. полагает, что наклейки вполне можно считать совершенно самостоятельной процветающей формой дорожного фольклора, характеризующейся анонимностью, лаконичностью, лингвоспецифичностью [2; 95].

Коммуникативные намерения автовладельцев, часто провокационного характера, сводятся к следующему: информировать других водителей о своей рискованной манере вождения; побудить их быть особенно внимательными к таким автомобилистам, остерегаться их, уступая дорогу и держась на расстоянии от их автомобилей; в косвенной форме продемонстрировать своё превосходство над неопытными либо осторожными, корректными, «законопослушными» водителями [3; 64].

Кроме этого, водителями может демонстрироваться социальный статус, половая принадлежность, престижность или имитация дизайна под спорткары и известные автоконцерны, габаритность.

Наблюдения показали, что вышеперечисленные русскоязычные коммуникационные ситуации чаще всего обыгрываются в сочетании с вербальным рядом, тогда как на кыргызском языке таких ситуаций и их количество значительно меньше.

Нами были выделены следующие ситуации, регламентирующие:

- двери и соблюдение порядка

В связи с тем, что автопарк маршруток не нов, пассажиру нужно приложить немало сил, чтобы закрыть дверь. Свое возмущение водитель выражает следующей надписью: *Эшикти акырын жап! (*Двери закрывать осторожно*).* Регламентирующая надпись *Тазалыкты сактагыла! (*Соблюдайте чистоту! Не сорить!) призывает к соблюдению чистоты и порядка в салоне.

- обращения в адрес водителей, участников дорожного движения: пассажиров и пешеходов: *Жинденбечи, чырагым, азыр токтотом!* (Не сердись, солнышко, сейчас остановлю!), *Эрчибе!* (Не ходи за мной!).

- остановки по требованию пассажиров

Водитель может надсмехаться над безграмотностью пассажиров, не владеющих литературным языком: *Бияк, тияк токтотмой жок* (Водитель «где-то там» и «где-то здесь» не останавливается).

- **компетенция в управлении** личным транспортным средством *Мээни чакпа* (аналог русской наклейки «Не би-би мозги!»*).*

- **отношение водителя к другим участникам** дорожного движения

Знаменитая фраза «*Чык эшикке*!» (Выйди на улицу!), сказанная одним из премьер-министров республики, стала мэмом и поводом для пародий. Не остались в стороне от этого мэма и владельцы автотранспорта. Так, наклейка на одной из частей автомобиля указывает, что с другими участниками дорожного движения водитель общаться не хочет либо возмущен действиями участников дорожного движения.

Водитель, не соблюдающий правила дорожного движения, заранее предупреждает об этом участников дорожного движения, чтобы они не возмущались его действиями на дороге: «*Узбакойся: самое главное ден-соолук!»* (Успокойся! Главное – здоровье!). Кроме этого, данная реплика-наклейка имеет еще одну интерпретацию, а именно на случай, когда назревает ситуация острого конфликта и ее нужно немедленно разрядить, с целью избежать в будущем негативных последствий.

- состояние машины

Часто владельцы автомобилей пытаются намекнуть на состояние своей машины наклейкой: «*Зынк!*», что выражает высшую степень технических характеристик или престижности марки автомобиля. Подобное слово нередко можно наблюдать в объявлениях по продаже авто: «*машина в идеальном состоянии, ходовка зынк*!».

Помимо этого, наклейки могут воплощать

- жанр поздравления с праздником в адрес обобщенного неперсонифицированного образа бишкекчанина: *Жаны жылыныздар менен!* (С Новым годом!) *Нооруз менен!* (С Ноорузом*), Айт маарек болсун* (С праздником Курман-айт) и др.;

- различные пожелания: *Ак жол! Жолунар шыдыр болсун!* (Счастливого пути!);

- признания в любви, своего рода «мысли вслух»: *Менин Таласым!* (Мой Талас!), *Бишкек менин жүрөгүмдө* (Бишкек в моем сердце навсегда)и т.д.

Последний пример позволяет сделать вывод, что в культуре объявлений маршрутных такси зафиксирован региональный аспект – еще одна важнейшая составляющая фольклорной культуры.

Кроме того, в Бишкеке у водителей, если пассажир не оплачивает проезд, можно наблюдать следующие ярко выраженные локальные объявления: *Төлөбөсөн – Таласга кет* (Не заплатил, езжай в Талас), которое создано по аналогии с выражением *Таарыңсаң – Таласга кет* (Если обиделся, вали/езжай в Талас – На обиженных воду возят).

Как показала сплошная выборка, в городском общественном транспорте практически не зафиксировано объявлений-наклеек. Данный факт можно объяснить одним обстоятельством: автобусы, в особенности троллейбусы, являются государственной собственностью, тогда как линии маршрутных такси принадлежат частным лицам, следовательно, ограничений для самовыражения и строгой цензуры нет.

Если русскоязычные нестандартные объявления представляют собой различного характера обращения водителя к пассажирам или другим участникам дорожного движения в форме цитат, речевых клише, идиом, слоганов нерекламного характера, то кыргызские наклейки-объявления в основном отражают паремический фонд кыргызского языка, а именно: пословицы и поговорки в своем прямом значении, которые в большей части являются художественно-образным отражением опыта народа, его здравого смысла [4; 58].

По всем правилам кыргызских обычаев водитель-кыргыз маршрутки рад своим нежданным «гостям-пассажирам» салона: он уважителен к старшим и пожилым, предупредителен, готов оказать любую услугу, он настоящий джигит и сын своего народа. Ведь сутью почти всех кыргызских обычаев было проявление (причем бескорыстно) ко всем людям уважения и почтения, доверия и искренности, готовности сделать любую посильную услугу.

Водитель с оптимизмом смотрит как в будущее, так и на дорогу: *Жамандыкты амандык жеңет* (Все плохое побеждается жизнью), т.е. жизнь всесильна и может одолеть беду, т.е. если человек жив и здоров, то он сможет справиться с любой бедой, которая может случиться с водителем или с пассажирами в дороге. Кыргызский водитель считает, что жизнь прекрасна своим продолжением.

Для кыргызского водителя работа шофером маршрутки является источником тяжелого, но все же постоянного источника дохода, а вот инспекторы Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД КыргызскойРеспублики, т.н. «менты» или «гаишники» на всем протяжении трудового водительского пути представляются ему как враги. В объявлении *Жоонун түбү эл болор, тоонун түбү бел болор* (букв.: Враг в конечном счёте станет другом, гора, оседая, в конце концов перевалом станет) заложена вера, что все когда-нибудь изменится к лучшему.

Общеизвестно, что маршрутка – один из наиболее опасных видов городского транспорта. Об этом свидетельствует многочисленные известия о ДТП с участием маршрутных такси в сводках новостей, а также статистические данные. Именно на снижение смертности и количества ДТП на дорогах Кыргызской Республики направлен проект «Безопасный город», реализуемый в стране с 12 февраля 2019 года.

Именно человеческий фактор во многом играет роль при превращении маршрутки в «капсулу смерти». Отсутствие регулирования количества микроавтобусов на маршруте, повышенная конкуренция внутри профессиональной группы, ожесточенная борьба за пассажиров на промежуточных остановках, а также специфическая система оплаты труда, согласно которой основной заработок начинается только после выполнения установленного плана по аренде, приводят к тому, что водители маршрутных такси начинают реализовывать модель поведения гонщика со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ответственность за пассажиров, соблюдение правил дорожного движения, а также желание преодолеть сложившийся в общественном сознании относительно водителей «маршруток» стереотип, возможно, привели к появлению такой реплики, как: *Унутпа, сен арендадасын!* (Не забывай: ты на аренде!)

Анализ показывает, что чаще всего водитель хочет продемонстрировать свои личные качества. Так, например, кыргызские водители иронизируют, что очень боятся людской кары, это отразилось в следующей реплике-наклейке: *Эл каргаса, жерге батпайт*(Кого народ проклянет, тот на земле места не найдет.), т.е. пассажиры салона, возмущенные быстрой ездой или неправильным

расчетом, могли его проклясть, и для такого плохого водителя, как он, места на земле уже не найдётся.

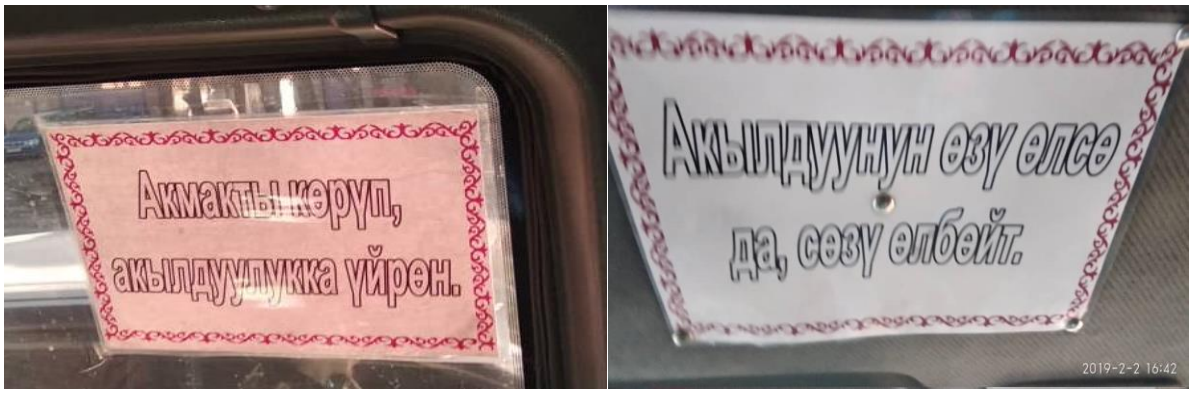
Напротив, лучшее, по мнению водителя, это благословение, когда высказывалось пожелание быть с пассажирами салона, быть вместе: *Суу менен жер көгөрөт, эл менен эр көгөрөт*. (От воды земля цветет, джигит (т.е. водитель) славен вместе с народом(иначе с пассажирами).

Назидательная философская установка на добро и душевную щедрость как пассажирского контингента, так и водителя дается в таких наклейках, как: *Жамандыкты унуткан жакшы, жакшылыкты унуткан жаман* (Хорошо, когда забывается зло, плохо, когда забывается добро). *Өзгөнгө өлүм тилегиче, өзүнө өмүр тиле* (Чем кому-то желать смерти, лучше пожелай жизни себе). На всем маршрутном пути всеми участниками дорожного движения будут поощряться такие качества, как благородство и добрые дела во имя других: *Элге кылган жакшылык жерде калбайт* (Добро, сделанное для людей, не пропадет в земле).

Звания настоящего джигита у кыргызов удостаивался не каждый мужчина. Эту роль пытаются примерить на себя кыргызы-водители маршрутных такси: *Эл үмүтүн эр актаар, эр атагын эл сактаар.* – Надежды народа оправдает джигит, славу джигита сохранит народ. *Элин сагынбас эр болбойт, үйрүн сагынбас ат болбос.* – Нет джигита, не тоскующего по своему народу, нет коня, не тоскующего по своему табуну).

Как и в русских репликах-наклейках, в кыргызских также наблюдается изобразительный ряд с графикой (рис.1), например:

Рисунок 1. Примеры объявлений-наклеек а маршрутных такси на кыргызском языке

Владелец маршрутного автотранспорта пытается намекнуть на такие важные жизненные установки для кыргыза-пассажира, как скромность, доступность и др.: *Улук болсоң, кичик бол* (Чем ты выше, тем скромнее будь); *Кичинеге чоңсунба, асмандагы айга кол сунба* (Не возвышай себя перед маленьким (слабым), не пытайся дотянуться до луны в небе). *Кичинеге чоңсунба, салба күчүң* (не возвышай себя перед маленьким, не применяй силу). Эти сентенции призывают пассажиров салона быть доступнее и демократичнее с людьми, которые старше по возрасту, ниже по социальному статусу и зависимости от пола: У*лук болсоң – кичик бол, бийик болсоң – жапыс бол* (Чем велик, тем проще будь, чем выше — тем ниже будь).

Для водителя важно сохранять достоинство во взаимоотношениях с другими пассажирами: *Жаманга жалынба, жакшыга таарынба* (Не стоит умолять никчемного, не стоит держать обиду на хорошего). Не забывать о достоинстве при любых обстоятельствах пребывания в салоне призывает объявление-наклейка: *Азды жок дебе, барды көп дебе* (Если мало, не говори «у меня нет», если имеешь, не говори «много»).

Контингент пассажиров маршруток разнообразен: школьники, студенты, молодежь, люди среднего и пожилого возраста. Почтительное отношение к пожилым и старым людям у кыргызов исстари являлось неписаным законом и это отразилось на фиксации таких пословиц и поговорок в салонах маршрутных такси города, как: *Карынын кебин капка сал* — (букв.: собирай и складывай в торбу советы старца), т.е. прислушивайся к словам старого человека, постигай уроки его мудрости. *Карысы бардын — ырысы бар* (У кого есть в семье старец — у того есть счастье) и др.

Водитель-кыргыз, желая указать на лаконичность пассажира при обращении с каким-либо вопросом или выражая надежду на ум и образованность находящегося в салоне пассажира, презентует следующие объявления: *Акылдуунун алды менен жүр, акмактын арты менен жүр* — ходи впереди умного, ходи сзади дурака (умный, заметив у тебя недостаток, скажет тебе, а дурак, переусердствовав, может ударить); *Акылдуунун сөзү кыска, айта салса — нуска* (Речь умного коротка, а скажет — образец для других, от арабского слова *нуска* — образец; пример, достойный подражания).

Объявления с ярко выраженной национальной ментальностью в виде кыргызских пословиц и поговорок, несомненно, могут вызвать определенные трудности понимания для русскоязычного пассажира. Это связано с тем, что пословицы и поговорки имеют шифрованный смысл, часто условный: на вербальном уровне – одно, в семантике – другое. При дословном переводе пословичные конструкции теряют смысл, их пословная передача не сохраняет и не передаёт всей самобытности лингвокультурной традиции кыргызского языка.

Смысл и выразительность кыргызской пословицы расширяется за счет средств словосочетаемости, на психолингвистической основе, в результате сближения понятий, отражающих образ жизни народа, национальное миросозерцание. Точный же вербальный перевод иногда направляет восприятие в совершенно иные ассоциативные миры.

Исследование паремий в объявлениях-наклейках салонов маршрутных такси позволило вывести нравственный идеал пассажира-кыргыза: душевная щедрость, справедливость, толерантность, бесстрашие, вес в обществе, ум, проницательность, мастерство и умение – вот основные добродетели кыргыза.

Следует отметить, что в последние пять лет популярность таких объявлений как на русском, так и на кыргызском языке падает. Однако анализ повседневной городской речи дает возможность фиксировать динамику языкового существования бишкекчан, заметить «старое» и «новое» в жизни города.

Таким образом, рост количества городского транспорта, начиная с 1990-х годов, обусловил особую форму речевой коммуникации водителя с пассажирами. Отличительной особенностью наклеек-объявлений на кыргызском языке является их лаконичность, наличие как вербальных, так и невербальных средств, назидательный характер, гуманистическая направленность.

Главная цель объявлений-наклеек – проявление водителями своей индивидуальности, оригинальности, эмоционального состояния, региональной принадлежности, демонстрации своего отношения к машине, пассажирам и пешеходам, позиционирование статуса, личных или водительских качеств.

Литература

1. Дербишева А. Важность остановок общественного транспорта на периферии Бишкека (на примере новостройки «Эне Сай») / А.Дербишева. – Бишкек, 2019. Код доступа: https://soros.kg/srs/wp-content/uploads/2020/01.pdf
2. Никишина Е. А. Наклейки на автомобилях как малый жанр в системе речевого взаимодействия на дороге / Е.А.Никишина //Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № XIII. -С. 89-96.
3. Власова Л.А., Костенюкова, А.В. Текст автомобильной наклейки как средство коммуникации в пространстве города / Л.А. Власова, А.В. Костенюкова // Коммуникативные стратегии: материалы 10-й Междунар. науч. конф., Минск, 21-22 нояб. 2019 г. – Минск : МГЛУ, 2019. – С. 59-65.
4. Айтбаев А.А., Апсаматова, Э.Д. Менталитет кыргызского народа / А.А. Айтбаев, Э.Д. Апсаматова. – Бишкек, 2013.

УДК: 811.161

Ережепова С.К.
ВКТУ имени Д. Серикбаева, Казахстан, г. Усть-Каменогорск
S. Yerezhepova
D. Serikbayev EKTU, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
Sk.Erezhepova@mail.ru

Прагматический аспект текстов постановлений в русском и казахском языках
Pragmatic aspect of the texts of the resolutions in the Russian and Kazakh languages

Аннотация: *в статье рассматривается жанр постановлений официально-делового стиля в русском и казахском языках. Как показало исследование при подготовке текстов постановлений надо учитывать прагматическую функцию, ведь именно прагматика обеспечивает характер выбора языковых средств с учётом мотива и целевой установки адресанта, а*

также правильное понимание высказывания и оценку использования языка адресатом.

Abstract: *The article considers the genre of official and business style regulations in the Russian and Kazakh languages. As the study showed, when preparing the texts of regulations, it is necessary to take into account the pragmatic function, because it is pragmatics that ensures the nature of the choice of language means, taking into account the motive and target setting of the addressee, as well as the correct understanding of the statement and the assessment of the language use the by the addressee.*

Ключевые слова: *номинации; прагматический аспект; постановления; коммуникативная ситуация; языковые средства.*

Keywords: *nominations; pragmatic aspect; resolutions; communicative situation; language tools.*

Как известно, труды гениального русского лингвиста-тюрколога Е.В. Поливанова внесли огромный вклад не только в русское языкознание, но и в казахское. Ученый был основоположником многих направлений. Л.П. Крысин отмечает, что «прикладные начала в языковедении для Е. Д. Поливанова являлись необходимым поступком к лингвистической теории. Поэтому разрешение важных теоретических задач у него всегда имело выход в практику - лингвопедагогику, методику обучения языку и сопоставительную грамматику» [1].

И сегодня одним из актуальных вопросов остается вопрос сопоставления, сравнения русского языка с казахским. Предметом нашего рассмотрения является прагматический аспект жанра постановлений официально-делового стиля.

Остановимся, прежде всего на лексических единицах, выступающих опорными, ключевыми номинациями в структуре текста. В жанре постановлений в их роли выступают термин и номенклатурное наименование.

Согласно Т.В. Матвеевой, «основная номинационная цепочка содержит имя темы целого текста, позволяет отличить главную информацию от второстепенной» [2, с.21]. На наш взгляд, номинативная цепочка представляет номинативный ряд, доминанта которого служит идентификатором по отношению ко всем остальным в цепочке, поскольку наиболее точно, полно и непосредственно обозначает предмет речи.

В текстах постановлений номинации представляют собой развернутые атрибутивно-именные словосочетания, например, об утверждении Правил разработки программ – Бағдарламаларды әзірлеудің ережесін бекіту туралы; о внесении изменений - өзгерістер енгізу туралы; об отдельных вопросах – кейбір мәселелері туралы; об утверждении Положения – ережені бекіту туралы. Если такие номинации встречаются в начале текста, то далее происходит приём свёртывания номинации. Например, в постановлении (САПП РК (Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан), 2020, №42, с. 102 – 111, с. 46 - 54) за №1552 уже в начале текста осуществлён переход от максимально полной номинации – *Комитет по*

стандартизации, метрологии и сертификации / Стандарттау, метрология и сертификаттау жөніндегі комитет - к номинации *комитет***.** Далее эта номинация многократно повторяется, что подчеркивает единообразие текстов официально-делового стиля (ОДС): *Комитет по стандартизации, метрологии и сертификации – Стандарттау, метрология және сертификаттау жөніндегі комитеті; Комитет осуществляет – Комитет жүзеге асырады; Комитет является – Комитет …болып табылады; Комитет по вопросам – Комитет … мәселелер бойынша и т.д.*

Прагматический аспект текстов постановления полностью исключает использование разговорных, просторечных, диалектных слов.

Как показал анализ языка постановлений, для них характерно широкое использование номинативных лексических единиц, обозначающих специфические объекты данной коммуникативной сферы. Например: *учреждение Почетного диплома – Құрмет дипломын тағайындау; утверждение правил – ережені бекіту; внесение изменений - өзгерістер енгізу; одобрение Концепции – Тұжырымдаманы мақұлдау и т.д*.

Использование в тексте подобных специфических лексических единиц позволяет достоверно прогнозировать коммуникативную ситуацию, в которой может быть использован данный текст. Так, наличие следующих слов позволяет абсолютно точно сказать, что текст связан с финансовой деятельностью: *региональная инвестиционная программа – аймақтық инвестициялық бағдарлама; экономическая оценка – экономикалық бағалау; путем кредитования – несиелендіру жолымен; республиканский бюджет – республикалық бюджет; размер кредитования – несиелендіру мөлшері и т.д.*[3].

В выборе этих лексических единиц учитывался мотив и целевая установка адресанта, а также правильная интерпретация высказывания адресатом. При коммуникативном акте участники осуществляют выбор языковых средств без затруднений, потому что в действительности альтернативы нет, так как в данной ситуации и при определённой интенции говорящего смысл высказывания однозначен для всех участников общения [4].

На синтаксическом уровне прагматическая установка в текстах постановлений выражена словосочетанием: глагол + дополнение, например,

…постановляю / қаулы етемін:

1. Утвердить… Государственную программу… / … мемлекеттік бағдарламасы бекітілсін.

2. Разработать и утвердить План мероприятий … / … Іс-шаралар жоспарын бір айлық мерзімде әзірлесін және бекітсін.

3. … представлять доклад… / … баяндама ұсынсын [5].

Данные словосочетания имеют значение предписания. Обращение именно к таким языковым средствам позволяет регулировать поведение людей, воздействовать на их сознание и волю. Это объясняется ещё и тем, что тексты постановлений идут из высшей в низшую организацию. Это можно представить в виде следующей схемы: адресант текста (в нашем случае Президент, Правительство Республики Казахстан) – текст – адресат (физические и

юридические лица). Исходя из этого появляется директивная информация, которая выражает волю коллектива, общества, носит государственно-властный информацию и одним из средств ее воплощения служат вышеприведенные примеры.

На наш взгляд, такие слова, словосочетания можно назвать прагмемами (термин Л.А. Киселевой [6]), «обладающие прагматической заданностью: они предназначены для регуляции человеческого поведения» [6]. Прагмемы в текстах постановлений информируя, регулируют поведение адресата, и «в их семантике содержится прагматическая сема» [6]. Воздействующий эффект прагмем эксплицитно планируем.

Неравные социальные статусы коммуникантов и связанный с этим уровень межличностных отношений предопределяют их речевое поведение. Адресант выступает в роли «власть имущего», это придаёт адресату статус объекта воздействия.

В результате анализа текстов постановлений были выявлены языковые средства, при помощи которых осуществляется воздействие на адресата. Прежде всего, это глаголы - инфинитивы, так называемые перформативные глаголы, общая сема которых – ‘подчиняться, выполнять’.

Употребление инфинитива в текстах постановлений подчёркивает их императивный характер. Инфинитив выступает как средство воздействия на адресата для контроля над его поведением и внутренними установками, принуждения к определённым действиям или решениям.

Например: *В соответствии с Законом Республики Казахстан «Об охране, воспроизводстве и использовании животного мира» Правительство Республики Казахстан постановляет /қаулы етеді:1. Утвердить лимиты… /… лимиттері бекітілсін.2. … обеспечить … / …қамтамасыз етсін [7]*.

В примере конечная цель (принуждение партнёра) не завуалирована, а эксплицируется при помощи инфинитивов. Адресат рассматривается как объект воздействия и выступает пассивной, «страдательной» стороной.

Следует отметить, что в приведённом примере глагол ‘постановляет – қаулы етеді’ обозначает каузирующее действие, а инфинитивы – ‘утвердить / бекітілсін’, ‘обеспечить / қамтамасыз етсін’ – каузируемое действие (желаемый эффект воздействия).

Лингвопрагматическими факторами можно объяснить высокую частотность инфинитивов в текстах постановлений.

Одним из центральных моментов речевого акта, «механизма использования языка для достижения разнообразных целей, возникающих в ходе социального взаимодействия людей» [8], является иллокуция, иллокутивный акт – «речевое действие фразы, ориентированное на слушателя» [9]. В своей работе мы опираемся на определение иллокутивного акта, которое дал О.Г. Почепцов, «действие, совершаемое человеком в процессе речи и посредством речи» [9]. В постановлениях иллокутивный акт описывается посредством глагола *постановляю / қаулы етемін - постановляет / қаулы етеді* и цепи инфинитивов.

Например, В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 13 октября 1999 года №235 «О мерах по совершенствованию структуры органов Республики Казахстан и уточнению их компетенции» *Правительство Республики Казахстан постановляет:1) Внести …. 2) Определить ….*

Қазақстан Республикасы Президентінің «Қазақстан Республикасы мемлекеттік органдарының құрылымын жетілдіру және олардың құзыретін нақтылау жөніндегі шаралар туралы» 1999 жылғы 13 қазандағы №235 Жарлығына сәйкес Қазақстан Республикасының Үкіметі қаулы етеді:1. … енгізілсін. 2. … белгіленсін[10].

Как видно из примера глагол ‘постановляет / қаулы етеді’ обозначает воздействие (каузирующее действие), а инфинитивы – ‘внести / енгізілсін’, ‘определить / белгіленсін’ – желаемый эффект воздействия (каузируемое действие). Каузируемое действие в казахском языке передано в повелительном наклонении третьего лица, при этом глагол употреблён в страдательном залоге (ырықсыз етіс).

В текстах постановлений глаголы ‘постановляю / қаулы етемін - постановляет / қаулы етеді’ можно назвать иллокутивными глаголами. «Языковые единицы, отражающие категорию иллокуций, можно назвать иллокутивными, а единицы, отражающие категорию перлокуции – перлокутивными. В зависимости от морфологической природы иллокутивной / перлокутивной единицы можно выделить иллокутивные / перлокутивные существительные, прилагательные, глаголы и т.д.» [9]. Глаголы ‘постановляю / қаулы етемін - постановляет / қаулы етеді’ имеет две семы: иллокутивную сему – приказа и локутивную сему. Эти глаголы несут прагматическую информацию эксплицитно. При этом глагол ‘постановляю / қаулы етемін’ является индикатором иллокутивной силы, так как имеет форму первого лица, настоящего времени, действительного залога и объектом обозначаемого им акта является адресат. Глагол ‘постановляет / қаулы етеді’ выполняет функцию индикатора иллокутивной силы, хотя и не имеет формы первого лица. Таким образом, можно утверждать, что в иллокутивных глаголах заложена прагматическая информация.

Следует иметь в виду, что постановления часто сопровождаются (или к ним прилагаются) положениями, всевозможными структурами (например, структура Министерства), перечнями, правилами и другими текстами. В своей работе некоторые примеры мы берём из указанного материала.

В целом, в постановлениях на казахском языке глагол чаще представлен формами повелительного наклонения, инфинитивом. А на русскм языке в подрбных случаях глагол выражен изъявительным наклонением или формой инфинитива*: постановляю – қаулы етемін, внести – енгізілсін, назначить – тағайындау, принять – қабылдау, организовать – ұйымдастыру* и т.д. Они указывают на безукоснительное выполнение и связывают прагматические и фактические компоненты текста. При использовании повелительного наклонения реализуется непосредственное прямое воздействие на адресата. Это мотивировано актуализацией воздействующей интенции адресанта.

Как было отмечено Г.Г. Матвеевой, «выбор и использование всех языковых единиц характеризуется прагматической заданностью на управление» [11]. Не являются исключением и отглагольные существительные, например: *совершенствование правоохранительной деятельности – құқық қорғау қызметін жетілдіру, о внесении дополнений – толықтыру енгізу туралы, проведение торговой ярмарки – сауда жәрмеңкесін өткізу, утверждение Плана мероприятий – Іс-шаралар жоспарын бекіту, создание государственного учреждения – мемлекеттік мекемесін құру, реорганизация Высшей аттестационной комиссии – Жоғары аттестациялық комиссиясын қайта ұйымдастыру, ликвидация предприятия – кәсіпорынды тарату* [10] и т.д. Функционирование языковых средств Н.А. Слюсарева объясняет следующим образом: «Активность субъекта выражается в том, что он отбирает из арсенала средств языка те, которые в наибольшей степени соответствуют его коммуникативному намерению» [12]. Если использование отглагольных существительных в текстах постановлений мотивировать с точки зрения социального статуса человека, то следует рассматривать их в сочетании с глаголом ‘постановляю / қаулы етемін, постановляет / қаулы етеді’. При этом необходимо отметить, что статусные отношения носят нисходящий вектор. Это выводится из конкретной семантики глагола ‘постановлять’, компонентом значения которого является статусный признак. Субъектом глагола ‘постановлять’ может быть только вышестоящее лицо, которое в качестве «ссылки» использует отглагольные существительные в определённой степени, дающие объяснение созданию того или иного документа.

Например: *В целях регламентации деятельности по формированию и использованию Национального фонда Республики Казахстан постановляю: …. Қазақстан Республикасының Ұлттық қорын қалыптастыру және пайдалану жөніндегі қызметті регламенттеу мақсатында қаулы етемін: …*[13].

В данном примере глаголу *постановляю / қаулы етемін* предшествует объяснение факта создания постановления (для какой цели? почему?), обязательным, уточняющим, прагматическим элементом которого является отглагольное существительное ‘формирование’, ‘использование’. Как уже отмечалось, в текстах постановлений отглагольные существительные называют не конкретное действие, а общее представление о нём.

Присутствие прагматического момента на лексико-грамматическом уровне объясняется тем, «что адресант, реализуя в речи свою коммуникативную задачу, отбирает определённые средства языка, определяя тем самым к ним своё отношение (а значит и их отношение к себе) и выстраивает и организует их так, чтобы они сделали возможным адекватное декодирование данного высказывания, осуществляя таким образом отношение знаков языка к адресату» [2 с.106].

Таким образом, действенность текстов постановлений зависит от прагматически ориентированного, целенаправленного отбора языковых средств.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что тексты постановлений представляют замкнутую языковую систему средств, направленную на

реализацию информативной, прагматической, воздействующей, директивной функций. Специфика стиля обусловливается назначением текстов постановлений, функционирующих в обществе в качестве деловых документов.

В свете сказанного выше, мы полагаем, что при подготовке текстов постановлений надо учитывать прагматическую функцию, ведь именно прагматика обеспечивает характер выбора языковых средств с учётом мотива и целевой установки адресанта, а также правильное понимание высказывания и оценку использования языка адресатом. Общение в данной сфере можно представить, как систему прагматически обусловленных зависимостей: коммуникативный акт – единицы коммуникации – компоненты единицы коммуникации.

Литература

1. Крысин Л.П. Поливанов-социолог языка (К 90-летию со дня рождения) //Русский язык в школе. 1981. №2. С.98-103.
2. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Дис. д-р филол. наук. - Уральский гос. ун-т, 1991. – 450 с.
3. Правительство Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Республики Казахстан от 3 сентября 1999 года №1304. Постановление №76 от 17.02.2001г. // САПП. - Астана, 2001. - №7. - С. 119.
4. Правительство Республики Казахстан. О плане мероприятий по реализации Государственной программы борьбы с коррупцией на 2001-2005 годы. Постановление №148 от 05.08.2001г. // САПП. - Астана, 2001. - №14. - С. 143.
5. Правительство Республики Казахстан. Об утверждении объема использования государственных ресурсов семенного зерна. Постановление №146 от 05.08.2001г. // САПП. - Астана, 2001. - №14. - С. 143.
6. Некоторые особенности деловых бумаг и документов // Справочник-практикум. Культура устной и письменной речи делового человека. - М.: Флинта, Наука, 1998. – 315 с.
7. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. - М.: Высшая школа, 1973. - С. 272.
8. Загоскин Н. Уставные грамоты XIV-XVI вв., выпуск 2. - Казань, 1876. - С. 1.
9. Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в., Ч. 1 и 2, Т. 2., вып. 3 // Сб. ОРЯС Императорской АН. - СПб., 1903.
10. Шулежкова С.Г. Жанрово-стилистическая характеристика официально-деловых документов южно-уральских крепостей XVIII в. // Вопросы СРЛЯ., вып. 2. - Челябинск, 1967. - С. 129-130.
11. Романенко А.А. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: Автореф. дис. канд. филол. наук. - М., 1980. - С. 11-12.
12. Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства. - М.,1973. – С. 14.
13. Правительство Республики Казахстан. О внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Казахстан. Постановление №376 от 26.06.2001г. САПП. - Астана, 2000. - №30. - С. 3, 69.

14. Единая государственная система делопроизводства. Основные положения. - М., 1975. – 315 с.

УДК:811.112.2 ’42 (045)

Ключенович С. С.
Минский гос. лингвист. ун-т, Беларусь
Klyuchenovich S. S.
Minsk State Linguistic University, Belarus
sergej.dolm.rd@gmail.com

Потенциал универбации в плане обеспечения структурного варьирования в тексте

The potential of univerbation in providing structural variation in the text

Аннотация: *конструирование универба в рамках немецкого текста может осуществляться по принципу межуровневого варьирования как альтернирования синтаксической структуры и производного слова-конденсата.*
Вслучаеноминализациивариьированиеможетноситьтакжемежмодельныйхарактер.

Abstract:*the univerb formation within the German text can be carried out on the principle of inter-level variation as an alternation between syntactic structure and derivative word-condensate. In case of nominalization, the variation may also be inter-model.*

Ключевые слова*: универбация; композит; номинализация; отглагольное имя; имплицитная предикация; межуровневое варьирование; межмодельное варьирование.*

Keywords*: univerbation; compound, nominalization; deverbal noun; implicit predication; inter-level variation; inter-model variation.*

Целью настоящего исследования является выяснение возможностей универбации в обеспечении линейного развития текста. Эти возможности включают прежде всего способность композитов-универбов содержать в своей смысловой структуре семантику предтекста. Особым потенциалом в этом плане обладают отглагольные абстрактные имена, на что указывали лингвисты, начиная с В. Порцига, т. е. речь идет о своего рода номинализационной субституции в процессе конституирования текста [1, с. 66 и сл.; 2, с. 493; 3, с. 209 и сл.; 4; 5; 6; 7]. Именно в связи с такой способностью Х. Бринкманн и вводит обозначение «слово-предложение» (Satzwort) как конденсат и заместитель предикативной конструкции [8, с. 30; 9, с. 135 и сл., с. 241 и сл.], В. Вильсс в подобных случаях использует термин «satzwertigeStrukturen» (структуры, равноценные предложению) [10]. И. И. Ревзин хотя и говорит о «депредикации» в случае перехода от элементарного предложения как ядерной структуры к субстантиву-трансформу, считает, однако, последний конденсатом [11, с. 337]. Думается, такое понимание депредикации как конденсации вполне согласуется с точкой зрения Е. В. Лобановской, которая считает трансформы-

номинализации «синтакическими вариантами эксплицитных предикаций» [12, с. 218]. Нельзя не согласиться также с наблюдением белорусского лингвиста Т. С. Глушак, которая указывает, что «единицы отглагольно-субстантивной лексики <…> регулярно показывают важное свойство своей реализации: включаясь в текст, они вовлекаются в коммуникативно обусловленное варьирование» в том числе структур разных уровней языка, что позволяет говорить о «межуровневом варьировании» [6, с. 41–42]. В силу этого абстрактные отглагольные имена особым образом служат обеспечению связности текста [ср. 13, с. 49], основанной на сильной дискурсивной ориентированности таких образований («starkeDiskursorientiertheit») [10, с. 5]. Проиллюстрировать сказанное может следующий фрагмент из художественной прозы:

*…daß GreckmittagsindergrößtenHitzeaufeinemschmutzigenungarischenMarktplatz**Schiffschaukelgefahrenwar**…*

*Nicht umsonst hatte seine Mutter ihn davor gewarnt, ebenso wie vor dem **Schiffschaukelfahren.*** [BöllH. Wowarstdu, Adam?] ‘что Грек катался на качелях-корабле в полдень в самую жару на грязной венгерской рыночной площади… Не зря мама предупреждала его об этом, как и о катании на качелях.’

Логично полагать, что особо прочные внутритекстовые связи обеспечиваются тогда, когда в текстовую канву ещё раз включаются оба лексических элемента:

*Sollte “irgendwo” das Vorurteil bestehen, die Kunst, **Kränze** zu **binden**, sei unwesentlich, so muß hier – schon um Lenis willen – energisch widersprochen werden. <…> Wer etwa, der da **das Kranzbinden** schnöde als eine untergeordnete Tätigkeit empfindet, weiß schon, wann das Grün der Rottanne für die Unterlage oder für die Endform verwendet wird, <…>?* [BöllH. GruppenbildmitDame] ‘Если «где-то» существует предубеждение, что искусство плести венки является чем-то малозначительным, то здесь необходимо – уже хотя бы ради Лени – решительно возразить. <…> Знает ли тот, кто пренебрежительно считает плетение венков второстепенным занятием, когда еловая зелень используется в качестве подложки или завершения формы <…>?’

Совместная встречаемость расчленённой и синтезированной конструкций свидетельствует о полной мотивированности последней. По сути, данный текстовый фрагмент демонстрирует конструируемость «на глазах» производного *dasKranzbinden*и манифестацию тем самым однозначно процессуальной семантики данного имени, как и его речевой характер. Номинации пребывают по отношению друг к другу в состоянии трансформируемости, что легко распознаётся и внешне.

В приведённых примерах, как и в других случаях вариативности морфолого-синтаксического представления, ядро лексико-семантических связей в опорном глаголе не терпит ущерба, оно лишь полнее реализует свой потенциал в кореферентной сетке контекста.

С точки зрения установления когерентных связей безусловный интерес представляет следующий фрагмент из художественной литературы.

Er hielt sich an den Stangen fest, sehr fest, löste die Finger wieder, um den Schweiß abzuwischen, und ***knickte*** *dann* ***seine Knie nach vorne hin ein****,* ***zog sie wieder an****,* ***knickte sie ein****, und er war erstaunt, daß das Schiff sich bewegte. Es war sehr einfach, man mußte nur den Rhythmus der Fahrt, den die Schaukel angab, nicht stören durch* ***dieses Kniebeugen****, sondern ihn heben…* [BöllH. Wowarstdu, Adam?] ‘Он крепко, очень крепко, держался за поручни, отпускал пальцы, чтобы вытереть пот, и сгибал ноги в коленях, снова выпрямлял ноги, сгибал, и он был удивлен, что корабль двигался. Это было очень просто, нужно было только не мешать ритму движения, который задавали качели, не препятствовать этим сгибанием ног, а помогать…’

Здесь примечательно то, что универб *Kniebeugen* «вобрал» в себя не одно, а ряд действий, иначе говоря, он является результатом смысловой конденсации целого ряда глагольных конструкций. Семантика универба складывается за счёт свёртывания, когда опорный компонент производного вбирает в себя две грани действия – *einknicken* и *anziehen*, а также повторяемость этого парного цикла действий. Таким образом, благодаря установлению когерентных связей в данном случае возможно констатировать особую степень конденсации благодаря использованию контекстуального гиперонима *beugen*.

Связи в тексте могут устанавливаться не только между эксплицитной и имплицитной предикациями, как в предыдущем фрагменте. Возможна также корреляция трансформов-номинализаций. Приведем небольшой пример из деловой газеты: *die Entwicklungdes Yen-Kurses <…> die Yen-Entwicklung* [Handelsblatt 1999, Nr. 186] ‘динамика курса йены’ <…> ‘динамика йены’. В первом случае имеет место представление определенной пропозиции в виде синтаксической группы, во втором случае происходит свертывание последней в словообразовательную конструкцию в результате универбации. Иными словами, универбы и соответствующие синтаксические конструкции предстают как параллельные формы языковой реализации одного референта в рамках определенного контекста. Аналогичный пример из художественного произведения:

Stanislaus lag im Heidekraut und phantasierte, denn der Wind mit ***seinem großen Ewigkeitsrauschen*** *stand über ihm in den Waldbäumen.*

Rittmeister Beetz <…> erprobte seine schnapsrauhe Kommandostimme gegen ***das große Rauschen der Ewigkeit****.* [Strittmatter. Wundertäter] ‘Станислав лежал среди вереска и фантазировал, так как ветер с его великим шелестом вечности носился над ним среди деревьев. Ротмистр Бец <…> испробовал свой грубый от шнапса командный голос против великого шелеста вечности.’

Главное, что следует из рассмотренных контекстов, – это возможность свободной взаимозамены словосочетания и универба, т. е. такой взаимозамены, которая не предполагает существенных видоизменений семантики, при том что видоизменяется её морфолого-синтаксическая репрезентация.

Если предыдущие оба случая были отмечены тождественностью лексемного состава синтаксической и словообразовательной структур, то следующие два примера характеризуются импликацией определенных полнозначных лексем.

1. *... bislang beharrte er stets darauf, daß* ***Steuerzuschuß*** *und Strukturreform unbedingt zusammengehören.* <…>Вконцеследующегоабзаца: *Sie* (*die Koalition* – прим. С. К.) *könnte eine Reform ohne* ***Zuschuß aus Steuermitteln*** *vereinbaren oder auf das ganze Paket verzichten.* [Spiegel 1997, Nr. 39] ‘… до сих пор он всегда настаивал, что налоговая дотация и структурная реформа обязательно должны осуществляться параллельно. <…> Она (коалиция – прим. С. К.) могла бы согласовать реформу без дотации за счет налоговых средств или отказаться от всего пакета. ’

2. *... was die Sozialdemokraten seit langem fordern:* ***Eine Erhöhung der Mehrwertsteuer um einen Punkt*** *soll…* Черезтриабзаца: *Will die SPD, fragte Dreßler, mit ihrem Ja zur* ***Mehrwertsteuererhöhung*** *wirklich den Weg für eine Nullrunde bei den Renten freimachen?* [Spiegel 1997, Nr. 39] ‘… чего социал-демократы давно требуют: повышение налога на добавленную стоимость на один пункт призвано… <…> Намеревается СДПГ, задается вопросом Дресслер, своим согласием на повышение НДС действительно подготовить путь для нулевого раунда по пенсиям?’

Как видим, в первом примере в семантику универба *Steuerzuschuss* имплицируется добавка *Mittel*‘средства’. Во втором же примере субстантивная группа включает в свою структуру также квантитативный параметр *umeinenPunkt* ‘на один пункт’, который благодаря внутритекстовым связям имплицитно «программируется» в контекстуально конкретизированной семантике универба *Mehrwertsteuererhöhung*.

Варьирование, обусловленное условиями коммуникации, может носить также «межмодельный» характер [ср. 6, с. 41–42]. Рассмотрим в этой связи один фрагмент.

Miese ***Geschäftemacherei*** *beklagt auch der Verband Privater Bauherren – und warnt vor schwarzen Schafen: «Wir beobachten* ***Geschäftemacher****, die vor allem bei älteren Hauseigentümern die noch herrschende Unsicherheit ausnutzen und ihnen den Ausweis an der Haustür verkaufen» frei von jeder Kenntnis über Modernisierungsmaßnahmen.*[Wirtschaftswoche 2008, Nr. 28] ‘Отвратительную работу экспертов (дословно: исполнение сделок) констатирует Ассоциация частных застройщиков – и просит остерегаться мошенников: «Мы наблюдаем таких «экспертов» (дословно: исполнители сделок), которые пользуются еще недостаточной, прежде всего у пожилых собственников, осведомленностью и продают им энергетический паспорт прямо у порога, не обладая абсолютно никакой информацией о мероприятиях по модернизации»’.

Включение в речевой континуум субстантивно-глагольной пары *Geschäftemachen* сопровождается задействованием различных словообразовательных моделей для оформления опорного компонента сложнопроизводного слова. Таким образом, лексемный состав универба, равно как и статус словообразовательной конструкции, сохраняются, однако имеет место межмодельное варьирование.

Иллюстрацией такого типа варьирования могут послужить также нижеследующие примеры аналогичных номинализованных конструкций с тождественным лексемным составом, демонстрирующих, однако, различия по

семантико-категориальному статусу: *Kraftwerksbau – Kraftwerksbauer* [FrankfurterAllgemeineZeitung 2000, Nr. 83] ‘строительство электростанций – компании, строящие электростанции’; *Ost-West-Wanderungenin Europa - Ost-West-Wanderer* ‘миграции между Востоком и Западом – мигранты между Востоком и Западом’ [FrankfurterAllgemeineZeitung 2001, Nr. 32.]; *derPreisauftrieb – preistreibendeTrends*‘взвинчивание цен – тенденции к взвинчиванию цен’ [FrankfurterRundschau 1999, Nr. 223].

Анализ эмпирического материала по генетическим типам универбов показывает, что у производных с глагольно-абстрактным опорным компонентом существенно ослаблена способность к дифференциации классов предметов, что иллюстрирует хотя бы такой ряд: *Wirtschafts-, Industrie-, Universitäts-, Literatur-, Kultur* ***entwicklung*** ‘развитие экономики, промышленности, университета, литературы, культуры’. Фактически единицы (с конкретными и абстрактными определяющими компонентами) передают различное содержание не по классам предметов, а как цельные комплексные образования, служащие отражению ситуаций, явлений, процессов. Иначе говоря, особенности семантики опорного компонента производного как имени действия поддерживают высокую степень семантической самостоятельности глагольной базы, а также прямую её соотнесённость с глаголом в его словарном статусе и со значением процессуальности.

Приведённые примеры позволяют увидеть, что сложнопроизводные имена неоднородно распределяются на оси, соединяющей лексикон и речь. В отношении рассмотренного типа универбов будет справедливо говорить об их склонности к синтаксически скрытой форме языкового выражения (“syntaktischverdeckteSprechweise” [10, с. 12]).

В качестве обобщения возможно утверждать, что универбация обладает большими возможностями в плане установления внутритекстовых связей между отдельными фрагментами текста. Обеспечение этих связей происходит как на поверхностном, т. е. морфолого-синтактико-лексическом уровне (когезия), так и на глубинно-семантическом уровне (когерентность). Последнее означает, что в тексте присутствуют смысловые элементы композитной конструкции не в тождественно-лексемном виде по отношению к ней, а в виде семантических вариантов.

Виды реализации связей композита по лексической соотнесённости в текстовых фрагментах могут быть различны. Так, конструирование универба в рамках конкретного текстового пространства может осуществляться по принципу межуровневого варьирования как альтернирования синтаксической структуры и производного слова-конденсата. Такое противопоставление возможно как по оси «имя – имя», так и по оси «глагол – имя». В случае участия глагольной лексемы в качестве опорного компонента универба варьирование может носить межмодельный характер.

Литература

1. Porzig, W. Die Leistungen der Abstrakta in der Sprache / W. Porzig // Blätter für Deutsche Philosophie. – 1930. – Bd. 4, H. 1. – S. 66–77.

2. Eisenberg, P. Grundriß der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. – 3., überarb. Aufl. – Stuttgart; Weimar : Metzler, 1994. – 581 S.
3. Wellmann, H. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Bd. 2 : Das Substantiv / H. Wellmann. – Düsseldorf : Schwann, 1975. – 500 S.
4. Балакирев, В. Ф. Семантико-синтаксический аспект отглагольных дериватов (имён действия) в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Виктор Федорович Балакирев. – Минск, 1979. – 209 л.
5. Большаков, И. И. Функционально-стилистическая реализация безаффиксных девербативов в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иван Иванович Большаков. – Минск, 1984. – 195 л.
6. Глушак, Т. С. Функционально-коммуникативное взаимодействие разноуровневых единиц языковой системы в диапазоне реализации номинализационных тенденций немецкого языка : дис. … д-ра филол. наук в форме науч. доклада : 10.02.04 / Тамара Степановна Глушак. – Минск, 1991. – 60 с.
7. Ключенович, С. С. Имена действия композитного типа в структуре текстов различных функциональных стилей немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сергей Сергеевич Ключенович. – Минск, 2002. – 115 л.
8. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – 2., neubearb. u. erw. Aufl. – Düsseldorf: Pädag. Verl. Schwann, 1971. – 939 S.
9. Erben, J. Deutsche Grammatik. Ein Abriß / J. Erben. – 12. Auflage. München : Hueber, 1980. – 392 S.
10. Wilss, W. Wortbildungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: theoret. Grundlagen – Beschreibung – Anwendung / W. Wills. – Tübingen : Narr, 1986. – 323 S.
11. Ревзин, И. И. Структура немецкого языка / И. И. Ревзин. – М. : ОГИ, 2009. – 400 с.
12. Лобановская, Е. В. Предикативный знак и способы его реализации в современном немецком языке : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Елена Васильевна Лобановская. – Нижний Новгород, 1996. – 243 л.
13. Dederding, H.-M. Wortbildung und Text. Zur Textfunktion von Nominalkomposita / H.-M. Dederding // Zeitschrift für Germanistische Linguistik – 1983. – Heft 11.1. – S. 49–64.

УДК: 81.1

Коротенко Г.Н.
КНУ им. Ж.Баласагына, Бишкек
Korotenko G.N.
J. Balasagyn KNU, Bishkek
korotenko.galina@gmail.com

Коннотативный аспект урбанонимов Бишкека
Connotative aspect of urbanonyms in Bishkek

Аннотация: *Задачей настоящей статьи является анализ некоторых коннотативных аспектов семантики урбанонимов Бишкека. Рассматриваются примеры, в которых коннотация базируется на графическом искажении узуальных слов, псевдомотивации и использовании заимствований.*

Abstract: *The purpose of this article is to analyze some of the connotative aspects of the semantics of urbanonyms in Bishkek. Examples are considered in which the connotation is based on the graphic distortion of conventional words, pseudo-motivation and the use of borrowings.*

Ключевые слова: *Коннотация; узуальный коррелят; контаминация; гибридизация.*

Keywords:*Connotation; conventional correlate; contamination; hybridization.*

Урбанонимы как название делового, локально укреплённого городского объекта, изучается в лингвистике относительно недавно. Исследователи рассматривают разные стороны этого явления: собственно лингвистические, лингво-культурологические, коммуникативно-прагматические и др. Коммуникативно-прагматический аспект делает акцент на вспомогательные средства, являющиеся коннотацией слов. Коннотация – это «добавочное значение, окраска, окрашенность, дополнительное содержание слова…, его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно эмоционально-оценочных обертонов…». [Словарь лингвистических терминов, 1966, с. 203 – 204].

Как компонент значение коннотация варьируется в следующих качественных проявлениях:

- эмотивно-оценочная
- стилистическая
- прагматическая

Представляя собой сложный макрокомпонент семантической модели урбанонима, коннотация содержит в себе такие микрокомпоненты как культурно-исторический опыт, этнолингвистические особенности данного лингвосообщества и эмоционально-оценочные параметры. На коннотативном уровне семантики урбанонима выявляются национально-культурные, социальные, эмоциональные, художественные ассоциации, лежащие в основе названия и способствующие созданию определённого эмоционального состояния у адресата. Особенности Бишкека как поликультурного города нашли отражение в названиях деловых городских объектах

Среди урбанонимов можно выделить несколько видов коннотативных значений, выраженных разнообразными лингвистическими средствами.

- Культурно-исторические

Культурно-исторические виды коннотации представляют собой устойчивые смысловые признаки как результат использования данной реалии и её обозначения определённой лингвокультурной общностью. Этот пласт урбанонимов принято называть фоново-коннотативной лексикой, например: кафе «*Нооруз*» на улице Б. Баатыра, 80. Название очерчивает круг ассоциаций, связанных с праздником прихода весны у иранских и тюркских народов, который отмечается как день прирастания света.

Магазин «*Айчүрөк*» на проспекте Чуй (Айчүрөк – имя жены Семетея, одного из главных героев знаменитого эпоса кыргызского народа «Манас»). Имя переводится как «Лунная красавица». Прагматический компонент значения связан с эмоциональной реакцией адресата на наименование, являющееся символом красоты и верности. *Айчүрөк* – название одной из первых кыргызских опер. Приращение смысла опирается на фоновые знания.

Воздействие, осуществляемое на культурологическом уровне, отмечается у следующих урабнонимов:

Торговый центр «*Таш-Рабат*» (название древней крепости на Великом Шёлковом Пути), чайхана «*BURANA*» (Башня Бурана – один из самых известных археологических памятников Кыргызстана) и кафе «*Махмуд Кашгари*» (выдающийся тюркский филолог и лексикограф) на проспекте Чуй, дворец спорта «*Кожомкул*» (кыргызский богатырь выдающейся силы) спортивно-охотничий магазин «*Марко Поло*» (известный итальянский купец и путешественник) на улице Тоголок Молдо.

Коннотации часто бывают национально-специфическими: в одном языке слово может иметь те или иные устойчивые ассоциации, а в другом языке обозначение того же самого понятия не сопровождается такими дополнительными смыслами. Рассмотрим отражение культурных коннотаций на примере урбанонима «*Black Сакал»* (название мужской парикмахерской на улице Тоголок Молдо). Название связано с многоуровневой семантической искусственно созданной ономасиологической единицей. Механизм прагматического воздействия урбанонима и его восприятия в системе отношений «автор-адресат» базируется на слове «*аксакал*» (белобородый), которое в языковом сознании жителей Кыргызстана связано с такими свойствами, как мудрость, благородство, уважение и почитание. *Ак* – весьма важная составляющая в картине мира кыргызского народа, которая нашла отражение в таких словах как «*Ак жол*» (счастливого пути), «*Ак марал*» (белый олень), «*Тогуз ак*» (девять добрых пожеланий). Антонимическая пара *ак сакал – кара сакал* – в кыргызской ментальности воспринималась бы с оценочным созначением (+ -). Замена тюркского «кара» на английское «black» с тем же значением сдвигает оценочный компонент в зону нейтральности. Чужое слово, написанное латиницей не содержит коннотативного элемента. *Black Сакал* – нейтральная характеристика внешности молодого мужчины с чёрной бородой.

- Этно-культурные

Обратимся к этно-культурному параметру урбанонимов, который часто связан с обозначением предметов материальной культуры:

Ресторан «*Тюбетейка*» (круглая неглубокая шапочка, расшитая узорами) на улице Турусбекова; чайхана «*NAVAT*» (сахарные кристаллы золотистого цвета, тип лакомства, характерный для народов средней Азии) на Тоголок Молдо; продовольственный магазин «*Дасторкон*» (скатерть, накрытый стол) на улице Саадаевой; кафе «*Бублик*» (толстая круглая баранка) на Тоголок Молдо; продовольственный магазин «*Колобок*» (небольшой круглый хлебец) на Тоголок Молдо; кафе «*ChebackPub*» (рыба из семейства карповых, водится в озере Исык-Куль) на пр. Чуй; чайхана «*Баргы*» (название одного из кыргызских родов) на Тоголок Молдо; столовая «*Каракольское ашлямфу*» (национальное блюдо, представляющее собой лапшу с кусочками крахмала); продовольственный магазин «*Авоська*» (название сетчатой сплетённой из суровых ниток хозяйственной сумки).

Семантическая перспектива, заданная урбанонимом, может отсылать воображение к экзотическому пространству, например: салон красоты «*Босфор*» (пролив между Европой и Малой Азией), ресторан «*Бухара*» (один из древнейших городов центральной Азии), ресторан «*Вавилон*» (один из городов древней Месопотамии), компьютерный клуб «*Sparta*» (античное государство в Греции в области Лакония), ресторан «*Хан-Тенгри*» (название горного пика на Тянь-Шане).

•Оценочные и эмоционально-экспрессивные

Стремление вызывать эмоциональный отклик проявляется в названиях, имеющих экспрессивно окрашенные суффиксы. Содержательной константой таких разговорных языковых форм является их социальность. Эмоционально-усилительное созначение, которое привносит суффикс, имеет очевидную коммуникативную подоплёку. Можно говорить о некоторой особой концептуализации личностного начала при выборе названия урбанонима, например: парикмахерские «*Малышок*» и «*Кудряшка*, пивной бар «*Шашлычок*», сауна «*Чистюля*», магазин детской одежды «*Карапузик*» и «*Хомячок*», кафе «*Уголёк*», «*Тополёк*», «*Карлсончик*», обувные магазины «*Башмачок*» и «*Каблучок*», столовые «*Ложечка*» и «*Котлетка*», магазин женской одежды «*Гардеробчик*». Как видно из примеров, самыми значимыми морфемами с точки зрения выражения положительной оценки являются суффиксы. В отдельных случаях производные образуются от основ, содержащих отрицательную коннотацию; в производных лексемах отрицательная оценка смягчается: хомяк→хомячок, башмак→башмачок, уголь→уголёк.

В процессе коммуникации коннотативный компонент, который сопровождает название, отражает ассоциации с именем объекта. В языке имеется большой фонд зоонимов, во вторичных (метафорических) значениях которых присутствует эмотивная коннотация уничижения или одобрения. При восприятии такого слова мы «переживаем образ» и потому как бы ощущаем сам объект наименования. Значение данного слова одновременно вызывает у коммуникантов и представление о предмете, и определённые эмоции, сопряжённые с ним. В урбанонимах Бишкека встретились следующие зоонимы и орнитонимы: «*Илбирс*» (барс с дымчатой пятнистой шерстью), «*Пчёлка*»

(магазин развивающих игрушек и головоломок) – в русском языке название этого представителя фауны ассоциируется с увлечённо работающим человеком, «*Кот и Пёс*» (зоомагазин), «*Белочка*» (химчистка), «*Белый аист*» (ресторан), магазин «*Шумкар*» (орёл). «Шумкар» - обладает мифологической коннотацией, как гордая и преданная птица, воплощение солнечной силы и необыкновенной зоркости. Урбанонимы, в которых встречаются обозначения экзотических животных, обладают эмотивным компонентом из-за своего необычного облика или свойства: кафе «*Жираф*» (самое высокое животное наземное животное), образовательный центр «*Синяя птица*» (олицетворяет сказочность и легендарность), обувной магазин «*Salamander*» (род хвостатых земноводных), магазин подарков «*Купи слона*» (крупное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями).

В урбанонимах Бишкека часто можно встретить зоонимы, которые перекочевали в литературный язык как фольклорные, сказочные образы. Они стали персонифицированными символами явлений, качеств и т.д… Например, «*Золотая рыбка*» - символ удачи и исполнения желаний; «*Белый аист*» - в мифологии славян – небесная птица, приносящая детей, способная отпугивать нечистую силу; «*Рыба-Кит*» - коннотация основана на мифическом образе мировой рыбы, обозначаемой в сказках как «Чудо-юдо-Рыба-Кит»; «*Синяя птица*» - олицетворение сказочности и легендарности; «*Кот в сапогах*» - образ имеет положительную коннотацию, это животное в волшебных сказках действует вместе с героем, помогает человеку добывать чудесные средства.

- Коннотативный аспект заимствований

К прагматическим факторам выбора урабанонима следует отнести повышение престижа названия, где используются элементы заимствования. Название делового объекта на современном этапе подвержено влиянию масс-культуры, в связи с чем стало актуальным и значительным для урбанимической номинации понятие «языковой моды». Анализ названий подтверждает склонность урбанонимов соответствовать языковой моде и поддаваться влиянию психологических фактором и социальных идей. Этот факт объясняется относительной свободой именующих субъектов при выборе или изобретении новых номинативных единиц. Отметим специфическую контекстуальную прагматику форм типа «*Цветкофф*» (цветочный магазин), «*Пирогофф-Водкинъ*», продовольственный магазин «*Иванофф*», ресторан-бар «*Пивнофф*», кафе «*Блинофф*», кафе «*Чуйкофф*». Ненормативным в этих названиях является приём удвоения согласных в конце слова. Это придаёт названию окраску иностранности, что является привлекательным для посетителей ресторанов и кафе: офф – имитирует –off во французской транскрипции русских фамилий, что даёт возможность все слова с конечной комбинацией –офф рассматривать как содержащие элемент идеограммы (с французским или с английским акцентов, или с налётом архаики, а то и со всеми коннотациями сразу).

Очень многие урбанонимы используют латинскую графику. Например, салон красоты «*Dolls*». В русском языке у слова кукла можно отметить 2 аспекта: обозначение по этической оценке и по признаку эстетическому. Кукла

– женщина «бездушная», «бездуховная», но отвечающая требованиями современной стандартизованной красоты. Когда русское слова «кукла» написано латинскими буквами, то происходит сужение семантики слова. Остаётся только декоративный признак именования - «куколки». Элемент графического использования фрагмента чужой части слова часто встречается в урбанонимах Бишкека. Например, «*The Дукон*». Неожиданно появление английского артикля «the» перед кыргызским словом (дукон – *магазин)*, написанным латиницей. В английском языке данный артикль выделяет конкретный определённый объект из ряда однородных – этот магазин. Использование артикля можно рассматривать как самовыражение языковой личности, проявления её компетенции. Подобные случаи встречаются в урбанонимах «*ByMurat*» (магазин одежды), «*MyStep*» (магазин обуви). Демонстрация своего рода творческой речевой деятельности, экспрессивной оценки, отчуждённость от стандартов присутствует и в латинских названиях: салон красоты «*Zulfia*», «*Podzarplatu*» (магазин телефонов), магазин дверей «*Woodxama*» (украинское «хата» и английское слово Wood, обозначающее дерево). Урабаноним создан по принципу парадоксальной гибридизации: соединения английского слова с украинским.

В названиях городских объектов активно используется узкоспециальная заимствованная лексика, полупрофессиональная и полужаргонная по содержанию. К экзотизмам компьютерного подъязыка относится слово «*Smailik☺*» (магазин технических товаров). При заимствовании оно подверглось морфологической обработке (от англ. «smile» - улыбка). Смайлик – это картинка для изображения отношения автора к содержанию сообщения. В подобных освоенных заимствованиях, по мнению М.А. Кронгауза присутствует «какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны» [Кронгауз 2007: 45].

Из жаргона фарцовщиков и мелких торговцев было заимствовано слово «*Баксы*» (обменное бюро) англоамериканского происхождения (от англ. «bucks» - доллары).

Яркость названию придаёт латинская графика, подчёркивающая чужеродность в фонетическом аспекте. К таким можно отнести урбаноним «*SHOOM#GAM*». Общеславянское слово шум образовано от звукоподражательного шу. Шум – это звуки «слившиеся в громкое и нестройное звучание» [Толковый словарь Ожегова]. Дополнительные семы «громкая» и «нестройная» формируют негативную оценочную ауру лексемы «шум». Гам – собственно русское слово – по происхождению звукоподражательное, имеющее тот же корень, но с переогласовкой, что и гомон (сравни с диалектным гометь – «громко говорить, шуметь»). Колорит латиницы способствует привлекательности названия, оказывает определённое стилистическое воздействие на потребителя услуг, снижая негативную коннотацию.

Таким образом, заимствования обладают особой тайной чуждого элемента. Вводя инородный, чужой языковой элемент в название, говорящий

(автор) рассчитывает при этом на определённую эстетическую компенсацию: потребитель должен оценить приём.

Коннотативный аспект урбанонимов Бишкека опирается на знание огромной массы реалий, связанной со всем контекстом жизни в конкретной культурно-информационной среде современного Бишкека. В них отмечается стремление к созданию ассоциативной связи со значимыми объектами материальной культуры, известными персонажами литературы, общечеловеческими ценностями. Урбанонимы отражают стремление присвоить имена городскому объекту соответствующие социально-групповому видению и вкусу. Многоречие в системе номинаций городских объектов обнаруживается в различиях оценки языковых единиц в системе координат «своё-чужое».

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Сов. энциклопедия, 1966.
2. Кронгазуз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2007.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. — М.: Мир и образование, 2014.

УДК: 81′37

Красовская Н.А.
ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия
Krasovskaya N.A.
Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy, Russia
nelli.krasovskaya@yandex.ru

Стадии формирования символического значения некоторых русских слов[25]
Stages of formation of symbolic meaning some Russian words

Аннотация:*в статье идет речь о развитии символического значения у ряда русских слов. Автор обращается к словам, относящимся к тематической группе «Растительный мир», и пытается проследить этапы развития у них символического значения.*

Abstract: *the article deals with the development of symbolic meaning in a number of Russian words. The author refers to words related to the thematic group "Plant World", and tries to trace the stages of development of their symbolic meaning.*

Ключевые слова: *семантика; символическое значение; стадии формирования; биоморфный код; слово; лексика.*

[25]Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры»

Key words: *semantics; symbolic meaning; stages of formation; biomorphic code; word; vocabulary.*

Говоря о развитии символического значения, мы можем определить некоторые стадии его формирования у слова. Рассматривая лексические единицы, условно представим символическое значение в виде нескольких разновидностей. Обратимся к мнению некоторых лингвистов. Так, Г.В. Токарев отмечает: «Среди семантических особенностей символа называют его смысловую многогранность. Семантическая структура символа тяготеет к полисемии. Подчёркивая особую семантическую природу символа, учёные предлагают использовать не лингвистическую, а когнитивную терминологию, в частности, понятие многослойности семантики» [1, 270]. Подчеркиваем, что мы во многом будем следовать указанному подходу, так как анализируемые нами русские слова-символы биоморфного кода в основном имеют несколько значений. В ряде случаев значения связаны между собой определенными оценками, установками, признаками, на которых базируется формирование символа. Так, например, слово *корень*, по нашему мнению, символизирует 1. Всякое начало, основу чего-либо, 2. Полноту, наполненность, важность, 3. Родное место. Можно говорить о том, что слово *корень* имеет несколько символических значений и их связь организуется посредством оценки корня как чего-либо положительного, родного, важного, значимого. Подобным примером может стать и слово *роза*, которое довольно часто употребляется как символ 1. Чего-то красивого, нежного; 2. Женского начала, женщины; 3. Результата, успеха. На наш взгляд, указанные символические значения имеют общее, проявляющееся в положительной оценке, в представлении о розе как знаке успеха, хорошего результата, чего-то приятного.

Безусловно, нельзя сказать, что символические значения, которые наблюдаются у одного слова, связаны только семами, указывающими на объекты реальной действительности. Обращаясь к размышлениям А.Ф. Алефиренко, который считает, что символ входит в цепочку «(словесный) образ – знак – символ» [2, 187], подчеркнем, что такой связкой между несколькими символическими значениями одного слова могут стать оценка, выражение отношения к какому-либо объекту действительности или к какой-либо стороне жизни, осознание ценности чего-либо. Такого типа связки формируются на протяжении длительного времени, порождаются традициями, укладом жизни, морально-этическими нормами и т.д. Образ корня, который существует в сознании носителей языка, – знак чего-то важного, роза – знак хорошего, нежного. Это первая особенность рассматриваемого нами континуума лексических единиц, обладающих символическим значением [3, 128].

Следующая особенность связана с тем, что символические значения лексических единиц, относящихся к тематической группе «Растительный мир», могут быть примерами разных степеней символизации, которые можно наблюдать в разных культурно значимых текстах и контекстах. Тут можно привести в качестве примера слово *калина*, которое традиционно считается

символом женской, девичьей судьбы, слово *репа*, которое стало символом солнца, новой жизни, жизненного, круглого цикла и др. Видимо, значимость мира природы традиционно дает человеку возможность соотнести реалии фауны с миром оценок, определений, значимостей, идей. По нашим предположениям, закрепленность слов-символов как определенных фольклорных явлений указывает на большую степень их значимости, весомости или длительности существования как символа. Такие символы мы бы отнесли к символам первой степени, если можно проводить условную дифференциацию по степеням. Они связаны с глубинными явлениями в культуре, возможно, не одного, а нескольких этносов.

Однако не все слова-символы находят отражение и воплощение в фольклорных произведениях, некоторые из них встречаются в устойчивых выражениях. Возникновение ряда фразеологизмов и их разновидностей – чаще всего длительный процесс, поэтому, на наш взгляд, их использование как символов также является довольно устойчивым фактом для данной языковой культуры. Например, слово-символ *мох*. Вряд ли мы встретим эту лексему в произведениях фольклора как некий символ старости или ветхости. Однако в русском языке есть выражения *порасти мхом, покрыться мхом*, которые используются для выражения оценки чего-либо с точки зрения ветхости, старости.

Третья степень символизации значения может, на наш взгляд, наблюдаться у слов, которые не входят в состав устойчивых выражений, фразеологизмов, скорее, используются как отдельные слова, но употребляющиеся в ситуациях, связанных с репрезентацией отвлеченных представлений, оценок, характеристик. Это слова-символы третьей степени, которые только формируют свое символическое значение. Обычно они являются одним из значений слова, многозначного с точки зрения выражаемых символических значений. Тут можно обратиться в качестве примера к приведенному выше значению слова корень как родное место.

В качестве примера для наших рассуждений можно привести значения слова *орех*: 1. Символизирует что-то чужеродное, дорогое. Имеет чаще отрицательный оттенок. Употребляется для характеристики или оценки ситуации. Появление значения связано с тем, что орехи произрастают далеко не на всей территории России, являются довольно экзотическим и дорогим продуктом. Встречается в некоторых произведениях фольклора, но обычно указывает на что-то экзотическое: *не наша еда орехи, наша – каша; ест орехи, а в зипуне прорехи.* 2.*С*имволизирует сложную структуру, непонятное, открытие знания. Появление значения связано со структурой ореха: твердой оболочкой (или скорлупой) и вкусной сердцевиной, до которой обычно бывает нелегко добраться: *друг неиспытанный, что орех нерасколотый; не разгрызя ореха, ядра не отгадаешь.* 3.Символизирует нечто малое. Появление значения связано с небольшими размерами самого плода: *грех с орех, ядро с ведро.*

В рассмотренном примере, по нашему мнению, первое приведенное символическое значение можно отнести к третьей стадии символизации (закрепленность в произведениях фольклора. Тут можно вспомнить белочку с

золотыми орешками и др.), а вот два последующих значения, скорее всего, будут относиться ко второй стадии символизации, т.к. они могут использоваться как слова-символы в устойчивых выражениях, но в таких символических значениях не появляются в сказках, например.

В большинстве случаев рассмотренные слова имеют несколько символических значений, что, скорее всего, свидетельствует о том, что данный процесс – явление длящееся, не одномоментное. В ряде случаев можно говорить о том, что разные символические значения слова имеют разную степень сформированности. На наш взгляд, большую (мы ее условно определили как третью) степень сформированности символического значения имеют те слова, которые функционируют как символы не только в речениях, фразеологизмах, устойчивых выражениях, но и в фольклорных произведениях. Ко второй степени можно отнести степень сформированности символического значения, которая встречается в речениях и устойчивых выражениях. Наконец, слабая стадия символизации проявляется у тех слов, которые встречаются в определенных речениях в рамках той или иной ситуации.

В основном символическое значение имеет ситуативное использование: служит для характеристики поведения человека, для описания определенной ситуации, для указания на локализацию.

Рассмотрение символического значения и механизмов его формирования позволяет заглянуть в мир человеческих традиций, взглядов, представлений, вскрыть существенные моменты, связанные с представлениями о нормах, правилах, традиционно сложившихся у того или иного этноса.

Литература

1. Токарев, Г.В. К вопросу о многослойной семантике квазисимвола // Теория языка и межкультурная коммункиация / Г.В. Токарев. №1 (36). 2020. С. 269-274.
2. Алиференко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алиференко. – М: Флинта, Наука, 2010. – 282 с.
3. Красовская, Н.А. Русские названия некоторых деревьев и кустарников: Символическое значение / Н.А. Красовская // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 4 (39). 2020. С.120-129.

УДК: 801.311/313(066)

Мискичекова З. Я.
Ошский государственный университет, г. Ош
MiskichekovaZ. Y.
OshStateUniversity, Osh
super.zanfira59@mail.ru

Основы и принципы научных подходов к исследованию поэтонимов

Fundamentals and principles of scientific approaches to the study of poetonyms

Аннотация:*рассматриваются основные принципы и подходы в современной лингвистике к исследованию поэтонимов – имен собственных в структуре художественного текста как основных информантов, имеющих историко-культурную ценность, своеобразно отражающих языковую культуру мира.*

Abstract:*the article considers the main principles and approaches in modern linguistics to the study of poetonyms – proper names in the structure of a literary text as the main informants that have historical and cultural value and reflect the linguistic culture of the world in a peculiar way.*

Ключевые слова: *ономастика; поэтическая ономастика; поэтонимы;онимы;этнокультурная специфика; ономастическое пространство; когнитивистика.*

Keywords: onomastics; poetic onomastics; poetonyms; onyms; ethnocultural specificity; onomastic space; cognitive science.

Поэтическая ономастика – явление синкретичное, вероятно поэтому в качестве методологического инструментария используются приёмы, присущие самым разным, часто далёким от лингвистики или литературоведения научным дисциплинам, к примеру, сюда можно отнести социологию, историю, психологию и др. Сложность и комплексность специфики поэтической ономастики определяет специфику подходов к её изучению, в основе которой лежит необходимость учёта различных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Различные авторы, анализирующие способы хранения языком культурной информации, основное внимание уделяют словам, среди которых основными информантами культуры являются имена собственные. Современные исследователи рассматривают имя как средство доступа к единой информационной базе человека. Именам собственным принадлежит центральная роль в накоплении и передаче культурной информации. По мнению А. Ф. Лосева, «... в слове и в имени – всё наше культурное богатство, накопленное в течение веков» [1, с. 28].

Современный интеллектуальный уровень каждой нации придает именам героев эпохи новое символическое содержание, отражающее традиции предков, заслуживающих восхищение. Имена собственные как составная часть истории и культуры любого народа, стараются сохранить свою национальную специфику в любой языковой среде, поэтому имена не переводятся, а передаются путем транслитерации. Онимическая система любого языка стремится к стабильности, устойчивости, традиционности, характерной для языка в целом. В. Д. Бондалетов считает, что имя собственное является специфической частью языка и самобытно-национальной частью культуры народа [2, с. 259].

Комплекс собственных имен, употребляющихся в национальном языке для именования объектов как реальных, так и гипотетически возможных, вероятностных,

так и фантастических, называется *ономастическим пространством*, которое определяется национальной моделью мира. Это имел в виду В. Н. Топоров, внёсший большой вклад в разработку теории мифопоэтики, когда отмечал, что ономастическое пространство создаётся на основе реальной, вымышленной и гипотетической Вселенной «для нас» так же выборочно, как избирательно и наименование предметов реального мира, когда «... большие, существующие в природе предметы могут не иметь специальных обозначений, а крошечные частицы, сделанные человеком, обязательно имеют» [3, с. 34].

Тагаев М. Дж. и Борчиева Б. Т. в статье «Собственные имена как способ экспликации языковой картины мира» отмечают, что «… для человека, погружённого в культурно-языковое пространство киргизского народа, вполне понятен сакрально-обрядовый смысл каждого киргизского имени. Практически каждое киргизское имя представляет собой некий символ, «говорящий» знак, в котором деривативно свертывается мысль, реальная ситуация, которая сложилась в семье... Собственные имена киргизского языка закрепили за собой мироощущение и особенности мировосприятия, культурные ценности нации…» [4, с. 132–133].

Идею взаимозависимости имени и картины мира поддерживают многие учёные, считающие, что в собственном имени заложена национально-культурная информация, мотивирующая когнитивные пропозиции, что позволяет собственному имени объективировать языковую картину мира.

Велик вклад А. В. Суперанской в разработку теоретических основ имени собственного: включение имени в сферу функционирования таких наук, как этнография, история, география, социология, литературоведение [5] позволило А. В. Суперанской выявить его специфику и сделать исследование имени наиболее полным и всесторонним, обозначив важные теоретические постулаты.

Как видим, онимы совершенно свободно разрушают дисциплинарные границы, входя в сферу проблематики таких наук, как философия, история, этнография, семиотика, лингвистика текста, культурология, когнитивистика и др. Современный уровень научной мысли позволяет утверждать, что исследования в сфере ономастики имеют довольно прочную теоретическую базу, представленную различными векторами изучения имени собственного, среди которых обычно выделяют *классическую теорию,* крупными представителями которой являютсяЕ. Л. Гинзбург, В. М. Калинкин, Е. Курилович, Э. Б. Магазаник, А. К. Матвеев, С. Е. Никитина, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, В. И. Супрун, Н. И. Толстой, А. Д. Шмелёв и др. С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, А. А. Потебня, В. С. Соловьёв, А. Х. Султанов, П. А. Флоренский и др. внесли большой вклад в разработку *философской теории* имени. Основы *функциональной теории* заложены трудамиН. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, В. Г. Гака, Н. К. Рябцевой, А. Д. Шмелёвым и др. Изучение имён собственных в когнитивном, познавательном, аспекте, отражение имени в ментальном сознании и лексиконе индивида, структура ономастических единиц и концептосфере человека и др. позиции входят в зону приложения интересов *когнитивной теории,* которую в лингвистике представляютД. Б. Гудков, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Ю. Н. Филиппович, Э. Ханзак и др. *Лингвистика*

текста, сформировавшаяся как научное направление в середине прошлого века, в связи с ростом исследовательского интереса к функционированию текста, в основе своей, следовательно, имела функциональный подход к изучению структуры, поэтики и пр. компонентов текста. Большой вклад в её развитие внесли такие учёные, как Л. И. Василевская,И. Р. Гальперин, М. Я. Дымарский, С. Г. Ильенко, В. А. Кухаренко, Т. М. Николаева, А. И. Новиков, Е. А. Реферовская, А. Е. Супрун, К. А. Филиппов, В. Е. Чернявская и др.

Различают несколько направлений ономастических исследований в современной лингвистике: изучением функционирования ономастического пространства или контента и установлением общих закономерностей занимается *теоретическая ономастика*; общее представление о филологическом контенте онимов даёт*описательная ономастика*; разработка рекомендаций в результате исследования большого массива ономастических единиц входит в сферу приложения усилий *прикладной ономастики;* исследованием исторических связей и корней онимов вплоть до их этимологии и генеалогии, изучением онимов как объектов исторических реалий занимается *историческая ономастика*; собственные имена в структуре художественных текстов исследует *поэтическая ономастика*; прецедентные феномены (онимы, созданные в прошлом, но хорошо известные и используемые в современном социуме), которые органично вошли в структуру текстов различного типа, изучаются *прецедентной ономастикой;* выявление и описание этнокультурных ценностных, информационно значимых категорий онимов входит в круг научных интересов *этнокультурной ономастики,* а также когнитивной лингвистики и общей теории ономастических исследований.

Многоплановость специальных ономастических исследований вызвана многообразием имен собственных и интересом к ним со стороны различных наук (история, география, археология, этнография, социология, эстетика, психолингвистика, этнолингвистика, культурология, когнитивная лингвистика и лексикография).

В связи с этим коснёмся проблемы семантики имени собственного. Существует три точки зрения по этому вопросу. Согласно первой (Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова, А. А. Уфимцева и др.), имя собственное не имеет значения, является «пустым», «ущербными, «асемантичным» словом. Согласно второй (В. И. Болотов, С. И. Зинин, А. В. Суперанская и др.), онимы обретают значение, выступая в качестве речевых единиц в речевом акте говорящего, вероятно, под влиянием контекстуального поля. Согласно третьей (И. А. Воробьева, Е. Ф. Данилина, В. А. Никонов, Л. В. Щерба и др.), имя собственное и в языке, и в речи имеет лексическое значение. Общим компонентом значения всех разрядов имен собственных является родовое понятие, которое определяется энциклопедической информацией.

Лексическая значимость имён собственных рассматривалась известным кыргызским учёным Б. О. Орузбаевой на материале имён эпоса «Манас» [6]. Было установлено, что имя собственное имеет коннотативное значение, реализующее его в контексте, что имена собственные, обладая этнокультурной спецификой, не переводятся, а передаются графически.

Учёные Кыргызстана давно обратили внимание на проблему транслитерации имён собственных в источниках и переводах их на русский язык. Эта проблема была обозначена ещё в «Правилах о едином оформлении имен и фамилий на киргизском и русском языках» (1936 г.). Инструкция составлена Касымом Тыныстановым, Хусаином Карасаевым, Игорем Алексеевичем Батмановым под руководством Евгения Дмитриевича Поливанова [7]. Эту проблему неоднократно поднимали в своих работах такие учёные, как Б. О. Оруzбаева, М. А. Рудов, Э. М. Мурзаев, К. Конкобаев, А. К. Боронов, Ш. Джапаров, С. У. Умурзаков, Э. Абдуллаев, Н. М. Шевченко, М. Дж. Тагаев и др.

Большая подготовительная работа по данной проблеме проделана академиком Б. М. Юнусалиевым, представившим детальную классификацию звуков кыргызского языка и определившим отличия в их артикуляции от соответствующих звуков русского языка [8].

М. А. Рудов отмечает, что эта проблема «обозначилась с момента прямых контактов двух языков – русского и киргизского. И хотя этот процесс насчитывает полтора века, общепринятых правил транслитерации киргизских слов в русском языке нет до сих пор. Показательно в этом отношении написание имен из героического эпоса «Манас» в русскоязычном тексте, например, имени Көкөтөй (через узкий ө). Чокан Валиханов в «Очерках Джунгарии» русской графикой передает это имя – Кукотай; Евгений Дмитриевич Поливанов в тезисах доклада «О принципах русского перевода эпоса «Манас»» рекомендует с «фонетической точки зрения» писать Кокотой «вместо ожидаемого» Кокетей [9, с. 74]; в 4-ой книге киргизского героического эпоса «Манас» из академической серии «Эпос народов Евразии» в русском подстрочном переводе соблюдается начертание Кёкётёй... А потребность таких правил ощущается на каждом шагу, особенно в делопроизводстве, картографии, в международном обмене информацией и контактах» [10].

Эта проблема волновала и Ч. Айтматова. Он пытался понять, как получилось, что родственные народы говорят на одном языке, а на письме не понимают друг друга. «Те звуки и буквы, которые не имеются в кириллице, но зато есть в языке и письме тюркских народов, были исследованы специальной комиссией. Эти звуки – ә, ү, і, қ, ъ, ң, ө – общие для всех тюрков. И вдруг оказалось, что в каждом народе именно эти звуки пишутся по-разному. И понятное при бытовой речи, стало непонятным при написании [11, с. 514].

С этой же целью внимание кыргызстанских учёных Н. М. Шевченко и А. Ш. Сагыналиева было обращено к именам собственным эпоса «Манас», «Семетей» и «Сейтек». По материалам исследования изданы словари: «Имена собственные эпоса “Манас”» (2004) [12] и «Имена собственные эпоса “Семетей” и “Сейтек”» (2009) [13].

Антропоцентрическая направленность ономастических исследований открывает новые возможности для изучения этнокультурной специфики имени в структуре художественного текста. В этом случае трудно даже просто перечислить учёных, которые занимались этой проблематикой и вообще феноменом текста, принадлежащего как истории, так и современности. Это

такие корифеи лингвистики, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Л. В. Щерба и др.

Исследование имён собственных по текстам художественной литературы с учётом национальной специфики языка, сознания и культуры активно проводилось в Кыргызстане Н. М. Шевченко. Это исследование необходимо для осмысления природы и познавательной деятельности человека – *когниции*. По определению Е. С. Кубряковой, это «познавательный процесс или же совокупность психических и других процессов восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку…» [14, с. 81].

Таким образом, следует признать, что в области ономастических исследований сделано много, тем не менее, разработка некоторых задач ономастики находится в начальной стадии, а потому требует внимания учёных. Одной из задач является всестороннее изучение феномена имени собственного в тексте художественных произведений. Внимание к системе антропонимов определяется важностью выполняемых ими функций –текстообразующей и эстетической. Онимы стали обязательным компонентом художественного текста, компонентом идиостиля писателя, средством создания художественного образа, национально-культурного феномена, одним из главных этнокультурных информантов произведения. Поэтонимический контент художественного текста оказывает необходимое воздействие на читателя, поскольку автор стремится использовать те поэтонимы, которые наилучшим образом соответствуют национально-культурному контенту, а потому способствуют не только рождению необходимого художественного образа, но и должной ассоциации читателя, закрепляясь в когнитивно-ценностных категориях языковой личности.

Это направление когнитивистики следует признать актуальным и перспективным в плане развития теории *ономатекстологии*, то есть науки, объединяющей несколько отмеченных нами разделов гуманитарной сферы. Это даёт возможность говорить о необходимости интегративного подхода к изучению онимов в структуре художественного текста в русле перечисленных нами в статье теорий.

Литература

1. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М., 1990.
2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М., 1983.
3. Топоров, В. Н.Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М., 1995.
4. Тагаев, М. Дж., Борчиева, Б. Т. Собственные имена как способ экспликации языковой картины мира / М. Дж. Тагаев, Б. Т. Борчиева // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 2008.

6. Орузбаева, Б. О. О собственных именах в эпосе «Манас» / Б. О. Орузбаева // Ономастика Средней Азии. – Вып. 2. – Фрунзе, 1980.
7. Тыныстанов К., Карасаев Х.Правила об едином оформлении имен и фамилий на киргизском и русском языках / К Тыныстанов, Х. Карасаев // Вопросы орфографии киргизского языка. – Фрунзе, 1936.
8. Юнусалиев, Б. М. Кыргызский язык / Б. М. Юнусалиев // Языки народов СССР / Тюркские языки. – М.: Наука, 1966.
9. Поливанов, Е. Д. О принципах русского перевода эпоса «Манас» / Е. Д. Поливанов // Поливанов Е. Д.Киргизский героический эпос «Манас». Исследования и переводы / Е. Д. Поливанов; сост., подгот. текста, вступ. статья М. А. Рудова; вступ. статья В. М. Плоских. – Бишкек, 1999.
10. Рудов, М. А. Транслитерация киргизской лексики в русском языке (к истории вопроса) / М. А. Рудов // Русский язык в Кыргызстане. – Вып. I. – Бишкек, 1998.
11. Айтматов, Ч. Т.Череп, спрятанный в кувшине, или взгляд на историю тюрков // Ч. Айтматов. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 6. Рассказы. Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века. Диалоги. – М., 1998. – С. 514.
12. Шевченко, Н. М. Словарь «Имена собственные в эпосе «Манас»» / Н. М. Шевченко. – Бишкек, 2004.
13. Сагыналиев, А. Ш., Шевченко, Н. М.Имена собственные эпоса «Семетей» и «Сейтек» / А. Ш. Сагыналиев, Н. М. Шевченко. – Бишкек: КРСУ, 2009.
14. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1997.

УДК: 811: 398

Мирзоева С. М
Бакинский Славянский Университет, г. Баку
MirzayevaS. M.
BakuSlavicUniversity, Baku
eminsevinc1@mail.ru

О сравнительном анализе ономастикона азербайджанских и английских народных сказок (в контексте коэффициента мотивированности антропонимов)

On the comparative analysis of the onamastican of Azerbaijani and English folk tales.

Аннотация: *В статье анализируются ономастические единицы в народных сказках азербайджанского и английского языков. Наше исследование показывает, что имена мотивированных людей широко используются в текстах сказок в обоих языках. Также было обнаружено, что антропонимы-символы в обоих языках служат выражению определенного признака или особенности и выполняют функцию передачи первичной информации об образе.*

Abstract: *The article analyzes the onomastic unity in the texts of folk tales of the Azerbaijani and English languages. Our research suggests that the names of motivated individuals are widely used in fairy tale texts in both languages. It was also found that anthroponyms in both languages serve the expression of a certain sign feature and perform the function of transmitting primary information about the image*.

Ключевые слова: *азербайджанский и английский, народные сказки, ономастика, антропонимы*.

Keywords: *Azerbaijani and English, folk tales, onomastics, anthroponyms*.

В контексте анализа лингвистических особенностей азербайджанских и английских народных сказок особый интерес представляет ономастикон (совокупность собственных имён) этих текстов. Сравнительно-сопоставительный анализ набора личных имен в сказках позволяет определить время возникновения и аутентичность этих текстов, а также найти их коэффициент лингвокультурной обусловленности. Помимо этого, в контексте анализа ономастических единиц в тексте сказок, появляется возможность провести сравнительный анализ механизмов реализации словообразовательного потенциала обоих языков и определения объема их ресурсов. В этом смысле понятен интерес к проблематике, связанной с лингвистическими особенностями азербайджанских и английских народных сказок на уровне анализа тех или иных особенностей в научных разработках С.Абдуллаевой, Т.Бахшиевой, Т.Н. Астафуровой, О.А. Плаховой, Дж. Зипеса, А. Ким-Мэлони, А. Кима, и многих других исследователей. При этом было проведено

достаточно исследований со ссылкой на оба языковых материала, однако в азербайджанской лингвистике нет опыта сравнительного анализа ономастического инвентаря на основе как азербайджанских, так и английских народных сказок. Отсюда ясно, что представленное исследование является актуальным и важным как с точки зрения определения достаточно полной картины языковых особенностей народных сказок, так и с точки зрения сравнительного анализа чисто ономастических единиц.

Известно, что «*имена собственные, которые мы привыкли слышать в повседневном обиходе, при подробном рассмотрении являются фактически воспоминаниями о древних временах, следами памяти*», такими воспоминаниями, которые веками хранились в «*скрытой языковой памяти*», были отложены там и потому дошли до наших дней [1, с.9]. Аналогичную точку зрения высказывает известный азербайджанский лингвист А. Гурбанов: «немаловажно изучение антропонимов, употребляемых также и в устной народной литературе, с точки зрения изучения лексического пласта азербайджанского языка определенного периода» [2, с. 6]. С этой точки зрения, целесообразно изучение ономастики азербайджанских и английских народных сказок в следующих направлениях: 1) исследование по группам (антропонимы, топонимы, мифонимы и т.д.), 2) анализ с точки зрения прецедента, 3) стилистико-функциональная и структурная оценка.

Известно, что в силу наличия в ономастических единицах кодов, связанных с культурно-исторической и лингвистической информацией, они представляют особый интерес для проведения исследований в лингвокультурном аспекте. В этом плане О. Горбачева отмечает, что «ономастическое пространство сказки – это совокупность всех сказочных имен собственных, которые конструируют специфическую ономастическую парадигму, аккумулирующую культурно-историческую, мифологическую, этнокультурную и иную информацию» [3, 8]. Какие ономастические единицы представлены во внутренней группировке этого набора имен собственных, интересно не только с точки зрения статистического сравнения и общей лексической инвентаризации: определение этого соотношения в мировоззрении людей, создававших эти тексты, или выявление в языковой картине мира ведущих факторов (например, мыслительных или рациональных парадигм) и т. д., также значимо и для нашего исследования.

О.А. Плахова, изучавшая английские сказки в этнолингвистическом аспекте, провела лингвостатистический анализ ономастического пространства этих текстов, в рамках антропонимии (*Jack Robinson, Jack the Farmer, Old Jacob, Silly Billy, Sir Richard, Caporushes, Catskin, Celestine, Cherry) и топонимии (England, Fairyland, France, Fens, Gwavas Lake, Haeden Hole, Kettlewell, Caterhaugh Wood, Exmoor, Greet Bank, Hellen Pot*). Лингвист определил, что первые были представлены в 37,3% случаев, а вторые – в 36,5% случаев [4, с.19]. Как видно из анализа, существенной разницы в процентном соотношении антропонимов и топонимов, представленных в ономастическом пространстве английских народных сказок, нет, и здесь «лидерство» антропонимов относительное. Для сравнения отметим, что в ономастическом

пространстве азербайджанских народных сказок мы сталкиваемся с иной картиной как по градации (в процентном соотношении), так и по ранжированию. В целом несомненное «лидерство» в ономастическом инвентаре азербайджанских сказок принадлежит антропонимам. В исследовании С. Абдуллаевой, изучавшей язык азербайджанских сказок и эпосов, мы встречаемся с другой градацией. Группа ономастических единиц, наиболее представленная в языке азербайджанских лингвистических сказок, это, в порядке очередности, антропонимы, затем – мифонимы, а топонимы были размещены только на третьей позиции [5, с.17-18].

Путем сравнительного анализа антропонимов в азербайджанских и английских народных сказках было выявлено, что в этих текстах группу ономастических единиц можно определить по показателю мотивированности (обусловленности). В народных сказках в каждом из указанных языков используются как мотивированные (условные) антропонимы, так и немотивированные антропонимы. Хотя подавляющее большинство антропонимов в языке азербайджанских и английских народных сказок охватывает произвольно выбранные имена собственные, некоторые из них обусловлены физическими, социальными, интеллектуально-ментальными и т.д. факторами.

Говоря о том, что «азербайджанский фольклор является надежным источником, отражающим средневековый антропонимический пласт» [6, с. 498], А. Гурбанов подчеркнул, что «в азербайджанских эпосах, сказках и других образцах фольклора встречается большое количество различных имен собственных», «*здесь есть немало фактов о создании (то есть изобретении - С.М.) некоторых имен*» (курсив наш. - С.М.) [7, с. 71-72]. Бóльшая часть антропонимов, по утверждению автора, сформирована на основе фольклора, и включает имена людей, мотивированные в тексте конкретной сказки. Следует отметить, что в некоторых исследованиях высказывается и идея оценки мотивированных вымышленных имен в статусе мифонима. Так, Н.В. Подольская считает «мифоним вымышленным названием любого объекта ономастического пространства» [8, с. 83-84]. Занявшая аналогичную позицию М.П. Велиева подошла к оценке вопроса более конкретно, заявив, что мифонимами могут быть имена также и *сказочных героев* (выделено автором - С.М.), наряду с изображением божественной силы, демонических образов, таинственного пространства, магических явлений природы [9, с. 37].

В отличие от последователей данного подхода, мы не считаем приемлемым рассматривать вымышленные имена героев, которые не имеют в своем семантическом ядре волшебно-мифического компонента в статусе мифонимов. Мы предпочитаем оценивать их в качестве мотивированных антропонимов. С этой точки зрения наша позиция совпадает с позицией Н.И. Репринцева, О.А. Леоновича [11], и других исследователей, описавших аналогичные языковые факты в английских народных сказках, как антропонимы [10, с. 51-54].

Следует отметить, что даже после известного постулата Ф. де Соссюра о «произвольности языковых знаков» вопрос об их мотивации все еще вызывает

широкую полемику, именно по поводу принципа произвольности языковых знаков в целом. Отметим, что в некоторых аспектах Э. Бенвенист [12, с.90-96], а также Э. Сепир [13], [более подробно: 14, с.55-56] прямо или косвенно ставят под сомнение абсолютность этого принципа, однако в целом, в современных условиях, в лингвистике, в развитых языках идея о том, что языковые знаки не обусловлены факторами окружающей среды, была общепринятой.

Установлено, что стадия денотации была характерна для раннего периода мышления, что со временем языковые знаки прошли стадию «денатурализации» и приобрели абстрактное содержание (т.е. фактически утратили связь с естественными особенностями денотации). Такие «разрывы» наиболее отчетливо видны в словах «демотивированный» и «денатурализированный» которые на ранних стадиях, с течением времени, проявлялись как ономотоп [см. подробнее: 15; 16]. Следует отметить, что в некоторых зоонимах (*Чик-чик ханум, Тыг-Тыг ханум* и др. (имена воробья, муравья) мы встречаем точно такие же мотивированные языковые факты, созданные на основе акустически-артикуляционных имитаций. Возвращаясь к вопросу мотивированности антропонимов, следует отметить, что мотивированность в сказочных текстах не воплощает в себе условных отношений, основанных на артикуляционно-акустической имитации. Большинство антропонимов здесь связаны с исходным материалом, происхождением, формой, внешним видом объекта, а также демонстрируют связь с такими факторами, как умственно-интеллектуальные, психоэмоциональные особенности, и т.д.

Нельзя не согласиться с подходом С. Абдуллаевой, отмечающей, что «антропонимы являются одним из средств создания высокой эмоциональности, выразительности, выступают стилистической фигурой и служат созданию сказочной поэтики», ведь имена используются как важный инструмент для характеристики образов и раскрытия их внутренних качеств: «Внутренняя связь между именем и указываемым денотатом очевидна. ... Видимо, создатели сказок ..., создавая образы, впервые именовали их, проведя через сито своего художественного мышления. Хотя эти имена используются как стилистические образы, они способствуют запоминанию сказок и эпосов» [17, с. 64]. То есть эти антропонимы во многих случаях целенаправленно используются для описания того или иного образа «через сито художественного мышления».

Несмотря на то что, в численном плане непосредственно мотивированные антропонимы не занимают ведущую позицию, мы склонны согласится с позицией С.Абдуллаевой. Причина же, по которой мы согласны с данным подходом заключается в том, что помимо антропонимов, которые появляются как прямой «продукт» мотивированности, существует также и множество имен собственных, которые перекликаются с естественными и психологическими особенностями образов. Однако мы не можем оценивать их как антропонимы или антропонимы-символы, мотивированные некоторыми особенностями словарного состава языка

Антропонимы-символы – это антропонимы, которые «символизируют определенные черты и характеристики человека и группы людей, и в их

(антропонимов-символов – С.М.) семантической структуре символическая сема определяется в сильной импликационной позиции» [18, с.8]. Другими словами, символ-антропоним отличается тем, что положение периферийной семантической структуры, содержащей существенные черты денотативного «уточняющего», «объяснительного», «дополнительного объяснения», становится более актуальным и заметным. То есть, если в смысловой структуре собственного имени *Nardan* (перевод: «из граната») в интенциональной позиции налицо именование женского образа, то в импликационной позиции на первый план выходит связь с плодом граната. В тексте сказки же именно смысловая нагрузка в импликационной позиции позволяет импликациональности стать актуальной, обеспечивая мотивированность этого языкового знака.

Литература

1. Имя. Семантическая аура [Текст]: [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; отв. ред. Т. М. Николаева. - Москва: Языки славянских культур, 2007. – 360 с
2. Курбанов А.М. Поэтическая ономастика. / А.М. Курбанов – Баку: Элм, 1988. – 128 с.
3. Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок, автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Горбачева Ольга Геннадьевна; [Место защиты: Орлов. гос. ун-т]. - Брянск, 2008. - Орел, 2008, – 24 с.
4. Плахова О. А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Александровна Плахова. – Ростов-на-Дону, 2006. – 45 с.
5. Абдуллаева С.А. Язык азербайджанских сказок и эпосов: автореферат дисс. … доктор. филол..наук. / С.А. Абдуллаева – Баку: 2006. – 46 s.
6. Курбанов А.М. Основы азербайджанской ономалогии. Том I. / А.М. Курбанов –Баку: Маариф, 1988 – 232 с.
7. Курбанов А.М. Основы азербайджанской ономалогии. Том I / А.М. Курбанов – Баку:Элм, 2019 – 280 с.
8. Курбанов А.М. Основы азербайджанской ономалогии. Том II. / А.М. Курбанов – Баку: Элм, 2019 – 280 с.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
10. Валиева М. Р. Булгарские мифонимы башкирского языка. / М. Р. Валиева // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №10 (339). С. 37–41.
11. Репринцева Н.И. Прецедентные имена в ономастическом пространстве английской народной сказки / Н.И. Репринцева // Вестник УРАО, выпуск 2. – М.: Университет Российской академии образования, 2011. – С. 51-54.
12. Леонович О.А. В мире английских имен. Учебное пособие по лексикологии. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Астрель, 2002. — 160 с.

13. Бенвенист Э. Природа языкового знака // Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. – С. 90-96
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Э. Сепир – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
15. Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (К проблеме «произвольности» языкового знака) / Л.Г. Зубкова // Вопросы языкознания, 1986, № 5, С.55-66
16. Воронин С. В. Основы фоносемантики / Предисл. О. И. Бродович. Изд. 2-е, стереотипное. М.: ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
17. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А.М. Газов-Гинзберг – М.: Наука, 1965. – 183 с.
18. Абдуллаева С.А. Язык азербайджанских сказок и эпосов. / С.А. Абдуллаева – Баку: Элм, 1998. – 232 с.
19. Постникова О.А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / Ольга АнатольевнаПостникова / Санкт-Петербург, 2009. – 23 с.

УДК: 492:482

Чинлода М.С.
МКУ, г.Бишкек
Chinloda M.S.
IKU, Bishkek
mudeina@mail.ru

Особенности перевода метафоры с арабского на русский язык
Features of translation of metaphor from Arabic into Russian language

Аннотация.*Данная статья посвящена описанию особенностей перевода метафоры с арабского на русский язык и, наоборот, а также выявлению трудностей, с которыми может столкнуться переводчик. Кросс-культурный анализ метафоры данного исследования отображает современную культуру, раскрывая сходство и различия двух лингвокультур.*

Abstract:*This article focuses on describing the features of translating a metaphor from Arabic into Russian language and vice versa, as well as identifying difficulties that a translator may face. Cross-cultural analysis of the metaphor of this study reflects modern culture, revealing the similarities and differences of two linguistic culture.*

Ключевые слова: *Метафора; перевод; перевод метафоры; сложности перевода*

Keywords: *Metaphor; translation; translation of the metaphor; complexityin translation.*

Современная наука о языке уделяет особенное внимание такому виду троп, как метафора. Как известно, метафора – вид тропов, основанный на

переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений [1, с.206]. Несмотря на двойственный характер метафоры, её способность быть средством языка (языковая метафора) и поэтической фигурой (художественная метафора), она представляет собой языковой феномен, тесно связанный с культурой народа и составляющий неотъемлемую часть его художественного творчества. Данное обстоятельство обусловило неподдельный интерес к метафоре у филологов, лингвистов и деятелей искусства; особенно важен он в тех случаях, когда рассматриваются такие тропы в языках, совершенно далеких друг от друга как по генеалогической принадлежности, так и представляемой ими культурам, какими являются арабский и русский. Рассуждая о символичности человеческой культуры, Э.Бенвенист определяет ее «как весьма сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиций, религии, законов, политики, этики, искусства – всего того, чем человек, где он ни родился, пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности»[2, с.31]. Отсюда следует, что культура не только отражается в языке, но наполняет язык аксиологическими смыслами, характерными для мировидения данного этноса. Что касается арабского и русского языков, то немаловажную роль в формировании языковой картины мира играет религиозный аспект формирования языковой картины мира.

Эти языки отражают ценности разных культур – православной (христианской) и исламской, что стало причиной множества различий в смыслах слов и мировидении их носителей, что создает сложности при переводе метафоры, ибо она в первую очередьсвязана с мироустройством и миропониманием, отраженными в смыслах и формах языка.

В данной статье мы рассмотрим как языковую метафору, т.е. «готовый элемент лексики» [3, с.36], так и художественную метафору в аспекте переводческих проблем, а именно: какие проблемы перевода метафор с русского на арабский язык являются наиболее актуальными.

Универсалии и понятия, выводимые из разных языковых картин мира, как правило, часто представляют наиболее сложные аспекты перевода. Метафора, основанная на представлениях носителей одной культуры, могут быть непонятны и даже порой неприемлены для носителей другой культуры. К примеру, в русской культуре стройность и грациозность девушки ассоциируется с березой. Отчего вполне естественным считается фраза *стройна как береза*. Однако здесь переводчик может столкнуться с некоторыми трудностями. В силу того, что в жарких арабских странах не произрастают подобного вида деревья, некоторые арабы даже и представления не имеют, как выглядит береза. В связи с этим перевод подобных метафор может вызвать недоразумение в понимании у носителей арабского языка. Между тем, в арабском языке можно найти метафору с эквивалентным смыслом, но в сочетании со словом *газель* (الغزال). Ведь стройность и грациозность девушки в арабской культуре ассоциируется с газелью. В данных случаях переводчик может опустить некоторые слова, передавая лишь смысл.

В свой очередь некоторые стертые метафоры, которые вошли в обыденную понятийную систему, также могут отражать культурные особенности. К примеру, метафоричное выражение *время – деньги* понимается«как нечто такое, что может быть истрачено, израсходовано, рассчитано, вложено разумно или безрассудно, сэкономлено или потрачено напрасно» [4, с.391]. Однако в данном случае переводчик также может столкнуться с трудностями перевода, так как в арабской культуре время ассоциируется с оружием, которое может принести пользу, либо нанести вред. В дословном переводе фраза الوقت كالسيف‘*время как меч’*, может быть непонятна для носителей русского языка, у которых ценность времени сопоставима с ценностью финансов.

Нередко при переводе художественного текста переводчик может столкнуться со сложностями транслатации метафор, непереводимоть которых обьясняется столкновением двух разных культур, складов мышления, традиций и установок. Подобным примеромможет служить отрывок из романа Ч.Т. Айтматова: *«…день **зачался** днем, а ночь **зачалась** ночью»*[5, с. 579]. В русском языке слово *зачать* имеет несколько значений: 1. Стать беременною. 2. Дать начало возникновению, появлению чего-либо [6, с. 224]. Употребляя слово *зачать* во 2 значении *дать начало возникновению чего-либо*, Ч.Т. Айтматову удалось придать тексту образный характер путем ассоциации с зарождением новой ночи и нового дня. Обратим внимание на то, как этот образ выражен в арабском тексте أصبح النّهار نهارا و الليل ليلا [7, с. 175]. Учитывая то, что глагол حمل или حبل (в переводе «зачать») в арабском языке никак не используется в подобных выражениях [8, с. 296], переводчик в данном случае лишь передал смысл контекста: *день стал днем, а ночь стала ночью*.

Из подобных примеров можно еще раз убедиться в том, что одной из проблем в переводе метафоры является специфика культурных составляющих русского и арабского языков. Так, некоторые примеры ассоциативных метафор также могут создать некоторые трудности в процессе перевода. К примеру, метафора в арабском языке رِفْقاً بِالقَوارير в дословно на русский язык можно перевести как *обращайтесь аккуратно со стеклянными бутылками.* В арабском языке словоالقوارير имеет значение любой посуды из стекла[9]. В бытовом общении это слово используется в смысле *стеклянная бутылка.* Однако в данном контексте под словомالقوارير *(стеклянные бутылки*) подразумеваются женщины. Как известно, стеклянные бутылки и фляжки очень хрупкие. Арабы берегли и боялись потерять их, так как с давних времен они служили емкостью для хранения воды. В жарких климатических условиях, где каждая капля воды дорога, вода – источник жизни. С давних пор у арабов считалось важным беречь такой вид посуды, дабы была возможность хранить самое ценное - воду. Таким образом, в такой метафорической символизации отображается важность аккуратного обращения к женскому полу, а также значимость женщин в жизни арабов, благодаря ассоциации с хрупкой, но жизненно важной посудой.

Подобные примеры представляют нам язык как хранитель культуры и древней цивилизации народа. Для того, чтобы корректно передать смысл

подобных примеров, переводчик должен быть погружен в культуру народа, обладать глубокими знаниями обистории бытенарода, на язык которого осуществляется перевод.

То же касается и русского языка, где многие метафоры, построенные на символах, ассоциируются у арабских переводчиков с иными культурными явлениями, которые для носителя арабского языка могут быть непонятны. К примеру, выражение *превратил дом в кабак,* может вызвать затруднения в переводе. «Кабак– заведение для продажи и распития спиртных напитков. Перен.: о беспорядке, безобразии, нечистоте, напоминающих обстановку кабака»[6, с.257]. В арабской культуре подобные ассоциации невозможны. Очевидные различия культурных составляющих арабского и русского языков объясняются различной коннотацией значений слов или сочетаний.

Примером из арабской поэзии могут служить строки известного арабского поэта Аль-Мутанабби, который, превознося свои личные качества, пишет следующее:

الخيلو اللّيلو البيداءتعرفنيو السيفو الرمحو القرطاسو القلم [10]

И лошадь, и ночь, и пустыня меня знают, и меч,

И копье, и бумага, и письменная трость.

Учитывая то, что у арабов с древних времен оценивают человека по его окружению, Аль-Мутанабби описывает себя с этих позиций. Под близким окружением он подразумевает лошадь, ночь, пустыню, меч, копье, бумагу и письменную трость. الخيل (пер.: лошадь), что у древних арабов ассоциировалось с силой. Тем самым, автор указывает на то, что он является сильным человеком. Ночь (الليل) в бескрайней пустынной местности известна не только своей красотой, но и опасностями. Только бесстрашные всадники могли выезжать из дома ночью. Автор стихотворения, говоря о том, что его «*знает ночь»,* указывает на свое бесстрашие и храбрость. Ведь только смелые всадники могут быть знакомы с ночью в пустыне. Таким образом, *ночь*(الليل)символизирует храбрость. Пустыня (البيداء) характеризует человека, как обладателя ума. По мнению древних арабов, пустынные люди отличаются особым умом, который помогает им выжить в непростых условиях. Из чего следует, что автор, будучи *знакомым с пустыней*, также отличается умом. Как известно, принадлежностями воина являются меч (السيف) и копье (الرمح). Включая эти атрибуты в свое окружение, автор хочет подчеркнуть свою силу и мощь. Завершает автор список своего близкого окружения атрибутами поэта - القرطاس (пер.: бумага) и القلم (пер.: ручка). Как известно, поэты во времена Аль-Мутанабби были авторитетными личностями, без которых не проходило ни одно мероприятие.

Таким образом, автор, перечисляя эти символы, составляющие его окружение, наделяет себя ценностными качествами, желает представить себя не только сильным и отважным воином, но и умным и интеллигентным человеком.

Особенность стилистической дифференциации текстов в русском и арабском языках влекут за собой некоторые трудности в процессе перевода. Так, к примеру, русский язык, в отличие от арабского, более стилистически

дифференцирован, благодаря чему метафора стала неотъемлемой частью практически всех стилей и подстилей речи, включая научный и официально-деловой стили. Например, медицинская терминология в русском языке содержит следующие виды метафоры *заячья губа, волчья пасть, утиная походка, бычье сердце* и др., представляющие собой зооморфные метафоры; сочетания *грудь портного, грудь сапожника,* обозначающие особенности анатомического строения по аналогии с определённой профессией человека, представляют собой антропоморфные метафоры[11]. В этой связи перевод подобных метафор на арабский язык, где стилистическая дифференциация менее выражена, может быть достаточно сложным. Стоит также отметить, что стилистическая дифференциация текстов в русском и арабском языках главным образом обусловлена характером человеческой деятельности в областях духовной и материальной культуры.

Принадлежность русского и арабского языков к разным языковым группам, обусловливает разноструктурность двух языков, которая также может создать дополнительные сложности при переводе метафор.

Таким образом, перевод метафор с русского языка на арабский язык или, наоборот, не что иное как искусство передачи смыслов с учетом культурных особенностей народа. Высокий профессионализм переводчика выявляется в его умении нахождения точного речевого соответствия метафоры в другом, несмотря на различия в структуре и культурной коннотации языков. Главное здесь – глубокое понимание символа метафоры и стремление выразить её адекватными средствами, максимально приблизив к языку-оригиналу, удовлетворяя общепринятые нормы того или иного языка.

Литература

1. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 2010. – 562с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
3. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Филологический факультете. – СПбГУ, 2004. – 634 с.
4. Джордж Лакофф, Марк Джонсон. Метафоры, которыми мы живем// Арутюнова Н.Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
5. Айтматов, Ч.Т. Пегий пес, бегущий краем моря [Текст] / Ч. Т. Айтматов.И дольше века длится день. – Ф.: Кыргызстан, 1988.- С.579-656.
6. Ожегов С.И., Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. - М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 939 с.
7. تشينغيز أيتماتوف، الكلب الأبلق الراكض على حافة البحر، الطبعة الأولى، منشورات الجمل، بيروت- بغداد، 2015، 288ص
(Айтматов Ч.Т. Пегий пес, бегущий краем моря / Ч.Т. Айтматов. – Бейрут-Багдад: Маншурат Аль- Жумаль, 2015. – 288с.)
8. Баранов Х.К. Русско-арабский словарь. – М.: Русский язык, 1981. – 968 с.
9. Электронный словарь Аль-Маани [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.aldiwan.net/poem20938.html - المعاني (дата обращения 28.02.21)

10. Сборник стихотворений Аль-Мутанабби [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.aldiwan.net/poem20938.html. - الديوان(дата обращения 29.02.21)
11. Дьяченко А. П. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине: слов.-справ. – Минск: Новое знание, 2003. – 428с. 2.

УДК:372.880

Чонмурунова Н. Ж.
КНУ им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Нconmurunova N. J.
J.Balasagyna KNU, Bishkek
n.turahunova@mail.ru

Стилистическая роль антонимов в произведениях Ч.Айтматова
The stylistic role of antonyms in the works of Ch.Aitmatova

Аннотация. *В статье рассматривается стилистическая роль антонимов в произведении Ч.Айтматова «Прощай Гульсары!». Обращаясь к антонимам Ч.Айтматов хотел отразить важные особенности мировоззрения, что позволяет выявить их функции в художественном тексте. Для создания эмоционального настроя автор в полной мере использует возможности всех уровней языка, прежде всего, лексического.*

Abstract. *The article considers the stylistic role of antonyms in the work of Ch.Aitmatov " Goodbye Gulsary!". Referring to the antonyms of Ch.Aitmatov wanted to reflect the important features of the worldview, which allows us to identify their functions in the literary text. To create an emotional mood, the author fully uses the capabilities of all levels of the language, primarily lexical.*

Ключевые слова*: языковая национальная картина мира; синонимы; антонимы; Айтматов; писатель-билингв; ментальное поле культур; типы синонимов; русский язык; кыргызская национальная культура.*

Keywords: *linguistic national picture of the world; synonyms; antonyms; Aitmatov; bilingual writer; mental field of cultures; types of synonyms; Russian language; Kyrgyz national culture.*

В нашей статье объектом исследования является стилистическая роль антонимов в произведении Ч.Айтматова «Прощай, Гульсары!». Нужно отметить, что антонимы используются как яркое выразительное средство в художественной речи, на них основана выразительная сила художественного произведения. Обращаясь к антонимам Ч.Айтматов хотел отразить важные особенности мировоззрения, которое позволяет выявить их функции в художественном тексте. Для создания эмоционального настроя автор в полной мере использует возможности всех уровней языка, прежде всего, лексического. Нужно отметить, что синонимы, как и антонимы, используются в качестве выразительного средства в художественной речи, ими также обеспечивается выразительная сила художественного произведения. Есть уникальная отличительная черта языка всех произведений рассматриваемого нами автора: Чынгыз Айтматов является писателем-билингвом, и его национальная ментальность, очевидно, диктует ему совершенно особый подбор слов для отражения языковой картины мира своего народа. Отсюда меткие выражения, обилие синонимов и антонимов, которые вплетаются в речь

героев и повествователя, пословицы и поговорки, которые даются не только на русском, но и на кыргызском языке, причем к кыргызскому варианту обычно есть разъяснение[2, с.121].

В своих произведениях Ч.Айтматов неоднократно подчеркивал свою принадлежность и неразрывную связь со своим народом, нацией, языком. Несмотря на то, что многие его произведения написаны им на русском языке, в них всегда отражалась его кыргызская ментальность, и мы находим этому подтверждение в его романах: Например, в романе «Когда падают горы»: *дүйне ордундабы?!* («на месте ли мир»)[1, с.127] в значении *«Неужели мир в душе человеческой сокрушен?!».* Как видно из примера, здесь писатель-билингв переводит кыргызскую поговорку на русский. Таким образом, антонимы «ордундабы – сокрушен» образуют общее ментальное поле культур двух народов: русского и кыргызского. Само по себе это свидетельство того, что в его произведениях совмещены две картины мира: русская (как русскоязычного писателя) и кыргызская (как кыргыза), присутствующие в сознании автора и нашедшее отражение в произведениях писателя.

Несмотря на то, что антонимия принадлежит к числу традиционных и общепринятых лингвистических терминов, до сих пор ведутся споры о том, какой точный смысл следует вкладывать в это понятие и какие пары слов разумно причислять к антонимам. По мнению Новикова антонимами могут оказаться самые различные предметы понятия и соответствующие им слова в зависимости от тех или иных конкретных условий[3, с.259].

Антонимия – универсальное явление, наблюдаемое в различных языках и играющее важную роль в речемыслительной деятельности, так как оно является основным выразительным средством создания контраста, противопоставления, противоположности внутри одной сущности: качества, свойства, действия, процесса, времени, отношения, места и т.д. Противоположными по самому общему и наиболее существенному семантическому признаку являются антонимы [4, с.88].

Наши наблюдения связаны с произведением Ч. Айматова «Прощай, Гульсары!». Методом сплошной выборки были выделены контексты, содержащие антонимы, – всего около 100 слов. В начале произведения «Прощай, Гульсары!» Ч.Айтматов вводит антонимы **«Войска идут день и ночь»** [1, с.440]. Антонимы помогают писателю показать полноту охвата явлений, широту пространственных и временных границ.

Автор вводит также антонимы, которые имеют устойчивый характер, являются фразеологизмом: **«ни взад, ни вперед»** [1, с.440].

Таким образом, можно сделать вывод, что к антонимам автор обращается для достижения эмоциональности речи. «Ехал **ни скоро**, **ни тихо**» [1, с.446]. «Не любил он **медленной езды**, ну просто не переносил. В молодости, когда довольно часто приходилось ездить в райцентр, каждый раз на обратном пути он пускал коня **галопом**» [1, с.446]. «Гульсары был иноходцем от рождения, и за его знаменитую иноходь выпало ему в жизни много **хороших** и много **горьких** дней» [1, с.447]. «Никогда так **медленно** не шел он к финишу и никогда так **быстро** не приближался к нему» [1, с.447-448]. «На больших

станциях эшелон **встречали** и **провожали** духовые оркестры» [1, с.453]. «Иногда **исчезал** и снова **появлялся**» [1, с.458]. «Потом он хорошо узнал эти песни – разные были среди них, **веселые** и **печальные**, **длинные** и **короткие**, **со словами и без слов**» [1, с.461].

«**Пришла** и **ушла**» [1, стр.464]. «**Позади** оставалась брошенная телега, а **впереди**, на западе, ложилась на дорогу темно-фиолетовая тьма» [1, стр.465]. «Скольких председателей колхоза пережил Гульсары, разные бывали – **умные** и **самодуры**, **честные** и **нечестные**, но все до одного ездили на иноходце с **первого** и до **последнего** дня своего председательства» [1, стр. 466]. «Они о чем-то негромко **переговаривались**, а то и просто **молчали**» [1, стр.470].

«Летом животноводство **разрасталось**, а зимой **шло прахом**, скот подыхал с голода и холода» [1, с.470]. «**Старые** арыки надо ремонтировать, **новые** прокопать, работа большая, тяжелая» [1, с.471]. «Танабай разговаривал с ней, склонившись с седла, а она то **улыбалась**, то **хмурилась**, качала головой, не соглашаясь с чем-то…» [1, стр.472].

«В этом были и **слабость** его, и **сила**» [1, с.476]. «И замелькали одно за другим **настигнутые** и **оставленные** позади искаженные яростью лица всадников, взмытые в воздух плетки, оскаленные, хрипящие морды коней» [1, с.476].

«До самого вечера носились кыргызы и казахи, свисая с седел, подхватывая на скаку тушу козла, вырывая ее друг у друга, **сбиваясь** в гомонящую кучу и вновь **рассыпаясь** с криками по полю» [1, с.479]. «Как стаи быстрокрылых птиц, падающих на лету с крыла на крыло, носились по широкой степи **убегающие** и **догоняющие** их орлы всадников» [1, с.481].

«Глаза ее **вспыхнули** и **погасли**, как камни на дне освещенного луной водопоя» [1, с.484].

«**Днем** он пасся, отдыхал, **ночью**, отогнав табун в лощину, хозяин мчался на нем опять туда же, к тому двору» [1, с.485]. «Пламя то **падало**, то **вставало** на ветру» [1, с.490].

«То **светло**, то **темно**, то **светло**, то **темно**…» [1, с.490]. «Будут теплые дни, скот нажирует тело, будет вдоволь молока и мяса, будут скачки в праздники, будут будни – окот, стрижка, выхаживание молодняка, кочевка, и между всем этим у каждого своя жизнь – любовь и разлука, **рождения** и **смерти**…» [1, с.490]. «**Нового** председателя не признаем, к **старому** идем жаловаться» [1, стр.496]. «Руки ее, погрубевшие от долголетней работы в **жару** и **холод**» [1, с.498]. «И что его собственно возмутило – с пышной бархатной подушкой на седле, точно ездил на нем не **мужчина**, а **баба** толстозадая» [1, с.498].

«**Летом** невозможная **жарища**, **зимой** собаку не удержишь от **холода**» [1, с.503].

«Без **перебора** и **недобора**. Теперь **проигравший** должен «дудеть». **Победитель** идет к кону и отсюда снова закидывает чижик» [1, с.504]. «Затылок сводит чугунной тяжестью, голова устала мотаться то **вверх**, то **вниз**, как тогда, когда он прыгал, сдвуноженный кишеном» [1, с.507]. «Она **встает** перед глазами, когда иноходец, прыгая, вскидывает голову, и **падает** камнем, когда он роняет голову» [1, с.508]. «Так **было** испокон веков и так **будет**» [1, с.510]. «Отчего колхоз будто не **свой**, как тогда, а вроде **чужой**?» [1, с.510].

«И всю дорогу **туда** и **обратно** пели песни» [1, с.514]. «Чоро все равно уговорит его, не сможет он **отказать** ему, **согласится**, как всегда» [1, с.515]. «Подумать только, с самых тридцати годов – то **вверх**, то **вниз**, то на **подъем**, то на **спуск**…» [1, с.517]. «К чему это, к **добру** или к **худу**?» [1, с.522]. «День **здоров**, два **болеет**» [1, с.523]. «Ничего хорошего он не ожидал, но чтобы кошара для расплода стояла с прогнившей и провалившейся камышовой крышей, с дырами в стенах, без окон, без дверей, чтобы ветер продувал ее **вдоль** и **поперек**,- нет, этого он не ожидал» [1, с.525].«Ветер шастает по кошаре, как в поле, **задувает** фонари. Танабай идет ощупью, спотыкается, на четвереньках лезет, чтобы не подавить новорожденных, находит фонарь, **зажигает** и в свете его видит свои черные, опухшие руки, вымазанные в навозе и крови» [1, с.532]. «**Рано** или **поздно** хворь доконает их» [1, с.533]. «Нельзя было сказать, что он стал **богачом**, но и не **бедным** он был» [1, с.537]. «Разных людей – **добрых** и **недобрых**. **Удобных** и **неудобных** в седле» [1, с.542]. «Нечего ему лезть с пустыми разговорами, **нижестоящие** должны робеть перед **вышестоящими**» [1, с.543]. «Чего только Танабай не пережил, войну прошел с **начала** до **конца**, но не подозревал, что сердце может кричать таким криком, каким оно кричало сейчас. С этим криком, отдававшимся неумолкающей канонадой в ушах, сердце его **падало**, **вставало**, карабкалось, срывалось вниз и снова пыталось встать, но пули били его в упор» [1, с.550]. «Мы надеемся, что двери для вас назад не закрыты, что **рано** или **поздно** вы сможете вернуться в партию» [1, с.555]. **«**Что слова их **снаружи** красивы**,** а **внутри** лживы и пусты» [1, стр.556]. «Снова припомнил он, как уходил Бектай, как оставались за ним **черные** следы на **белом** снегу, как нечего ему было сказать в ответ…» [1, с.559]. «Он рысил на коне, свисая с седла то на **левую**, то на **правую** сторону, и рыдал по своему ушедшему из этого мира другу» [1, с.564]. «Много **дней** и много **ночей** по скалам, по кручам, по снегам и камням продолжалась эта погоня» [1, с.570]. «Но своих, **плохи** они или **хороши**, никуда не денешь» [1, с.578].

Смысл слова в произведении уточняется автором до малейшего оттенка, потому что Чынгыз Айтматов, описывая жизнь и судьбу своего народа, знает, как это сделать средствами русского языка. Для этого надо быть носителем кыргызского «национального мировосприятия» и владеть русским языком как родным. Сюжет повести и язык повествования просты, однако суровость и кажущееся спокойствие внешнего вида человека не должны ввести читателя в заблуждение, за молчаливостью и сдержанностью скрываются острейшие переживания главного героя повести Танабая: *«Для Танабая этот подъем всегда был наказанием. Не любил он медленной езды, ну просто не переносил. В молодости, когда довольно часто приходилось ездить в райцентр, каждый раз на обратном пути он пускал коня в гору галопом. Не жалел его, нахлестывая».*

Из общего количества приведенных синонимических пар 40% можно отнести к семантико-стилистическим антонимам. В этих парах в подавляющем большинстве случаев одно из слов относится к книжному (**добрых-недобрых**, **удобных-неудобных**), просторечному (**полегоньку, студёный, никудышный**) употреблению, есть также слова книжного (**струиться**), высокого (**взывать**) стилей, встречаются слова устаревшие (упрямствовать, дрёма,

смятенный).Отметим здесь, что именно такой «перепад по стилю» особенно обостряет эмоцию или чувство (не просто звал, а взывал; овцы не просто пали, а подохли; кошму не просто чинила, а латала). В 20% всех проанализированных нами антонимических пар содержатся слова, используемые в прямом значении (плохи – хороши, черная-белая).

Использование анализа типов лексического значения, а также системных связей слов в курсе изучения русского языка и русского языка как иностранного формирует у обучающихся представление о языковой национальной картине мира, о мастерстве писателя, об отражении культуры народа в произведениях художественной литературы.

Литература

1. Айтматов Ч.Т. Избранное: Роман, повести/ Послесл. Асаналиева; Худож. К. Сухаревский. – Ф.: Кыргызстан, 1983. – 592 с.
2. Багичева Н.В, Чонмурунова Н.Ж. «Синонимы в произведениях Чынгыза Айтматова: описание и типологизация» // Филологическое образование в период детства [Текст] : ежегодник / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Е. Б. Плаксина. – Екатеринбург : [б. и.], № 27, 2020, стр.119-132.
3. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: Из-во Московского университета - 1973.с.290.
4. Шхапацева М.Х.,Пазова Л.М. «Антонимы, антонимия, антонимическая парадигматика в русском языке». // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ».Выпуск 3, (164), 2015 год, стр.94.

УДК: 811.512.161

Эргешбай кызы М.,
ОшГУ, г. Ош
Ergeshbay kyzy M.,
Osh State University
ergeshbai_kyzy@mail.ru

Турецкий язык в орбите мировой и кыргызской лингвистики
Turkish language in the orbit of world and Kyrgyz linguistics

Аннотация: *В статье представлен обзор исследований по турецкому языку в западноевропейской лингвистике, отмечена роль российского и кыргызского языкознания в изучении турецкого языка.*

Abstract*: The article provides an overview of studies on the Turkish language in Western European linguistics, the role of Russian and Kyrgyz linguistics in the study of the Turkish language is noted.*

Ключевые слова: *грамматические традиции; структурные методы; сопоставительная типология; турецкий язык; русский язык; кыргызское языкознание.*

Keywords: *grammatical traditions; structural methods; comparative typology; Turkish language; Russian language; Kyrgyz linguistics.*

Для научного изучения современного турецкого языка значительный интерес представляют исследования, включенные в сборник “Новое в зарубежной лингвистике”. Выпуск 19. Проблемы современной тюркологии” [1]. Все работы в этой книге посвящены одному языку – турецкому. По замыслу составителей сборника, данное исследование должно ознакомить читателей с иными, чем в российской тюркологии, методами описания материала, с трактовками, вытекающими из западной лингвистике [2, 5].

Во вступительной статье к данной книге отмечается, что с начала возникновения и до середины XX века параллельно развивались две грамматические традиции – арабская (Б.Кадри; А.Февзи (1846); Фуад-эфенди, Джевдет-эфенди (1851) и т.д. и европейская, представленная именами (Филиппо Ардженти; Пьетро Феррагуто и рядом других имен.

К середине XX века эпоха арабской традиции, которая передала свои достижения мировой лингвистике, завершилась в турецком языкознании. Наступило время, когда применительно к изучению и описанию турецкого языка стали использоваться структурные методы, разработанные в западноевропейской лингвистике. Одним из первых использовал их Ф.Еллингхаузен. В 1943 году он выпустил краткую грамматику турецкого языка, в которой в главных чертах была описана грамматика турецкого языка.

Во вступительной статье к данному сборнику акад.А.Н.Кононов и А.Н.Барулин дали критический анализ материалов, помещенных в него, изложив собственное видение обозначенных проблем. Характеризуя содержание фонетико-фонологических исследований Р.Б.Лиза, авторы отмечают, что он “одним из первых сформулировал правила вывода места ударения на основе предварительной классификации морфем по их способности принимать на себя ударение и пропускать его дальше к концу фонетического слова” [2, 10].

Вопросам фонетики посвящены в данной книге статьи Дж.Лотца, Л.Гржебичека, Н.Уотерсона, М.Яваш, Р.Б.Лиза, Дж.Л.Малонэ; морфологические и морфонологические проблемы рассмотрены в работах Р.Б.Лиза, М.Добровольского, Э.Эргуванлы, Р.Андерхилл, Б.Нильсон, К.Циммер, Ф.Яваш; синтаксическими исследованиями можно считать публикации Р.Б.Лиза, Р.Андерхилла, Х.Ханкамер и Л.Кнехт, С.Тура и М.Деде, Дж.Мальдер, Л.Юхансон. Как видно, объектом лингвистического анализа стали различные аспекты ведущих уровней языковой системы, за исключением вопросов словообразования и лексикологии турецкого языка.

Все перечисленные исследования объединяет единая методология, или подход, заключающийся в использовании формально-структурных методов, в которых фактор человека максимально нивелирован. Так, Р.Б.Лиз, наиболее

яркий представитель структурного направления и автор 6 статей данного сборника, полагает, что при описании грамматики турецкого языка следует использовать правила порождающей грамматики, которые представлены следующими их типами:

1) правила построения структуры непосредственно-составляющих (метод НС), которые помогают развертывать в цепочки “ядерные предложения”;

2) грамматические трансформационные правила, которые позволяют из простых структур получать производные цепочки и деревья;

3) фонологические правила, которые включают в свой состав морфонологические и фонетические правила [3, 95].

Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, отметим, что турецкая лингвистика не получила достаточно полного описания на базе структурных методов. На наш взгляд, традиции арабской лингвистики, к которым тяготели научные направления стран Ближнего и Среднего Востока, все еще продолжают оказывать заметное влияние на содержание лингвистических исследований современной Турции. Эти традиции акцентируют большее внимание на лексическом содержании слова, в центре научных интересов оказываются некоторые аспекты их применения в различных ситуациях, что связано было с задачами толкования смыслов Корана. Поэтому ведущим направлением современной лингвистики в Турции являются лексико-семантические и лексикографические исследования, в которых высока доля человеческого фактора.

С усилением кыргызско-турецких отношений стали заметны процессы сближения лингвистических позиций и установок изучения кыргызского и турецкого языков, особенно в части сравнительно-сопоставительного изучения турецкого, с одной стороны, кыргызского и русского языков, - с другой. Этой проблематике посвящен целый ряд диссертационных и монографических исследований, созданы двуязычные словари, учебники и учебные пособия. В частности, заметным явлением стало появление исследования Т.Садыкова и Б.Сагынбаевой “ Кыргыз-түрк салыштырма грамматикасынын негиздери”, в которой авторы отслеживают основные этапы развития турецкого языка начиная с XI века по настоящее время, описывают в системно-структурном аспекте грамматические особенности турецкого, кыргызского и других тюркских языков, выявляют истоки пополнения словаря данных языков заимствованной лексикой, приводят краткий тематический турецко-кыргызский словарь [4].

В 2015 году вышла книга известного кыргызстанского языковеда З.К.Дербишевой, в аннотации к которой отмечается, что “настоящее издание - первый фундаментальный учебник по сравнительной грамматике русского и турецкого языков” [5].

В этой связи сравнительно-сопоставительные исследования русского и турецкого языков становятся важной частью лингвистической подготовки специалистов. Это учебник стал примером системно-структурного описания русского и турецкого языков. В книге дается сопоставительное описание морфемики, словообразования и морфологического строя данных языков.

Отмечая, что русский и турецкий языки по своему грамматическому устройству представляют собой типологически разные системы, З.К.Дербишева в части словообразования приходит к заключению, что “подходы к систематизации производных единиц в турецком и русском языках разные. В русском языке в основе классификации лежит функционально-семантический (словообразовательные типы, парадигмы, категории), а также гнездовой принцип (словообразовательные гнезда). В турецком языке распространен структурный принцип, т.е. производные слова классифицируются на основании общности словообразовательного форманта с учетом конверсионного подхода” [5, 43]. И это вполне понятно, поскольку флективное строение и многообразие способов выражения словообразовательного значение в русском языке не позволяет выстроить классификацию словообразовательного материала с опорой только на словообразовательный формант.

Данный учебник представляется важным для всякого исследования, объектом которого являются русский и турецкий языки, поскольку морфемика, словообразование и морфология образуют ядерную часть языковой системы. Как отмечает М.Дж.Тагаев, знакомство с системно-структурным описанием языка, тем более в сопоставительном ключе, является надежной базой для антропоцентрических исследований [6].

Более подробно мы решили осветить основные черты турецкой грамматики путем обзора работы З.К.Дербишевой, которая посвящена данному вопросу [5]. Особенность этого исследования заключается в том, что автор дает сопоставительное описание грамматики русского и турецкого языка через призму взглядов как российских, так и турецких лингвистов, в частности, использовав в качестве теоретического источника грамматику турецкого языка Зейнеп Коркмаз, а примеры почерпнув из учебника Эйюп Гениша.

Первый раздел книги называется “Морфемика и словообразование в русском и турецком языках”. З.К.Дербишева отмечает, что объединяет русский и турецкий языки доминирование морфологического способа словообразования. Причем характерной особенностью турецкого словообразования, исходной точкой отсчета «является не производное слово, а сам аффикс. Аффикс рассматривается как доминирующая единица словообразования, тогда как в русском языке доминирующей единицей является производное слово» [5, 7]. Далее автор дает перечень словообразовательных аффиксов турецкого языка, распределяя их по функциональным классам. К примеру, 1) аффиксы, образующие имена от именных основ; 2) аффиксы, образующие имена от глаголов и т.д. Среди этих классов выделяются типы аффиксов по характеру преобразования исходной основы: преобразуют ли они частеречную принадлежность исходного слова или модифицируют его семантику.

Далее автор дает подробную характеристику словообразовательных значений аффиксов, описывает сочетаемостные их свойства и преимущественную сферу применения данных морфемных отрезков.

Следующая часть монографии посвящена сопоставительному описанию морфологического строя русского и турецкого языков. По мнению автора

данной книги, «для турецкого языка типологически не свойственно словоизменение. В турецком языке формы слова создаются не путем словоизменения, а путем образования друг от друга» [5, 63-64]. Тезис этот, на наш взгляд спорный, поскольку аффиксы словоизменения в тюркских языках имеют другую технику присоединения – агглютинативную, однако функции грамматических аффиксов остаются такими же, как и во флективных языках: они выполняют синтаксическую роль. Сравните, *masa* 'стол', *masa**nın***'стола', *masa**ya*** 'столу', *masa**yı***'стол'**, *masada***'в столе'**, *masadan***'от стола, из стола'; *masanın yanında duran* 'стоит недалеко от стола'. Как видно из примеров, словоизменение имен существительных обеспечивает ему синтаксические связи с другими словами.

В качестве фундаментального свойства турецкого языка З.К.Дербишева называет способность корневых основ к бесконечному варьированию путем присоединения к ним разных функциональных аффиксов [5, 65]. Порядок прибавления различных аффиксов к тюркской основе был описан еще в работах Н.В.Баскакова, крупнейшего советского тюрколога [7]. Вслед за ним автор анализируемой книги отмечает, что последовательность наращивания структуры тюрского слова следующая: корневая основа + словообразовательные аффиксы + аффикс множественности + аффиксы принадлежности + падежные аффиксы: *yol-cu-lar-ımız-da* - 'у наших спутников'.

Далее в работе подробно описывается типология частей речи в русском и турецком языках. В основе выделения частей речи лежит учение о функционально-семантических разрядах, которые облегчают решение проблемы о выделении частей речи в языках разных систем.

По замечанию З.К.Дербишевой, типологической особенностью русского языка являются следующие особенности системы частей речи.

1) лексико-семантическая дифференцированность слов по частям речи;

2) формально-грамматическая маркированность частей речи;

3) тенденции к устойчивости синтаксических функций частей речи.

Разберем эти случаи подробнее, чем это изложено в книге.

Итак, положение первое. Действительно, в русском языке наблюдается соотнесенность лексико-семантического значения с определенной частью речи, т.е. каждое значение имеет «излюбленные соотнесенности». Так, например, категориальное значение предметности, как правило, реализуется именами существительными, значение признака предмета – прилагательными, процессуального признака – глаголами, признака действия – наречиями и т.п.

В тюркских языках этот принцип не столь строг, как в русском. Например, одно слово может выражать в зависимости от синтаксической функции как предмет, так и признак (*demir sonrası* 'железный столб', *Demir ise grevodun* 'ковать железо'), или значение признака предмета и значение признака действия (*şiddetli rüzgâr* 'сильный ветер', *şiddetle ağrıyor* 'сильно болит').

Положение второе. В русском языке большинство частей речи имеет свои формальные показатели. Например, окончания существительных (нулевое – для мужского рода, *-а, -я* – для женского рода, *о-,е* – для среднего рода) указывают на отнесенность данных слов к именам существительным (*дом, город; страна,*

воля; море, небо), двубуквенные окончания - *-ой, -ый, -ая, -ое* и др. относят слово к именам прилагательным.

Иная картина в турецком языке. Здесь морфологические показатели слабо связаны с отнесенностью слова к той или другой части речи. Так, один и тот же аффикс множественного числа *-lar* может быть присоединен как именам существительным, так и к глаголам. Сравните, *at – atlar* 'лошадь - лошади', *yazdı – yazdılar* 'написал - написали'. В то же время имена существительные турецкого языка имеют специфические аффиксы, которые характерны для имен существительных. Это аффиксы сказуемости (*öğrenciyim* 'я студент'), аффиксы вопроса (*öğrenc**i** m**i**?* 'ты студент'), аффиксы принадлежности (*öğrencim* 'мой студент') и др.

Положение третье. В русском языке для каждой знаменательной части речи характерна своя снтаксическая функция. Как правило, имена существительные играют роль подлежащих и дополнений, глаголы – сказуемых, наречия – различных обстоятельств, прилагательные – согласованных определений. В турецком языке синтаксические функции частей речи несколько размыты, поскольку одно и то же слово может быть и подлежащим и определением. Случается так, что именно синтаксическая функция становится определяющим фактором отнесенностити слова к той или иной части речи. Сравните, *demir karakteri* 'железный характер', *ekstre demir* 'добывать железо'.

В заключение отметим, что если методологические основы и направления развития кыргызского языкознания формируются главным образом под влиянием идей и методов российской лингвистики, то в свою очередь кыргызская наука о языке в известной мере способствует продвижению этих методик в турецкую лингвистику путем проведения сопоставительных исследований турецкого и других языков.

Литература

1. Новое в зарубежной лингвистике / Выпуск X1X / Проблемы современной тюркологии / Составление А.Н.Барулина / Переводы с английского и немецкого языков / Общая редакция А.Н.Кононова. Вступительная статья А.Н.Кононова и А.Н.Барулина. – М.:Прогресс, 1987.
2. Кононов А.Н., Барулин А.Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике / Выпуск X1X / Проблемы современной тюркологии / Составление А.Н.Барулина / Переводы с английского и немецкого языков / Общая редакция А.Н.Кононова. Вступительная статья А.Н.Кононова и А.Н.Барулина. – М.:Прогресс, 1987.
3. Лиз Р.Б**.** Фонология современного нормативного турецкого языка // Новое в зарубежной лингвистике / Выпуск X1X / Проблемы современной тюркологии / Составление А.Н.Барулина / Переводы с английского и немецкого языков / Общая редакция А.Н.Кононова. Вступительная статья А.Н.Кононова и А.Н.Барулина. – М.:Прогресс, 1987.
4. Садыков Т., Сагынбаева Б. Кыргыз -Түрк салыштырма грамматикасынын негиздери. – Бишкек, 2010.

5. Дербишева З.К. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков: учебник для вузов / З.К.Дербишева. – М.: Флинта: Наука. – 2015.
6. Тагаев М.Дж. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2015. – Том 15. - № 2.
7. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизм агглютинации) / Отв. ред. акад. А. Н. Кононов; Институт языкознания АН СССР. — М.: Наука, 1979.

УДК :81; 811.111

Юсифова З. О.
Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана,
(Баку, Азербайджан)
Yusifova.Z.O
Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Azerbaijan
Baku, Azerbaijan
q.zeyneb@gmail.com

Лингвопсихологическиеаспектыпроцессаусвоениянеологизмов
Linguopsychological aspects of the adaptation of neologisms

Аннотация:*В статье исследуются лингвопсихологические аспекты усвоения неологизмов. На примере специфического неологизма – выражения fake news – прослеживаются лингвопсихологические процессы, происходящие при переходе от исходного языка к другим языкам. Было определено, что здесь важную роль играют и социопсихолингвистические факторы*.

Abstract: *The article studies linguopsychological aspects of the process of adaptation of neologisms. The linguopsychological process that occur during the transition from the source language to the target languages is observed in the example of one specific neologism – "fake news". Alongside with it, the importance of the sociopsycholinguistic factors was also revealed during the study*.

Ключевые слова*:неологизмы; психолингвистика; процесс усвоения; интерференция.*

Keywords:*neologisms; psycholinguistics; adaptation; interference*.

Основная цель нашего выступления в рамках данной статьи – оценить роль лингвопсихологических факторов в процессе усвоения заимствованных неологизмов. Известно, что барьеры, с которыми сталкиваются неологизмы при усвоении, условия их приобретения, а также траектория и хронология «интерференционного перехода» до обретения статуса международного термина, представляют интерес для психолингвистических и социопсихолингвистических оценок. Например, термин **fake news** (*фейковые новости*) из-за доминирующего коммуникативного положения английского языка, языка глобализации, также демонстрирует траекторию и хронологию

стремительного распространения этого термина из-за его включения в активный лексикон главы государства, сверхдержавы, можно сказать, однополярного мира. Термин **fake**, принятый в качестве нового поколения терминологического инвентаря, был «официально» добавлен в итальянский лексикон в 2020 году, через три года после создания словаря Коллинза; в том же году неологизм был включен в словарь **Devoto–Oli** [1, с.818-822]; [2].

Неологизм **fake news**, включенный в орфографический словарь немецкого языка Duden в 2020 году [3], принят в транслитерации согласно версии на исходном языке (согласно словарю Duden, варианты ***Fake-News, Fakenews*** менее приемлемы с точки зрения литературных языковых норм [4])[26]. Интересно, что, несмотря на потенциал немецкого языка для словообразования и, несмотря на то, что этот потенциал широко используется в современных неологизмах [например, см.: 6, с.14-15], в этом языке не было формата, соответствующего композиту ***Fakenews***, и его калька-композит (**Falschmeldung**) также не стала предпочтительной.

Причина же – социопсихолингвистическая и лингвопсихологическая. Тот факт, что английский язык является ведущим рабочим языком среды Интернет-дискурса, способствует переходу от одного языкового неологизма к другому и изменению кода, сформированного в этой среде, принятого «армией» международных пользователей Интернета, что, в конечном итоге, приводит к дополнительной когнитивной деятельности, включая и энергозатраты. В данном случае существовала опасность замены известного интеллектуального кода другим, что, конечно же, могло подорвать конгруэнтность потока информации между сторонами, участвующими в диалоге. При этом семиозис письменного текста «нарушается». Хорошо известно, что семиозис воплощает в себе непрерывный процесс в тексте, в котором каждый языковой знак объясняется другим знаком, а «переход» одного знака в другой воплощает «цепочку процессов», не имеющую ни начала, ни конца [7]. Как видно, нарушение связи интеллектуальных образов и образа действительности серьезно снижает конгруиентность обмена языковых кодов на сторонах процесса семиозиса, т.е. между читателем и автором текста. Напомним, что Ю.С. Кубрякова, изучавшая процесс «смыслообразования в актах семиозиса», при оценке роли и участия акта семиозиса в образовании новых языковых знаков (в том числе неологизмов - З.Ю.) писала: «знак возникает, когда речевую деятельность человека нужно обозначить определенным значением. Это происходит, когда это значение еще не обозначено (т. е. не приобретено) общепринятой и конвенциональной формой его (словесного – З.Ю.) выражения» [8, с.28].

[26]Катрин Кункель-Рацум, видный немецкий ученый и член редакционной коллегии словаря Duden Dictionary, сказала, что на самом деле словарь предлагает письменную версию неологизма для всех, но рекомендуется использовать версию ***fake news***. Лингвисты считают, что целесообразнее решать, какой вариант будет определен, исходя из их частоты использования [5]. Со временем стало ясно, что эта рабочая версия стала***fakenews***, если верить исходному языку.

Интересно, что на примере скорости распространения неологизма ***fake news*** в других языках и процесса ассимиляции у нас также есть возможность проанализировать этнопсихолингвистическую и социопсихолингвистическую природу неологизмов. В то время как термин «***fake news***» не ограничивается многими европейскими языками, франкофонская языковая политика ставит под сомнение статус английского языка как языка глобализации [9, с.146-150], и потому во французском языке наблюдалась несколько иная ситуация. Так, Комиссия по обогащению французского языка (**Commission d'enrichissement de la Langue Française, CELF**) во Франции решила в 2018 году не использовать неологизм **fake news** во всех, без исключения, франкоязычных странах и у народов мира, а вместо этого в тех же странах рекомендуют размещать кальку **information fallacieuse,** стоящей на той же смысловой позиции [10, с.437]. Фактически, несмотря на эту директивную рекомендацию, многие наблюдатели считают альтернативный неологизм, предложенный полицией французского языка, похожим на другие неологизмы («**l'accèssansfil à Internet**» вместо неологизма «**Wi-Fi**»; «**mobile multifonction**» вместо неологизма «**smartphone**» [12]. Протестуя против решения Комиссии по обогащению французского языка, известной, как Французская языковая полиция, Шевалье-Карфис сказал, что народу нужно самому решить, какой неологизм предпочтет он в демократическом выборе. Эксперт также признал, что французы никогда не откажутся от коротких и лаконичных английских неологизмов и не предпочтут вместо этого использовать более сложные, «длинные» французские термины. К. Шевалье-Карфис, не колеблясь, сказал, что «крестовый поход» Франции против английских неологизмов был «***тотальной глупостью***» ('totally stupid') (курсив наш - З.Я.) [13].Однако, если вспомнить, что основы такого отношения, которое французский лингвист назвал «полной чепухой», уходят корнями в франко-британский и франко-американский конфликты, а также тот факт, что неоднозначное отношение Франции к растущему влиянию английского языка влияет на ее государственную политику, то можно выделить здесь также и определенные социально-психолингвистические моменты. Отказ от неологизма **fake** – здесь не просто проявление пуристических тенденций, но и воплощение неизбежного «усложнения» антиамериканской, анти-англосаксонской, антианглийской позиции. Как известно из истории США, «французский язык с XVII века является неотъемлемой частью языкового ландшафта Северной Америки» [14, с.148].

Тем не менее политическое поражение Франции перед Великобританией (позже – Соединенными Штатами) оказали серьезное влияние не только на ее геополитический вес, но и на престиж французского языка и его положение на международной арене. Не примиряясь с этой ситуацией, Французская Республика объявила сохранение и развитие французского языка, как направление своей государственной политики, а его распространение на широкую географию – как национальный приоритет. В этой связи уместно

вспомнить хотя бы Закон Тубона[27] 1994 года (*LoiToubon*). Подход был таков, что нынешний президент Франции Эммануэль Макрон вошел в историю как первый президент в истории Французской Республики, говорящий на английском языке на официальных приемах. Другими словами, негативное отношение в стране к английскому языку, к общению на английском языке находится на таком уровне, что, как заметил С. Кларк, французы «офранцуживают» слова, и во время ассимиляции английских слов появляются неанглийские слова: **le parking**(стоянка для машин), **le living**(гостиная), **le shampooing**(шампунь), **le footing**(бег), **le camping**(кемпинг)[15, с.114-115].

Кроме того, языковая политика и планирование развития языка со стороны французского правительства также нацелены на вытеснение французским языком английского, как ведущего языка ЕС. Десятилетия и даже столетия ревности франкофилов к доминирующему положению английского языка серьезно повлияли как на этнопсихологические процессы, так и на отношения «язык-общество», «язык-мышление», являющиеся объектом рассмотрения социопсихолингвистики.Несомненно, что вопрос франкоговорящего интеллигента «Почему язык Шекспира должен быть лучше языка Вольтера?» [16] по сути, раскрывает суть, главную причину отношения франкоговорящих людей, а также французских лингвистов к неологизмам английского происхождения.

Именно эти причины, обусловленные этнопсихолингвистическими и социально-психолингвистическими факторами, привели к появлению неудачных и часто неэффективных, альтернативных неологизмов во французском языке (неологизм **courrier électronique**вместо короткого и лаконичного **email**)[18]. Однако эти искусственные вмешательства и замены пуристического характера часто не оправдывают себя в реальной дискурсивной среде. В частности, на примере неологизма **Fake news** мы можем сказать, что термин «**information fallacieuse**» не может «похвастаться» своей абсолютной функциональностью (*т.е. способностью вытеснить английский неологизм*), поскольку он неблагоприятен как с точки зрения артикуляции, так и в рамках дискурсивных переходов. Обратимвниманиенапримеры:*Pourquoi la **fake news** d'une journaliste du Washington Post sur les musulmans français n'est pas anecdotique*. *...Les pays Baltes en première ligne dans la guerre des «**fake news**». La Commission veut mettre fin à l'autorégulation des plateformes dans la lutte contre les «**fake news**»* [19]. Цитаты из *Le Figoro*, одного из ведущих органов СМИ Франции, показывают, что, несмотря на усилия Комиссии по обогащению французского языка, термин «***fake news***» по-прежнему широко используется во французском медиа-дискурсе.

[27]Закон Тубона был абсолютным проявлением консервативной языковой политики Франции против распространения английского языка. Этот закон, есть, по сути, работа выдающегося французского лингвиста и автора «Parlez-vous franglais?»(1964), протестовавшего против популяризации английских неологизмов во французском языке; закон «установил» национальную лингвистическую доктрину, изложенную в этой книге.

Объективная причина этого - «принцип экономии», который считается одним из внутренних законов развития языка и тщательно изучен французскими лингвистами.

Именно под влиянием и посредством вмешательства «принципа экономии», коды, которые обладают лаконичностью и более высокой степенью информативности, поддаются более «легкой» и быстрой «расшифровке». Ввиду этого в Интернет- пространстве, во избежание чрезмерных энергетических затрат, предпочитаются неологизмы, обладающие более высокой частотностью использования в международном киберпространстве. В этой связи неудивительно, что «принцип экономии», как движущая сила внутреннего языкового развития, на которой также настаивал известный французский лингвист Андре Мартине, повысил частоту использования на его родном языке неологизма **fake news** вместо кальки **information fallacieuse**.Следует отметить, что А. Мартине подчеркивал, что рабочий индекс «принципа экономии» не ограничивается фонетическим слоем, и его сфера действия охватывает все слои языковой системы [20]. Как уже упоминалось, это более выгодно не только с точки зрения артикуляции, умственного и интеллектуального потребления энергии, но и с точки зрения когнитивных (семиозис и конгруэнтность знаков) процессов. В этом смысле отказ языковой системы от избыточных вариантов и терминологических дублетов с собственными внутренними механизмами регулирования также связан с принципом экономии. В целом «принцип экономии» …«устраняет ненужные ... языковые единицы» [20, с.130]. По мнению Е.Д. Поливанова, «*как это ни странно, но тот* ***коллективно-психологический фактор****, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: «****лень человеческая****» или — что то же —* ***стремление к экономии трудовой энергии***» (курсив наш - З.Ю.) [21, с.55]. Иными словами, внешнее вмешательство не может способствовать возможности овладения неологизмами или замене их «национальной» калькой или другими альтернативами. Это коллективно-психологический процесс, управляемый коллективным сознанием (в частности, языковым мышлением) и осуществляется только внутренними регулирующими механизмами. В заключение можно сказать, что благоприятные условия для изменения кода, «принцип экономии» в совокупности с этнопсихолингвистическими и социопсихолингвистическими факторами играют важную роль в усвоении неологизмов.

Литература

1. Лосева С. А. Неологизмы как предмет исследования в итальянском языке // Альфа-2019 : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редколл.:И. Н. Кавинкина (отв. ред.). – Гродно: ГрГУ, 2019. – 1115 с., с.818-822
2. Логунов А. Постправда, brexit и fake news официально вошли в итальянский язык // РИА Новости, 13.09.2017 // https://ria.ru/
3. Филипп Йедикке, Виктор Вайц "Локдаун" и "гендерная звездочка" внесены в словарь немецкого языка // Deutsche Welle,19.08.2020

4. Шлегель Е. Fake News и язык Гёте // https://ru.mdz-moskau.eu/
5. Как заимствование попадает в словарь Duden? https://www.goethe.de/ins/ru
6. Михеева Е.И. Неологизмы современного немецкого языка: Интегративный аспект на материале имен существительных): автореферат диссер...канд. филол. наук / Елена Ивановна Михеева : 10.02.04, Курск, 2005, – 28 с
7. Бразговская, Е.Е.Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие / Е.Е.Бразговская / Перм.гос.пед ун-т. – Пермь, 2008. – 201с
8. Кубрякова Е.С. О формировании значения в актах семиозиса / Е.С. Кубрякова // Когнитивные аспекты языковой категоризации. — Рязань: РГПУ, 2000. С. 26-29.
9. Куралесина Е.Н. Эволюция языковых политик Франции и Ка¬нады в сравнительно-историческом аспекте / Е.Н. Куралесина // Известия Российского педаго¬гического университета им. А.И. Герцена.- 2011. -№ 127. – С. 146-150.
10. Хабибуллина Ф.Я. Неологизмы в современной европейской политической лексикографии (на материале немецкого и французского языков) / Ф.Я. Хабибуллина, С.В. Агачева // Вестник Марийского государственного университета. – 2019. – Т. 13, № 3 (35). – С. 431–443. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=39562258
11.Во Франции борются с английским выражением "фейковые новости" // 6 октября 2018 // https://www.bbc.com/russian/features-45764416
12.French language police ditch 'fake news' for new Gallic term, 5 October 2018, // https://www.thelocal.fr/2018
13.Chevalier-Karfis C. OPINION: France's fight against new English words is 'totally stupid', 16. 01.2018 // https://www.thelocal.fr/20180116/
14.Опарина Е.О. История и социокультурные характеристики французского языка на территории Северной Америки / Е.О. Опарина // Человек: образ и сущность .— 2013 .— №1 .— С. 147-174 .
15.Кларк С. Франция и французы. О чем молчат путеводители, 2013 / С. Кларк //https://books.google.az/books?id=
16.Поп В. Макрон хочет сделать французский главным языком ЕС. 15.06.2018 // https://www.vedomosti.ru
17.Киселев С.С. Битва за национальную идентичность и многоязычие в контексте глобализации (на примере Франции) / С.С. Киселев // Litera. – 2019. – № 1. – С. 197 - 206.
18.Rory Mulholland 'Fake news?' Non, c'est 'information fallacieuse, say French language policeFake news // https://www.telegraph.co.uk/news
19.https://plus.lefigaro.fr/tag/fake-news
20.Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях, / А. Мартине – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. — 263 с.
21.Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Е. Д. Поливанов Статьи по общему языкознанию. — М.: Наука, 1968. – 376 с.

УДК: 372.881.161.1

Алиева Д.А.
МУИТ, г. Алматы
Aliyeva D.A.
IITU, Almaty
dinaraalieva028@gmail.com
Жумагулова Б.С.
КазНПУ имени Абая, г. Алматы
Zhumagulova B.S.
KazNPU named after Abai, Almaty
bakitgul@inbox.ru

Организация творческой деятельности студентов на занятиях по русскому языку в онлайн-формате
Organization of students' creative activities in Russian language classes in an online format

Аннотация: *в статье рассматриваются методы обучения профессиональному русскому языку в условиях дистанционного обучения. Предлагаются способы организации творческой учебной среды, включающей индивидуальные и групповые формы работы*

Abstract: *the article discusses methods of teaching professional Russian in the context of distance learning. Ways of organizing a creative learning environment are proposed, including individual and group forms of work*

***Ключевые слова**: дистанционное обучение; творческая деятельность; профессиональный русский язык*

Keywords *:distance learning; creative activity; professional Russian language*

Дистанционное обучение рассматривается современными педагогами как новая технология, которая, можно с уверенностью утверждать, станет дополнительным инструментом организации учебной деятельности в формате офлайн-обучения. При этом 2-летний опыт работы в онлайн режиме позволяет выявить преимущества, дополнительные возможности, а также проблемы, связанные с преобразованием творческой, а значит, эффективной, учебной среды. Возникает необходимость организовать учебный процесс таким образом, чтобы сохранить интерактивную творческую атмосферу, которая признана и поддерживается современным профессиональным обучением. Очевидно, что применяемые ранее формы обучения, включая и инновационные методики(способность реализовывать творческие замыслы в быстро изменяющихся условиях), нуждаются в трансформации.

Авторами статьи разработан курс практических занятий по изучению русского языка с учетом дистанционного формата и условиями функционирования русского языка в Казахстане [1-2]. При подборе материалов мы придерживались традиционного комплексного подхода к обучению чтению, говорению и аудированию, письму (письму в меньшей степени, учитывая дистанционный формат обучения и задачи профессионального русского языка). При этом сделали акцент на развитие самостоятельных познавательных навыков, активного коммуницирования (русский язык в Казахстане имеет статус официального), а также профессионального общения (подготовка к будущей профессиональной деятельности).

Среда обучения – важная составляющая учебного процесса, а на сегодняшний день даже определяющая. Педагогам потребовалось учесть кардинальные изменения и ввести в учебный процесс инструменты по организации учебной среды в новом формате. Согласны с мнением российских исследователей, что «новая академическая реальность требует от преподавателя высокой профессиональной мобильности, умения адаптировать учебный курс к изменившимся условиям, к требованиям нового времени. Под адаптацией мы имеем в виду не приспособление старого к новым условиям с целью «выживания», а модернизацию, творческое взаимодействие накопленного опыта с новыми идеями и установками» [3, 45].

Сложности в организации творческой учебной деятельности, ослабление контроля самостоятельности учащихся при выполнении заданий, рассеивание внимания группы являются серьезными недостатками дистанционного обучения. Поэтому из всего многообразия творческих заданий мы отобрали те, которые нацелены на планирование и выполнение таких практических действий, которые позволяют сохранить интерактивный характер уроков, задействовать всех студентов группы, поддерживать интерес к изучению русского языка в течение всего курса. При подборе методического материала и инструментов организации учебного процесса мы уделили внимание так называемым Интернет-технологиям, так как виртуальное пространство стало главной площадкой для обучения.

Адаптированы такие методы как эдьютейнмент (сочетание обучающего и развлекательного контента), 6 шляп Эдварда де Боно, деловая игра и др.; преобразованы методы веб-квестинг (поэтапный самостоятельный поиск с последующей публикацией в Интернете результатов работы), кейсы (имитация профессиональной среды), подкастинг (самостоятельная запись учебных аудио или видеоматериалов) [4].

К примеру, на уроке в формате видеоконференции студентам предлагаются темы сообщений, в которых помимо известных фактов должно прозвучать собственное представление о предмете. В дистанционном формате такой урок позволяет задействовать всю группу, продемонстрировать технические навыки, для того чтобы сделать свое выступление интересным и успешным, умение работать с научной литературой (ссылки и правила цитирования), отрабатываются навыки вербального и невербального общения.

• Происхождение языков мира;

• Активные процессы в современном русском языке;
• Ваше мнение о глобальном языке: за и против;
• Универсальный язык межнационального общения;
• Образование в многоязычном мире;
• Двуязычное образование в РК: проблемы и перспективы;
• Полиязычие в Казахстане;
• Лингвистическая безопасность и др.

Адаптирован метод «Диалоговая лекция» - обмен мнениями в режиме онлайн, например, лектора и практика. Предлагаем в качестве спикеров выступить самим студентам. При изучении темы «Научное рассуждение» необходимо подготовить сообщения на следующие темы (используйте аргументы, доказательства, подтверждающие примеры):

1. Захватит ли искусственный интеллект власть над человечеством?
2. Проблема «утечки мозгов» и пути ее решения.
3. Интеллект – врожденное или приобретенное качество?
4. Влияет ли уровень IQ на успех в жизни?
5. Величайшие научные открытия (связанные со специальностью).
6. Персоналии (по специальности).

Критериями оценки являются: новизна текста, обоснованность выбора источников литературы, степень раскрытия сущности вопроса, аргументированность, использование языковых средств, умение организовать диалог в виртуальном пространстве.

Методика «Заседание экспертной группы». Группа разбивается на микрогруппы на подготовительном этапе; каждая микрогруппа самостоятельно обсуждает поставленную проблему и выбирает эксперта, который будет представлять мнение группы. На основном этапе обсуждение происходит между экспертами – представителями групп. Группы не имеют права вмешиваться в обсуждение, но могут, в случае необходимости, взять «тайм-аут» и отозвать эксперта для консультаций.

Предлагаемые темы:

1. Альтернативная энергия эффективно заменит ископаемое топливо?
2. Следует ли использовать животных для научных или коммерческих испытаний?
3. Является ли образование в колледже или университете необходимым для получения хорошей работы?
4. Технология разрушает нашу жизнь?
5. Может ли использование сайтов социальных сетей быть опасным?
6. Дистанционное обучение лучше, чем традиционное?

Творческая работа в малых группах по методу 6 шляп Эдварда де Боно. Как известно, шесть шляп — это шесть способов мышления.Обсуждаем тему: «Дистанционное обучение в вузе».

Белая шляпа: представьте подробную информацию о переходе на дистанционное обучение: даты, цифры, факты.

Желтая шляпа: покажите положительные стороны, основанные на веских аргументах. Докажите очевидные плюсы дистанционного обучения для студентов технического вуза.

Черная шляпа: в чем трудности дистанционного образования? Какие риски оно несет для будущих выпускников вуза? Покажите недостатки дистанционного обучения для студентов технического вуза.

Красная шляпа: эмоциональное восприятие происходящего, ощущения на всех этапах обучения.

Зеленая шляпа: новые возможности образовательных платформ, прогнозируемое будущее в образовании в таком формате.

Синяя шляпа: итоги и выводы, основанные на достигнутых другими группами результатов.

Каждая группа составляет текст и докладывает о результатах своего обсуждения. Участникам других групп разрешается возражать, задавать вопросы.

Вызывают трудности при дистанционном обучении проверка и контроль знаний студентов. Решением могут стать творческие задания исследовательского характера. Например, в качестве контрольного задания студенты записывают подкаст на профессиональную тематику. Работа может быть индивидуальной или групповой; при выборе темы учитываются индивидуальные особенности и предпочтения студентов, профессионально-ориентированный аспект, актуализируются профессиональные компетенции. Алгоритм создания подкаста следующий: выбрать тему, создать план, записать подкаст, смонтировать, создать аудиовизуальное оформление, представить на обсуждение группе.

Примерная тематика подкастов, выбранных студентами:

- Киберзащита в сетях Wi-Fi с использованием VPN;
- Влияние платформы Тикток на популярность бренда;
- Использование облачных платформ в сфере онлайн-образования и др.

Работа по созданию подкаста многоэтапная, носит поисковый, исследовательский характер. Студенты знакомятся с основными жанрами, прослушивают существующие подкасты на русском языке, изучают материалы на выбранную тему в профессиональном поле. Создавая собственные подкасты, студенты отрабатывают навыки записи, монтажа, создания дополнительных звуковых эффектов, звукового фона. Учитывая учебные цели при изучении языка, подкаст подразумевает создание и запись текста в научном стиле на профессиональную тематику. Критерии оценивания включают оценку содержания, логики текста, его стилистики и языка; важно использование источников и отсутствие плагиата. Защита подскаста носит публичный характер; проходит в виде дискуссии, научной коммуникации; при этом оценивается актуальность, раскрытие темы, способ подачи материала, а также грамматическая сторона подкаста. Таким образом, активизируются все виды речевой деятельности на изучаемом языке.

В качестве контрольных или итоговых заданий, оценивающих качество коммуникативных навыков (в обход традиционной методики), в конце урока

предлагаются задания на речевую импровизацию, а также творческие работы (эссе, сочинение-рассуждение, дискуссии). Например, для закрепления навыков построения научного повествования, научного описания, научного рассуждения, монологической и диалогической речи студентам предлагается записать подкаст «Высшее образование в РК»: рассказать о высшем образование в РК: научное описание (описать различные аспекты высшего образования в РК, например, система оценивания, академическая мобильность и др.); научное повествование (история вопроса, определить существующие проблемы); научное рассуждение (оценить состояние высшего образования (учесть дистанционное обучение), сравнить с европейской системой обучения, дальнейшие перспективы и т.п., предложить способы решения существующих проблем).

Данные технологии позволяют задействовать элементы социальных сетей (лайки, комментарии, профили), элементы геймификации (уровни, рейтинги) сетевого взаимодействия. Все это позволяет нам учитывать технический профиль обучения, отрабатывать профессиональные навыки студентов, решая при этом и лингвистические задачи: вооружение студентов профессиональной терминологией, основами риторики, публичного выступления на неродном языке, подготовка к научно-исследовательской деятельности[5].

Для самостоятельного поиска, активизации профессионального интереса, нацеливания на дальнейшую научно-исследовательскую деятельность предлагаем темы, связанные со специальностью:

1.Современные социальные сети. В рамках темы рассмотрим следующие разделы: Наиболее популярные. Связь со специальностью. Профессиональные социальные сети (поиск работы, развитие деловых отношений и т.д), коммерческие соцсети (сосредоточены на поддержке деловых операций и построении доверия людей к брендам с учетом их мнения о продукте, о том, как сделать его лучше и т.д., чтобы потребители могли участвовать в продвижении продукта и повышать свою осведомленность). Соцсети как начало популярности, эффективного бизнеса, создание собственного бренда (известные имена РК). Ведущие личности среди социальных сетей.

2. Стартовые факторы успешной карьеры: уровень успеваемости во время обучения — способность получать и демонстрировать знания (что косвенно указывает на степень развития психических функций и процессов: памяти, мышления, внимания и др.);форма обучения (дневная или заочная), престиж вуза на рынке труда, в глазах потенциальных работодателей и т. п.; творческая и профессиональная активность, проявленная во время обучения в вузе. Примеры успешных профессионалов, мотивационная литература, различные практики для успешной мотивации. (Расскажите историю своего успеха в любом виде деятельности, мотивирующую историю о себе).

Подобные задания исключают плагиат, фальсификацию учебной деятельности, формируют исследовательские навыки, языковую компетенцию.

Творчески преобразовываем методы обратной связи. Трансформируем, учитывая удаленный формат, известные приемы: **«ХИМС»** (Х – что было хорошего? И – что было интересного? М – что мешало работе? С – себе на

заметку…), «Плюс – минус – интересно», «Две звезды и одно пожелание» (два положительных момента – «две звезды», момент, который заслуживает доработки, – «пожелание») и др. Мы предлагаем использовать возможности интерактивной доски.

Элементы геймификации на занятиях, особенно в дистанционном формате, помогают избежать рутины, а также подвести итоги, наметить перспективы дальнейшей работы. В таком же формате – коллективная работа с использованием интерактивной доски, которая представлена, например, на платформе Microsoft Teams, работаем с кластерами и ментальными картами, делаем инфографику.

Цель профессионального русского языка - развитие языковой личности обучающегося, способную осуществлять когнитивную и коммуникативную деятельность на русском языке в сферах межличностного, социального, межкультурного общения в контексте реализации государственных программ трехъязычия. Помимо задач профессионального образования и лингвистических задач мы ставили перед собой цель - заинтересовать студентов, мотивировать их к изучению русского языка, расширить кругозор и привлечь к исследовательской деятельности. Дистанционный формат не является препятствием для достижения этих целей. Онлайн обучение следует превращать в пространство творчества, именно через него объяснять теорию, показывать на практике, как применяется, как работает русский язык в реалиях жизни.

Литература

1. АлиеваД.А., Бубликова О.В, Еркебекова Э.К., Нурахынова А.С.100 баллов по русскому: шаг за шагом. //Учебное пособие по русскому языку для студентов технического вуза. Уровень С1. – Алматы: МУИТ, 2020. – 130 с.
2. Жумагулова Б.С. Русский язык: научный стиль // Учебное пособие для студентов специальности экономика. Уровень С1 / Б.С.Жумагулова: Учебное пособие – Алматы: УМБ, 2019. – 168 с.
3. Маркова В.А. Вузовский курс русского языка как иностранного в условиях новой академической реальности// Инновационные подходы в науке и образовании: теория, методология, практика: монография. – Пенза:МЦНС «Наука и просвещение», 2017. – 268 с.
4. Ряписова А.Г. Инновационные формы организации образовательного процесса//. «Инклюзивное образование как системная инновация: V Всероссийская научная школа с международным участием. Новосибирск,8–9 ноября 2016 г., №1 (45). С. 5-14.
5. Сорокина Н.Д. Управление новациями в вузах (социологический анализ): Научная монография/Н.Д. Сорокина – М.: Канон РООИ «Реабилитация», 2009. - 255 с.

УДК: 811.161.1(575.2) (04)

Елфимова О.В.
КНУ им. Ж. Баласагына г.Бишкек
ElfimovaO.V.
J.BalasagunKNU, Bishkek
olesyaelfimova@mail.ru

Обучение русскому языку как иностранному при помощи метода кейс-стади

Teaching Russian as a foreign language using the case study method

Аннотация: *В статье рассматривается важность обучения студентов- иностранцев русскому языку при помощи метода кейс-стади. Данная методика предоставляет уникальную возможность на практике применить языковой материал, прожить потенциально-возможные ситуации в чужой языковой среде, что способствует быстрой адаптации в незнакомом для них обществе.*

Abstract:*The article considers the importance of teaching foreign students Russian using the case study method. This method warns against a unique opportunity to change the language material in practice, to live in potential and potential situations in a foreign language environment, which contributes to rapid adaptation in an unfamiliar society.*

Ключевые слова: *Кейс-стади; индуктивный эмпиризм; дидактика; коммуникация;интерактивные методы обучения; русский как иностранный.*

Key words*: Case studies;, inductive empiricism; didactics; communication; interactive teaching methods; Russian as a foreign language*.

Итак, рассмотрим метод кейс-стади при обучении студентов-иностранцев русскому языку. Кейс (от англ. case) - это описание конкретной ситуации или случая в какой-либо сфере: социальной, экономической, медицинской и т. д. Как правило, «содержание кейса не просто описание, но и некая проблема или противоречие и строится она на реальных фактах. Соответственно, решить кейс - это значит разобрать предложенную ситуацию и найти оптимальное решение »[1, 57].

Суть метода кейс-стади: студенты, разделенные на группы, должны выработать практическое решение; сделать анализ ситуаций; окончание процесса˜ – оценка предложенных алгоритмов в контексте поставленной проблемы и обсуждение в рамках общей дискуссии.[28]

Впервые кейс-метод был применен в учебном процессе в 1870 году в школе права Гарвардского университета деканом юридического факультета,

[28]Адонина Н. П. Кейс-стади: история и современность // Высшее образование сегодня. 2012. № 11. С. 43–78.

профессором права Христофором Колумбом Лэнгделлом. [29]«Используя сократовский метод (вопрос – ответ), развивая метод проб и ошибок, он предложил студентам работать с первоисточниками (судебными делами, решениями апелляционного суда и др.), а затем делать собственные выводы, интерпретации и анализ»[5, 77].

Применение кейс-стади ограничено на уроках русского языка как родного, так как особенности материала (орфография и пунктуация, грамматика и фонетика) предполагают при решении сложной ситуации, как правило, только один правильный ответ. Но при обучении русскому языку как иностранному кейс-стади может применяться довольно широко.

С помощью этого метода у быстро адаптируемых иностранных студентов появляется возможность быть готовым работать в команде, находить наиболее рациональное решение поставленной задачи и цели. Формируются и развиваются аналитические и коммуникативные способности, проводится исследовательская деятельность[6, 25] .

В выборе темы важен также индивидуальный подход и то, что актуально для данной группы иностранных студентов. «Необходимо ориентироваться на особенности данного коллектива: возраст, страна, национальность, увлечения. Подбирается информация, актуальная и приемлемая для данной, конкретной группы учащихся, с учетом национальных традиций и особенностей менталитета». Например, со студентами из Европы мы можем общаться на темы сексуальных меньшинств, внебрачных отношений, а с мусульманскими студентами этот разговор не уместен. Важно определение характера взаимоотношений между участниками группы. Как часто они общаются между собой. Какой эмоциональный климат между ними сформировался. Мы советуем проводить кейс-стади в группах, где уже преодолён первый этап общения. Иначе дистанции, свойственные малознакомым людям, не позволят открыто проявиться индивидуальности, и общение будет ограничено. Надо помнить, что главная цель метода кейс-стади в РКИ – это коммуникация. Существуют разные методики проведения кейса, например, по Л. В. Лежниной, З. Ю. Юлдашеву [4, 7]; [7, 35].[30]

---

[29]Оскольская И. А. Активное внедрение технологии кейс-стади в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Вестник современной науки. 2016. № 3–2 (15). С. 77–82.

[30]Лежнина Л. В. Кейс-метод в обучении педагогов-психологов: научно-методический аспект // Наука и школа. 2008. № 5. С. 68–70. Юлдашев З. Ю., Бобохужаев Ш. И. Инновационные методы обучения: особенности кейс-стади метода обучения и пути его практического использования. Ташкент: iQtiSOd-MOliYa, 2006. 88 с. Бурова И. В., Мануйленков К. Д.

Разделение на микро-группы в знакомой среде будет восприниматься студентами естественно и не создаст проблем в обсуждении заданной темы, что позволит плавно перенести беседу из малого круга в общую дискуссию.

Этапы проведения кейса по Л. В. Лежниной:

1. Самостоятельное знакомство студента с содержанием кейса.2. Опрос студентов по содержанию кейса. 3. Разделение студентов на микро-группы (4-6 человек) преподавателем 4. В микро-группах обсуждение содержания кейса. 5. Презентация решений её представителей.6. Презентация решения групп в целом.7. Обсуждение полученных решений; общая дискуссия.8. Обобщение приобретённых и знаний полученных результатов.

Структура работы в аудитории:

1. Постановка проблемы. Слово преподавателя.2.Распределение по малым группам, по 4-6 человек в каждой, при необходимости. 3. Определение докладчиков; организация работы в малых группах. 4. Презентация решений.5. Общая дискуссия. 6. Выступление преподавателя (результаты). 7. Рефлексия.

Разработано десять кейсов для студентов РКИ.

Тематику кейсов я выбрала не случайно. Это актуальные в наше время для общества проблемы. 1. Спорт – просто мода или здоровый образ жизни? 2. Платное образование: за и против. 3. О морали, совести, чести, этике, патриотизме и других несовременных понятиях. 4. Нужен ли брак в современном обществе? 5. Вакцина от «Ковид» : плюсы и минусы. 6. Зачем нужен интернет? 7. Наркотики – средство для снятия стресса? 8. Трудности в общении, знакомстве. 9. Проблемы экологии.10. Что общего между разными поколениями?

При разработке кейсов для РКИ соблюдались следующие требования: 1. Табу на политические и религиозные темы. 2. Актуальные проблемы для студентов. 3. Корректность. 4. События, изложенные в материалах, являются реальными. 5. Представленная проблема для обсуждения имеет неоднозначное решение, поэтому содержит достаточный объём информации. 6. Состав кейса: видеоматериалы, адаптированные печатные тексты, фотографии.[31]

Отметим, что «кейсы РКИ отличаются от кейсов в социологических, юридических, экономических науках тем, что студенты должны не только владеть информацией, но, самое главное, говорить. Дискуссия является основным продуктом, к которому мы стремимся, проводя занятие по методу кейс-стади в РКИ»[32] [6, 27] .

---

[31]Коновалова М. В. Интерактивное обучение на уроках русского языка и литературы // Русский язык и литература. Всё для учителя! 2016. № 2. С. 2–12.

[32]Шутяк М. А. Кейс-метод на уроках русского языка как иностранного и неродного // Пятый этаж. 2017. № 3. С. 25–29.

К сожалению, жанр статьи не позволяет представить все десять кейсов. Поэтому представлен только один.

Кейс: «О морали, совести, чести, этике, патриотизме и других несовременных понятиях».

Был проведен эксперимент совместно со студентами. Участникам опроса от 16 до 25 лет.

Примерные вопросы. Конфликт поколений: «Отцы и дети». Смысл жизни- это что такое? Что значит сохранять культурное наследие? Что такое патриотизм? Кто такие «белые вороны» и как к ним следует относиться? Идеалы чести на сегодняшний день. Что такое милосердие? Нравственные проблемы современности. Ценности духовные и материальные: что важнее? Можно ли бороться с человеческими пороками? и т.д.

Этапы работы.

1. В толковом словаре уточнить значения слов, употреблённых в названии темы.

2. Получить кейс с дополнительными материалами у преподавателя, выбрать проблему (работа в группе).3. Составить список отобранной источников информации, литературы, ссылок. 4. Отобрать материал по проблеме в соответствии со следующими разделами: а) в публицистике; б) в художественной литературе; в) в афоризмах, пословицах, поговорках, крылатых фразах; г) в поэзии.5. Подробнее прокомментировать наиболее глубокий, на ваш взгляд, материал на эту тему. - в теории, в литературе, в идеале / в реальности; в нашей стране/ за рубежом; -светские представления;- сегодня/раньше и др. 6. Сделать краткий обзор полярных утверждений, точек зрения. 7. Использовать собранный материал, сформулировать свою точку зрения по теме, обосновать её. 8. Итоги выполнения оформить в электронном и/или печатном виде.

К каждому проблемному вопросу преподавателю желательно предложить какой-то начальный материал: свои примеры из художественных произведений, публицистических статей, полезные ссылки, а также кейс может и должен включать в себя Приложения (дополнительные материалы).

В конце проделанной работы участники исследования обнаружили ряд сложных вопросов, как правило, морально-этического характера, которые у большинства вызывают препятствия при объяснении значений слов, которые широко использовались представителями старшего поколения: мораль, совесть, честь, этика, патриотизм и др.

Итак, 82% опрошенных затруднялись в ответах этих слов даже приблизительно. Остальные же предлагали неправильные, примитивные, поверхностные, отдаленные от установленных словарями толкований. Нравственные ориентиры нынешней молодёжи изменены настолько по сравнению с ценностями предыдущих поколений, что можно говорить о плавном уничтожении основ развитого, цивилизованного человеческого общества, т.е. о деградации, возврате к началу начал, к основам каменного века.

Данная методика предоставляет студентам уникальную возможность окунуться в различные сферы современного социума, на практике применить языковой материал, прожить потенциально-возможные ситуации в чужой языковой среде, что способствует быстрой адаптации в незнакомом для них обществе.

В этом случае, сочетание традиционных и интерактивных методов может дать хороший результат, как в применении знаний и практических навыков, так и в формировании шкалы нравственных ценностей, что является важным фактором воспитания личности и развития международных отношений.

Литература

1. Адонина Н. П. Кейс-стади: история и современность // Высшее образование сегодня. 2012. № 11. С. 43–48.
2. Гайрбекова К. Ю. Игровые интерактивные технологии как средство обучения РКИ // Рефлексия. 2018. № 5. С. 39–43.
3. Коновалова М. В. Интерактивное обучение на уроках русского языка и литературы // Русский язык и литература. Всё для учителя! 2016. № 2. С. 2–12.
4. Лежнина Л. В. Кейс-метод в обучении педагогов-психологов: научно-методический аспект // Наука и школа. 2008. № 5. С. 68–70.
5. Оскольская И. А. Активное внедрение технологии кейс-стади в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Вестник современной науки. 2016. № 3–2 (15). С. 77–82.
6. Шутяк М. А. Кейс-метод на уроках русского языка как иностранного и неродного // Пятый этаж. 2017. № 3. С. 25–29.
7. Юлдашев З. Ю., Бобохужаев Ш. И. Инновационные методы обучения: особенности кейс-стади метода обучения и пути его практического использования. Ташкент: iQtiSOd-MOliYa, 2006. 88 с.

УДК:811.161.1

Кашкимбекова Ж.Э.
КНУ им. Жусупа Баласагына, Бишкек
KashkimbekovaJ.E.
KNU named Zh. Balasagyn,Bishkek
gana91@mail.ru

Применение методов коммуникативного подхода на уроках русского языка в 7 классе кыргызской школы
Application of methods of a communicative approach in Russian language lessons in the 7th grade of a Kyrgyz school

Аннотация: *Статья посвящена анализу реализации методов коммуникативного подхода в учебнике русского языка для школ с кыргызским языком обучения (7 класс). Соотношение устных, письменных и упражнений*

смешанного типа, а также то, что большинство упражнений опирается на текст, говорит о том, что коммуникативный подход, заявленный в предисловии к учебнику, его авторами реализован в достаточной мере.

***Abstract**: The article is devoted to the analysis of the implementation of the methods of the communicative approach in the Russian language textbook for schools with the Kyrgyz language of instruction (grade 7). The ratio of oral, written and mixed exercises, as well as the fact that most of the exercises are based on the text, suggests that the communicative approach stated in the preface to the textbook has been sufficiently implemented by its authors.*

***Ключевые слова**: русский язык; коммуникативный подход; учебник; школы с кыргызским языком обучения.*

***Keywords**: Russian language; communicative approach; textbook; schools with Kyrgyz language of instruction.*

Конец XX в. – время существенных изменений в методике преподавания языков, когда методика приобретает все более прикладной характер. Одним из наиболее перспективных методов признан коммуникативный. Как метод формирования коммуникативной компетенции учеников, обучающихся в школах с кыргызским языком обучения, он наиболее целесообразен и эффективен.

Формирование коммуникативной компетенции – процесс длительный и достаточно сложный. Главная роль при этом отводится преподаванию русского языка, в процессе которого особую сложность представляет соотнесение предметного курса и реального речевого опыта школьника, процесс приобретения знаний о языке и процесс овладения языком. Мы проанализировали пособие М.Дж. Тагаева и О.Г. Симоновой «Русский язык: Учебник для 7 класса кыргызской школы» (Бишкек, 2010), используемый для преподавания русского языка в школах с кыргызским языком обучения, для того, чтобы понять, насколько методы коммуникативного подхода реализуются в практике обучения.

В предисловии к учебнику («К учителю») говорится, что в основе его лежит учебно-методическая концепция, которая «выражается в реализации коммуникативного и компетентностного принципов обучения» [1, с. 3]. Мы сконцентрируемся на анализе трех аспектов: 1) практическая направленность обучения, 2) ситуативно-тематическое представление языкового материала и 3) обучение лексике и морфологии на синтаксической основе. Данные аспекты заявлены в предисловии к анализируемому учебнику. Они выбраны нами, потому что, по нашему мнению, они являются основными.

Всего в названном учебнике содержится 338 упражнений. В конце каждого раздела содержится пункт «Проверь себя», который также состоит из набора заданий, таким образом,общее количество упражнений возрастает. Прежде всего мы рассмотрели соотношение устных и письменных упражнений в учебнике.

Тип упражнения	Количество	Процент

Устное	34	10%
Письменное	117	34,6%
Смешанного типа	178	52,6%
Не требует ответа	9	2,8%

Что касается устных упражнений, то, согласно принципу коммуникативности, пристальное внимание должно уделяться развитию навыков говорения. На начальном этапе самым доступным для учеников является пересказ текста. Таких упражнений достаточно много. Много также и таких, в которых предлагается выучить наизусть стихотворение или стихотворный отрывок. Система подобных заданий учебника готовит к более сложным видам учебной деятельности – дискуссии, языковому анализу, размышления на лингвистические темы. Приведем некоторые примеры из учебника.

№ 9. Прочитайте эти стихи-шутки. Скажите, в прямом или переносном смысле употреблены здесь выражения *прикуси язык, спустя рукава, засучив рукава, ударил в грязь лицом. сел в калошу*?

1. Замолчи, Петрусь,
Говорят!
Прикуси язык,
Говорят!
Он язык прикусил
И сильней заголосил. (Н. Силков)

2. За домом, едва
пожелтела трава,
два брата рубили дрова.
Один это делал спустя рукава.
Другой – засучив рукава. (В. Викторов)

3. Оказался молодцом,
смог осилить ношу:
Не ударил в грязь лицом
и не сел к галошу. (А. Шибаев)

№ 39. Прочитайте и ответьте на вопросы: Какие права дает нам Конституция? Какая наша главная обязанность? Составьте план текста и перескажите его по плану. Вспомни стихотворение:

Мы сеем хлеб, броню куём,
Мы в шахтах уголь достаём,
В дома проводим газ,
И этот уголь, эта рожь,
И газ, и дом, где ты живёшь,
И все вокруг – для нас!

Подобные же задания предлагаются в упражнениях № 21, 53, 201 и т.д. названного учебника.

К письменным мы отнесли такие, в инструкции к которым указано выполнить задание только письменно, без устной части. Например: № 25(задание – *Спишите, вставьте вместо точек –**тся** или –**ться**)*, № 114 (*Сочетания существительного с полным прилагательным замените сочетаниями существительного с краткими прилагательными и запишите их*), № 294 (*Спишите, вставляя пропущенные суффиксы наречий*) и под.

Упражнения смешанного типа содержат задания как письменного, так и устного характера, то есть носят синтезирующий характер. Такие упражнения,

как правило, опираются на текст, что отвечает требованиям коммуникативности обучения. Самым распространенным типом задания является «Прочитайте текст. Выполните задания к нему». Приведем некоторые примеры таких упражнений.

№ 16. Перепишите. Объясните, как вы понимаете эти пословицы. Поставьте вопросы к глаголам с суффиксом –**ся.**

1. Будешь трудиться – век будешь кормиться. 2. Умел ошибиться – умей и поправиться. 3. Ленивый два часа собирается, да умывается, час утирается, день одевается.

№ 128. Прочитайте. Расскажите о работе юннатов в вашей школе. Найдите прилагательные с суффиксами *–оват/ -еват*. Объясните их значение. Образуйте от прилагательных *красный, крупный, желтый* слова с суффиксом *-оват*. Разберите по составу слова *садовод, юннаты*. (Далее приведен небольшой текст – *Ж.К.*)

Подобного же типа – упражнения № 154 (*Прочитайте. Перескажите. Выпишите выделенные выражения*); № 37 (*Рассмотрите таблицу. Обратите внимание на разницу между основами глаголов неопределенной формы и настоящего времени*);№ 94 (*Прочитайте таблицу склонения имен прилагательных во множественном числе. Запомните вопросы. Сравните окончания прилагательных и вопросов к ним*) и под.

Далее мы выяснили, какие типы упражнений содержатся в учебниках. Мы разделили все упражнения на категории, которых в нашем анализе оказалось одиннадцать: 1) фонологические упражнения;2) грамматические упражнения;3) лексические упражнения;4) перевод;5) диктант;6) понимание текста;9) сочинение;10) говорение.

Приведем их в виде таблицы,представив в количественном соотношении.

Тип упражнений	**Количество в учебнике**
Фонологические	12
Грамматические	92
Лексические	58
Перевод	10
Диктант	24
Понимание текста	62
Сочинение	25
Говорение	59

Некоторые упражнения могут относиться одновременно к разным типам. Например, почти все фонологические упражнения и упражнения-диктанты являются упражнениями, связанными с пониманием текста.

Согласно принципу практической направленности, любому явлению языка следует обучать не изолированно, а в контексте, в практических ситуациях реального общения.

Важно обратить внимание на то, что грамматические и лексические упражнения являются часто механическими. В таких упражнениях учащиеся просто подставляют нужное слово или часть слова в готовое предложение. Приведем примеры грамматических и лексических упражнений

№ 198. Проведите словообразовательный разбор причастий.

Образец: *ласкающий →ласкать →ласка*.

Грузивший, желавший, написанный, добавленный, выступавший, темнеющий.

№ 258. Вставьте в текст нужные местоимения-прилагательные.

1. Ар бир адам кыйынчылыкта билинет.	… познается в беде.
2. Ар адам өз ишине устат болуш керек.	Каждый человек должен быть мастером … дела.
3. Жолугушууга бардык класс келди.	На встречу пришел … класс.
4. Мындай жардамчы кыз безге да керек.	… помощница нужна и нам.

Грамматические и лексические упражнения могут быть и устными. Когда упражнение является устным, это подчеркивает его коммуникативную сторону, поэтому они способствуют коммуникативным целям обучения лучше, чем письменные. Кроме этого, при устном упражнении учащиеся упражняют русское произношение.

Согласно принципу ситуативно-тематического представления языкового материала, речевой и языковый материал необходимо организовывать ситуативно, имитируя реальное общение. Процесс овладения языком должен быть максимально приближен к реальным условиям общения. Поскольку почти все упражнения учебника представляют собой связные тексты, то ситуативность реализуется именно с их помощью. Однако в анализируемом учебнике присутствуют некоторые диалоги, например, в упр. № 154, в котором предлагается закончить диалоги русскими пословицами «Сделал дело – гуляй смело»,«Лучше поздно, чем никогда», «Учиться никогда не поздно», «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним».

Предложение, диалог, ситуация и текст являются частями реального общения. Иногда и картинка может являться ситуацией, так как картинка может визуально описывать ее. Следовательно, принцип ситуативно-тематического представления языкового материала реализуется лучше в упражнениях, контекстом которых является предложение, диалог, ситуация, картинка или текст. Приведенная ниже таблица представляет количественное и процентное соотношение каждого контекста упражнений в учебнике.

Тип контекста	**Количество**	**Процент**
Слово	69	20,4%
Предложение	48	14,2%

Диалог	18	5,3%
Текст	195	57,7%
Иллюстрация	8	2,4%

Приведем по одному примеру упражнений, в которых контекстом служили бы слово (№ 284), предложение (№ 286) и текст (№ 292).

№ 284. Подберите к данным наречиям антонимы. Составьте сочетания слов «глагол+наречие». Поставьте вопросы к наречиям.

Быстро - …, вредно - …, редко - …, выского - … (и т.д.).

№ 286. Прочитайте пословицы. Объясните их. Определите, каким членом предложения являются наречия сравнительной степени.

1. Больше слушай, меньше говори. 2. Легче друга потерять, чем найти. 3. На Родине и умереть легче. 4. Кто Родину любит, того она любит в семь раз сильнее.

№ 292. Прочитайте. Выпишите наречия с относящимися к ним словами. Объясните их правописание.

По-весеннему ярко светило солнце. Дети вышли в сад.

- Я очень люблю цветы, - сказала Бурул.

Она стала по одной срывать розы, нюхала их и складывала в букет.

- Зачем ты их рвёшь? Ведь теперь они быстро пропадут! – сказал Тилек. Ведь они живые. К ним надо относиться по-хорошему, жалеть их.

- Ты просто не понимаешь красивого! – гордо сказала Бурул. А Тилек взял лейку и молча стал поливать розы.

Бурул задумалась. Она поняла, кто из них по-настоящему любит цветы.

Таким образом, в упражнениях много разных контекстов, хотя иногда в упражнении нет контекста, например, таковыми являются кроссворды. Мы считаем, что в упражнениях полезно использовать именно предложение как минимальную единицу обучения. Такие упражнения, в которых учащиеся просто подставляют нужное слово в готовое предложение, лучше выполняют свою коммуникативную цель, чем упражнения совсем без целого предложения, так как они дают учащимся модель предложения. Но учитель несет ответственность за то, чтобы учащиеся обращали внимание на все предложение и не только на нужное окончание или слово.

Подводя итоги, мы можем сказать, что соотношение устных и письменных упражнений в учебнике таково: больше всего упражнений смешанного типа (52,6%), когда ученикам предлагается сначала выполнить устную часть, а потом выполнить письменное задание. На начальном этапе самым доступным для учеников является пересказ текста, заучивание наизусть стихотворения или его отрывка. Система подобных заданий учебника готовит к более сложным видам учебной деятельности – дискуссии, языковому анализу, размышления на лингвистические темы.

Также мы выяснили, что наибольшее количество упражнений являются грамматическими,лексическимии упражнениями на понимание текста, что, на наш взгляд, связано с уровнем владения учащимися языком. Это говорит о коммуникативной направленности анализируемого пособия.

Наибольшее количество упражнений опирается на текст (57,7%), что в полной мере отвечает принципу коммуникативности, заявленном в предисловии к учебнику. Большое количество упражнений опирается на слово (20,4%) и предложение (14,2%), что связано с необходимостью тренировки грамматических навыков школьников. Согласно принципу ситуативно-тематического представления языкового материала, речевой и языковый материал необходимо организовывать ситуативно, имитируя реальное общение. Поскольку почти все упражнения учебника представляют собой связные тексты, то ситуативность реализуется именно с их помощью.

Таким образом, именно применение коммуникативного метода на уроках русского языка создает условия для развития интеллектуальной, творчески одаренной конкурентоспособной личности, способной к общению в любом культурном пространстве.

Литература

1. Тагаев М.Дж., Симонова О.Г. Русский язык. Ученик для 7 класса кыргызской школы. – Бишкек: «Инсанат», 2010. – 176 с.
2. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2007. – 464 с.
3. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка. – М.Изд. центр «Академия»: Высш. шк., 1999. – 269 с.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.

УДК: 811.161.1 / 81-139

Мацута А.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г.Бишкек
Matsuta A.B.
J. Balasagun KNU, Bishkek
annamatsuta@mail.ru

Использование аудиовизуального метода при обучении русской разговорной речи студентов-иностранцев на материале темы «Погода, явления погоды»

The use of the audiovisual method in teaching Russian colloquial speech of foreign students on the material of the topic "Weather, weather phenomena"

Аннотация: *В статье рассматриваются методические приёмы практического применения аудиовизуального метода в процессе обучения русской разговорной речи иностранных студентов на материале одной темы. Лексико-грамматический материал, используемый при аудиовизуальном*

методе обучения,характерен для разговорного стиля речи и наглядно демонстрирует создание реальных и воображаемых ситуаций общения на заданную тему, побуждая студентов к самостоятельному построению аргументированного высказывания.

Abstract: *The article discusses methodological techniques for the practical application of the audiovisual method in the process of teaching Russian colloquial speech to foreign students on the basis of one topic.The lexical and grammatical material used in the audiovisual teaching method is characteristic of the conversational style of speech and clearly demonstrates the creation of real and imaginary situations of communication on a given topic, encouraging students to independently build a reasoned statement.*

Ключевые слова: *аудиовизуальные средства; процесс обучения; аудирование;говорение; русский язык как иностранный; методические приёмы; обучающий видеофильм; коммуникативная компетенция; ролевой диалог; монолог;речевое высказывание;речевые навыки; видеофильм.*

Keywords: *audiovisual means; learning process; listening; speaking; Russian as a foreign language; methodological techniques; training video; communicative competence,role dialogue; monologue; speech utterance; speech skills;video.*

Формирование и развитие навыков аудирования и говорения невозможны без применения аутентичных текстов, адаптированных аудиоматериалов и видеофильмов на занятиях по русской разговорной речи.Одной из целей обучения русскому языку как иностранному является формирование и развитие коммуникативной компетенции, включающей в себя как языковую, так и социокультурную компетенцию, позволяющую решать коммуникативные задачи в различных ситуациях и сферах общения (на разных этапах изучения РКИ). Без знания социокультурного фона страны изучаемого языка нельзя сформировать коммуникативную компетенцию. Изучение иностранного языка призвано сформировать личность, способную и желающую участвовать в межкультурной коммуникации, чему способствуют ролевые игры (парные или групповые), использующиеся для создания проблемных ситуаций повседневного и профессионального общения. Курс «Русская разговорная речь» нацелен на практическую деятельность по обеспечению межкультурного общения в различных общественно-бытовых и социально-культурных сферах русского языка и формирование навыков социальной адаптации студентов-иностранцев. Очень часто иностранные студенты сталкиваются с проблемой практического пользования языком, когда русский язык, изучаемый на занятиях в аудитории, кардинально отличается от русского языка за её пределами. Некоторые студенты сразу задаются вопросом: «Это что, другой язык? Почему я ничего не понимаю?» Иностранные студенты не воспринимают звучащую разговорную, часто ненормированную, русскую речь на слух, привыкая к мелодике нормированной речи преподавателя русского языка. Вот тут и возникает необходимость применения преподавателем различных методов и приёмов работы, обязательное создание реальных и воображаемых ситуаций общения на определённую тему и активное использование аудиовизуального

метода, позволяющего продемонстрировать разнообразие мелодики, ритмики, тембров голосов и мимики разных людей в той или иной ситуации.

Лексико-грамматический материал, используемый при аудиовизуальном методе обучения,характерен для разговорного стиля речи. При этом интенсивно используются средства зрительной (видеокадры,видеопрограммы и учебные видеофильмы, короткометражные и мультипликационные фильмы) и слуховой (обучающие диалоги, звуки природы и природных явлений, песни, радиопередачи, новости и т.п.) наглядности. Их использование способствует реализации важнейшего требования коммуникативной методики – представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной культуры; индивидуализации обучения и развития и мотивированности речевой деятельности обучаемых [1, с. 21]. Необходимо отметить, что аудиовизуальный метод не только служит средством разнообразия занятий в процессе изучения русского языка, но и способствует развитию психической деятельности обучающихся, активизирует память и внимание, вырабатывает навык переключаемости с одного вида деятельности на другой, а также несёт функцию психоэмоциональной разгрузки. Психологические особенности воздействия учебных видеофильмов на обучающихся (способность управлять вниманием каждого учащегося и групповой аудитории, влиять на объём долговременной памяти и увеличение прочности запоминания, оказывать эмоциональное воздействие на учащихся и повышать мотивацию обучения) способствуют интенсификации учебного процесса и создают благоприятные условия для формирования коммуникативной (языковой и социокультурной) компетенции обучающихся [1, с. 22-23].

Видеофильм имеет довольно сильное эмоциональное воздействие на обучающихся, влияет на формирование личностного отношения к увиденному. Ещё одним преимуществом видеофильма является непосредственность изображения реальной действительности, особая манера общения ведущего со зрителями, использование крупного плана, ненавязчивое предъявление информации, красочность, наличие музыкального фона. При соприкосновении с происходящим на экране создаются условия, наиболее приближенные к естественным (естественная языковая среда – совокупность речевых и неречевых условий, которые отражают быт, историю, культуру и традиции носителей языка в фактах данного языка) [2, с.220-221].

В отличие от аудио или печатного текста, которые могут иметь высокую информативную, образовательную, воспитательную и развивающую ценность, видеотекст имеет то преимущество, что соединяет в себе различные аспекты акта речевого взаимодействия. Помимо содержательной стороны общения, видеотекст содержит визуальную информацию о месте события, внешнем виде и невербальном поведении участников общения в конкретной ситуации, обусловленных зачастую спецификой возраста, пола и психологическими особенностями личности говорящих [3, с. 13].

С точки зрения методики, учебный фильм (видеофильм) – это специально подготовленное в методическом и режиссёрском плане аудиовизуальное средство обучения, предназначенное для создания естественных ситуаций

речевого общения и обладающее большой силой эмоционального воздействия на учащихся за счет синтеза основных видов наглядности (зрительной, слуховой, моторной, образной, экстралингвистической и др.) [4, с. 222].Учебные видеоматериалы состоят из небольших эпизодов и имеют дополнительный дидактический материал. Согласно Б.Томалину, можно выделить 2 типа учебных видеоматериалов: а) непосредственно обучающие языку (обучение прямо с экрана, где демонстрируются образцы структур) и б) выступающие в качестве дополнительного источника для обучения языку (содержат больше познавательную информацию, которая показывает, как используется язык на различных уровнях). Это обычно несвязанные по содержанию эпизоды, где учитывается степень сложности и речевые функции [5 с. 63].

В процессе просмотра задействуются зрительно-слуховые рецепторы, трансляция звука и изображения способствует развитию навыков и умений восприятия чужой речи (аудирования), т.к. запоминание увиденного и услышанного в пять раз превосходит только услышанное обучающимися. Естественно, видеоматериалы не должны занимать много времени, чтобы не утомить зрителей: предъявление может занимать от 30 секунд до 10 минут, т.к. считается, что даже 5 минут просмотра позволит обеспечить плодотворной работой группу студентов в течение всего занятия. Видеосюжеты выделяются интенсивностью и яркостью предъявляемой информации. «В силу этой особенности целесообразнее использовать короткий отрывок для интенсивного изучения, нежели более продолжительный видеоэпизод – для экстенсивного» [5, с. 62].

Успешное использование видео гарантировано практически на всех этапах процесса обучения иностранному языку [5, с 63.]:

а) для презентации языкового материала в реальном контексте;

б) для закрепления и тренировки языкового материала в различных ситуациях общения;

в) для развития умений устно-речевого общения;

г) для обучения иноязычной культуре и выявления межкультурных различий.

Так, в качестве обучающего видеоматериала 1 типа на занятии по теме «Погода, явления погоды» можно использовать караоке-версию «Песня о погоде» [6].В видеоклипе презентуется новая описательная лексика (погода: ветреная, солнечная, дождливая, холодная, морозная, и т.п.), а в качестве учебных видеоматериалов 2 типа можно использовать дополнительные слайды: погожий день (денёк) «день с хорошей погодой», погожий полдень, погожий вечер, погожее утро, погожая осень и т.п., записи звуков погодных явлений в файле «MP3» (дождь: начало дождя, ливень, гроза, раскаты грома, разряды молний). В процессе аудио предъявления учащиеся записывают новую лексику и её перевод со слайдов в свои тетради. Далее учащиеся прослушивают песню «Непогода» и смотрят видео отрывок из к/ф «Мэри Поппинс, до свидания!» [7].

На данном этапе целесообразно проработать текст песни примерно следующим образом (*Таблица 1*), учитывая знание ранее изученной лексики:

Таблица 1. Работа с текстом песни «Непогода»

Музыка: Максима Дунаевского

Слова: Наума Олева

Текст песни «Непогода»	***Значение некоторых новых или трудных для понимания слов и выражений***
Измен**е**ния в прир**о**де	
Происх**о**дят год от г**о**да.	*Год от г**о**да* = к**а**ждый год,ежег**о**дно.
Непог**о**да н**ы**нче в м**о**де.	*Н**ы**нче* = сейч**а**с, в насто**я**щее вр**е**мя.
Непог**о**да, непог**о**да.	
Сл**о**вно из водопров**о**да	*Сл**о**вно* – б**у**дто, как б**у**дто, как.
Льёт на н**а**с с неб**е**с вод**а**.	*Небес**а**(мн.ч.)*= н**е**бо (ед.ч.)
Полг**о**да плох**а**я пог**о**да,	
Полг**о**да – совс**е**м никуд**а**!	*Совс**е**м никуд**а***– никуд**а** вообще не ход**и**ли, нигде не были.
Полг**о**да плох**а**я пог**о**да,	
Полг**о**да – совс**е**м никуд**а**!	
Никуд**а**, никуд**а** нельз**я** укр**ы**ться нам.	*Укр**ы**ться* = спр**я**таться.
Но откл**а**дывать жизнь ник**а**к нельз**я**.	*Откл**а**дывать* – оставлять на пот**о**м, на п**о**зднее время.
Никуд**а**, никуд**а**, но знай, что гд**е**-то там	
Кто-то **и**щет теб**я** сред**и** дожд**я**.	***И**щет* – иск**а**ть.
Гр**о**ма гр**о**зные раск**а**ты	*Гроз**а*** = м**о**лния+ гром + дождь. *Раск**а**ты гр**о**ма* -д**о**лгие, дл**и**нные (**о**тзвуки) зв**у**ки гр**о**ма. *Гр**о**зный* = стр**а**шный, устраш**а**ющий.
От зак**а**та до восх**о**да.	*Зак**а**т* – с**о**лнце сад**и**тся, зах**о**дит. *Восх**о**д* – с**о**лнце поним**а**ется, вста**ё**т.
За грех**и** людск**и**е пл**а**та –	Гр**е**х – плох**о**й пост**у**пок челов**е**ка. Люди (мн.ч.; человек - ед.ч.) – людской грех, грехи людей. Пл**а**та = опл**а**та.
Непог**о**да, непог**о**да.	
Не анг**и**на, не прост**у**да,	
Посерь**ё**знее бед**а**:	Посерь**ё**знее – (серь**ё**знее, серь**ё**зно, серь**ё**зный) без ш**у**ток.
Полг**о**да плох**а**я пог**о**да,	
Полг**о**да – совс**е**м никуд**а**!	
Полг**о**да плох**а**я пог**о**да,	
Полг**о**да – совс**е**м никуд**а**!	
Никуд**а**, никуд**а** нельз**я** укр**ы**ться нам,	
Но откл**а**дывать жизнь ник**а**к нельз**я**…	

Можно также предложить дополнительно к домашнему заданию караоке-версию для любителей пения [8]. Практика показывает, что 95% студентов с удовольствием поют песни, а 5% стесняются делать это на публике. На следующем уроке в качестве фонетической разминки можно воспользоваться этим заданием и всем вместе спеть эту песню.

Для студентов продвинутого уровня обучения в рамках продолжения изучения данной темы можно предложить песню «У природы нет плохой погоды» из к\ф «Служебный роман» [9]. Алгоритм работы с текстом песни аналогичен предыдущему (*Таблица 2*).

Таблица 2. Работа с текстом песни «У природы нет плохой погоды»

Слова: Эльдара Рязанова

Музыка: Андрея Петрова

Текст песни «У природы нет плохой погоды»	***Значение некоторых новых или трудных для понимания слов и выражений***
У прир**о**ды нет плох**о**й пог**о**ды –	
К**а**ждая пог**о**да благод**а**ть.	*Благодать* = благо+дать. Состояние природы, окружающего мира, вызывающее у человека чувство покоя, умиротворённости, блаженства.
Дождь ли, снег – любо**е** вр**е**мя г**о**да	
Н**а**до благод**а**рно принима**т**ь.	
Отзвуки душ**е**вной непог**о**ды,	***О****тзвук* – отра**ж**ение зв**у**ка, **э**хо. Звук издалек**а**.
В с**е**рдце один**о**чества печ**а**ть,	*Одиночество* – это ощущение (чувство) того, что рядом нет никого, с кем можно было бы поговорить или провести время. *Одинокий человек*.
И бесс**о**нниц г**о**рестные всх**о**ды	*Бессонница* – без сна; *горестные всходы- здесь*: печальное начало. *Горе* - скорбь, глубокая печаль. Беда, несчастье.
Н**а**до благод**а**рно принима**т**ь.	
См**е**рть жел**а**ний, г**о**ды и невзг**о**ды –	*Невзгоды*–тяжёлое переживание, несчастье.
С к**а**ждым дн**ё**м всё непос**и**льней кладь,	*Непосильней*– не по силам. *Кладь* – ноша, тяжесть; багаж.
Что тебе назн**а**чено прир**о**дой	
Н**а**до благод**а**рно принима**т**ь.	
См**е**ну лет, зак**а**ты и восх**о**ды,	
И любв**и** посл**е**дней благод**а**ть,	
Как и д**а**ту своег**о** ух**о**да	*Дата своего ухода* – день смерти.
Н**а**до благод**а**рно принима**т**ь.	

У прир**о**ды нет плох**о**й пог**о**ды,	
Ход врем**ё**н нельз**я** останов**и**ть.	*Ход времён* (*времени*) – идёт время.
Осень ж**и**зни, как и **о**сень г**о**да,	
Н**а**до, не скорб**я**, благослов**и**ть.	*Не скорбя*– без скорби, без грусти, без печали; *благословить – здесь:* пожелать удачи.

Проведение беседы по просмотренному фрагменту и с опорой на текст: «Как вы думаете, о чём говорится в песне? Согласны ли вы с названием песни? Аргументируйте свой ответ». Можно провести углублённый анализ текста, предложив студентам объяснить, что означают в данном контексте следующие выражения или даже целые смысловые отрезки: «бесс**о**нниц г**о**рестные всх**о**ды; см**е**рть жел**а**ний, г**о**ды и невзг**о**ды – с к**а**ждым дн**ё**м всё непос**и**льней кладь; ход врем**ё**н нельз**я** останов**и**ть; **о**сень ж**и**зни, как и **о**сень г**о**да, н**а**до не скорб**я**, благослов**и**ть». Естественно, что студенты в результате такого анализа могут прийти к глубокой философской составляющей авторского замысла.

Затем студенты получают следующие задания с использованием метода «мозговой атаки»: **1-** назвать антонимы к слову «погода» и её описательным характеристикам: тёплая - (прохладная, холодная), морозная – (жаркая, знойная), ясная - (облачная), пасмурная – (солнечная), сухая - (дождливая), неустойчивая – (устойчивая), тихая - (ветреная). **2** - подобрать синонимы: прохладная = холодная, жаркая = знойная, морозная = холодная, солнечная = ясная, пасмурная = облачная. Используя новостной видеоматериал актуального прогноза погоды, преподаватель актуализирует в речи учащихся глаголы по теме «Погода»: Улучшится – улучшиться, стать лучше. / Ухудшится – ухудшиться, стать хуже**.** Изменится – измениться, поменяться. Ожидается – ожидать, ждать. Сохранится – сохранить, хранить. = Удержится – удержаться, держаться. = Установится – станет устойчивой и т.п. Составление монолога «Прогноз погоды на неделю»: «В понедельник и во вторник погода не изменится. Сохранится тёплая, но дождливая весенняя погода. К среде погода улучшится, погода тёплая, облачная. В четверг сохранится солнечная и сухая погода. Такая же жаркая погода удержится до пятницы, а в выходные ожидается резкое ухудшение погоды, ветер. В субботу и в воскресенье установится пасмурная и прохладная погода, которая удержится всю следующую неделю».

Метеоролог (от греч. meteoros – атмосферные и небесные явления) занимается наблюдениями за погодой, собирая данные приборов.

Рис.1.Метеоролог [11]

Рис.2. Метеоролог [12]

Синоптик (от греч. syoptikous – способный всё обозреть) – это метеоролог, специализирующийся на анализе атмосферных процессов и предсказаний будущего состояния погоды. Синоптики предсказывают погоду, составляют по полученным сведениям метеорологов карту погоды.

Рис.3. Синоптическая карта погоды [13] Рис.4. Синоптический прогноз погоды[14]

Если метеорологи занимаются наблюдением и первичным анализом погоды, то основная задача синоптиков - составление прогноза погоды, её предсказание.

Основная общеупотребительная и профессиональная лексика по теме «Явления погоды и природные явления» представлена в таблице 3:

Таблица 3.

Явления погоды и природные явления		**Сочетания**
Осадки (возможны = вероятны)	снег, снегопад, метель, туман, заморозки, оттепель, ветер, дождь, ливень, гроза	выпадет возможен (возможна, возможны); пройдёт (пройдут);
Воздух, его характеристики	температура, (атмосферное) давление, влажность	вырастет/упадёт, повысится/понизится, уменьшится/увеличится

В качестве упражнения на закрепление новой лексики можно использовать следующее задание: составьте предложения, используя слова в скобках и запишите ответы на вопросы:

1. Как называется дождь, снег и подобные природные явления? (осадки)
2. Как называется природное явление, при котором после сильных морозов температура воздуха резко повышается? (оттепель)
3. С чем связана плохая видимость на дорогах по утрам или по вечерам весной, осенью или зимой? (туманы)
4. Какое явление бывает поздней осенью или ранней весной? (заморозки)
5. В связи с чем водителям нужно быть особенно осторожными на дорогах зимой? (гололёд)
6. Почему в плохую погоду некоторые люди плохо себя чувствуют? (низкое / высокое атмосферное давление)
7. Чему радуются дети зимой? (снег)
8. О чём предупреждали метеорологи и синоптики? (сильные грозы, ливневые дожди)
9. К чему привели сильные дожди? (повышение влажности)

Обобщению изученного материала может способствовать составление синквейна по теме «Погода»:

Погода.
Морозная, облачная.
Наступает, изменяется, сохраняется.
У природы свои капризы!
Настроение.

Следующим этапом является говорение, когда учащиеся подходят к использованию речевых навыков в построении диалогов. Показ слайда:«Не браните погоду – если бы она не менялась, то девять человек из десяти не смогли бы начать ни одного разговора» *Фрэнк Хаббарт* [10]. Глагол «бранить» имеет синоним «ругать»: не браните = не ругайте. Согласны ли вы с высказыванием Фрэнка Хаббарта? Обоснуйте своё мнение. На данном этапе происходит стимулирование речемыслительной деятельности обучающихся, побуждающее их к выражению собственного мнения и отношения к высказыванию, поиск аргументов и доказательств своего суждения. После аргументированных ответов студенты получают новое задание – составить ролевой диалог на тему: «Беседа с незнакомцем/незнакомкой» и выступление-монолог: «Ведущий прогноза погоды/ Метеопрогноз». Задание может быть выполнено в различных формах по выбору самого студента: индивидуальное или групповое, устное (в аудио формате) или письменное, в форме видеопрезентации, проекта или Stories, которые в настоящее время столь популярны в формате «здесь и сейчас». Самостоятельный выбор формы работы для выполнения данного задания позволяет студенту проявить свой творческий потенциал или организаторские способности, и кроме того, сделать это с удовольствием.

Включение видеоматериалов в процесс обучения студентов русскому языку как иностранному в целом, и русской разговорной речи в частности, является мощным стимулом к стремлению владения русским языком на практике, особенно в повседневной бытовой жизни. Успехи обучающихся в осознании понимания русской речи и способность принятия участия в разговоре способствуют повышению самооценки и стимулируют дальнейшее изучение русского языка, помогают развить языковую догадку, обучают прогнозированию возможной ситуации, привносят дополнительные знания не только в области грамматики, но также помогают понять менталитет другого народа. Иностранные студенты узнают историю, традиции, обычаи русского народа и делятся своими национальными особенностями традиций или обычаев. Применение аудиовизуального метода допускает использование всех видов коммуникативной деятельности: аудирования, говорения, чтения, письма. Таким образом, данный способ организации учебной деятельности позволяет максимально продуктивно решать все поставленные задачи занятия, осуществлять обучающую, коммуникативную и познавательную деятельность.

Литература

1. Барменкова, О. И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи / О. И. Барменкова // Иностранные языки в школе. – 1999. – №3. – С. 20-25.
2. Практический курс методики преподавания иностранных языков / Андреасян И.М. [и др.]; под общ. ред. И.М. Андресян. – Минск: ТетраСистемс, 2009. – 288с.
3. Ганжара, И.В. Об опыте использования новых образовательных технологий при обучении иностранному языку в видеоклассе [Текст] / И.В. Ганжара // Иностранные языки в РГГУ [Электронный ресурс]. – 2005.
4. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций [Текст] / Е.Н. Соловова. – М.: Издательство “Просвещение”, 2002. – 298 с.
5. Леонтьева, Т. П. Опыт и перспективы применения видео в обучении иностранным языкам [Текст] / Т.П. Леонтьева // Нетрадиционные методы обучения иностранным языкам в вузе: материалы респ. конференции. – Минск, 1995. – С. 61-74.
6. https://youtu.be/M0azJd3-HWI
7. https://youtu.be/ig3wEXGWp7g
8. https://youtu.be/BaDkzirhssI
9. https://youtu.be/5DTCDZfE6nM
10. https://socratify.net/quotes/tag/pogoda
11. https://images.app.goo.gl/9sKy5tkQCULsKfFKA
12. https://images.app.goo.gl/EQwzhfPanzncgck1A
13. https://images.app.goo.gl/wzPLcBNhmpfsrmKs8
14. https://images.app.goo.gl/n6fBE6tqe75PmYWP6

УДК: 811.161.1

Прядкина О.Н.
Кыргызско-Турецкий университет
“Манас”,Бишкек
PryadkinaO.H.
Kyrgyz-Turkish University Manas, Bishkek
olga.pryadkina@manas.edu.kg

Текст как средство формирования коммуникативной компетенции на уроках русского языка как иностранного
Text as a means of forming communicative competence in the lessons of Russian as a foreign language

Аннотация: *Данная статья посвящена учебному тексту, а также проблеме формирования коммуникативной компетенции у учащихся иностранцев посредством текста. Здесь рассматриваются разные определения текста, коммуникативной компетенции и их функции, а также непосредственные связи между ними. Работа с текстом реализуется с помощью специального методического аппарата. На основании полученных исследований было выявлено, что именно работа с текстом может гарантировать формирование коммуникативной компетенции.*

Abstract: *This article is devoted to the educational text, as well as the problem of the formation of communicative competence among foreign students by means of the text. It examines different definitions of text, communicative competence and their functions, as well as the direct connections between them. Working with text is carried out using a special methodological apparatus. Based on the studies obtained, it was revealed that it is precisely work with the text that can guarantee the formation of communicative competence.*

Ключевые слова: *Текст; коммуникативная компетенция; речевая компетенция; языковая компетенция.*

Keywords :*Text; communicative competence; speech competence; language competence.*

В настоящее время всё больше осознается необходимость интердисциплинарного подхода к тексту как инструменту и продукту познавательно-коммуникативной деятельности, протекающей в процессе отражения действительности субъектами познания.

Общение - одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. Текст письменного сообщения, созданный его автором, служит также целям общения, как и устное выступление. В тексте воплощается мысль говорящего: предметом речевой деятельности является мысль, продуктом – текст. От текста в большей степени зависит успешность общения.

Текст понимается также как "сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом

этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку" [5, 74].

В этом определении подчеркивается факт синтезирования в тексте мыслей автора и факт его направленности на чтеца. Из определения следует, что для приема текста необходимо осмысление самых разнообразных связей.

В общем виде текст можно рассматривать как определенную совокупную информацию, закодированную по системе данного языка. "Всякое речевое сообщение (текст) есть реализация и объективация определенного акта познания, а его смысловое содержание носит категориальный характер" [10, 108].

Спецификой учебного процесса (процесса обучения иностранному языку) является тот факт, что содержание и процесс обучения интегрируется в учебной речевой деятельности учеников. В учебниках речевая деятельность представлена иноязычным учебным текстом. Речевую деятельность можно понимать как перцепцию или продуцирование текстов. С этой точки зрения текст является результатом речевой деятельности и ему можно дать следующее определение: текст – это линейная последовательность языковых знаков, образующая сообщение и выполняющая коммуникативную роль.

Герхард Зоммер под термином “учебный текст” подразумевает текст, который используется в учебных целях (т.е. он не ограничивается текстами, составляемыми для учебных целей). По его мнению, роль основного критерия должен играть дидактический, а не лингвистический критерий. Основным критерием он считает функцию учебного текста для порождения новых устных и письменных текстов "[8, 224].

Под учебным текстом понимается текст, способный выполнять мотивационные, информационные и контролирующие функции, что обеспечивает формирование коммуникативных умений и навыков, а также использование языка в реальных жизненных ситуациях.

Роль учебных текстов чрезвычайно разнообразна. Так, при обучении пониманию языковых средств, текст, главным образом, материал для комплексного упражнения в усвоении лексики и грамматики изучаемого языка. При обучении содержательному пониманию текст рассматривается как источник информации, как средство для выработки навыков разговорной речи и как объект реферирования и аннотирования. «Можно констатировать, что на определенном начальном этапе обучения сам текст является основой для работы над словами и грамматикой, поскольку текст – это комплексный материал для усвоения языкового механизма» [13, 21].

Текст в учебном процессе может выполнять различные функции.

Текст

Источник информации	**Материал для обучения чтению**	**Материал для обучения говорению и слушанию**	**Образец речевых моделей (устных и письменных)**	**Материал для анализа и ввода лексико-грамматического материала.**
Письменный или устный текст Обработка полученной информации.	**Письменный текст** Тренируется умение быстро читать, видеть текст, находить нужную информацию, по образцу – писать. Тренируется догадка, прогноз.	**Устный текст** Тренируется умение воспринимать текст на слух, воспроизводить текст, не глядя в письменный источник. Тренировка артикуляции, интонации.	**Речевые модели. Анализ** Объяснение их строения и употребления. Тренировка их употребления.	**Языковые модели. Анализ** Объяснение их строения. Обобщение структур. Тренировка форм.

Текст является образцом того, как функционирует язык. Вот почему при коммуникативном подходе он является исходной и конечной единицей обучения.

Коммуникативный подход - это реализация способа общения, при котором осуществляется упорядоченная, систематизирующая и взаимосоотнесенная модель обучения иностранному языку как средству обучения в условиях, моделируемых на учебных занятиях речевой деятельности как части экстралингвистической деятельности. Данное определение стало наиболее употребляемым в последние десятилетия в среде преподавателей иностранного языка, так как главной тенденцией процесса обучения данному предмету в настоящее время является коммуникативность. И большинство учебников и учебных пособий построено на коммуникативной основе.

В рамках коммуникативного подхода в методике обучения иностранным языкам общее владение языком определяется как коммуникативная компетенция, а основным средством коммуникации признана устная речь, обучения которой стало главной целью в большинстве учебных заведений.

Сейчас принято говорить о трех видах компетенции, которые должны быть сформированы у студентов:

1)языковая (лингвистическая) – понимание и знание языка (в американской литературе ее называют декларативной);

2)речевая – навыки и умения строить речь по правилам;

3)коммуникативная – навыки и умения общаться на языке с разными людьми в разных обстоятельствах.

В качестве общей цели обучения выступает коммуникативная компетенция в полном объеме этого понятия. Коммуникативная компетенция трактуется как цель и одновременно результат обучения иностранному языку, это есть сформированная способность человека выступать в качестве субъекта коммуникативной деятельности общения.

Термин "компетенция" (от лат. competere - быть способным к чему-либо) был введен Н. Хомским в связи с исследованием проблем порождающей генеративной грамматики. Первоначально он означал способность, необходимую для выполнения определенной языковой деятельности в родном языке. Понятие коммуникативной компетенции возникло в результате развития предложенной им же (Н. Хомским) оппозиции «компетенция - реализация» в парадигме «язык – речь». Соответственно, первоначально компетенция и рассматривалась в смысле языковой компетенции. «По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, понятие «коммуникативная компетенция» определяется через его противопоставление сопряженному понятию «языковая компетенция». Под языковой компетенцией понимается способность говорящего произвести на основе преподанных ему правил цепь грамматически правильных фраз (даже безотносительно к их содержанию); под коммуникативной компетенцией понимается совокупность социальных, национально-культурных правил, оценок и ценностей, которые определяют, как приемлемую форму, так и допустимое содержание в речи на изучаемом языке» [7, 28].

А. Холлидей определяет коммуникативную компетенцию как внутреннюю готовность и способность к речевому общению.

Исходя из выше перечисленных определений коммуникативной компетенции, можно составить следующую схему:

Как раз-таки работа с текстом может гарантировать формирование всех навыков и способностей, приведенных в данной схеме. Работая с текстом,

естественно пополняется словарный запас, т.к. в учебном тексте должна присутствовать незнакомая лексика, но не более 5% от всего объема текста. Текст может выступать в роли образца речевых моделей (устных и письменных), а также тренируется их употребление. Текст – это материал для анализа и ввода лексико-грамматического материала. На основе этого можно объяснять строение грамматических структур и тренировать построение языковых моделей.

Работа с текстом реализуется с помощью специального методического аппарата. Методический аппарат отражает особенности и последовательность обучения чтению и включает в себя предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания.

Предтекстовые задания направлены на моделирование фоновых знаний, необходимых и достаточных для восприятия конкретного текста, на устранение смысловых и языковых трудностей его понимания и одновременно на формирование навыков и умений чтения.

В предтекстовых заданиях учащимся предлагается коммуникативная установка, назначение которой – сделать процесс чтения целенаправленным. Такие установки помогают прогнозировать тему или идею текста.

Коммуникативные установки имеют важное значение и для становления механизмов чтения, то есть умений воспринимать текст смысловыми блоками, зрительно синтезировать наиболее информативные элементы текста.

Притекстовые задания помогают избежать при чтении текста его дробления с целью комментирования. Дробление нарушает восприятие идейной целостности, эстетической завершенности, а это создает сложности для понимания.

Послетекстовые задания представляют собой самую большую группу упражнений. Они предназначены для проверки глубины и точности понимания прочитанного, для контроля за степенью сформированности умений чтения.

Также используются интерактивные приемы, позволяющие обучаемым понять не только предметный план текста, но и участвовать в содержательных беседах, излагать свои идеи собственными словами.

Учет указанных особенностей позволит повысить эффективность учебного процесса и будет способствовать успешному формированию коммуникативной компетенции в обучении русскому языку как иностранному.

Литература

1. Акишина А.А., Коган О.Е. Учимся учить. – М., 2004.
2. Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. – Саратов, 1987.
3. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М., 1984.
4. Гальперин И.Р. О слушании иностранной речи. – Ташкент, 1963.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

6. Гез Н.И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований. / Н.И. Гез// Иностранные языки в школе, - 1985. - №3. – С. 17 – 24.
7. Зимняя И.А., Психология обучения неродному языку. – М,1989.
8. Зоммер Г., 1996, Типы письменных учебных текстов для развития говорения и письма, Вопросы лингвистики и лингводидактики. Материалы конференции МАПРЯЛ, Краков 23 - 24 IV 1996, 224).
9. Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирования на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. — 1990. — № 4.
10.Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. – М, 1983.
11.Мильруд Р.П. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам / Р.П.Мильруд, И.Р.Максимова // Иностр. языки в школе. - 2000. - N 4. - С.9-15.
12.Текст в процессе преподавания иностранного языка. – Пермь, 1979.
13.Филиппов К. А. Лингвистика текста. С.-Пб., 2003.
14.Федорова Л.Л. К построению модели коммуникативной компетенции // Проблемы организации речевого общения / Под ред. Е.Ф.Тарасова. М., 1981.
15.Хомский Н. Новое в лингвистике. – М., 1965.
УДК: 81+316.7:378

Симакова М. С.
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва
SimakovaM. S.
K.A. Timiryazev RSAU – MTAA, Moscow
marysimakova@yandex.ru

Особенности межкультурной коммуникации при изучении иностранного языка
Intercultural communication features in the study of a foreign language

Аннотация: *изучению иностранного языка способствует развитие коммуникативных навыков, влияющих на речевое поведение учащихся. Общение предполагает коммуникативную адаптацию, выражающуюся в преодолении культурных различий и достижении согласия в конкретных ситуациях. Учащиеся быстрее достигают целей, если обучение строится вокруг коммуникативного опыта народа изучаемого языка в его естественном бытовании.*

Abstract*: the study of a foreign language is facilitated by the communication skills development which affect the speech behavior of students. Communication involves adaptation, expressed in overcoming cultural differences and reaching agreement in specific situations. Students achieve goals faster if learning is around the communicative experience of the people of the target language in its natural existence.*

***Ключевые слова**: межкультурная коммуникация; речевое поведение; мотивации; коммуникативные барьеры; традиционная культура.*

***Key words**: intercultural communication; speech behavior; motivation; communication barriers; traditional culture.*

Участие в межкультурных коммуникациях обусловливает необходимость понимания социокультурных мотиваций, влияющих на восприятие речевого поведения собеседников. Одним из способов снятия барьеров межкультурного взаимодействия является изучение иностранного языка.

Иностранный язык изучается в контексте явлений культуры, способствуя осознанному использованию языковых средств. Язык, культура и коммуникация находятся в единстве, при этом очевидно, что формирование навыков общения предполагает владение всеми тремя составляющими. Практика общения не ограничивается решением лингвистических задач, и изучающие иностранный язык преследуют различные цели, начиная от бытовых договоренностей и заканчивая участием в международном сотрудничестве.

Взаимопонимание – это коммуникативный феномен, и язык выступает как инструмент и способ формирования его сущности. Преподавание и изучение иностранного языка заставляет сосредоточиться на качественных показателях коммуникации, необходимых для диалога представителей разных культур.

Достижение согласия возможно, если стороны создают общее информационное пространство, заполненное хотя и не тождественными, но сопоставимыми смыслами. Это результат взаимных усилий, опирающихся на общечеловеческие ценности, международный этикет и языковые возможности как составляющие коммуникации. Существующие культурные различия выступают как коммуникативные барьеры, которые сглаживаются в процессе изучения иностранного языка в контексте социокультурных явлений.

Желающие вести переговоры с иноязычными собеседниками, как правило, прибегают к помощи посредника, который может не просто объяснить культурные различия, но и помочь сориентироваться в специфике общения. Преподаватель иностранного языка тот же посредник, который помогает учащимся адаптироваться в иноязычной среде.

Эффективность обучения проявляется в умении учащихся достигать коммуникативных целей. Речевое поведение выстраивается с учетом культурных различий, чтобы обеспечить правильную интерпретацию заложенных в нем смыслов. Начиная с формальных различий, учащиеся постепенно погружаются в специфику инокультурных мотиваций, чтобы поддерживать диалог в конкретных ситуациях. Важно отметить, что большая часть коммуникаций осуществляется во внеаудиторной среде, поэтому в ходе занятий важно не просто рассказать, но и предложить учащемуся коммуникативный алгоритм, на который он может опираться при планировании речевого поведения.

Важны не только знания о культурных различиях, но и навыки оценить и использовать их коммуникативный потенциал. Поэтому изучение иностранного языка целесообразно сосредоточить вокруг коммуникативных предпочтений, влияющих на речевое поведение собеседников. Они продиктованы культурными, социальными, психологическими и иными особенностями, взаимосвязаны с изменяющимися жизненными обстоятельствами.

Посвященная межкультурным коммуникациям исследовательская литература, даже если она основана на практическом опыте, достаточно быстро устаревает. Вместе с тем развитие технологий дают современному преподавателю прекрасные возможности для интеграции учащихся в аутентичный контекст межкультурного взаимодействия.

Мы обладаем достаточными возможностями демонстрировать примеры речевого поведения посредством аудио- и видеосюжетов, публикаций интернет-пользователей. Вместе с тем специфика интернет-среды требует избирательности иллюстративного материала. Обилие примеров дает представление о частотности, в то время как вариативность требует более глубокого осмысления заложенной в них общности. Определяющие стратегию речевого поведения мотивации проясняются посредством обращения к традиционной культуре, поскольку она является средоточием смыслов и потребностей, которые составляют коммуникативный опыт народа в его естественном бытовании.

Изучая коммуникативные аспекты исполнения фольклорного текста, К.В. Чистов [1] и Б.Н. Путилов [2] отметили его прагматические и социально-коммуникативные факторы и сделали выводы о его неразрывной взаимосвязи с контекстом. Выводы исследователей, занимавшихся изучением различных жанров, позволяют говорить о единой коммуникативной основе различных нарративов, которые вслед за М.М. Бахтиным [3] можно считать имеющими общую языковую природу речевыми жанрами. Таким образом, перед нами парадигма коммуникативных потребностей народа, находящегося в непрерывном взаимодействии с явлениями внешней среды.

В русской традиции динамику коммуникативных предпочтений ярко и многогранно иллюстрирует частушка – фольклорный жанр, возникший на рубеже XIX-XX веков, в переломный период истории и перестройки народного быта. Короткие рифмованные высказывания, которые выкрикивала молодежь под аккомпанемент гармони, балалайки, а иногда и просто игры на губах, свидетельствуют о том, как ориентировался русский человек в новых обстоятельствах, искал стабильности и отказывался от того, что утрачивало актуальность.

Частушка возникла как реализация коммуникативной потребности. Знаменитый озорной частушечный зачин «Вы не пойте старых песен – /Хватит нам коротеньких…» [4, 92] заявил о готовности выйти за пределы обряда и спроектировать собственный поведенческий сценарий: задеть другого, сообщить, обратить внимание, проявить себя и так далее. Важно, что частное коммуникативное решение и его реализация в речевом поведении основываются на традиции, предлагая одну из возможных ее интерпретаций.

В народной культуре возник новый коммуникативный формат, характеризующийся большей свободой выбора в традиционных рамках, и в первый раз всей очевидностью заявила о себе личность. Она не идет вразрез с поведенческими нормативами, и ее речевое высказывание, частушка, состоит из клише, которые понятны для большинства. В них фиксируются коммуникативные смыслы, которые обеспечивают приемлемость импровизированной коммуникации.

Исторический период ломки патриархального уклада изменил отношение к традиционной культуре. Распространение образования, освоение новых технологий создали возможности, скорректировали представление о благополучии, развили и дополнили потребительский интерес. В частушке отразилось народное любопытство и открытость, интерес к новизне и готовность к культурным заимствованиям. Частушечные высказывания изобиловали реалиями, которые пришли в народный быт с расширением границ коммуникативного пространства. Однако в частушке нашло свое отражение далеко не все, а только то, что является существенным для народа, и только так, как он это осмысляет в соответствии с устойчивым мировоззрением. Мировоззрение является основой для усвоения новой информации. Изучение фольклорных жанров переходной эпохи и современные фольклорные и околофольклорные тексты подтверждают это явление.

Будучи укоренена в традиционную культуру, частушка вышла из активного бытования. Обращение к ней применительно к данной проблематике носит иллюстративно-методический характер: частушка четко обозначила специфику столкновения с инородными явлениями и коммуникативные тенденции, получившие широкое развитие уже в наше время.

Урбанизация нивелировала культурные различия, глобализация расширила возможности общения. Это привело к заимствованиям, которые свидетельствуют о взаимном интересе и открытости, поиске соответствий своим потребностям. Однако информационная насыщенность не приводит к массовому трансферу культурных традиций. Национальные мировоззрение и способы общения сохраняют коммуникативные барьеры, которые могут быть преодолены в стремлении к взаимопониманию. Это движение от одного культурного кода к другому осуществляется через личность, которая формирует речевое высказывание для собеседника. Частушка ярко иллюстрирует этот процесс с точки зрения его коммуникативных качеств и стратегического планирования.

Решение коммуникативной задачи предполагает использование культурной компоненты в той мере, в какой она ожидаема и понятна другому. Задача преподавателя – вывести привычную для студента манеру общения на новый качественный уровень, расширить его коммуникативные навыки. Важно, чтобы это процесс был естественным для учащегося, который не может в одночасье преодолеть складывавшиеся десятилетиями способы выражения коммуникативных потребностей.

Обращение к традиционным речевым жанрам значительно облегчает задачу преподавателя. Речь не идет об использовании мертвых жанров,

поскольку они не соответствуют современному типу сознания. Целесообразно обращение к тем из них, которые активно включены в коммуникативный процесс по аналогии с частушечными высказываниями. Фольклорные тексты апеллируют к присущим культуре изучаемого языка смыслам, а значит, учащийся сможет идентифицировать новую для себя данность, чтобы определить подходящую стратегию речевого поведения.

Литература

1. Чистов, К.В. Фольклор. Текст. Традиция : Сборник статей / К.В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.
2. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – СПб. : Наука, 1994. – 238 с.
3. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
4. Частушки в записях советского времени /Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. – М.-Л.: Наука, 1965. – № 1591. – С.92.

УДК: 372.881.161.1

Федосеева А.В.
Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, Россия, г. Москва
Fedoseeva A.V.
Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow
AVFedoseeva@pushkin.institute

Особенности выражения негативной оценки иностранцами на русском языке
The specificity of expressing negative judgement in Russian language by foreign speakers

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы обучения иностранных студентов способам выражения негативной оценки в русском языке. Освоение различных средств выражения оценки представляет трудность для инофонов в связи с разнообразием оценочных единиц, а также культурными и психологическими факторами, влияющими на их употребление. В статье обобщаются результаты исследования особенностей выражения негативной оценки иностранцами, владеющими русским языком на уровне B1 и выше.*

Abstract: *The article discusses the issues of teaching foreign students the ways to express negative judgement in Russian. Mastering different means of expressing evaluation is difficult for foreigners due to the variety of linguistic subjectivity units, as well as cultural and psychological factors that influence their use. The article summarizes the results of a study of the specificity of expressing negative judgement by foreigners who speak Russian at B1 and more advanced levels.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; методика; оценка; оценочные единицы; обучение лексике.*

Keywords: *Russian as a foreign language; methodology; evaluation;subjectivity units; vocabulary teaching.*

Умение выразить оценку того или иного предмета, явления, события окружающей нас действительности средствами изучаемого языка входит в число важнейших навыков, приобретаемых студентами в ходе изучения иностранного языка. Освоение оценочных единиц происходит постепенно и начинается практически с первых занятий. Так, при изучении русского языка как иностранного такие лексические единицы, как *хороший/плохой*, *прекрасный/ужасный* (общая оценка), *умный/глупый*, *интересный/скучный* (частная оценка) и мн. др., быстро становятся известными студентам элементарного уровня и начинают активно использоваться ими в собственной речи. Тем не менее, грамматически правильное и ситуативно уместное употребление разнообразных оценочных единиц, а также понимание оценок, выносимых носителями языка в тех или иных ситуациях, зачастую становится непростой задачей, требующей специального обучения. В данной статье мы рассмотрим некоторые проблемные «зоны», связанные с изучением оценочных единиц русского языка иностранцами на продвинутом этапе (уровень B2).

Говоря об оценке как о языковом явлении в целом, исследователи неоднократно отмечали её социальную природу. По мнению О.С. Осипчук, именно социум дает положительную или отрицательную оценку предмету или явлению, а также «определяет социальные приоритеты, ценности – продукты культурных процессов, так как вне человеческих отношений они не имеют смысла» [1, 233]. Т.В. Маркелова отмечает, что шкала оценок, лежащая в основе любого оценочного суждения, объединяет «ментальное, эмоциональное и социальное поле говорящего» [2, 15]. Именно поэтому, несмотря на очевидную субъективность большинства оценочных суждений, выносимых человеком в повседневной жизни, неправомерно было бы утверждать, что в основании оценок лежит лишь индивидуальная точка зрения. Оценочные суждения обусловлены социально, а следовательно, содержат в своей основе ряд социо- и национально-культурных стереотипов. Даже элементарное сочетание *хорошая погода* может иметь в основе совершенно разный набор признаков, в совокупности формирующих положительную оценку. Таким образом, обучение оценочным единицам зачастую требует дополнительных комментариев, в том числе культурологического характера, поскольку понимание лексического значения единицы не гарантирует ее правильного употребления относительно того или иного объекта действительности. Стоит отметить, что подобные комментарии многими учащимися рассматриваются в качестве интересного дополнения, своеобразного экскурса в особенности мышления носителей языка, что благоприятно сказывается на усвоении нового материала. Исследователи утверждают, что одно из основных правил процесса обучения языку заключается в том, чтобы «максимально заинтересовать инофона в изучении языка, что наиболее эффективно отражается в повышении мотивации» [3, 83].

Другой сложностью, с которой сталкиваются иностранные учащиеся при освоении оценочных единиц русского языка, безусловно, является их разнообразие. При выражении оценки могут быть задействованы все уровни языковой системы. Так, важнейшую роль в оформлении оценочных высказываний играют интонационные конструкции, словообразовательные аффиксы, полисеманты, содержащие коннотативные значения и оценочные компоненты значения, синтаксические конструкции и др. Разумеется, все многообразие средств выражения оценки не сразу становится «доступным» для иностранных учащихся, однако даже на продвинутом этапе многие иностранцы испытывают трудности в понимании оценочных суждений носителей языка (особенно в устной речи), а их собственный репертуар оценочных единиц остается крайне ограниченным.

Особенно сложным, по нашим наблюдениям, представляется выражение негативной оценки предметов и явлений. С одной стороны, это связано с более широким разнообразием негативных оценочных единиц: исследователи отмечают, что на языковом уровне способов выражения различных нюансов пейоративной оценки оказывается больше, чем «репертуар» положительных оценок [4, 49]. С другой стороны, выражение негативной оценки на иностранном языке требует от студентов преодоления своеобразного

психологического барьера. Боясь совершить ошибку, обидеть собеседника, остаться непонятыми, иностранцы чаще используют нейтральную лексику, не выражающую явного отношения к предмету обсуждения, что вполне может привести к коммуникативным неудачам.

Последнее положение, во многом, подтверждается проведенным нами исследованием, в котором приняли участие иностранные студенты, изучавшие русский язык более 1 года (уровень В1 и выше). В число респондентов входили учащиеся из Италии, Канады, Китая, Кубы, Мали, Польши, США, Турции, Чехии, Чада. Большинство респондентов изучают или ранее изучали язык в России, однако некоторые студенты никогда не были в языковой среде. Данный факт хотелось бы отметить особо, поскольку, по нашим наблюдениям, наилучших результатов в понимании и использовании разнообразных средств выражения оценки достигают студенты, обучающиеся в языковой среде, а также иностранцы, проживающие в России в течение долгого времени [5, 150]. В качестве материала для исследования были выбраны иллюстрации к психологическому «тесту фрустрационных реакций» С. Розенцвейга. Респондентам было предъявлено 10 картинок, на каждой из которых слева персонаж произносит высказывание, описывающее некую «фрустрационную ситуацию». Персонаж справа имеет над собой пустой квадрат, в который должен вписать свой ответ, свои слова [6, 13]. От респондентов требовалось ответить на предлагаемые реплики, выражая негативную оценку данной ситуации, собеседника, его действий, либо своего поведения и используя, по возможности, различные способы выражения оценки. Таким образом, тактику собственного поведения в каждой ситуации респондент выбирал сам, однако выражение негативной оценки являлось обязательным компонентом при любом выборе. Отметим, что предложенные ситуации, схематично изображенные на рисунках, потенциально «провоцируют» собеседника на некую эмоциональную реакцию (чаще – негативную), однако не исключают и «мирного» решения проблемы.

Приведем примеры высказываний, предложенных респондентам:

- *Как обидно, что моя машина сломалась, и вы из-за этого опоздали на поезд!;*

- *Не слишком ли вы шумите?* (официант – посетителю ресторана);

- *Согласно библиотечным правилам вы можете одновременно брать только две книги*;

- *Эту работу я смогу закончить только завтра* (служащий – руководителю/коллеге).

Промежуточные результаты исследования показывают, что большинство иностранных учащихся, в той или иной мере, испытывают трудности различного характера при формулировании негативных оценочных суждений. Так, многие ответы выпадают из поля рассмотрения, поскольку они не соответствуют заданию (в ответе не выражена оценка, либо не выражена негативная оценка). Однако данные случаи не позволяют однозначно говорить о том, что респондент не понял задание, поскольку «неправильные» ответы у некоторых участников составляли не более 10% (1 из 10). С нашей точки

зрения, внимательный анализ полученных данных позволяет судить о том, в каких ситуациях респондентам было трудно выразить негативную оценку, в связи с чем и была выбрана другая реакция на предложенные реплики. К таким ситуациям, в первую очередь, относятся диалоги, происходящие в официальной обстановке (*Все сотрудники лаборатории не согласны с вашим решением*; *На таких заявках должна быть ещё подпись главного бухгалтера*). Очевидно, выражение отрицательной оценки в подобных ситуациях представляется трудным из-за необходимости соблюдать официально-деловую стилистику, а также ориентироваться на этикет общения. В то же время, затруднение вызвали и реплики, содержащие прямое оскорбление/обвинение собеседника (*Вы лжец, вы сами это знаете; Вы разбили любимую вазу моей матери!*). В данном случае многие респонденты выбрали тактику оправдания/извинения, возможно, более «удобную» психологически.

Отдельно следует сказать об упомянутом ранее репертуаре средств выражения оценки, использованных респондентами. Рассматривая ответы в совокупности, можно отметить, что участники исследования употребляли разнообразные оценочные единицы, в том числе делали попытки внести стилевое разнообразие в соответствии с предложенными ситуациями. Так, в ответах часто использовались служебные части речи и местоимения в оценочной фукнкции (*Ты же знаешь, что она такая! Чего ты ожидал?*), оценочные прилагательные (*Не переживай, ваза была некрасивая; Вы очень грубый человек!*); риторические вопросы (*Что за ерунда? Почему такие бессмысленные правила?*) и многое другое. Однако, при рассмотрении ответов каждого респондента в отдельности, стало очевидным, что индивидуальный репертуар средств выражения негативной оценки опрошенных не так широк и ограничивается 2-3 типами конструкций. Это позволяет сделать вывод о необходимости специального обучения средствам выражения оценки в русском языке с целью расширения словарного запаса и стилистического разнообразия используемых единиц.

Результаты исследования, описанные в данной статье, являются промежуточными, поскольку необходимым представляется как более подробный анализ полученных данных с языковой и методической точки зрения, так и проведение аналогичного исследования среди носителей русского языка разных возрастов и сфер деятельности, что позволит сравнить наиболее частотные способы выражения оценки у носителей языка и иностранцев, отметить культурно обусловленные особенности выражения оценки и, в конечном итоге, сделать вывод о необходимых изменениях и дополнениях в содержании курса русского языка на продвинутом этапе.

Литература

1. Осипчук О.С. Проблемы оценки и оценочного смысла в современной языковой картине мира // Концептуальные исследования в современной лингвистике. – СПб.; Горловка, 2010. – С. 229-234.

2. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. – М.: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. – 300 с.
3. Прокопова И.И. Использование технологии «Эдьютейнмент» в электронных учебных ресурсах по РКИ // Русский язык за рубежом. – М.: Изд-во: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016. – № 6 (259). – С. 82–87.
4. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.
5. Федосеева А.В. Роль и место оценочных единиц в процессе обучения русскому языку как иностранному: дис. ... кандидата педагогических наук / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – 2016. – 203 с.
6. Фрустрация: Понятие и диагностика: Учеб.-метод. пособие: Для студентов специальности 020400 «Психология» / Сост. Л. И. Дементий. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 68 с.

УДК: 371.3:37.02/575.2/(04)

Чепекова Г.С.
КНУ имени Жусупа Баласагына, г.Бишкек
ChepekovaG.Ch.
J. Balasagun KNU, Bishkek
chepekova@mail.ru

Реализация коммуникативного подхода на уроках русского языка в кыргызской школе

Implementation of the communicative approach in the lessons of the Russian language in a Kyrgyz school

Аннотация*: в статье рассматривается реализация коммуникативного подхода на уроках русского языка в кыргызской школе. Дается характеристика принципов коммуникативного подхода, способствующих формированию коммуникативной компетенции учащихся.*

Abstract:*The article discusses the implementation of the communicative approach in the lessons of the Russian language in a Kyrgyz school. There are given the characteristics of the principles of the communicative approach that contribute to the development of the communicative competence of students.*

Ключевые слова*: русский язык; коммуникативный подход; коммуникативная компетенция; принцип обучеиия*

Keywords : *Russian language; communicative approach; communicative competence; teaching principle*

В настоящее время русский язык сохраняет в Кыргызстане приоритетные позиции. Он является официальным языком и закреплен в Законе “Об официальном (русском) языке Кыргызской Республики” от 29 мая 2000 года.

Закон определяет русский как “язык межнационального общения, который способствует интеграции республики в мировое сообщество” [1]. Русский язык является обязательным учебным предметом во всех школах республики, в том числе и с кыргызским языком обучения.

Однако нельзя не отметить, что в последнее время качество преподавания русского языка как неродного неуклонно снижается. Одной из причин является сокращение часов на изучение русского языка по школьной программе в школах с кыргызским языком обучения. Например, в 8 - 9 классах кыргызской школы на изучение русского языка отводится 1 час в неделю, что составляет в год 34 часа. Естественно, что в таких условиях сложно научить учащихся владению русским языком на уровне В1.

Чтобы научить школьников полноценно общаться на русском языке необходимо повышение эффективности уроков русского языка, выведение учащихся на самостоятельное обогащение речевого опыта на русском языке. В этом случае необходимо использование эффективных методик преподавания. Речь идет об использовании коммуникативного подхода с применением уровневой системы обучения русскому языку в школе.

Коммуникативный подход возник в 70-е гг. XX века в связи с выдвижением в качестве главной цели обучения – овладение языком как средством общения, или коммуникацией. Появление коммуникативного подхода обусловлено объективной необходимостью изучения языка как средства общения. Представитель коммуникативного подхода Е.И.Пассов считал, что коммуникативность состоит в том, что “наше обучение должно быть организовано так, чтобы по основным своим качествам, чертам оно было подобно процессу общения” [2, 36].

По мнению Н.Ю.Гусевской “ В основе коммуникативного подхода лежат идеи коммуникативной лингвистики, психологической теории деятельности, концепция развития личности в диалоге культур, которая определяет конечную цель обучения иностранному языку – овладение иноязычной культурой в процессе межкультурной коммуникации. Особенность подхода проявляется в попытке приблизить процесс обучения русскому языку к процессу реальной коммуникации” [3,168]. Иными словами, на уроках русского языка учитель должен использовать такие методы, которые способствовали бы использованию языка как средства общения.

Сафонова В.В. считает, что "принципиальным основанием современной методики обучения русскому языку как второму становится коммуникативный подход, означающий, что в центре обучения находится ученик как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных и национальных особенностей личности обучающегося, его интересов. Коммуникативный подход ориентирует на обучение общению, использование языка с целью обмена мыслями. Для этого основное внимание на уроке уделяется созданию и поддержанию у учащихся потребности в общении и усвоению в процессе общения жизненно значимой и представляющей общекультурную ценность информации. Речевая деятельность как процесс активного, целенаправленного,

опосредованного языком взаимодействия участников общения между собой обусловлена ситуацией общения[4, 10].

Реализация коммуникативного подхода на уроках русского языка как неродного предполагает, что речевая деятельность формируется во всех ее видах: чтении, говорении, письме, аудировании. Для развития полноценной речевой деятельности учащихся целесообразно соблюдение принципов, характерных для коммуникативного подхода.

Основными принципами коммуникативного подхода, как обозначено в Предметном стандарте по русскому языку, являются:

1. *Принцип речевой направленности*. Реализация данного принципа ориентирует на активное общение, взаимодействие в образовательном процессе, которое невозможно без диалога. Принцип речевой направленности предполагает также "использование коммуникативно ценного материала. Это такой материал, который адекватен (в большей или меньшей степени) материалу, используемому в предполагаемых сферах реальной коммуникации. Речевая, или коммуникативная, ценность этого материала тем выше, чем вероятнее его использование в общении" [5,146].

2. *Принцип функциональности*.Он предполагает, что «слова и грамматические формы усваиваются учеником сразу в деятельности: учащийся выполняет какую-либо речевую задачу – подтверждает мысль, сомневается в услышанном, спрашивает о чем-то, побуждает собеседника к действию, и в процессе этого усваивает необходимые слова или грамматические формы» [5], иными словами, взаимодействует в диалоге.

3. *Принцип учета родного языка и синхронизации грамматического материала* предполагает учет того, что знает и чем владеет ученик на родном языке, и включение имеющегося опыта в контекст изучаемого языка, культуры этого языка, чем и достигается атмосфера диалога в познавательном процессе, диалога культур.

4. *Принцип ситуативности* нацеливает на включение в образовательный процесс ситуаций, которые моделируют модель взаимодействия в естественном общении, в диалоге. Как отмечает Е.И.Пассов, "реализация ситуативности немыслима без личностной индивидуализации, ибо создание на уроке ситуаций как системы взаимоотношений возможно только при хорошем знании потенциальных собеседников, их личного опыта, контекста деятельности, интересов, мировоззрения, чувств и статуса личности в коллективе" [6, 220].

5.*Принцип взаимосвязанного обучения всем формам устного и письменного общения* предполагает тесное взаимодействие в процессе общения всех участников образовательного процесса, постоянный обмен мнениями между всеми участниками как в устной, так и в письменной форме. Речевая деятельность реализуется в её основных видах: аудировании, говорении, чтении и письме на основе общего языкового материала. Однако следует помнить о том, что обучение видам речевой деятельности должно вестись последовательно, комплексно.

6.*Принцип учета индивидуальных особенностей и интересов учащегося*. Нужно помнить о том, что любой ученик отличается от другого своими

способностями, характеристиками как личности, своими интересами, статусом в коллективе. Коммуникативный подход предполагает учет всех этих характеристик учащегося при обучении всем видам речевой деятельности.

7. *Принцип аутентичности учебных материал*ов. Ученик овладевает языком для того, чтобы войти в новое для него информационное поле, в новую культуру. Это осуществимо при условии, когда тексты будут аутентичны и вокруг них идет активная интеллектуальная и эмоциональная работа всех, кто вовлечен в образовательный процесс. Использование аутентичных текстов на уроках русского языка в кыргызской школе позволит учащимся познакомиться с культурой русского народа, его ценностями. Все это будет способствовать формированию социокультурной компетеции школьников.

8. *Принцип новизны* предполагает новизну речевых ситуаций, новизну речевого материала, новизну форм организации урока, и все это гарантировано продуктивным диалоговымобщением на уроках русского языка.

Использование вышеуказанных принципов на уроках русского языка в кыргызской школе позволит сформировать коммуникативную компетенцию учащихся, позволяющую “взаимодействовать с другими людьми в бытовой, учебной, производственной, культурной и других сферах жизнедеятельности, используя различные знаковые системы” [6]. Под компетенцией понимается совокупность тех знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения русскому языку как неродному и обеспечивают успешный процесс общения.

Учитывая современное состояние разработки вопросов коммуникативного метода обучения неродному языку, можно уточнить эти этапы формирования коммуникативной компетенции:

1) этап формирования языковых компетентностей и речевых навыков;

2) этап совершенствования речевых навыков, формирования речевых компетентностей;

3) совершенствования коммуникативных компетентностей.

Каждый этап связан с предыдущим и является основой для реализации последующего и представляет замкнутую систему, которая гарантирует достижение промежуточных по отношению ко всему курсу достижений в изучении языка.

Таким образом, реализация коммуникативного подхода на уроках русского языка в кыргызской школе позволит сформировать языковую личность, владеющей всеми видами речевой деятельности и способной вступать в межкультурную коммуникацию.

Литература

1. Закон Кыргызской Республики “Об официальном (русском) языке Кыргызской Республики” от 29 мая 2000 года. Г. (http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru)

2.Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1985. 208 сГусевская Н.Ю. Эволюция методов обучения иностранному языку //

Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения, №6(53), 2013, Чита. С. 167-171
3. Сафронова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях // О чем спорят в языковой педагогике. – М.: Еврошкола, 2004. – 236 с.
4. Предметный стандарт по русскому языку для 5-9 классов школ с кыргызским, таджикским, узбекским языками обучения», 2018 г.
5. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. - М.: Русский язык. Курсы, 2010. - 568 с.

УДК: 81’44

Янкын Н.В.
Киргизско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек
Yankyn N.V.
Kyrgyz-Turkish University «Manas», Bishkek
lesnaya80@yahoo.com

Лингвокультурная интерференция при обучении русскому речевому этикету турецких студентов
Linguocultural interference in teaching Russian speech etiquette to Turkish students

Аннотация: *В данной статье проводится анализ турецкого и русского речевого этикета при реализации речевого акта «пожелание», с целью предупреждения ошибок, вызванных лингвокультурной интерференцией.*

Abstract: *This article compares the Turkish and Russian speech etiquette in the speech act of wish. This analysis helps to identify errors associated with linguocultural interference.*

Ключевые слова: *речевой этикет; речевой акт; пожелания; речевая ситуация; лингвокультурная интерференция.*

Keywords: *speech etiquette; speech act; wish, speech situation; linguocultural interference.*

В современном обществе наблюдается развитие международных связей и активизация межкультурных контактов. В связи с этим перед системой образования ставятся новые задачи - подготовить учащихся к деятельности в рамках поликультурной среды.

Актуальность исследования объясняется тем, что в последнее время Турция успешно сотрудничает во всех сферах со странами, в которых государственным языком или языком межнационального общения является русский. В связи с этим возросло количество турецких студентов, желающих изучать русский язык. Анализ единиц турецкого речевого этикета на фоне русской речевой культуры является предметом данного исследования. Цель

нашего исследования состоит в выявлении нарушений, вызванных лингвокультурной интерференцией при реализации речевого этикета в речевом акте «пожелание».

Одним из важных моментов в изучении языка является обучение языку как средству коммуникации. В процессе коммуникации наблюдается большое количество речевых действий, направленных на установление или размыкание контакта, поддержание и регулирование отношений между собеседниками. Речевой этикет играет важную роль во взаимодействии участников коммуникации. Вежливость как коммуникативная категория и как концепт универсальна, однако в речевом поведении она обусловлена традициями, религиозными представлениями, социокультурными особенностями. Языковое оформление вежливости различается в разных культурах, поэтому при говорении на иностранном языке возникают ошибки при использовании единиц речевого этикета в различных речевых актах.

Процесс взаимовлияния языков и культур происходит в сознании человека при говорении на неродном языке, при этом контактируют не только языковые системы, но и связанные с ними культурные феномены, стереотипы, модели речевого и неречевого поведения, стратегии и тактики речевого и неречевого поведения. [1, с.71].

При взаимодействии двух языковых систем одна выступает в качестве первичной по отношению к другой, которой индивид овладел в меньшей степени. В нашем исследовании первичным является родной язык учащихся - турецкий язык, а вторичным выступает изучаемый язык – русский.

В данном исследовании предлагается сопоставление турецкого и русского речевого этикета при реализации речевого акта «пожелание», с точки зрения взаимовлияния национально-культурных стереотипов. При взаимодействии двух языков неизбежны случаи проявления как языковой, так и лингвокультурной интерференции.

Явление языковая интерференции интересовало учёных в течение многих лет. Интерференция изучается в лингвистике, социолингвистике, психологии, психолингвистике, методике преподавания иностранных языков. Наиболее полное определение интерференции предлагается В. А. Виноградовым: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [2, с.168].

Интерференция может проявляться на различных уровнях языка. Ученые различают фонетическую, семантическую, лексическую, грамматическую, орфографическую, стилистическую, лингвострановедческую, социокультурную интерференцию. В рамках данной работы нас интересует социокультурная интерференция, так как она порождается самой культурой, которую данный язык отражает. На сегодняшний день в современной лингвистической литературе можно встретить разные названия этого явления: межкультурная [3], лингвокультурная интерференция [4], [5], [6] культурологическая [7], социокультурная [8].

В отличие от языковой интерференции, при лингвокультурной интерференции, на первом плане взаимодействие культурных стереотипов поведения [1, с.72]. Нередко различающиеся социокультурные нормы порождают недоразумения, помехи, сбои в межкультурной коммуникации, которые можно преодолеть при целенаправленном изучении коммуникативного поведения и фоновых знаний представителей инокультурного сообщества. Такие помехи возникают из-за различия сложившихся традиций в культуре общения.

Типичные ошибки иностранцев в речевом этикете характеризуются многообразием, они носят преимущественно узуальный характер. Речевой этикет принадлежит к фоновым знаниям говорящих на данном языке, поэтому целенаправленное овладение системой социокультурного общения необходимо для адекватной коммуникации между представителями разных лингвокультур.

Пожелание представляет собой речевой акт, иллокутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе. Пожелание выражает чувство благоволения, говорящего по отношению к адресату, выражение этого чувства способствует установлению или поддержанию контакта с другими членами данного общества, следовательно, высказывания положительного пожелания предназначены для регуляции межличностных отношений коммуникантов [9, с. 15].

При реализации этикетного пожелания главное – сказать общепринятое, предусмотренное нормами межличностного общения – то, что всегда говорится в подобной ситуации. Пожелания- это вежливые речевые действия, которые реализуются говорящим с целью выразить симпатию по отношению к адресату и надежду на благополучие в его жизни в будущем и тем самым соответствовать нормам этикета, принятым в данном обществе.

Известно, что этикет того или иного народа существует в неразрывной связи с культурой, а культура – это исторически накопленный опыт. Поэтому, вполне естественно, что турецкий язык вобрал в себя все культурно-ментальные особенности турецкого этикета. В современном турецком этикете главную роль играют три основных фактора: пол, возраст и социальный фактор, хотя немаловажным является и регион проживания участника коммуникации: город или сельская местность.

Турецкий язык очень богат формулами речевого этикета. В них отражается опыт, основанный на многовековых традициях, обычаи, образ жизни турецкого народа.

Пожелания в турецкой лингвокультуре отличаются широкой сферой их употребления. Прежде всего, нужно сказать, что Турция- это мусульманское государство, религиозные каноны здесь присутствуют во всем. Этот факт объясняет появление многочисленных ритуализированных формул-пожеланий, напоминающих молитву. Стремление к постоянному произнесению и частому употреблению подобных словесных формул, было связано с идеологией, сформировавшейся на предшествующих стадиях общественного развития

этноса. Как правило, в ситуации живого общения участники диалога обмениваются несколькими формулами пожелания, это является знаком внимания к собеседнику и средством интенсивного выражения вежливости.

Помимо ритуализированных формул-пожеланий, в турецком речевом этикете существуют другие формы, которые активно используются в речи. Иллокутивная сила позволяет очертить круг высказываний, реализующих речевой акт «пожелание». К ним относятся этикетные пожелания: пожелания-поздравления, пожелания- благодарность, пожелания в ситуации приветствия, пожелания в ситуации прощания, пожелания-предписания, пожелания-молитвы-благословения. Турецкие формулы речевого этикета отличаются многочисленностью и ситуативным разнообразием. Перечислим некоторые ситуации пожелания в турецкой лингвокультуре:

- пожелание человеку, отправляющемуся в путь, либо вернувшемуся домой;
- пожелания ребёнку, идущему на учёбу;
- пожелания скорейшей встречи после долгой разлуки;
- пожелание-поддержка людям в трудной жизненной ситуации;
- пожелание-благодарность за труд, произведённый руками (рукоделие, живопись, вязание, приготовление пищи, игра на музыкальных инструментах);
- пожелания, связанные с приёмом пищи;
- пожелания - молитвы от сглаза;
- пожелания, связанные с домом и семьёй;
- пожелания во время выполнения работы;
- пожелания при покупке новой вещи;
- пожелания, связанные со свадебными традициями и другие.

В каждой из вышеперечисленных ситуаций речевого акта «пожелание» в турецком языке существует большое количество речевых этикетных выражений. В русской лингвокультуре нет такого разнообразия ситуаций и речевых формул пожеланий, и часто носители турецкого языка испытывают коммуникативный дискомфорт, не имея возможности заполнить эту лакуну в общении. Турецкие студенты пытаются перевести привычные им в данной ситуации формулы турецкого этикета на русский язык и употребить их в речи, тем самым допуская ошибки узуального характера.

Рассмотрим и проанализируем некоторые типичные ошибки турецких студентов, связанные с лингвокультурной интерференцией.

Очень часто в турецком языке можно слышать такую форму пожелания, как *Geçmiş olsun (*буквально: *пусть станет прошлым)*. Данную формулу используют не только в качестве пожелания скорейшего выздоровления больному человеку, но и как пожелание в ситуации, когда у человека в жизни произошло неприятное событие или какое-то несчастье, а также после трудной работы или экзамена. Выражение *Geçmiş olsun* ошибочно переводят на русский язык как *Выздоравливайте,*не учитывая, что выражение *Выздоравливайте* употребляется только в ситуации пожелания скорейшего выздоровления, если собеседник болеет.

В ситуации, когда человек идёт на работу, выполняет важное дело, ему желают *Kolay gelsin! (буквально: пусть будет легко).* Это выражение очень распространено в Турции, оно произносится с целью морально поддержать,тяжёлой работой. В обыденной ситуации, например, при покупке новой вещи в турецком этикете принято говорить *Hayırlı olsun* или *Güle güle kullanınız* в значении «носите/используйте с удовольствием». В ситуации после приема пищи человеку, который приготовил угощение, желают, *Elinize sağlık*(буквально: здоровья вашим рукам). Такие пожелания обязательны в турецкой культуре, однако отсутствуют в русском языке.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что, возникновение лингвокультурной интерференции вызвано несоответствием или наложением культурных кодов родного языка на изучаемый, а также лакунарностью в сфере культурной коннотации. Анализ нарушений лингвокультурных норм русского языка, возникающих в русской речи турецких студентов, позволяет преподавателю предвидеть возможные случаи интерференционных ошибок в дальнейшем и правильно подобрать приемы обучения, предупреждающие их появление.

Литература

1. Гончар М. С. Лингвокультурологическая интерференция в области речевого этикета: к вопросу определения понятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 70-73
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцев. М., 2002.
3. Волкова Л. Б. Межкультурная интерференция в процессе изучения языка. Коммуникативный и когнитивный аспекты // Мир русского слова. СПб.: МИРС, 2006. № 2. С. 74-78.
4. Пилишина Г. С. Лингвокультурная интерференция при обучении второму иностранному языку // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин.- Саранск: Красный Октябрь, 2001.- С. 225-227.
5. Тимачев П. В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04.-Волгоград, 2005.
6. Фёдорова Н. П. Преодоление лингвокультурной интерференции в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02.-Н. Новгород, 2010.
7. Чович Л. И. Культурологический аспект в обучении переводу с родного (сербского) языка на русский // Русское слово в мировой культуре: материалы X конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: пленарные заседания: сборник докладов: в 2-х т. – СПб.: Политехника, 2003.-Т. II.- С. 276-280.
8. Любимова Н. А., Бузальская Е. В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих // Мир русского слова.- СПб., 2011.- № 4.- С. 13-20.

9. Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. канд. филол. наук / Е. В. Вдовина. – М., 2007. – 24 с.

УДК: 659.123.1

Буй Тхи Там,
Хочунская Л.В.
РУДН, г. Москва
Bui Thi Tam,
Hochunskaya L.V.
PFUR, Moscow
lupaho@yandex.ru

Специфика языка в рекламном контенте Вьетнама
Language specificity in Vietnamese advertising content

Аннотация: *В статье рассматривается язык рекламы в средствах массовой информации Вьетнама. В результате анализа рекламного контента Вьетнама были выявлены не только выразительные средства лексики, но и национально-культурные особенности языка рекламы во Вьетнаме, а именно, использование идиом, народных песен, поэзии, крылатых выражений, пословиц.*

Abstract: *The article examines the language of advertising in the media in Vietnam. As a result of the analysis of the advertising content of Vietnam, not only the expressive means of vocabulary were identified, but also the national and cultural features of the advertising language in Vietnam, namely the use of idioms, folk songs, poetry, catch phrases, and proverbs.*

Ключевые слова*: язык; рекламный текст; культура;контент рекламы; Вьетнам.*

Keywords: *language;advertising text; culture, advertising content; Vietnam*

Национально-культурная специфика обозначает особые характерные черты, присущие той или иной нации и обусловленные мышлением ее представителей, ее географией, историей, религией, литературой, языком и пр. Она явно проявляется в языке, следовательно, обнаруживается и выявляется на основе сопоставления двух и более языков.

Под национально-культурной спецификой лексической единицы нами понимается специфика той части ее семантики, которая отражает мировидение представителей конкретного национально-культурного языкового сообщества, обусловленное своеобразием социально-исторического бытия, географии, религии, литературы, образования [4].

Язык - это средство передачи культуры. Контент рекламы в средствах массовой информации Вьетнама представляет собой систему слов и изображений, содержащую элементы традиционной культуры. Изменение и развитие языка всегда связано с изменением и развитием национальной культуры.

Язык рекламного текста имеет свою специфику проявляющуюся в использовании множества риторических приемов, отсылающих к источникам вьетнамской культуры [5].

Например, Битис с лозунгом Bitis nâng niu bàn chân Việt ‘Битис лелеет вьетнамские ноги’ или Хонда Вьетнама с простоватой, искренней поговоркой Tôi yêu Việt Nam ‘Я люблю Вьетнам’.

Каламбур - одна из особенностей вьетнамской рекламы.

Например:

- Омофоны: название рекламного объявления промышленно-коммерческого банка Вьетнама (Vietinbank):

“Muakì phiếu
Tiền trao tay
Trúng ngay một tỉ.”
‘Покупайте векселя
Деньги передал
Сразу выиграл миллиард’

Разделение предложений на ритмы, создание гармонии с помощью слов «ngay» и «tay» делает этот заголовок объявления более привлекательным для внимания читателя и более легким для запоминания.

- Повторение слов - один из наиболее распространенных методов, используемых в рекламе.

Например, в рекламе Prudential Insurance Company мы встречаем слоган: «Luôn luôn lắng nghe, luôn luôn thấu hiểu» - «Всегда слушай, всегда понимай». Здесь слово «luôn luôn» - «всегда» повторяется, чтобы подчеркнуть, что Prudential находится рядом с клиентом в любое время, в любом месте и всегда понимает, чего он хочет. Слова, использованные в этом рекламном слогане, также заставляют читателя / слушателя почувствовать себя ближе к страховой компании, как к другу, который может разделить с ним трудности в жизни.

Другие примеры:

Thể lực dồi dào , trí lực thông minh (coca cola) ‘Обильная физическая форма, умный интеллект’ — повторение слова «lự »;

Phong cách Samsung, phong cách của bạn ‘стиль Samsung, ваш стиль’ (Самсунг) — повторение слова «phong cách»;

Mọi lúc mọi nơi ‘в любое время и в любом месте’ (Mobiphone) повторение слова «mọi».

Примечательно, что рекламные слоганы часто имеют повторение слова hơn ‘больше’, чтобы подтвердить превосходные характеристики или выдающуюся ценность продуктов и услуг, чтобы привлечь клиентов. Например:

Cao hơn, nhanh hơn, xa hơn ‘Выше, быстрее, дальше’ (НИИТ, Академия информатики);

Hoàn hảo hơn, hiệu quả hơn ‘Более совершенный, более эффективный’ (Toyota);

Khỏe hơn và thông minh hơn ‘Здоровее и умнее’ (Nestle).

- Синонимы:

Xuân may mắn, năm đắc lộc ‘Удачная весна, год удачный’ (рекламный шаблон Panasonic);

May mắn – đắc lộc (удачный);

Khỏe mạnh và minh mẫn ‘Здоровый и ясный’ (Фарматон, фармацевтика);

Khỏe mạnh – minh mẫn; Thành tích của bé ngày hôm nay, thành tựu đất nước mai sau ‘Детские достижения сегодня, достижения страны завтра’ (Нутроплекс, детский тоник в виде сиропа;

Thành tích – thành tựu (достижение).

- Антонимы:

Làm hết sức, chơi hết mình ‘Много работай, много играй’ (Nokia);

Làm (работать) >< chơi (играть);

Biến cái không thể thành có thể ‘Сделайте невозможное возможным’ (Motorola);

Không thể (невозможно) >< có thể (возможно).

- Метафора. Метафорическая риторика используется для усиления выразительности рекламы, увеличивая кратность значение слова, стимулирует «сотворчество» читателя, привлекая его к контенту рекламы. Читатель должен вызвать в своем сознании ассоциации, чтобы увидеть сходство упомянутого и реального объектов. Например:

Tạo gió tự nhiên - Создание естественного ветра. В этом объявлении не упоминается слово «вентилятор», но читатели все же могут понять, что фраза «создание естественного ветра» предназначена для рекламы определенного типа вентилятора, потому что слово «создать ветер» заставляет читателя задуматься о предмете «вентилятор», который также является магнитным «естественным» и добавляет информацию (хорошие свойства) к рекламируемому продукту вентилятора.

Точно так же в своей первой серии рекламных объявлений рекламодатель Dulux Paint повторил мысль: Nhà không chỉ là nền tảng vững chắc, mà còn là nơi trưng bày tất cả các thành công của gia đình bạn ‘Дом - это не только прочный фундамент, но и демонстрация всех успехов вашей семьи’, поэтому в рекламе их следующей серии, когда они говорят: Sắc màu thành công ‘Цветной успех’ не обязательно указывать, что читатель может понять, что они рекламируют краску (многоцветную) для дома. Или, например, для большей

выразительности в тексте использовано указание на сочетание осязания и слуха: chạm tay vào âm thanh «трогать звук».

Традиционно используются во вьетнамской рекламе метафоры со словом vàng «золото», например, tuần lễ vàng ‘золотая неделя’, khoảng thời gian vàng ‘золотое время’, năm ngày vàng ‘золотые 5 дней’, đất vàng ‘золотая земля’, con đường vàng ‘золотая дорога’, đón xuân vàng ‘желанная золотая весна.

Метафорические приемы применяются не только в самом языке, но и в рекламных изображениях. Например, в рекламе авиакомпании «VietNam airline» используется изображение воздушного змея, летящего в голубом небе, на которого снизу мотрит ребенок с восторженной улыбкой на лице.

В рекламе также используются идиомы, пословицы или выражения. Зачастую автор слогана не создает новое предложение, а только использует идиомы, пословицы или «крылатые» выражения.

Это не просто «копия» того, что говорили древние люди, но новое применение повседневной речи в определенных контекстах. Благодаря этим знакомым идиомам, пословицам слоган может прочно закрепиться в сознании потребителей товаров.

Например: Anh em như thể tay chân ‘Братья как ноги и руки’ (S- fone) — т.е S-fone является мостом, который поддерживает теплые, близкие семейные привязанности;

Mắt thấy, tai nghe ‘Глаза видят, уши слушают’ (Samsung, мобильный телефон SGH-N620) — т.е. этот тип звука и изображения телефона отличные;

Làm ra làm, chơi ra chơi ‘Когда работать – работать серьезно, когда играть – играть много’ (Samsung, мобильный телефон SGH-N200) - т.е. эта модель телефона помогает владельцу работать, общаться, эффективно совершать транзакции и предоставлять пользователям различные развлечения;

Hay ăn chóng lớn‘много кушать, быстро расти ’ (Кидди, сытная еда для детей).) - т.е. дети, которые едят эту питательную пищу, будут быстро вырастать.

Креативное использование идиом, пословиц в рекламных слоганах демонстрирует уважение и похвалу за слова их предшественников в дополнение к эффекту использования. Пословицы, идиомы помогают слогану, в то время как новые, но знакомые, близкие к пониманию клиентами, помогают хорошо запомнить продукты компании.

В рекламе также используются народные песни. Народные песни являются богатым литературным наследием вьетнамского фольклора. Народные песни - это языки, которые происходят из трудовой и продуктивной жизни нации, и которая проявляется в формах, кратком содержании и эстетическом выражении при восприятии природы, общества.

Слова народных песен богаты образами, привлекательны, легко запоминаются, а нежные мелодии завораживают. Эти атрибуты народных песен перекликаются с характером рекламы. Другими словами, в народном языке есть рекламный нюанс. Поэтому, от идей до творчества в современной рекламе, рекламодатели часто используют народный язык для создания своих рекламных произведений — культурных продуктов, эффективно служащих коммерческим целям.

Анализируя современный рекламный контекст во Вьетнаме, мы видим, что рекламодатели использовали народный язык для улучшения представления идей в рекламных продуктах. Это свидетельствует о существовании народного языка в современной рекламе, что делает рекламу связанной с национальной культурной самобытностью - важным критерием для того, чтобы реклама, сделанная во Вьетнаме, оставалась устойчивой и развивалась. Например, Vietnam Airlines Corporation (Viet Nam Airline) использует тексты народных песен Ru Con "...à..à ..á… à…. ơi.." как фон для продвижения своего бренда. В моющем средстве «Омо» используется фрагмент из народной песни Северной Дельты: "cánh cò, cò bay… lả… lả…bay la…" 'Крылья аиста, аист ... ла ... бэй ла ..', чтобы рекламировать белизну продукта, формируя ассоциацию с белым аистом, летящим над Вьетнамом.

Обращаясь к сокровищнице вьетнамской народной поэзии, можно найти множество музыкальных стихов с яркими рекламными нюансами. Например, реклама вьетнамских достопримечательностей со следующими четырьмя стихами: Ai về đến huyện Đông Anh/ Ghé thăm phong cảnh loa thành Thục Vương/ Cổ Loa hình ốc khác thường/ Trải bao năn tháng nẻo đường còn đây 'Кто приезжает в район Донг Ань. / Посетите необычный пейзаж Тхук Вуонг / Ко Лоа в форме улитки / Долгое путешествие здесь' (городище Тхук Ан Зыонг Вуонг в Ко Лоа, район Донг Ань, современный Ханой).

Затем лирично и четко передается графическое изображение страны региона Нге-Центральный. Картина происхождения Нге на народном языке — это действительно картина, богатая культурной экологией региона. Изюминка привлекает внимание - способ создания рекламы с использованием имиджевого языка с зелеными горами, голубой водой:

Đường vô Xứ Nghệ quanh quanh/ Non xanh nước biết như tranh hoạ đồ '«Дорога в Нге вокруг / зеленые горы, голубая вода как картинка';

Или реклама о традиционных фестивалях, таких как: Ai về Phú Thọ cùng ta/Vui ngày giỗ tổ tháng ba mùng mười 'Кто бы ни вернулся со мной в Пху Тхо. / С годовщиной десятого марта'; или Dù ai đi ngược về xuôi/Nhớ về giỗ tổ mùng mười tháng ba 'Независимо от того, кто вернется или отступит. / Помните о годовщине смерти десятого марта ».

Фестиваль Тхань Гионг - один из четырех бессмертных вьетнамской культуры: Mồng bẩy hội Khám, mồng tám hội Dâu / Mồng chín đâu đâu trở về Hội Gióng ‘Седьмое число фестиваля Хам, восьмое число фестиваля Дау и девятое возвращаются на фестиваль Гионг’.

Нарицательное существительное Ai «Кто» указывает - на что ориентирована реклама, и это связано с легендой, которую знают все вьетнамцы, поэтической формой Лук Бат (6 предложений, 8 слов), которую легко запомнить каждому: Ai lên Biên Thượng Lam Sơn / Nhớ Lê Thái Tổ chặn đường quân Minh ‘Кто пошел в Бьен Туонг Лам Сон / Помни, Ле Тай То перехватил армию Минь’.

Реклама продуктов вьетнамской кухни чрезвычайно привлекательна, легко запоминается и становится незабываемой, когда мы наслаждаемся блюдом с приправой, носящим вьетнамский характер.

Например: Vải Quang, húng Láng, ngổ Đầm / Cá rô Đầm Sét, Sâm cầm Hồ Tây. Связанная с изображением вьетнамских пейзажей, реклама торговой деревни также является сопутствующей областью, в которой звучат многие народные песни, такие как: Vạn Phúc có cội cây đề/Có sông uốn khúc có nghề quay tơ «У Ван Фука есть дерево / Существует извилистая река, где можно заниматься рыбалкой со спиннингом. (Ван Фук: сейчас в районе Ха Донг, в городе Ханой есть знаменитая деревня, занимающаяся шелковым ткачеством).

Все эти примеры, существующие в рекламном контенте Вьетнама, указывают на его языковую специфику и акцентируют эффективность использования компонентов национальной культуры в рекламном тексте.

.

Литература

1. Динь Тронг Лак. 99 средств и мер вьетнамской риторики. – Ханой: Издательский дом Образование,2005.
2. До Куанг Минь. Культурные нюансы в рекламе во Вьетнаме, Журнал литературы и искусства.- № 305.- 2009. - С.79
3. Ле Минь. Вьетнамская семейная культура и социальное развитие.- Ханой. Издательство Труда, 1994.- С.6-16.
4. Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика семантики языковых единиц. [Электронный ресурс]. www.mihaylova.vbei.ru
5. Тран Нгок Тхем. Основы вьетнамской культуры. -Хошимин: Издательский дом Образование. 1999.- С. 46.
6. Тран Тан Винь, Ка Дао Дан Ка Южного Вьетнама. - Хошимин, 1981.- С. 22.

УДК:070.1;81.42

Волкова И. И.
РУДН, г. Москва
VolkovaI. I.
PFUR, Moscow
irma-irma@list.ru

Игровой сленг цифрового поколения: «пасхалка» в «Коммерсанте»
Game slang of the digital generation: an easter egg in *Kommersant*

Аннотация: *статья представляет собой анализ использования термина «пасхалка» в журналистских материалах изданий медиахолдинга «Коммерсант». В результате сделан вывод о том, что авторы «Коммерсанта» ввели в медиадискурс целевой аудитории игровой термин «пасхалка» и расширили контекст его употребления.*

Abstract: *this article is an analysis of the use of the term easter egg in the journalistic publications of the media holding "Kommersant". As a result, it has been concluded that the journalists of "Kommersant" introduced the gaming term easter egg into the media discourse of the target audience and expanded the context of its use.*

Ключевые слова: *медиапотребление; игра; сленг; англицизмы; пасхалка; поколение Z*

Keywords: *media consumption; game; slang; anglicisms; easter egg; Generation Z*

Важнейший фактор, который определяет современное медиапотребление, - переход представителей цифрового поколения Z (от 1998 г.р.) из юности в стадию зрелости. Начинается эта стадия, согласно системе возрастной стратификации, с двадцати лет, когда большинство решений человек принимает самостоятельно. Теория поколений, разработанная У. Штраусом и Н. Хоувом [1], предписывает поколению Z рецессивность: у них зависимая роль в формировании эпохи. Тем не менее, зеты, для которых Интернет - привычная с рождения и освоенная в совершенстве среда обитания, трансформируют медийное пространство, например, активно влияют на теорию и практику виртуальных речевых коммуникаций. В связи с этим отметим два системообразуюших момента. Во-первых, субъектом глобальных сетевых процессов является английский язык, поэтому не удивительно, что в русском языке появилось в последние 10-20 лет множество англицизмов из компьютерной сферы. Во-вторых, компьютерные игры выступают неотъемлемой частью досуга, учёбы и работы (в форме игрофикации) сразу двух поколений - Z и предшествующего Y [2], а значит, геймерский сленг становится составной частью ресурсов Рунета и постепенно входит в общеупотребительную лексику.

Если тема заимствований (особенно англицизмов) в русском языке часто была в центре внимания исследователей, то изучение игрового сленга в контексте медиадискурса пока носит эпизодический характер. Первой работой, в которой были выявлены закономерности возникновения и развития компьютерной игровой лексики, а также определены её признаки, стала кандидатская диссертация (специальность «теория языка») В.С. Вахитова «Развитие игровой компьютерной лексики русского языка» (2011). Через девять лет по той же специальности защищена докторская диссертация П.В. Часовского «Социопсихолингвистический анализ компьютерно-игрового дискурса». Есть ряд статьей, посвящённых филологическим аспектам текстов компьютерных игр (Н.И. Ефимова, Н.И. Моржанаев, Енбаева Л.В. и др. [3-4]), однако лишь в единичных исследованиях изучаются материалы СМИ, в которых используются игровые подходы [5], и практически не изучена игровая геймерская лексика в медиаконтенте сетевых СМИ.

Лабораторией игровых коммуникаций (ЛИК) РУДН сформулирован исследовательский вопрос: какова динамика вхождения популярных у геймеров игровых терминов в лексику влиятельных российских интернет-СМИ? В результате социологического опроса игроков поколения Z выявлен список самых востребованных терминов, в который вошли: агриться, ачивка, имба, каст, нуб, пасхалка, читер и другие. В качестве эмпирического материала было выбрано три издания: «Коммерсант» (первое частное деловое издание в России), «РБК» (общественно-политическая аналитическая газета), «Российская газета» (официальный печатный орган Правительства Российской Федерации). В журналистских материалах этих изданий были последовательно выявлены все случаи использования популярных игровых сленговых терминов, прослежена динамика их использования, результаты были даны в сопоставлении. Результаты будут в ближайшее время опубликованы.

Ниже представлен небольшой фрагмент исследования - итоги мониторинга интернет-медиа «Коммерсант» за 2017-2020 гг. относительно слова «пасхалка».

Согласно геймерской трактовке, пасхалкой называется некое не вполне очевидное послание в компьютерной игре. Отличие пасхалки от обычного игрового секрета в том, что она не вписывается в общую концепцию повествования, найти её сложно, требуется внимание и отменные навыки прохождения игры. Образован термин от «пасхального яйца» и связан с обычаем прятать кусочек еды во время пасхальной трапезы. Нашедшему полагался сладкий подарок.

Итак, в изданиях медиахолдинга «Коммерсант», на портале kommersant.ru (2017-2020) были найдены и проанализированы журналистские материалы со словом «пасхалка».

Термин использовался впервые в материале «Разработчики заиграли: Как в компьютерную игру попало изображение убитого посла» («Коммерсант FM»). В статье приведено следующее объяснение пасхалки: «Часто разработчики вставляют в свои игры какие-нибудь отсылки к реальной жизни или к другим произведениям художественным, как игровым, так и

литературным, для того, чтобы игроки, которые с этим встретились, испытали эффект узнавания или просто повеселились» (6.10.2017). Речь шла об убитом в Турции российском после Андрее Карлове: его изображение появилось в одном из эпизодов видеоигры по мотивам комиксов о Бэтмене.

Ровно через месяц в «Огоньке», выпускаемом под брендом «Коммерсанта», размещена статья «Игровое начало: «Огонек» о том, как индустрия компьютерных игр изменила мир» (6.11.2017), в которой автор повествует об истории становления видеоигр. Вот в каком контексте появляется и трактуется пасхалка: «в отличие от кино, где все знают актеров или режиссеров, имена разработчиков компьютерных игр долгое время были засекречены и подпадали под понятие коммерческой тайны. Так вот именно в *Adventure* создатель впервые нарушил это правило: он оставил так называемую пасхалку - тайную комнату, зайдя в которую игрок мог прочитать его имя».

Следующий год отметился двумя материалами с искомым термином.

В интернет-газете «Коммерсант» появилась рецензия под названием «Спилберг вернулся назад в будущее» (29.03.2018). Она посвящена новому фильму Стивена Спилберга «Первому игроку приготовиться». Примечательно, что это экранизация культового романа фантаста Эрнеста Клайна о глобальной видеоигре, в которую погружено население планеты Земля в бегстве от апокалиптической реальности 2045 года. По сюжету, главное действующее лицо - гейм-дизайнер Джеймс Холлидей. Как пишет автор статьи, великий манипулятор в исполнении Марка Райлэнса, «в глазах которого навсегда застыла тоска хорошего британского театрального актера, разменивающего Шекспира на американский доллар, спрятал где-то в недрах игры «пасхальное яйцо», и тот, кто его найдет, получит контроль над игрой и все многомиллионное состояние Холлидея. Понятно, что гики и нерды всех мастей одержимо ищут «пасхалку». Мы видим, что в обзоре употребляются без объяснений два слова из сленгового арсенала любителей компьютеров. Гик (от англ. *geek* – чудак) - общительный энтузиаст, специалист-новатор преимущественно в сфере высоких технологий. Нерд (от англ. *nerd* – зануда) - замкнутый интеллектуал, теоретик, увлекающийся чем-то узкоспециальным и непонятным большинству. В дискурс целевой аудитории «Коммерсанта» эти слова вошли на стыке веков вместе с модой на IT-культуру. Американский комедийный сериал «Теория большого взрыва» (старт в 2007 году) закрепил в лексике поколений Y и Z слова «гик» и «нерд», появилась мода на соответствующую субкультуру.

Слово «пасхалка» вне контекста кинематографа и компьютерных игр (и без объяснения значения) впервые появилось в журнале «Коммерсант Автопилот». В обзоре «С характером: *Cherokee* меняется, но остается собой» читаем: «Единственное, что тонко намекает на то, что вы находитесь не в «Фиате», а в самом настоящем «Джипе», — это различные пасхалки, тут и там запрятанные по салону. Среди них - миниатюрные изображения всё того же «Виллиса» и гравировки в виде классической радиаторной решетки, которые можно случайно обнаружить в самых неожиданных местах» (22.10.2018).

В 2019 году журналисты медихолдинга «Коммерсант» ни разу не упомянули в своих статьях о пасхалке. В следующем же — авторы пяти материалов обратились к этому слову. При этом только один говорит о пасхалке в привычном контексте.

Интервью «Я всегда делаю несколько вещей одновременно: Джим Кэрри, Джеймс Марсден и Бен Шварц о Сонике, видеоиграх и мультитаскинге» посвящено комедии «Соник в кино», экранизации истории героя из видеоигр 1990-х годов. Читаем в преамбуле: «Картина, которую начали обсуждать задолго до выхода в прокат, уже пришлась по душе всем: и фанатам видеоигры (что неудивительно - в фильме больше 42 «пасхалок» для истинных геймеров), и кинокритикам, которые не могли отвести взгляд от игры Джима Кэрри» (20.02.2020).

Авторы двух заметок из рубрики «Товары в дорогу» издания «Коммерсант Автопилот» включают в свои тексты слово «пасхалка». «Компания BMW выпустила очередную коллекцию одежды и аксессуаров с «пасхалками». Настоящий фанат мотоспорта сразу должен найти детали, которые указывают, что это не просто куртка или тапки, а нечто именно в стиле BMW» (08.09.2020). «В этих очках множество «пасхалок»: логотип *Alpine* спрятан в шарнирах, а узор дужек напоминает стеганые сиденья A110» (16.04.2020).

В ленте новостей (15.09.2020) находим следующее сообщение со ссылкой на *Instagram* архитектурного бюро: «Клубный дом на улице Клары Цеткин в Екатеринбурге - камерный, компактный и одновременно сложносочиненный объект с множеством архитектурных пасхалок: угловым порталом в нише, фонтаном имени Альдо Росси (как мы его прозвали), модернистскими колоннами и арочными окнами кирпичного корпуса».

«Коммерсантъ Стиль» упоминает пасхалку в связи с новой коллекцией спортивных товаров в обзоре «*Reebok* выпустили капсулу по мотивам «Охотников за привидениями»: «Первыми из капсулы появились две модели кроссовок, в которых поклонники фильма найдут множество так называемых пасхалок. На их язычке виднеется фирменный логотип «Охотников за привидениями», дизайн *Ghostbusters x Reebok Classic Leather* напоминает знаменитые комбинезоны «Охотников за привидениями» (26.10.2020).

Отметим, что к концу марта 2021 года на портале «Коммерсант» уже появилось три материала, в которых используется слово «пасхалка».

Таким образом, завершая представление фрагмента комплексного исследования ЛИК РУДН «Динамика вхождения игровых терминов в лексику российских интернет-СМИ», отметим следующее.

Целевую аудиторию изданий под брендом «Коммерсант» составляют мужчины (с небольшим преимуществом) и женщины в возрасте от 13-55 лет и старше, большинство имеет высшее образование и работает руководителями (32%), специалистами (23%), служащими (13%) или имеет собственный бизнес. Верхушка целевой аудитории «Коммерсанта» образована влиятельными в стране лицами, принимающими решения. Анализ контента портала kommersant.ru (2017-2020) выявил, что за период 2017-2020 гг. размещено

девять материалов, содержащих слово «пасхалка». В качестве игрового термина, который объясняется в тексте, - в двух случаях (жанры: заметка, обзор); как общепринятое понятное для медийной аудитории слово — в семи статьях (жанры: интервью, обзор, заметки). Кавычки журналисты использовали в пяти случаях из девяти. В двух материалах из оставшихся четырёх слово «пасхалка» сопровождалось оборотом «так называемая». Таким образом, авторы «Коммерсанта» ввели в медиадискурс целевой аудитории игровой термин «пасхалка» и расширили контекст его употребления.

Литература

1. Strauss, W., Howe, N. Generations: the history of America's future, 1584–2069. – New York: William Morrow and Company, 1991. – 538 p.
2. Волкова, И.И. Экранные игровые коммуникации как индикатор восприятия медиареальности: статусно-поколенческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2018. – № 4. – С. 124-138.
3. Ефимова, Н.И. Текст в компьютерной игре: филологический аспект / Н.И. Ефимова, Н.И. Моржанаев // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 4 (19). – С. 75-78.
4.Енбаева, Л.В. Дискурсивные характеристики компьютерных игр: сопоставительный анализ / Л.В. Енбаева, Ю.С. Ханжин // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 4. – С. 113-122.
5. Волкова, И.И. Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 20– 17. – Т. 22. – № 2. – С. 312-320.

УДК:10.10.01

Гегелова Н. С., Реброва А. Д.
РУДН, Москва
GegelovaN. S., RebrovaA. D.
PFUR, Moscow
mikhail0001@mail.ru

Анализ телевизионной речи на российских телеканалах
Analysis of television speech on Russian TV channels

Аннотация: *в статье рассматриваются основные виды и типы речевых ошибок, которые допускают ведущие и дикторы на российских телеканалах. Как показал анализ, сегодня в телевизионной речи существуют негативные тенденции употребления русского языка, которые оказывают сильное воздействие на снижение языковой культуры аудитории.*

Abstract: *the article discusses the main types and types of speech errors that presenters and announcers make on Russian TV channels. The analysis showed that today there are negative trends in the use of the Russian language in television*

speech, which have a strong impact on the decline in the language culture of the audience.

Ключевые слова: *телевидение; речевые ошибки; культура речи.*

Keywords: *television; speech errors; speech culture.*

Устное телевизионное слово способно содействовать развитию и интеллектуальному росту человека, активно влиять на вкусы, взгляды, мировоззрение людей, формулировать установки, создавать ориентиры, духовные, моральные и культурные ценности, формировать общественное мнение у зрителей.

Для донесения экранного слова до масс телевидение обращается к каждому человеку в отдельности, хотя количество отдельных телезрителей может исчисляться десятками и даже сотнями миллионов. Это сочетание интимности, непосредственности и одновременно массовости в телевизионном общении делает экранное слово ярким, убедительным и помогает максимальному воздействию на чувства, эмоции и сознание людей только в том случае, если журналисты владеют грамотной и образной речью, ведь культура общения во многом определяется культурой речи. «Речь – один из видов коммуникативной деятельности человека – использование средств языка для общения с другими членами языкового коллектива. Под речью понимают как «процесс говорения (речевую деятельность, речевой акт), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» [1].

Посредством одного из важных элементов экранного языка, а именно, звучащего слова, телевидение ежедневно решает важные задачи удовлетворения разносторонних потребностей, запросов и интересов широкой аудитории в информации. Непосредственное обращение журналиста к зрителю диктует телевидению стиль разговорной речи.

«Стиль языка – 1) разновидность языка, используемая в какой-либо типичной социальной ситуации – в быту, в официально-деловой сфере и т.д., отличающаяся от других разновидностей того же языка чертами лексики, грамматики, фонетики (официально-деловой, разговорный, научный, книжный С.); 2) Индивидуальные особенности чьей-либо речи» [2, с.1163].

Цель данного исследования, которое охватывает 10 лет, состоит в том, чтобы провести формальное описание и семантический анализ современного состояния телевизионной речи, выявить особенности и выработать рекомендации для повышения ее культурного уровня. В процессе анализа были использованы эмпирический и описательный методы исследования.

Актуальность исследования, таким образом, определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, отсутствием единых критериев оценки особых, характерных черт, новых правил и новых языковых и литературных норм текста. Определение индивидуальных отличительных свойств языка телевидения – задача практически важная, ибо неверное представление о возможностях, назначении и потенциале телевизионного слова приводит к снижению требований к нему. Во-вторых, именно звучащее слово телевидения, являющегося сегодня самым массовым средством информации, в большей степени призвано помочь процессу духовного осознания действительности. В-

третьих, благодаря именно звучащему слову становится возможной основная публицистическая трактовка фактов и событий, которая облегчает для аудитории процесс восприятия и анализа информации, формулировки выводов.

Анализ представляется сегодня актуальным для изучения еще и по той причине, что значение слова и отношение к нему находятся в постоянном преобразовании. Динамичная телеинформация, будучи запечатленной в передачах, программах, фильмах, остается воплощением мыслей и надежд общества на протяжении долгого времени после их создания, а телевизионное слово при этом служит непосредственным орудием отражения явлений и настроений в обществе. Именно поэтому исследование роли, значения, особенностей телевизионного слова актуально сегодня как в научном, так и в практическом аспекте и, следовательно, продиктовано насущной необходимостью.

Сегодня деятельность телевидения формирует у аудитории различные мнения как одобрительные, так и негативные, критические отзывы. Такие несхожие оценки роли телевидения связаны с разнородностью информации, появляющейся на экране. Наравне с полезной информацией, развивающей зрителя нравственно, интеллектуально, духовно, эстетически, демонстрируется много вредной, способствующей нравственному и духовному опустошению, морально разлагающей, озлобляющей, ожесточающей.

Нынешнее телевидение, наводненное множеством зарубежных фильмов, аналогами зарубежных передач, показывает зрителю не лучшую в художественном и содержательном отношении продукцию. Частные предприниматели, в руках которых находится большинство СМИ, в том числе телевизионных студий, заинтересованы в первую очередь в получении максимальных прибылей без больших затрат, а значит в пропаганде и навязывании чуждого стиля жизни, манеры поведения, нравов, образа мыслей, в основном западной поп-культуры. Именно поэтому духовная культура превращается в низкопробный товар массовой культуры. Некоторые телевизионные каналы несут духовный яд, дезориентируют человека примитивными фильмами и передачами, переполненными сценами насилия, секса, крови, убийств, антигуманного поведения персонажей. Ежедневно по всем каналам идут фильмы, пропагандирующие и смакующие насилие. Отсутствие положительных примеров порождает безнравственность, бездуховность, безразличие и, как следствие, – противоправные поступки.

А самое, пожалуй, печальное в том, что новая телевизионная реальность нравственно изменяет не только зрителей, но и создателей телепрограмм. «Методы пагубного воздействия СМИ для неподготовленных читателей, слушателей и телезрителей так же не видимы, как радиация, однако их разрушительный эффект, увы, налицо» [3, с.205].

Разумеется, не все программы современного телевидения оказывают негативное воздействие на аудиторию. Здесь было бы неправомерно и несправедливо давать одностороннюю оценку деятельности телевидения. Еще живут на телеэкране талантливые, содержательные передачи, можно встретить классические образцы художественных и документальных фильмов, яркие

шедевры зарубежного и отечественного кино, лучшие постановки спектаклей на театральных сценах, услышать замечательные творения знаменитых классиков музыки. Есть еще программы, одинаково сочетающие в себе мастерство и владение материалом и языком. Хотя нельзя не отметить тот факт, что количество передач такого рода заметно сократилось.

С конца 1980-х гг. появились и вошли в обиход слова, отражающие новую реальность, даже должности чиновников переименовали на западный лад (мэр, спикер, префект). С перестройкой изменилось и телевидение. Стали появляться программы, использующие в своих названиях иностранные слова и понятия, например, **«ТВ-шоп», «Телетайп», «Поп-магазин», «Ретро-шлягер», «Регтайм», «Ситком», «Блеф-клуб», «КВН-ассорти».**

В постперестроечные годы все каналы захлестнула волна американских фильмов, и их количество в какое-то время превысило число российских, естественно, значительно упало качество дубляжа. Как из рога изобилия посыпались смачные словечки и бранные выражения. Здесь необходимо подчеркнуть, что, как правило, положительные герои пользуются той же лексикой, что и бандиты, убийцы и грабители. Неподготовленный телезритель впитывал все то, что слышал с экрана, и воспринимал особенности речи, нормы, приемы, ценности, которые содержались в сообщаемой информации.

К сожалению, создатели передач и сегодня нередко забывают, что у нас другое мировосприятие, иные культурные традиции. Вместе с жестокими, грубыми, беспощадными словами в сознание аудитории внедряются взгляды на насилие как нечто вполне естественное, допустимое ради достижения «высшей» цели. Навязанные идеалы начинают восприниматься как свои собственные, искажаются традиционные ценности. Вместе с новыми псевдодуховными и псевдокультурными ценностями российские зрители приобрели и американскую лексику, сленг, терминологию, широко транслируемую СМИ и ТВ, в то время как во многих европейских странах существует запрет на необоснованное использование иноязычных слов, в том числе американизмов. Российские же ведущие пока не считают нужным подбирать эквиваленты заимствованным словам в нашем языке.

Таким образом, процесс американизации и его отражение на языковой системе можно проследить сегодня на всех каналах современного российского телевидения. Это и реклама, и развлекательные передачи, и многочисленные фильмы, и сериалы. В.Чумаков отмечает, что эфир полон «иноязычным словесным мусором». Он пишет: «…толерантный», «элитный» (например, дом, квартал, а вовсе не сорт); «эксклюзивный», «гламурный» (нет в словарях), «аффилированный» (аффилировать – присоединять, а совсем не ангажировать, т.е. приглашать на танец, на соучастие в темных делишках ит.п.); «модератор» (приспособление для замедления хода машины или регулирования силы звука в клавишных инструментах). А в последнее время так называют (причем серьезно!) чиновников-управленцев. Дошло до того, что в сообщении из Сеула, где проходит конференция т.н. «Большой двадцатки» (G-20), сказано, что наш президент выступил модератором на одной из секций».

Современная телевизионная деятельность, а именно слепое подражание

западным стереотипам, желание сделать передачу малой кровью, чтобы понравиться массовому зрителю, ярко свидетельствуют об отсутствии необходимой редактуры и должного анализа выдаваемых в эфир программ.

Зритель постоянно слышит выражения: **«после рекламы мы продолжим нашу американ топ фоти», «сейчас мы прервемся, чтобы послушать информацию news-блока-weekly», «вас приветствует пепси-чарт», «зрители знакомятся с данными exit pols»**. Несомненно, это влияет на стандарты речевого поведения молодежи, подрастающего поколения, противоречит национальным особенностям и нормам русского языка, языковой системе в целом.

Культурно-речевые промахи телевизионных ведущих и журналистов подрывают доверие к тому, о чем говорится в программе, мешают воспринимать смысл, хотя очень часто в эфир выдается информация, вообще лишенная смысла.

Примеров неграмотного словоупотребления, постановки ударения, построения фраз можно привести немало, в частности, в программе «Смак» на «Первом канале» ее гость, телеведущий Дмитрий Дибров произнес такую фразу: «С фондю можно употреблять все соусА» (просторечие).

В телепередаче **«Модный приговор»** («Первый канал») широко используются просторечия, такие как **мамаша, мужик, угар, отрыв**. В речи одной из ведущих этой программы Эвелины Хромченко прозвучала неграмотная фраза: **«Босоножки с перехлестом – это не совсем комплиментарная история».** Кстати, слово **«история»** как в данном контексте, так и в последнее время довольно часто употребляется без учета его значений.

Заигрывая со зрителем, создатели программ не задумываются над своим конферансом, пытаясь завладеть вниманием аудитории, намеренно переносят язык толпы на телевизионный экран. За сказанные в эфире слова никто, к сожалению, не несет ответственности. Даже в очень серьезных и важных для общества телепрограммах мы сталкиваемся с небрежным отношением к русскому языку. В качестве иллюстрации приведем отрывки текстов известного ведущего программы **«Человек и закон»** А. Пиманова.

Язык телевизионного текста ведущего А. Пиманова схематичен, содержит причастные и деепричастные обороты, много элементов официально-делового стиля (канцелярита), встречаются также жаргонные слова. Иронизируя, ведущий составляет предложения, смысл которых не совсем понятен, например: **«В итоге о крушении состава с трудом доложили**» или «… **вскрыло достаточно изъянов системы безопасности российских железных дорог**».

Язык телеэфира оказывает огромное влияние на речевое поведение зрителей, а также на развитие самого языка. Результаты проведенного исследования неутешительны: сниженная речь прочно закрепилась в медиа речи российского телевидения; журналисты и ведущие телепрограмм пользуются просторечной лексикой, сленгом и злоупотребляют англицизмами, искажают семантические значения слов. Имеет место и фамильярное

обращение ведущих к своим собеседникам. Местоимение ***«ты»*** одно из самых часто употребляемых в эфирной речи (иногда оно заменяет имя собеседника). Это особенно ярко иллюстрируют некоторые ток-шоу, в частности, программа **«Пусть говорят»**. Ведущий А. Малахов нередко демонстрирует фамильярное отношение к своим героям, обращаясь к ним на ***«ты».*** Подобное речевое поведение, в корне противоречащее русской культурной традиции и копирующее английское местоимение you, которое, как известно, имеет два значении «ты» и «вы», стало нормой среди молодых ведущих и журналистов. В русской речевой традиции всегда было принято обращаться к незнакомым людям (возраст не имел значения) на «вы».

В.В. Познер, прежде чем начать разговор с героем программы Вячеславом Зайцевым, счел нужным объяснить зрителям, почему он обращается к нему на «ты». Он рассказал о том, что знаком с В. Зайцевым более 40 лет и это дает ему право обратиться к нему на «ты» как к старому знакомому. Еще один пример из программы **«Нескучная классика»**. Ведущая С. Спивакова позволяет себе обращаться к гостям программы на «ты» только в том случае, если хорошо знакома с человеком.

Ярким примером достойного общения между участниками программы демонстрируют герои передачи **«Умники и умницы»** на Первом канале. Ведущий программы Юрий Вяземский обращается ко всем собеседникам исключительно на «вы». Стоит отметить, что ведущий значительно старше участников передачи. Юрию Вяземскому 67 лет, а его оппоненты – по большей части школьники или студенты младших курсов. Разница в возрасте и положении не влияет на вежливое обращение между героями программы и не позволяет ведущему переходить на панибратское «ты».

Надо ли говорить, что фамильярное общение ведущих и журналистов со своими собеседниками – показатель низкой культуры журналистов, разрушающих культурную традицию вежливого общения.

К сожалению, несоблюдение норм произношения зачастую вызывает раздражение и недоумение. Приведем несколько примеров.

При произнесении числительных и журналисты, и гости студии любого уровня допускают ошибки. Например, в программе Третьякова **«Что делать?»** (эфир 22 мая 2011 г.) директор Института США и Канады С.М. Рогов неверно употребил числительное, сказав, называя год ***«двухтысячно»*** вместо *«две тысячи»*. С сожалением приходится признать, что это самая частая ошибка, встречающаяся даже у людей, занимающих высокие посты.

Современные статистические данные показывают, что взрослые включают телевизор гораздо реже детей. 72% российских детей с рождения до 12 лет смотрят телевизор регулярно, а 60% из них – ежедневно. Больше всего времени среди всей молодой аудитории (с 4 до 25 лет) у телевизора проводят дети-дошкольники и первоклассники. При этом сеанс телесмотрения 79% юных зрителей, возраст которых не превышает 7 лет, длится более 60 минут) [4].

На детских телеканалах грамотная речь тоже постепенно выходит из моды, её заменяют просторечные выражения, междометия и иностранные выражения. В качестве примера рассмотрим мультипликационный фильм

российского производства, который смотрят дети на телеканале «Карусель», – «Маша и Медведь». [33]В серии «День варенья» главная героиня Маша произносит фразу: «Настроение у меня варЕнное». Данное выражение является эрративом – намеренной орфоэпической речевой ошибкой, вызванной нарушением правил и норм орфоэпии. Правильно говорить – «сваренное варенье», а настроение не может быть ни «варЕнным», ни «вАренным». Иногда можно сказать «варЁный» человек, в значении «уставший». Еще один пример употребления эрратива в данном мультфильме: в серии «Спи моя радость, усни» Маша говорит: «Если дети в спячку укладАются, все медведи дружно умиляются». Слова «укладАются» не существует. Можно укладываться или ложиться. Дети, которые смотрят мультфильм, воспринимают произнесенное слово как норму. Создатели мультфильма намеренно коверкают слова, чтобы они рифмовались. («варЕнное – необыкновенное», «укладАются – умиляются»). Здесь стоит отметить, что стихи запоминаются детьми лучше, чем обычный нерифмованный текст. Соответственно, пример неправильного употребления слов наверняка останется в памяти ребенка как верный. Создатели другого популярного российского мультфильма «Фиксики» нашли выход из данного положения. В песне «Пассатижи» герои анимационного сериала несколько раз повторяют фразу «Только пальцы береги, пальцы людям дорогИ» с неверным ударением. Акцентологическая ошибка здесь также допущена намеренно, чтобы добиться рифмы. Но в конце песни герой исправляет ошибку и акцентирует на этом внимание: «Пальцы людям дОроги, дОроги, дОроги, а не дорогИ».

Проведенный анализ выявил необходимость создания единого независимого аналитического центра, отслеживающего профессиональный уровень, грамотность речи, содержание телепрограмм и их влияние на массового зрителя. К сожалению, и современная социологическая наука не дает достаточно полной информации об уровне запросов зрителей. Имеющаяся в специальных изданиях информация, как правило, обслуживает интересы отдельных корпораций, групп, каналов и не дает полного знания о состоянии дел. Поэтому необходимо создание объективной информационной базы о рейтингах тех или других передач с наличием точного анализа, социального статуса аудитории, на которую они рассчитаны. Лишь при наличии верного представления о принципах и законах воздействия и восприятия телевизионной информации о том, что специфицирует телевизионные тексты и сообщения, можно с единой точки зрения говорить об особенностях телевизионного слова.

Важным представляется также издание усовершенствованных словарей для работников телевидения и радиовещания с постоянным пополнением и учетом новой лексики. И, конечно же, самое главное – усиление редакторской службы, включение в нее специалистов языка, психологов и социологов. Восстановление тесного сотрудничества специалистов русского языка представляется задачей первостепенной важности, ведь «русский язык в эфире

33Все мультфильмы, в том числе ниже приведённые, входят в ТОП-20 популярных программ на телеканале «Карусель», согласно рейтингу Mediascope за 2019 год. Ссылки на все серии, описанные в исследовании, есть на официальном сайте телеканала: https://www.karusel-tv.ru

не просто важен, а обретает для России значимость категории национальной безопасности». На сегодняшний день в телевизионной речи существуют негативные тенденции употребления русского языка, которые оказывают сильное воздействие на снижение языковой культуры аудитории.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. URL:https://les.academic.ru/ (дата обращения 04.05.2021).
2. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004.
3. Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газет до информационного общества: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2001.
4. Доклад «Дети. Медиапотребление. 2017», Институт современных медиа (MOMRI), 2018.

УДК: 070

Григоян С.В.
РУДН, Москва
Grigoyan S.V.
PFUR, Moscow
s.v.grigoryan@mail.ru

Коммуникативная грамотность современного тележурналиста: формирование профессиональных речевых навыков
Communicative literacy of a modern TV journalist: the formation of professional speech skills

Аннотация: *В статье рассматриваются основные проблемы коммуникативной грамотности современного телевизионного журналиста. На основе анализа основных типов речи обозначаются актуальные вопросы телевизионной языковой культуры.*

Abstract:*The article examines are the main problems of communicative literacy of a modern TV journalist. Based on the analysis of the main types of speech, topical issues of television language culture are indicated.*

Ключевые слова*: телевизионная речь; синкретичность; устная речь; экспрессия; речевая коммуникация; синтаксическая конструкция; эллипсис; умолчание; парцелляция; троп.*

Keywords*: television speech; syncreticity; speech; expression; speech communication; syntactic construction; ellipsis; default; parceling; trope.*

В современной телепублицистике важную роль играет речевое искусство журналиста. Коммуникативный процесс, направленный на массовую аудиторию, предполагает высокий уровень речевой грамотности журналиста.

Основная функция языка в телевизионной речи – воздействие через информацию. В данном случае важно не только что говорит телеведущий, но и как он говорит. Владение языковыми нормами устной речи зависит от степени коммуникативной грамотности журналиста.

Для эффективного взаимодействия коммуникатора и потребителя информации первый должен обладать высокой речевой культурой. Прежде всего, тележурналист обязан владеть нормами устного литературного языка в произношении, ударении, грамматике и стилистике. Умение использовать наиболее точные и уместные смысловые единицы демонстрирует не только профессиональный уровень журналиста, но и его культуру мышления.

М.П. Сенкевич выделяет в определении языковой нормы ее предпочтительность для «выражения на всех лингвистических уровнях» в смысле «средств произношения, словоупотребления, слово- и формообразования, синтаксических средств» [1, с. 22]. Для тележурналиста характерны практически все нормы: орфоэпические (произношение), лексические, морфологические и синтаксические. Телевизионная речь сегодня остается образцом грамотности для аудитории. Соответственно соблюдение общелитературных, устно-литературных и устно-разговорных норм является обязательным условием для эффективной коммуникации.

Сегодня тележурналисты все чаще работают в прямом эфире, что обуславливает большое количество речевых ошибок и коммуникативных погрешностей. Современные тенденции живого и спонтанного речевого общения со зрителем ведут к языковой безграмотности. В ситуации неподготовленности журналисту особенно важно иметь наработанные профессиональные речевые навыки, что не учитывают современные образовательные программы российских вузов. Соответственно, остро стоит вопрос о повышении коммуникативной грамотности современного тележурналиста.

Язык телевидения отличается синкретичностью, так как включает в себя элементы других стилей. В речи журналиста могут фигурировать элементы научного, официально-делового и разговорного стилей. Следует отметить, что открытое и живое речевое поведение современных тележурналистов выдвигает разговорный стиль на ведущие позиции. Злоупотребление просторечиями и жаргонизмами все чаще уводит серьезную журналистику за грань литературной нормы.

С другой стороны, разговорная речь сопряжена с общением людей в форме беседы и ее широкое использование в журналистской практике позволяет имитировать общение, которое реализуется в частной жизни. Такая речь позволяет сделать процесс общения свободным и динамичным, позволяет легко менять ход беседы и создает комфортную и доброжелательную атмосферу.

Формат беседы подразумевает устный диалог, где обе стороны являются активными участниками коммуникативного процесса. Стилевые погрешности и оговорки телеведущего воспринимаются в рамках данного стиля как норма и создают впечатление общения здесь и сейчас.

Другой тип речи – это импровизация. В данном случае ведущий выходит за рамки обозначенной темы. Такая телевизионная речь отличается спонтанностью и экспрессивностью. Здесь следует отметить, что журналист готовит вопросы заранее. Тщательная подготовка импровизации позволяет использовать в речи сложные законченные фразы, различные стилистические приемы и, безусловно, это делает речевой процесс связным и логичным.

Экспрессивность беседы позволяет достичь необходимого коммуникативного эффекта: способствует установлению контакта между участниками диалога, позволяет усилить интерес зрителя, привлекает к диалогу аудиторию.

Таким образом, речь телевизионного журналиста следует отнести к устной речи, которая звучит на базе заранее подготовленного текста. Данный стиль актуален не только для диалоговых жанров, таких как беседа или ток-шоу, но и для новостной журналистики. Ведущие и корреспонденты информационных программ также преподносят свой материал в разговорной манере, снижая официальный тон.

Современная телевизионная речевая культура определяет следующие специфические процессы: популяризация личностного общения, публичность интимной сферы человеческого общения, расширение границ функционирования языка, конвергентность речевой коммуникации. Так, к информативной, коммуникативной и эмотивной функциям языка добавляется фактическая, которой свойственно транслировать бытовую, повседневную коммуникацию. Особенностью фактической языковой функции является ее эмоциональная составляющая, выражающаяся в форме непосредственных реакций в процессе разговорной речи.

По мнению О.А. Филипповой, «успех коммуникативного взаимодействия – это всегда осуществление речевого замысла говорящего и убеждение слушателя, а также нужная эмоциональная реакция» [2, с. 8]. Именно разговорный стиль общения в современной речевой культуре телевидения дает возможность эмоционально воздействовать на аудиторию.

Тем не менее, телевизионная речь не может допускать абсолютно все языковые вольности разговорного стиля. Речевую свободу определяет жанровая принадлежность того или иного журналистского материала. Информационные жанры в наименьшей степени использует возможности разговорного стиля. В таких жанрах, как беседа или ток-шоу также отсутствует грубая экспрессивность, но пренебрежительная или свободная лексика вне пределов литературной нормы встречается все чаще.

Безусловно, синтаксические приемы также играют важную роль в структуре разговорной речи. Синтаксис в первую очередь определяет экспрессию разговорности, поэтому в обиходной речи беседы или ток-шоу присутствует избыточность синтаксического построения, перераспределение границ предложения, свободные конструкции, неполные предложения, повторы и эллипсы.

Используя повторы в процессе коммуникации, журналист акцентирует внимание аудитории на определенных смысловых блоках. Также повторы

упрощают понимание темы или определенного вопроса, позволяют сделать информацию более запоминаемой и способствуют четкости и ясности высказывания. По наблюдениям О.А. Лаптевой «наибольшей частотностью среди стилистических разговорных приемов в речи тележурналиста обладают повторы» [3, с. 143]. Повторение одной и той же словоформы усиливает эмоциональность и выразительность устной речи.

Еще один распространенный синтаксический прием – пропуск логически необходимых для высказывания элементов. Эллипсис выражается в экономии языковых единиц текста, а именно, в пропуске части высказывания. Несмотря на то, что предложение становится неполным, нет необходимости для восстановления его части. В рамках контекста смысл остается понятным. Эллипсис придает речи динамичность и усиливает разговорный стиль общения.

Не менее распространенным приемом в телевизионной речи является умолчание. Внезапная пауза в ходе высказывания сознательно предоставляет возможность собеседнику (или зрителю) самостоятельно сделать вывод о недосказанном.

Такая синтаксическая конструкция, как парцелляция, имитирует живую разговорную речь за счет дробления предложения на отдельные коммуникативные единицы. Парцелляция придает высказыванию экспрессивность и эмоциональность.

С целью усиления оценочности и экспрессии в телевизионной речи также наблюдается частое употребление тропов. В данном случае слова приобретают переносные значения с целью усиления выразительности высказывания. Метафоричность сегодня выходит за рамки литературного употребления и находит свое выражение в телевизионной речи.

Журналистская речь, которая стремится к образности и одновременно лаконичности, дает возможность журналисту активно выражать свое мнение в шутливой и ненавязчивой форме при помощи аллегорий, эпитетов, перифраз и других выразительных элементов языка. Частота употребления данных речевых элементов зависит от жанровой специфики программы и ее формата.

Пословицы, поговорки, крылатые выражения и фразеологизмы также занимают отдельную нишу в телевизионной коммуникации. Это ценные и краткие речевые формы, которые у всех на слуху. Это устойчивые выражения, употребляемые в обиходе практического каждого человека. Краткость и практический опыт содержания фразы делает журналистскую речь емкой, понятной и доступной для понимания. Суждения поучительного характера, как и многие другие языковые приемы, придают речи экспрессию и эмоциональность, которые, в свою очередь, являются неотъемлемой частью языка современных средств массовой информации. «Поговорка обладает еще большей экспрессией: поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает» [4, с. 652].

Таким образом, можно сделать вывод, что язык телевидения сегодня активно трансформируется, подстраиваясь под новые запросы аудитории. Влияние языковой культуры онлайн-форматов меняет общие подходы к

коммуникативному процессу традиционных СМИ. Поэтому проблемы речевой грамотности современного журналиста требуют особого внимания и проработки.

Литература

1. Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи.– М.: Наука, 2004.– С. 22
2. Филиппова О.А. Обучение эмоциональному речевому воздействию.– М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – С. 8.
3. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана.– М.: Наука.– С. 143.
4. Тумина Л.Е. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник под ред. М.И. Панова.–М.: Наука, 2005.– С. 652.

УДК: 811.161.1

Громова А.В.
РУДН, г. Москва
GromovaA.V.
PFUR, Moscow
nagrom@mail.ru

Эволюция языка современных СМИ в эпоху социальных медиа
The mass media language evolution in the age of social media

Аннотация: *в статье рассматривается эволюция языка современных СМИ под влиянием социальных медиа. Как показало исследование, социальные сети принципиально изменили потребление и восприятие медиаконтента. И это оказало непосредственное влияние на язык средств массовой информации. В борьбе за внимание аудитории, которая перегружена информацией и инстинктивно ограничивает ее поток, язык стал заложником меняющихся коммуникаций.*

Abstract: *the article analyses the mass media language evolution under the influence of social media. According to the study, social networks have fundamentally changed the consumption and perception of media content. And this has had a direct impact on the language of the media. In the struggle for the attention of an audience language has become hostage of changing communications.*

Ключевые слова: *язык СМИ; новые медиа; социальные сети; журналистика.*

Keywords: *media language; social media; journalism.*

Язык средств массовой информации (СМИ) оказывал непосредственное влияние на развитие самого языка с момента появления СМИ. Он не только отражал изменения, происходившие в реальности, но и формировал новые речевые нормы. Так происходит и сейчас: язык СМИ входит в широкое употребление и воспринимается как общепринятая норма. Это обусловлено

традиционным восприятием публичной речи как правильной. И, в свою очередь, как заметил профессор С.И Виноградов, «язык не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую или в худшую сторону» [1, 49], что подчеркивает важность СМИ и их языка.

Однако СМИ перестали быть основным источником публичной речи. Количество источников информации за последние десять лет возросло многократно, и они сами влияют на СМИ. Учитывая то, что современные СМИ демократизированы и более восприимчивы к изменениям, происходящим в массовых коммуникациях, их язык активно трансформируется под влиянием, в первую очередь, социальных сетей.

Социальные сети принципиально изменили потребление и восприятие контента. Большинство СМИ в погоне за аудиторией, стремительно перемещавшейся в социальные сети и отказывавшейся от СМИ, приспосабливались к этим изменениями, меняя контент и язык своих текстов, удовлетворяя новые потребности восприятия информации. Профессиональные журналисты, являясь как субъектами, так и объектами массовой коммуникации, также перенимают речевые особенности взаимодействия в социальных сетях и транслируют их в СМИ.

Язык стал инструментом борьбы за внимание на аудитории, которая перегружена информацией и инстинктивно ограничивает ее поток. Это наглядно демонстрируют заголовки материалов СМИ, которые стали более эмоциональными и призывающими. Более того, часто «яркий» заголовок, намекающий на какое-то необычное явление или выдающееся событие, не соответствует содержанию материала. Прием получил название «кликбейт», так как основная его цель – заставить человека «кликнуть», то есть нажать на заголовок и прочитать материал.

Именно использование эмоционально окрашенных словосочетаний, призывов к действию и вопросительных конструкций свойственно текстам в социальных сетях. Примеры конструкций, которые получили широкое распространение, в первую очередь, в онлайн СМИ, например, в lenta.ru и kp.ru: «Срочно нужна помощь: люди в снежном плену»; «Раскололся на первом допросе»; «Как изменится жизнь россиян с 1 апреля?»; «Чьи эшелоны станками идут в сторону Донбасса?»; «Почему Россия дает в долг миллиарды?».

Эмоционально окрашенные слова не только привлекают внимание, но и выражают отношение автора к информации, что говорит о том, что авторские тексты в СМИ стали более эмоционально «заряженными». Автор дает готовое эмоциональное переживание читателю, у которого нет времени читать, рефлексировать и формировать собственное эмоциональное отношение. Преследуя эту цель, авторы используют низовую и жаргонную лексику, тем самым снимая табу на ее использование в ежедневной жизни.

Субъективное авторское восприятие также находит отражение в использовании вводных конструкций, выражающих отношение автора к описываемым событиям. Оценочные конструкции также способствуют вовлечению аудитории и усилению эмоционального восприятия материала. Структура вводных конструкций может быть представлена самыми разными

синтаксическими единицами: от словоформы до фрагмента текста [2,80], однако, чаще всего это словоформы и простые предложения. Например, из kp.ru: «Бедолагу, по счастью, успели вовремя спасти прохожие – выловили и вызвали «скорую» или «До тех пор, пока у нас не будет вакцинировано большинство населения, важно продолжать соблюдать защитные меры, подчеркивают эксперты».

Характерной особенностью современных журналистских текстов также является рематическая подача информации, когда в начало предложения ставится новая важная информация, а все дополнения – в конец. Это привлекает внимание аудитории. Например, в lenta.ru: «Уже 20 стран прекратили использование препарата от AstraZeneca: некоторые из них полностью остановили поставки».

Для вычленения семантически значимых компонентов часто используется инверсия. Она эмоционально выделяет части предложения. Например, в lenta.ru: «С третьей попытки был выбран президент республики Косово». Еще более частный прием – безличные предложения, в первую очередь, в заголовках: «Появилась новая версия похищения бывшего офицера ФСБ тремя белорусами»; «Названы худшие продукты Apple в истории» (lenta.ru).

При этом аудитория ищет в СМИ, как и социальных сетях, не только новую и важную информацию. По статистике, треть россиян заходят в социальные сети ради развлечений [3]. СМИ также пытаются не только информировать, но и развлекать аудиторию. Появился новый жанр – инфотеймент (от англ. infotainment) – преподнесение сообщения о серьезных событиях в развлекательной, непринужденной, легкой, даже ироничной форме или с оттенком развлекательности [4]. Попытка СМИ совместить вовлекающую эмоциональную окраску, указывающую на развлекательный характер материала, с серьезными новостями, также нашла отражение в заголовках, часто состоящих из двух частей: первой - яркой, образной, метафоричной; и второй – деловой, отражающей суть. Например, из gazeta.ru: «Отмылись: Nike отрицает причастность к выпуску кроссовок с кровью»; «Рябь на воде: как перекрытие Суэцкого канала нарушило цепочки поставок»; «Начало новой эпохи»: взлетит ли ВВП на «вертолетных деньгах» и др.

Нельзя не отметить, что сами тексты СМИ стали в среднем меньше по объему: на смену лонгридам пришли короткие информационные заметки. Эта тенденция также связана с социальными сетями и с ограничениями по количеству знаков, которые существуют в большинстве социальных сетей для одного сообщения, и с популярностью микроблогов, в первую очередь, Твиттера. Привычка читать короткие тексты сформировала требование к сокращению объема сообщения СМИ и отразилась также на длине предложений в текстах СМИ.

Интересно, что перегруженность информацией аудитории, потребность в облегчении восприятия привела к увеличению количества повторов одного и того же сообщения или информации в одном тексте, например, в заголовке, в лиде и в самом тексте. Приведем пример статьи в издании «Московский

комсомолец». Заголовок: «РФ зарегистрировала первый в мире препарат от коронавируса на основе плазмы». Лид: «Ростех сообщил о регистрации Минздравом нового препарата для больных с коронавирусной инфекцией, который основан на применении плазмы крови уже переболевших COVID-19 пациентов». Первый абзац: «Минздрав России одобрил применение специфического иммуноглобулина переболевших пациентов, сообщили в госкорпорации».

Что касается аудиовизуальных СМИ, то они тоже подвержены влиянию социальных сетей, в том числе видеохостинга Youtube, который по охвату аудитории обогнал телевидение [5]. Помимо лексического состава, упрощения синтаксических конструкций, влияние заметно на скорости речи ведущих. Именно интернет-вещание дало аудитории возможность в любой момент начать или прекратить потребление контента и взаимодействие, поэтому для ведущих программ в том же Youtube так важно не делать пауз, не прерывать эмоциональный контакт с аудиторией. Это привело к избыточности, повторам, ускорению темпа речи. Они перешли и на телевидение.

Нельзя не сказать и о технических особенностях работы СМИ в эпоху социальных медиа. Большим вызовом для СМИ стала работа с поисковыми системами. На российском рынке в этом сегменте безусловными лидерами, по данным сервиса Яндекс.Радар, являются Яндекс и Гугл, имеющие свои разделы новостей, формируемые согласно постоянно меняющимся алгоритмам. Для того, чтобы попасть в верхние строки выдачи в поисковых системах текстам СМИ приходится удовлетворять нескольким условиями, которые влияют и на их язык. Помимо повторов, в информации должны быть так называемые ключевые слова, использование которых часто примитивизирует тексты СМИ и ограничивает авторов.

Очевидно, что язык СМИ стал заложником меняющихся коммуникаций. Невозможно остановить или изменить этот эволюционный процесс – слишком велико влияние социальных сетей сегодня. Однако есть издания, которые выбрали для себя путь дистанцирования от социальных сетей, стремление к элитарности и качественной журналистике и языку. Это повлияло на количество их читателей и охваты. Оптимальным мог бы быть путь, который выбрали для себя некоторые зарубежные СМИ, например, The New York Times. На сайте газеты представлены в том числе лонгриды с использованием иллюстраций, инфографик и иных инструментов, улучшающих восприятие материала, но сами тексты, их лексический состав и синтаксис представляют собой образец классического языка СМИ, нарочито не отражающего тенденции, сформировавшиеся в социальных медиа. Доступ к большинству материалов на сайте платный, что позволяет редакции получать средства, а отчеты компании о прибыли позволяют делать вывод о востребованности контента газеты и верности выбранного подхода.

Литература

1. Культура русской речи: учебник для студентов высших учебных заведений / [Виноградов С. И. и др.]; отв. редакторы: Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: Норма, 2008. – 349 с.
2. Абазова-Слонова, Р. Э. Типология вставных конструкций в современных СМИ / Р. Э. Абазова-Слонова. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). – Т. 0. – Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. – С. 79-84. – URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/80/3988/ (дата обращения: 05.04.2021).
3. Социальные сети. Аналитический доклад Левада-Центра от 06.03.2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.levada.ru/2018/03/06/sotsialnye-seti/ (дата обращения 05.04.2021).
4. Интерпретация термина «инфотейнмент» в немецких и российских исследованиях масс-медиа. Еремина Д.А. // Электронный научный журнал «Медиаскоп» [Электронный ресурс]– URL: http://www.mediascope.ru/node/1429 (дата обращения 05.04.2021).
5. Медиапотребление в России – 2020. Исследование Deloitte [Электронный ресурс] – URL: https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html (дата обращения 05.04.2021).

УДК: 811.161.1

Ильичева В.В., Кузьменкова К.Е.
РУДН, Москва
IlyichevaV.V., Kuzmenkova K.E.
PFUR, Moscow
ilyicheva-vv@rudn.ru,
kuzmenkova-ke@rudn.ru

Речевое воздействие на аудиторию ведущими радиостанций
Radio broadcasters's speech impact on the audience

Аннотация: *в статье рассматривается профессиональная деятельность радиоведущих отдельных российских радиостанций. Авторы на основании личных наблюдений и анализа нескольких программ предприняли попытку сформировать речевой портрет современного ведущего. Затрагиваются проблемы профессиональной культуры и компетенции ведущих современных радиоэфиров. Выявляются типы радиоведущих.*

Abstract: *the goal of our article is to identify the professional activities of radio hosts of individual Russian radio stations. On the basis of personal observations and analysis of several programs the authors tried to form a speech portrait of a modern presenter. The article is trying to analyze problems of professional culture and competence of the leading modern radio broadcasts. Thetypesofradiopresentersalsowereidentified.*

Ключевые слова: *радиожурналистика; радиовещание; профессиональная культура журналиста; речевой портрет.*

Keywords: *radio journalism; broadcasting air; format; journalist's professional culture; speech portrait; professional competencies.*

Прежде чем рассматривать профессиональную деятельность радиоведущих, необходимо определить значение понятия профессиональной культуры журналиста. По мнению В.Ф. Олешко, формирование профессионального сознания является сверхзадачей системы профессиональной культуры, это духовная основа деятельности журналиста [1]. Согласимся и дополним высказывание своим пониманием цели творческой деятельности представителей массмедиа – взаимопроникновение журналиста и аудитории, на которую направлено обращение, выступление, медиатекст. Воздействие на ЦА осуществляется различными методами для получения обратной связи, ожидаемой реакции. На стремлении к диалогизации базируется весь творческий процесс журналиста. Такие важные составляющие профессиональной культуры, как ответственность, гражданская позиция и социальная активность журналиста способны положительно влиять на развитие общества, укрепление духовных и материальных основ государства, так как именно журналист является посредником между властными структурами и обществом.

Интересным представляется анализ взаимодействия радиоведущего и слушателей в эфире популярных российских радиостанций. Мы попробуем сформировать речевой портрет современного ведущего на основании личных наблюдений и прослушивания отдельных программ нескольких радиостанций. Однако наши наблюдения за процессами на радио носят долгосрочный характер, так как авторы являются любителями этого СМИ и преподавателями дисциплины «Радиовещание» в вузе. Для исследования мы специально не выбирали станции одинаковых форматов или со схожими эфирными сетками. Мы также не делали ставку только на молодёжных радиостанциях, где предсказуемо могли бы найти множество отклонений от речевых норм и проявлений своеобразной свободы слова. Как известно, слово не воробей, и на молодёжных станциях ведущие зачастую не выбирают слова для выражения своего мнения или общения с ЦА. Но это с одной стороны, а с другой – именно подбирают слова для своей группы слушателей – такое впечатление сложилось у авторов данного исследования.

Мы выбрали станции, где свободное общение, игра словами и заигрывание с аудиторией становятся нормой и принятыми правилами, необходимыми для удержания слушателей и вовлечения их в диалог с ведущими, а значит СМИ. Проанализировав более 20 эфиров для этого исследования, а в общей сложности в несколько десятков раз больше, мы пришли к выводу, что радио слушают, прежде всего, ради получения эмоций, удовольствия от самого процесса взаимодействия с ведущими, где слушатель становится участником процесса и часто – речевой коммуникации. Поэтому содержательная составляющая воспринимается только вместе с адресантом, инициатором коммуникации, в нашем случае, с героем эфира.

По мнению Г. Мельник, ведущий может стать почти культовой фигурой, если это личность, способная долго держать радийную аудиторию. Жизненный опыт, широкий кругозор, множественность впечатлений, желание и умение ими поделиться могут принести радиоведущему эфирное долголетие и признание слушателей [2].

Да, все так, мы согласны с исследователем, но какое значение имеют для аудитории такие профессиональные компетенции, как дикция, голос, умение интонировать, музыкальность и грамотность речи, умение импровизировать? Прослушивая современные эфиры, невольно сравниваешь с эфирами прошлых лет, и вывод следует однозначный: профессиональная культура, в частности речевая культура, – редкое явление на современном радио, особенно музыкального формата. Здесь нужно сделать важное уточнение, в радиовещании принято разделять радиостанции на форматы, их три в России: информационный, разговорный и музыкальный. Диджеи музыкальных станций являются частью формата: их речь, поведение в эфире, обращение к слушателям, выбор тематик для эфиров должны подчиняться общей концепции станции. Таким образом, свободное общение, использование просторечных выражений, сленга и жаргонизмов, парцелляций, отсутствие классической подачи информации – основные черты имиджа ведущих таких радиостанций. Музыкальный стиль определяет формат общения, к примеру, на радио Jazz просторечных выражений мы не услышим, а на радио Studio 21 и Energy разговорный стиль речи является определяющим. Но не только плей-лист влияет на концепцию работы в эфире, содержательная составляющая программ, безусловно, тоже. Если программы призваны развлекать, и это основная их функция, то логично, что академической подачи медиатекста ведущими мы не услышим, как и делового стиля, который будет характерным для радио «Коммерсантъ ФМ», «Вести ФМ», «Серебряный дождь», «Звезда» и т.д. Стоит отметить, что на таких станциях как, «Маяк» и «Эхо Москвы» удивительным образом сочетаются разговорный и официально-деловой стили, добавим, что зависит это от тематики программ и времени их выхода в эфир. К примеру, утром на «Маяке» ведущие более свободны в общении, нежели в вечернее время, где в эфир выходят программы просветительской направленности. Такая сбалансированность, умеренность вызывает у авторов симпатию к выбранному подходу в общении со слушателями.

От общих рассуждений перейдём к конкретным примерам, которые продемонстрируют вышеперечисленные концепты. Радио Energy вещает на частоте104,2 ФМ. Самая активная часть аудитории – молодежь в возрасте от 20 до 29 лет («молодые взрослые»). По данным Mediascope, радиостанция входит в 10 лучших станций по России и Москве в этой возрастной группе, принадлежит холдингу ГПМ Радио и является неотъемлемой частью глобальной сети одного из авторитетных международных радиобрендов – Energy (NRJ), созданного французской NRJ GROUP [3]. В России радио Energy стало настоящим лидером мнений, влияющим на формирование вкусов, взглядов, предпочтений и стиля жизни современной молодежи и взрослых.

Каков же речевой портрет ведущих «Шоу с Чёрным перцем» на радио Energy? Программа выходит с 7:00 до 10:00. Назовём часто встречающиеся в эфире слова и выражения в речи ведущих DJ Саймона, он – центральная фигура и Кати Калининой и Даши Аникиной – соведущих.Каждый выход программы посвящен теме дня, к примеру: «Как ты запорол отпуск» (выпуск 24.02.2021 г.), «Как ты не вовремя чихнул» (выпуск 11.03.2021 г.), «Что у тебя однажды прилипло /застряло» (выпуск 10.03.2021 г.) [4]. Обратим внимание на бытовой и незамысловатый набор тематик, а также использование разговорного стиля и просторечий. В каждой программе мы можем услышать такие слова и выражения: *«по-любому», «круто», «unreal какой-то», «запилил видос», «ага», «ого», «типа париться, а че», «жрёт», «спёрли», «чувак», «дубак», «халява»*. Слова *«прикинь»* или *«прикиньте»*, *«короче»* могут звучать по несколько раз за 1 мин., к примеру, в эфире от 25.03.2021 г. В этом шоу мы наблюдаем речевую свободу, раскованность, что создаёт эффект живого общения молодых людей. Для создания такого впечатления необходимо понижать языковой стиль. Что и делают ведущие данной программы.

Comedy radio вещает на частоте 102,5 ФМ и принадлежит Газпром-Медиа-Холдингу, ядро целевой аудитории: 18-45 лет, преимущественно мужчины, 60% аудитории [5]. В речевой портрет ведущих программ добавим несколько составляющих: грубые выражения, жаргонизмы, использование низкосортных шуток, некачественного юмора и высмеивание известных персон, представителей меньшинств и РПЦ, то есть пейоративных высказываний, основанных на эмоционально-оценочной лексике. Нами были прослушаны несколько программ: «Казибота шоу», «Самое серьёзное шоу», программа «Счастливые люди» (выпуски 27.02.21, 16.03.21, 27.07.21, 01.04.21, 08.04.21, 16.04.21, 27.04.21). Часто встречающиеся в эфирах слова и выражения: *«ни фига себе», «пантуешься», «наплевать», «чувак», «трэшак», «капец», «блин», «погнали»*. Встретились и такие выражения: *«быстренько пробежимся по людям, которые отметили дни рождения»,* здесь прослеживается явное пренебрежительное отношение к известным личностям; *«переспать и залететь»*, – такой совет даёт ведущая радиослушательнице в эфире; *«спалил к чертям яйца, хорошо не свои», «сожрал курочку», «подгадишь человеку»*. Ведущие этого радио ведут себя развязано и грубо, в эфирах часто обсуждаются недостатки внешности или стиля в одежде, поступки популярных артистов и персон. Сильным средством снижения образа кого-то является постановка имени этого объекта в иронический контекст [6]. Используются такие приёмы воздействия, как «уловка Горгия», «навешивание ярлыков». Юмор способен стирать границы дозволенного, особенно если он является целью, а не средством. Мы приходим к выводу, что у ведущих обеих радиостанций отсутствуют внутренние барьеры и стандарты речевой культуры.

Г. Мельник разделяет ведущих и предлагает следующую классификацию:

- «ведущие-информаторы»: их задачи: найти информацию и использовать особенности своего голоса для комментария; быть нейтральным и ненавязчивым, проявлять минимум эмоционального состояния;

- «ведущий-собеседник», демонстрирует высокую степень вмешательства в событие, использует особые приемы общения со слушателями; воздействие на слушателя достигается интонационными ухищрениями, оригинальностью текстов; чаще всего ведущий – это или балагур, или саркастический, не довольный жизнью зануда;

- «ведущий-наставник», осуществляет максимальное вмешательство в информационный процесс; выводы, которыми он делится с аудиторией, весомы; не заемная манера общения, индивидуальный стиль, самобытный выбор тем, легкий или жесткий подбор аргументов [6].

Мы хотели бы дополнить данную классификацию и добавить ещё два типа ведущих, которые нам встретились в эфирах. Это «ведущий-провокатор» и «ведущий-супергерой». Они лишены серьёзных недостатков, но могут позволить себе незначительные минусы. В их вселенной встречаются жизненные неурядицы, но они показывают нам, что с ними жить интереснее. Их природная харизма и открыто демонстрируемая позиция, желание быть самим собой создают доверительные отношения с аудиторией. Отдельно поясним, что тип «ведущий-провокатор» нам встретился на радио Comedy. Темы эфиров, ёрничество, оценочные суждения соответствуют в нашем представлении именно этому типу.

«Европейская медиагруппа» запустила новую радиостанцию — Studio 21, посвященную хип-хопу и молодежной культуре. В качестве СМИ данный радиоканал был зарегистрирован в сентябре 2017 года. У проекта есть сайт в интернете, на котором размещены новости, статьи и видео. В перспективе интернет-площадка станет главной, радио же, по словам программного директора Михаила Кострова, будет генерировать контент и выполнять функцию музыкального проводника [7]. Важно отметить, что все программы радиостанции выходят исключительно в прямом эфире. Кроме того, в штате отсутствует редактор, который пишет тексты к эфиру, то есть все реплики ведущие придумывают самостоятельно. Значительную часть эфира составляет импровизация. Мы считаем, что такой подход к проведению эфиров вызывает доверие у аудитории.

Перейдем к анализу речевого портрета одного из диджеев радиостанции Studio 21. Для примера рассмотрим проект «Шоу утреннего Райтрауна» — утреннее моно-шоу, специфика которого определена имиджем ведущего (Артёма Селиванова). Мы считаем, что имидж диджея, как и его речевой портрет, должны соответствовать формату радиостанции, так как без определенной специфики и образа проведения эфира невозможно поддержать устоявшийся формат. Важно отметить, что в утреннем эфире на Studio 21 нет приглашенных гостей, что не вполне соответствует типичному утреннему шоу. Таким образом, «Шоу утреннего Райтрауна», включая такие составляющие, как обсуждение темы дня, тематические новости, звонки в студию, голосования, викторины, концентрируется вокруг личности ведущего – это максимально персонифицированный проект. Для моно-шоу ведущий должен обладать не только личной харизмой, но и умением моделировать эфир и поддерживать активный диалог со слушателями, а также импровизировать [8, с.13]. Мы

полагаем, что речевой портрет данного ведущего подходит формату Studio 21, так как речь диджея не усложнена терминами, но наполнена жаргонизмами, заимствованными словами и выражениями: *«респект», «флешбэки»* (выпуск 05.04.2021 г.). Ведущий при общении в прямом эфире с аудиторией нередко нарушает литературные нормы русского языка: *«просто кушаю их и всё…а пельмени ты кушаешь?»*; использует разговорный стиль и сниженную лексику: *«те (тебе) надо», «бутылка винища», «номер исторички»* (выпуск 02.04.2021 г.); *«любишь полуфабрикатов навернуть», «на фига», «закинул че-то в микроволновку, 3 минуты – и кушаешь», «отвал башки», «можно там жрать», «гопники отожмут половину времени»* (выпуск 05.04.2021 г.).

К сожалению, сегодня в радиоэфирах работают непрофессионалы. Эфиры наполнены пустыми, неинтеллектуальными разговорами, ничего не значащими сообщениями, а также шутками, которым радуются сами ведущие. Отсутствие профессиональной культуры у ведущих радиостанций не может не отразиться на общем уровене культуры аудитории, так как степень доверия слушателей однозначно увеличивает речевое воздействие со стороны радиоканала.

Литература

1. Психология журналистики: учеб. пособие/ В.Ф. Олешко. – М.: ФЛИНТА; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 476 с. : ил.
2. Мельник Г.С. Общение в журналистике: секреты мастерства [Электронный ресурс] // РИДЛИ. URL: https://readli.net/chitat-online/?b=151814&pg=1 (дата обращения: 25.04.2021).
3. Отчет с рейтингами радиостанций за период июль – декабрь 2020 г. (Россия+), январь – март 2021 г. (Москва) [Электронный ресурс] // MEDIASCOPE. URL: https://mediascope.net/data/ (дата обращения: 25.04.2021 г.).
4. Шоу с Чёрным перцем [Электронный ресурс] // Официальный сайт РАДИО ENERGY. URL: https://www.energyfm.ru/show_bp (дата обращения: 11.03.21, 25.04.2021 г.).
5. Аудитория Comedy Radio [Электронный ресурс] Рекламное агентство полного цикла «Бренд Медиа». URL: http://www.brand-radio.ru/serv__idP_52_idP1_84_idP2_321_idP3_1101.html (дата обращения: 25.04.2021 г.).
6. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 5-е изд., стер. – М.:ФЛИНТА : Наука, 2014. – 176 с.
7. Владелец «Европы Плюс» сменит формат «радио о русской душе» на хип-хоп [Электронный ресурс] РБК. 2018. 9 января. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/01/2018/5a5474c79a794740100fab76(дата обращения: 25.04.2021 г.).
8. Сомова Е. Г. Руководство начинающему арт-джею: учебно-методическое пособие/ Е.Г. Сомова, Кр-р.:изд-во КСЭИ, 2009. – С. 13

УДК: 316.28

Музыкант В.Л., Бурдовская Е.Ю., Мфаредж Ф.
РУДН, г.Москва
Muzykant V.L, Burdovskaya E.Y., Mfarrej F.
PFUR, Moscow
vmouzyka@mail.ru

Government social responsibility in a crisis period
Социальная ответственность государства в период кризисных явлений

Аннотация. *Public relations and corporate strategic communication in the conditions of war inducing crisis are acquiring significant distinguishing features, indicating that social responsibility and anti-crisis content of online and offline feedback request messages are the most effective means of implementation peculiar communication models, regardless of the status of the organization.*

Аннотация. *Связи с общественностью и корпоративная стратегическая коммуникация в условиях военного кризиса приобретают существенные отличительные черты, свидетельствующие о том, что социальная ответственность и антикризисное содержание онлайн- и офлайн-запросов на обратной связи являются наиболее эффективными средствами реализации специфических коммуникативных моделей независимо от статуса организации.*

Keywords: *corporate communication; semantic analysis; two-way communication; communication programs*

Ключевые слова: *корпоративные коммуникации; семантический анализ; двусторонняя связь; коммуникационные программы.*

To achieve this goal of research, we conducted a lexical and semantic analysis of the content of corporate online and offline materials in order to identify their effectiveness in the research war periods, analyzed the influence of communication channels on the effectiveness of corporate communication transmitted in times of crises, identified changes in the dynamics of development of anti-crisis communications a changing content of materials on the problem of corporate social responsibility.

This work obtained the provisions deserving the status of scientific novelty. This article is interdisciplinary, and is performed at the intersection of public relations, journalism, mass communication and philology. This study is actually the first comprehensive scientific analysis in this area. Exploring theoretical and methodological approaches to the analysis of public relations and corporate communication in Syria in the pre-war and war periods, the orientation and content of the applied communication models are revealed. The semantic analysis of offline and online discourse texts is carried out at the level of semantic meanings of language units, anti-crisis headings and slogans

The results of the study make it possible to systematize the existing theoretical developments in the field of the study of corporate social responsibility and anti-crisis

communication programs, and based on the model system of J. Grunig maximize the interests of the public [1]. A relationship is established between the status of the organization, the communication model implemented by it and the characteristics of the messages transmitted, which contribute to the involvement of the public in information flows [2]. A balanced communication strategy is proposed to establish a dialogue with the public and strengthen its loyalty. The semantic analysis of the texts, contributing to the identification of the true goals of organizations, sometimes not coinciding with the declared values, is carried out. A tool has been developed to predict the public reaction of governmental and non-governmental organizations to the use of various communication models in a crisis caused by the war.

The content analysis method was used to study the content of corporate communication materials issued by SANA (Syrian Arab News Agency), the Ministry of Tourism, MTN (MTN Syria was previously known as "Areeba") and Syrian Bemo Bank in the pre-war period and during the war periods. To identify the compositional features of anti-crisis media texts, the author conducted a semantic analysis of pre-war publications and texts of the war period for the compliance of declared values with the content of transmitted messages [3, 236]. In addition, interviews were conducted with the target groups of SANA, the Ministry of Tourism, MTN, Bemo (800 respondents were interviewed for all four organizations, 200 respondents for each organization) and a series of in-depth interviews were conducted with the heads of departments and public relations departments of the Syrian organizations - SANA, Ministry ofs Tourism, MTN, and Bemo.

The Conclusion sets out the main features of the work, characterizing the specifics of public relations and communication models introduced by organizations with the aim of informing, persuading, seeking consensus or dialogue with their target public in the conditions of a war-triggered crisis [4, 146-160]. In the studied Syrian governmental and non-governmental organizations, public relations were implemented with varying degrees of effectiveness in the pre-war and during the war periods.

All four-communication models were used: MTN the non-governmental company promoted its achievements, SANA the governmental agency convinced its public of the correctness of its own strategy, the governmental Ministry of Tourism implemented the idea of consensus, the non- governmental Bemo bank built a dialogue with its public [5, 139-155.]. SANA implemented one-way corporate communication to achieve the desired results, but without providing feedback to its public. The Ministry of Tourism usually had two-way communication, but with unbalanced effects. MTN's communication with the target public during the pre-war period and during the war was unidirectional and also did not contain balanced effects. Bemo implemented two-way communication with balanced effects, encouraging feedback from the public.

In the course of this research, it was possible to apply questionnaires designed to understand the level of development of public relations, which made it possible to assess the quality of publications and the whole range of problems analyzed in the materials, to determine the degree of public involvement in the communication dialogue. An analysis of the activities of the largest public and private organizations

helped to assess the correctness and timeliness of the communication goals set through targeted online and offline messages, which made it possible to optimize the time and material resources available to organizations in times of crisis [6, 167]. Clarity of communication programs proved its significance during the period of crisis: in the absence of a special genre variety, notes, reports, interviews and, less often, reports prevailed [7, 293-312]. For obvious reasons, the set of distribution channels for corporate communication has changed and narrowed: some organizations have focused on their own Internet sites, social networks. MTN focused on SMS messages. At the same time, significant changes affected the content of its materials, where every second complex pre-war heading was replaced by simple headings, the number of which during the war reached half of the total number analyzed.

During the war, complex titles, ambiguity disappeared, but nominative sentences began to prevail in the headings. It is noteworthy that the public interest in the issues raised in SANA's materials turned out to be uncertain and unstable, which made it difficult for the public to identify their interests [8, 157-169]. At the same time, the public of the Ministry of Tourism was rather involved in the affairs of the organization, MTN was not interested, and the informed public of Bemo actively identified problems associated with the activities and services of the bank.

Conclusion

Summarizing the main trends in the development of public relations and corporate communication, the paper assesses the content of communication models implemented by Syrian organizations in the pre-war and during the war periods. Thus, the hypothesis put forward that public relations and corporate strategic communication in the conditions of war inducing crisis are acquiring significant distinguishing features, indicating that social responsibility and anti-crisis content of online and offline feedback request messages are the most effective means of implementation peculiar communication models, regardless of the status of the organization, has received full confirmation.

Bibliography

1. Grunig J. A situational Theory of Publics: Conceptual History, Recent Challenges and New research, (3rd Ed.), London: International Thomson Business Press, 2017. 84 p.
2. Grunig J., Dozier M. Excellent Public Relations and Effective Organizations, (3rd Ed.), London: Routledge, 2016. 146 p.
3. Amegbe H., Owino J. and Kerubo O. Behavioural Responses to Corporate Image Building Through Social Media Advertising: A Study Among Nairobi Students // Journal of Creative Communications, 2017. Vol. 12. №3.
4. Argenti P. Strategic Communication in the C-Suite // International Journal of Business Communication, 2017. Vol. 54. №2.
5. Aronczyk M., Edwards L., and Kantola A. Apprehending Public Relations as a Promotional Industry // Public Relations Inquiry, 2017. Vol. 6. №2.

6. Davidson S. Public Relations Theory: An Agonistic Critique of the Turns to Dialogue and Symmetry // Public Relations Inquiry, 2016. Vol. 5. № 2.
7. Ewing M. and Remund D. Understanding and Addressing the Gaps: Generational Perspectives on Public Relations Leadership Development in the United States // Public Relations Inquiry, 2017. Vol. 6. №3.
8. Fitch K. Seeing 'the Unseen Hand': Celebrity, Promotion and Public Relations // Public Relations Inquiry, 2017. Vol. 6. № 2.

УДК: 811.161.1

Трофимова Г.Н., Савастенко Р.А.
РУДН, г. Москва
Trofimova G.N., SavastenkoR.A.
PFUR, Moscow
trofimova-gn@rudn.ru,
savastenko-ra@rudn.ru

Проблемы лингвистических нарушений информационного права в текстах сетевых СМИ
Problems of linguistic violations of information law in the texts of online media

Аннотация*: Статья посвящена проблемам языковых нарушений в речевой практике цифровых СМИ. Авторы выявляют, рассматривают важные аспекты искажения информации в текстах современных медиа, систематизируют их, определяют степень их опасности с точки зрения нарушения информационного права и предлагают возможные пути решения данных проблем.*

Abstract: *The article is devoted to the problems of language disorders in the speech practice of digital media. The authors identify and consider important aspects of distortion of information in the texts of modern media, systematize them, determine the degree of their danger from the point of view of infringement of information law and suggest possible solutions to these problems.*

Ключевые слова*: русский язык; речь; информационное право; Интернет; цифровизация*

Keywords*: Russian; speech; information law; The Internet; digitalization*

Сегодня тема функционирования русского языка в СМИ получила новые акценты: проблемы нарушения лингвистической безопасности, сложности смыслопередачи, перехода информации в знание, а также обеспечения гарантий информационного права. В процессе освоения интернет-пространства возникло новое отношение к понятию информации и к взаимоотношениям с ней, которое преобразовалось в информационное право. И определяющим фактором реализации данного права становится именно лингвистический аспект. Нарушения информационного права связаны с правом на получение

достоверной информации, её предоставление и передачу, а также функционирование и сохранение в тексте.

Проблемы функционирования русского языка в СМИ остаются актуальными. Современным особенностям медиатекстов уделяет особое внимание Т.Г. Добросклонская, по мнению которой «даже поверхностное сравнение новостных и аналитических текстов из разных медиаисточников вызывает ощущение того, что каждый текст имеет свое особое звучание, тональность которого обусловлена многими факторами» [1]. Её идеям созвучны исследования о журналистской практике создания медиатекстов Т.ван Дейка, в которых он утверждает, что «структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [2, с.156]. Функционированию русского языка в медиакоммуникации онлайн и проявлениям речевой агрессии и лингвистического экстремизма посвящена монография Г.Н.Трофимовой и В.В. Барабаша «Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакомуникации) [3]. Наумов В.Г. рассматривает существенные аспекты взаимодействия языка и права [4]. Наконец, информацию как объект глобального правового регулирования исследуют И.А.Умнова [5] и В.А.Копылов, который понимает под информационным правом «систему социальных норм и отношений, охраняемых государством, возникающих в информационной сфере – сфере производства, преобразования и потребления информации» [6, с.20] .

В настоящий момент текстовое пространство сетевых СМИ постепенно наполняется высказываниями, созданными с помощью искусственного интеллекта, который начинает диктовать отбор языковых средств. Это отражается на содержании, так как автоматизированная форма диктует свои законы: «Минюст предложил лишить Пашаева адвокатского статуса» (https://ria.ru/20200910/pashaev-1577059610.html).

Распространяется и языковая вульгарность, и обнаженность прямого, грубого смысла табуированного слова, наблюдаются и стилевая неразборчивость, как протест против патетики и показухи прошлых времен, и стилевая глухота, и утрата чувства языка: «Зеленский ввёл санкции против российских новостных изданий Газета.ру и Лента.ру., «Массандры» и белорусской косметической компании. Ни астанавливайсо!» (https://twitter.com/anatoliisharii/status/1374458173562572803).

Сближаются и механизмы порождения и восприятия устной и письменной речи. На смену антиномии устной и письменной форм языка пришла новая ситуация, в которой, по словам В.Г.Костомарова, дисплей облагораживает разговорность письменной фиксацией в звуковой, печатной и даже в изобразительно-звуковой форме, примиряет борьбу этих двух разновидностей языка. Такая ситуация породила противоречивый термин «устно-письменная речь». Такая ситуация влечёт за собой и пересмотр

требований к нормам русского языка. Как пишет В.Г.Костомаров, освобождённая от жёсткой привязки только к звучащей форме некнижность начнёт генеральное наступление на привычное нормализаторство [7] . В новых жанрах сетевых СМИ происходят многообразные письменно-разговорные чередования или смешения, взаимопроникновения элементов книжности и разговорности: «Шутка европейского соседа задела Украину за больное место» (https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/world/2021/3/4/1087894.html).

Коммуникативная направленность языка сетевых СМИ носит ярко выраженный договорной характер, в соответствии с которым необходимо условиться о единообразном использовании вербальных и невербальных средств выражения: различных иконок, значков, аббревиатур, системы сокращений и т.д. Конвенциональность становится устойчивым признаком сетевого дискурса, как, например, использование значков эмоджи.

Тексты СМИ становятся более чёткими, ясными и развернутыми, превращаются в маленькую историю, мини-нарратив. При этом нарративность может иметь сугубо информационный или преимущественно воздействующий характер, но текст обязательно должен быть привлекательным, лёгким для восприятия: «Эксперты оценили отмену Путиным детских пособий в 50 рублей»(https://www.rbc.ru/society/26/11/2019/5ddd72249a79476554937d6f?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews).

Другая специфическая лингвистическая особенность текстов сетевых СМИ – это проблема адекватного восприятия передаваемой информации, влияющая на результативность. Сообщение, транслируемое отправителем получателю, преодолевает в своём виртуальном воплощении разнообразные барьеры, среди которых сегодня всё более ощутимым становится стремление веб-коммуникантов к речевому доминированию, реализуемое насильственным путём или посредством манипуляции. В результате сообщение может нанести получателю вред, может быть принято не полностью, в искаженном виде или не принято вовсе: «Минкульт захотел вернуть алкоголь во все учреждения культуры»(https://govoritmoskva.ru/news/193871/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop) .

Задача привлечь внимание интернет-пользователей к определённому тексту за счёт образной, выразительной фразы в заголовке всегда стояла перед производителями медийных текстов. Технологии, позволившие использовать при этом фразы, не имеющие отношения к содержанию текста или вырванные из контекста, получили название «кликбейт», то есть заголовочная строка, целью которой является получение дохода в ущерб качеству или точности информации: «*Деньги из воздуха*: «Аэрофлот» предложил брать плату за регистрацию на рейс в аэропортах» (https://iz.ru/1132749/maksim-talavrinov/dengi-iz-vozdukha-aeroflot-predlozhil-brat-platu-za-registratciiu-na-reis-v-aeroportakh).

Заголовок как специальная операция называния, номинирования сопровождает нас в самых разных жизненных ситуациях. Заголовок сетевого медиатекста как концентратор смыслов имеет особую значимость. От точности

вербальной конструкции зависит качество реакции того, кому направлено сообщение. Именно с заголовка начинается освоение текста онлайн-СМИ. Понятие заголовка в любом учебном пособии для журналистов, пожалуй, наиболее устойчиво даже в сегодняшних условиях интенсивных трансформаций в стилистике массмедиа-пространства, создания и функционирования текстов интернет-СМИ, журналистском дискурсе. Заголовок – это важнейший, если не главный, компонент публикации, в котором соединяются тема, идея и проблема, облечённые в форму привлекательного, интригующего и одновременно информирующего, короткого, но очень ёмкого слова/словосочетания/предложения. Заголовок – это флажок, сигнал, маячок, якорь, которым текст цепляет внимание клиента. Именно в этой функциональной составляющей заключается экспрессема, чьё воздействие определяет интонацию и восприятие всего текста: «Кто *зарабатывает* на «группах смерти» в Рунете» (https://vz.ru/society/2021/3/5/1087968.html?utm_campaign=vz&utm_medium=referral&utm_source=push).

В сетевых текстах на заголовок приходится особая содержательная и структурная нагрузка в связи с гипертекстовостью сетевых СМИ и большим и постоянным потоком журналистских текстов. Усиливается распространение языковых структур убеждения: специально выделенные конструкции, пропуск или предъявление глаголов мнения и в особенности - игра с лексической многозначностью, стилистическая тональность речи, а также намеренное употребление специальных языковых средств, с целью реализации речевой агрессии. В текстах онлайн-СМИ усиливается значимость лексем с лингвокультурной коннотацией, так как они становятся не просто демонстраторами культуры, но и проводниками общественно-политических смыслов, искажение которых ведет к искажению содержания журналистского текста, сообщающего общественно значимую, актуальную информацию для массовой интернет-аудитории. Так совершается нарушение информационного права, а, следовательно, и информационной безопасности.

Неоднозначна задача оценки уровня оскорбления. Как таковое может быть расценена и любая орфоэпическая ошибка, которая отвлекла от восприятия содержания и осмысления получаемой информации. Многие слова сегодня обретают оскорбительную коннотацию при помощи такого знака пунктуации, как кавычки, которые указывают на ироническую негативную оценочность: «Норникелю» придется *раскошелиться* на 146 млрд рублей за ЧП в Норильске» (https://oilcapital.ru/news/companies/05-02-2021/nornikelyu-pridetsya-raskoshelitsya-na-146-mlrd-rubley-za-chp-v-norilske).

В СМИ проблемы смыслопрезентации связаны с, казалось бы, благим желанием журналистов сказать по-новому, оригинально, «красиво». Но в погоне за ложной красотой теряется очень многое: и достоверность, и информативность, и смысл всей публикации. Прямых оскорблений журналисты не допускают, но в СМИ часто встречаются неудачные высказывания, обусловленные низкой культурой речи. Из-за этого расплывается информационная четкость: «Президент РАО предложила исключить «Войну и

мир» из школьной программы» (https://ria.ru/20160930/1478229027.html) . Чаще всего после таких двусмысленностей журналисту приходится дополнительно разъяснять, что именно он хотел сказать.

Для массовой аудитории информационная безопасность связана, прежде всего, с теми актуальными процессами, которые происходят сегодня в языке и стиле СМИ. В целом их можно разделить на 4 уровня: низкая культура речи (ненамеренные языковые аномалии), которая затрудняет понимание получаемого высказывания, а также формирование ответного отклика; различные намеренные языковые аномалии, ведущие к коммуникативным неудачам (неграмотное использование приемов языковой игры, метафоризации, «чужого слова» и логоэпистемизации, эзопова языка, ксенолексики и др.); агрессивное речевое поведение, которое проявляется в обильном использовании инвективной лексики, и лнгвистический экстремизм, то есть прямые нарушения законодательства РФ, выраженные в языковой форме.

Сетевые СМИ применяют и так называемую «мягкую цензуру» – вытеснение одной новости другой, которое становится эффективным методом реализации информационной политики. Так, интернет-СМИ, обладая неисчерпаемыми возможностями для обеспечения информационной безопасности, фактически создают реальные информационные угрозы государству, обществу и личности. Хотя социальные сети сами по себе не являются СМИ, их влияние на массовую интернет-аудиторию также огромно. К тому же большинство печатных и электронных СМИ имеют свои группы или публичные страницы в социальных сетях, где дублируют новости, а также взаимодействуют со своими читателями.

Итак, эффективность текстов сетевых СМИ определяется его способностью успешно противостоять внешним угрозам и защищать содержание от двусмысленного толкования, защищать человека от воздействия конфликтогенных языковых дефиниций. Не менее важно и отсутствие риска при восприятии текста, уверенность в том, что его воспроизведение, его осмысление не нанесёт вреда его получателю или отправителю (в сетевом медиапространстве таким отправителем может быть автор или персона, осуществляющая так называемый репостинг, то есть распространение полученного текста в соцсетях и мессенджерах). Особое внимание должно быть уделено заголовкам сетевых медиатекстов, которые в Интернете выполняют сразу две функции – привлечения внимания и оптимизации поиска информации. Заголовки не должны быть двусмысленными и непонятными. Текст должен стремиться к безопасности, но не может стать абсолютно безопасным, так как его замысел, формирование, воспроизведение и восприятие на каждом из этих этапов всегда обусловлены бесконечным множеством интерпретаций и толкований, которые зависят от множества факторов, изучаемых герменевтикой, наукой о смысле и его интерпретации. Точность словоупотребления приобретает в данном случае жизненно важное значение. Соблюдение данных принципов может обеспечить осуществление информационного права лингвистическими средствами.

Литература

1.Добросклонская Т.Г. Методы анализов видео-вербальных текстов. URL: https://medialing.ru/metody-analiza-video-verbalnyh-tekstov/ (дата обращения 22.02.2021)
2.Dijk, Teun van. Ideology: multidisciplinary approach. // Teun vanDijk. London: Sage, 1998. 352 с.
3.Трофимова Г.Н., Барабаш В.В. «Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакомуникации): монография / Г.Н. Трофимова, В.В. Барабаш – Москва: РУДН, 2020. – 270 с.
4.Наумов В.Г. Юрислингвистика-9: истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева [Рец.В.Г. Наумова] // Вестн. Том.гос. ун-та. Филология. 2009. №1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvistika-9-istina-v-yazyke-i-n-d-goleva-rets-v-g-naumova (дата обращения: 24.02.2021). (дата обращения: 24.02.2021).
5.Умнова И.А. (Конюхова) Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-pravo-kak-otrasl-prava-novogo-pokoleniya-otvet-na-tehnokratizatsiyu (дата обращения 20.02.2021)
6.Копылов В.А. О теоретических проблемах становления информационного права // В.А. Копылов Информационные ресурсы России. - М., 1998. - № 3. - С. 15-21
7.Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие нормы // МИРС. 2012. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-tekuschego-momenta-ponyatie-normy (дата обращения: 31.08.2019)

Сведения об авторах
Information about authors

Авдуева Зарифа Слхоевна **–** старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Акназарова Гулюмкан Анварбековна **–** старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Алиева Динара Асылхановна **–** кандидат педагогических наук, профессор кафедры языков Международного университета информационных технологий

Андронов Алексей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета

Бабич Евгения Петровна – старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии КНУ им. Ж. Баласагына

Бокешева Максатгуль Турганалиевна **–** доцент факультета кыргызской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Буй Тхи Там – магистрант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов

Булатова Виктория Александровна – и.о. доцента Международного университета в Центральной Азии

Бурдовская Елена Юрьевна – доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета ФГАОУ ВО Российского университета дружбы народов

Буржубаева Дария Токушевна – доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Волкова Ирина Ивановна – профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов

Гегелова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов

Глущенко Владимир Андреевич – заведующий кафедрой германской и славянской филологии, доктор филологических наук, профессор Донбасского государственного педагогического университета

Горбунова Валерия Алексеевна – студент-бакалавр Санкт-Петербургского государственного университета

Григорян Светлана Валерьевна – кандидат филологических наук, ассистент Российского университета дружбы народов

Громова Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов

Гумбатова Рафига Рашидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Джон Али Алиевич – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б.Дж. Джамгерчинова НАН КР

Джумаза Мар Вундизович – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук центра дунгановедения и китаистики НАН КР

Джусупов Маханбет – доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного университета мировых языков

Доолоталиева Гульайм Сейитовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания БГУ им. Карасаева

Дүйшөгулова Мейкина Амангельдиевна – магистрант факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Дюшебекова Бактыгуль Тукеновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Елфимова Олеся Владимировна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Епанешникова Людмила Васильевна – старший преподаватель кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии, КНУ им. Жусупа Баласагына

Ережепова Сауле Каратаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского, русского языков Восточно-Казахстансокго технического университета им. Д. Серикбаева

Жумагулова Бакитгуль Сакеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета имени Абая

Ильичева Валерия Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов

Исмаева Рахима Мухамеевна – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б.Дж. Джамгерчинова НАН КР

Каламаж Мария Андреевна – доктор филологических наук, генеральный директор и основатель фирмы ERUASIA ADVISER COMPANY

Кашкимбекова Жаныл Эрбульевна – преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии КНУ им. Жусупа Баласагына

Ключенович Сергей Сергеевич – докторант, кандидат филологических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета

Коротенко Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Крутиков Денис Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Кузьменкова Ксения Евгеньевна – ассистент Российского университета дружбы народов

Маджун Джамиля Сулеймановна – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук центра дунгановедения и китаистики института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР

Мацута Анна Борисовна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Мирзоева Севиндж Мустафа Камал – преподаватель Бакинского славянского университета

Мискичекова Занфира Ягсуповна – доцент кафедры всемирной литературы факультета русской филологии Ошского государственного университета, руководитель Русского центра при филиале Российского государственного социального университета в Оше

Музыкант Валерий Леонидович – доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета ФГАОУ ВО Российского университета дружбы народов

Петрова Светлана – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов

Прядкина Ольга Николаевна – преподаватель Кыргызско-Турецкого университета «Манас»

Реброва Александра Дмитриевна – аспирант Российского университета дружбы народов

Руденко Марина Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедрой германской и славянской филологии Донбасского государственного педагогического университета

Савастенко Роман Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Российского университета дружбы народов

Сардарбек кызы Нурайым – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы, декан факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Симакова Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева

Сумароков Леонид Иванович – проректор по информации и связи с общественностью, кандидат исторических наук Кыргызско-Российского Славянскиого университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина

Сумарокова Ольга Леонидовна – заместитель директора, доктор исторических наук Институт русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина

Трофимова Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор Российский университет дружбы народов, профессор кафедры массовых коммуникаций

Федосеева Анна Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

Хочунская Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов

Чепекова Гульмира Салиевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка как иностранного факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Чинлода Мадина Сулеймановна – старший преподаватель кафедры арабской филологии Межународного кувейтского университета

Чонмурунова Нуржамал Жумагазиевна – кандидат филологических наук, доцент межфакультетской кафедры русского язык КНУ имени Жусупа Баласагына

Эргешбай кызы Миргуль – преподаватель ОшГУ

Юсифова Зейнаб Октай **–** докторант отдела социолингвистики и психолингвистики Института языкознания имени Насими Национальной академии наук

Яковлева Лариса Эмильевна **–** старший преподаватель кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии КНУ имени Жусупа Баласагына

Янкын Наталья Викторовна **–** преподаватель Кыргызско-Турецкого университета «Манас»

Fadi Mfarrej **–** кандидат филологических наук, ассистент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета ФГАОУ ВО Российского университета дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово

Шаповалов В.И. Личность ученого и созидание молодой культуры…..……3

Секция 1. **О Евгении Поливанове и его трудах**

1. Андронов А.В. Нерешенные проблемы поливановедения: архивы……11
2. Джон А.А. Е.Д. Поливанов о происхождения этнонима «хуэйхуэй»……..22
3. Джумаза М.В. Труды (рукописи) Е.Д. Поливанова как основа научного изучения и описания дунганского языка…….28
4. Джусупов М. Е.Д. Поливанов: знание 30 языков и планетарное научное наследие……..37
5. Маджун Д.С. Роль Е.Д. Поливанова в разработке дунганской письменности…….44
6. Сумароков Л.И., Сумарокова О.Л. Роль Е.Д. Поливанова в становлении узбекского литературного языка……..51

Секция 2. **Литература и литературоведение в современном мире**

1. Бокешева М.Т. Переводческое мастерство У.Абдукаимова (на материале перевода на кыргызский язык повести А.М.Горького «В людях»)……..58
2. Буржубаева Д.Т. Современный городской рассказ: темы и герои……..64
3. Дюшебекова Б.Т. Мотивы любви и смерти в рассказе К. Акматтегина «Мунабия»……..70
4. Епанешникова Л.В. К проблеме интепретации евангельских образов в романах М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Ю.О. Домбровского «Факультет ненужных вещей»…….74
5. Исмаева Р.М. Вопросы классификации дунганских волшебных сказок……79
6. Дүйшөгулова М.А.,Крутиков Д.А. Мотивы раскаяния и прозрения в повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон»……..86
7. Петрова С.А. Язык детской литературы как средство культурной идентификации……..95
8. Сардарбек кызы Н. Особенности кыргызских переводов романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)»……101
9. Яковлева Л.Э. Детские поэты Кыргызстана: Николай Омельченко……108

Секция 3.**Языковые контакты и проблемы лингвистики**

1. Авдуева З.С. Тюркский контент повести Ч. Айтматова «Белый пароход»..116
2. Акназарова Г.А. Фразеологические связанные значения слова «черный» (и некоторых его производных) в русском языке и художественном тексте……121

3. Булатова В.А., Бабич Е.П. Словообразование как средство выражения оценочного значения в русском и чешском языках……127
4. Глущенко В. А., Каламаж М., Руденко М. Ю. Из истории лингвистики: теория двух периодов языкового развития……...136
5. Горбунова В. А. Аппликативные конструкции в современном китайском языке…….143
6. Гумбатова Р.Р. Этнокультурная нетривиальность зоонима «лиса» в русском и тюркских языках……...147
7. Доолоталиева Г.С. Кыргызские объявления-наклейки в городском транспорте……151
8. Ережепова С.К. Прагматический аспект текстов постановлений в русском и казахском языках……158
9. Ключенович С. С. Потенциал универбации в плане обеспечения структурного варьирования в тексте……164
10. Коротенко Г.Н. Коннотативный аспект урбанонимов Бишкека……...170
11. Красовская Н.А. Стадии формирования символического значения некоторых русских слов……..176
12. Мискичекова З. Я. Основы и принципы научных подходов к исследованию поэтонимов..……...179
13. Мирзоева С. М. О сравнительном анализе ономастикона азербайджанских и английских народных сказок (в контексте коэффициента мотивированности антропонимов)……185
14. Чинлода М.С. Особенности перевода метафоры с арабского на русский язык……...190
15. Чонмурунова Н. Ж. Стилистическая роль антонимов в произведениях Ч.Айтматова……195
16. Эргешбай кызы М. Турецкий язык в орбите мировой и кыргызской лингвистики……199
17. Юсифова З. О. Лингвопсихологические аспекты процесса усвоения неологизмов……205

Секция 4. **Актуальные вопросы преподавания и изучения языков**

1. Алиева Д.А., Жумагулова Б.С. Организация творческой деятельности студентов на занятиях по русскому языку в онлайн-формате……211
2. Елфимова О.В. Обучение русскому языку как иностранному при помощи метода кейс-стади……217
3. Кашкимбекова Ж.Э. Применение методов коммуникативного подхода на уроках русского языка в 7 классе кыргызской школы……221

4. Мацута А.Б. Использование аудиовизуального метода при обучении русской разговорной речи студентов-иностранцев на материале темы «Погода, явления погоды»……227
5. Прядкина О.Н. Текст как средство формирования коммуникативной компетенции на уроках русского языка как иностранного……236
6. Симакова М. С. Особенности межкультурной коммуникации при изучении иностранного языка……242
7. Федосеева А.В. Особенности выражения негативной оценки иностранцами на русском языке……246
8. Чепекова Г.С. Реализация коммуникативного подхода на уроках русского языка в кыргызской школе……250
9. Янкын Н.В. Лингвокультурная интерференция при обучении русскому речевому этикету турецких студентов……..254

***Секция 5.* Язык современных СМИ**

1. Буй Тхи Там, Хочунская Л.В. Специфика языка в рекламном контенте Вьетнама……...259
2. Волкова И. И. Игровой сленг цифрового поколения: «пасхалка» в «Коммерсанте»……265
3. Гегелова Н.С., Реброва А.Д. Анализ телевизионной речи на российских телеканалах……..269
4. Григорян С.В. Коммуникативная грамотность современного тележурналиста: формирование профессиональных речевых навыков……276
5. Громова А.В. Эволюция языка современных СМИ в эпоху социальных медиа……280
6. Ильичева В.В., Кузьменкова К.Е. Речевое воздействие на аудиторию ведущими радиостанций……284
7. Музыкант В.Л., Бурдовская Е.Ю., Мфаредж Ф. Социальная ответственность государства в период кризисных явлений……...289
8. Трофимова Г.Н., Савастенко Р.А. Проблемы лингвистических нарушений информационного права в текстах сетевых СМИ……292

Сведения об авторах……298